

84(2=632.93)-5

Б 86

1210893

1210893

Медведь Бомашев

ОРАЫ
ЛЮБЯТ
ВЫСОТУ

Уч
Месса Боташев

ОРЛЫ ЛЮБЯТ ВЫСОТУ

ПЬЕСЫ

Перевод с балкарского

55901M

МОСКВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Маб.-Балл 198 респ. Б. Иманская 2-а

в Спб. питея им. А. К. Крузской

г. Нальчик, ул. Ногмова № 42

С(Балк

ББК 64.01:7

И 401

Художник Лилия Зубарева

4702100000—044
Б 405—84
083(02)—85

© Перевод на русский язык. Издательство
«Советский писатель», 1985 г.

АБРЕК

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В 2-х ДЕЙСТВИЯХ, 8-ми КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Товарищ Сергей — русский большевик.
Умар — комиссар.
Арслан.
Зулкай — отец Арслана.
Тайбат — мать Арслана.
Зубайда — сестра Арслана.
Хаджибатыр — местный князь.
Таубий — его сын, ротмистр.
Айжаяк — жена Хаджибатыра.
Гордеев — полковник, начальник штаба.
Анна — его сестра.
Курман-Эфенди — мулла.
Элкурут — старшина, слуга Хаджибатыра.
Атабек — стражник, слуга Хаджибатыра.
Дахир — его сын.
1-й надзиратель.
2-й надзиратель.
Стража Хаджибатыра.
Местные жители аула.
Бойцы Красной Армии.
Ингуши.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Август 1914 года. Из мечети доносится гул молебна. Утреннюю молитву заглушили свист, стрельба, ржание коней и крики: «Держите!», «Заарканьте его!», «Вяжите крепче!» Голоса все ближе, затем шум затихает, слышны отдельные реплики: «Ну, на этот раз не упустили!»
«Готов!»

Открывается занавес. Справа видна башня мечети, огражденная каменной стеной. Левый угол сцены занимает часть двухэтажного дома князя Хаджибатыра. На первом этаже два окна. На втором этаже — галерея с колоннадой. Между мечетью и домом Хаджибатыра — большое дерево. Арслан отбивается от стражников, скрутивших ему руки. Его бешмет разорван, в крови.

Элкурут. Э! Проклятый абрек! На лучшем коне князя хотел ускакать!

Атабек. Из-за тебя, дьявол, я целый год не деваясь спал!

Хаджибатыр. Пока стая волков не узнала о захвате вожака, его надо отправить в ад! Атабек!

Атабек. Слушаюсь, мой господин!

Хаджибатыр. Беги к Курман-Эфенди и передай мое распоряжение: пусть немедленно идет в мечеть и известит о предстоящей казни проклятого абрека.

Атабек. Я мигом, мой бек.

Хаджибатыр. А вы покрепче привяжите этого мерзавца к дереву. Не допускайте к нему ни одного человека! Я скоро вернусь! Элкурут, смотри у меня в оба! *(Уходит в дом.)*

Элкурут. Будьте спокойны, мой бек. От Элкурута ни один абрек не уходил!

На галерее появляется Айжаяк.

Айжаяк *(причесываясь)*. Бог ты мой! Не этот ли молокосос не давал нам спокойно спать?!

Элкурут. Это он, госпожа. Но теперь, почитаемая, ваш сон никто не побеспокоит.

Арслан. Рано радуетесь! Не я, так другие не дадут вам спокойно спать!

Эл курут. Когда голова змен в руках, то хвостуже не страшен. Теперь твои бандиты сами придут просить у нас прощения.

Арслан. Когда у осла рога вырастут...

Из мечети подходят люди, но стражники никого не подпускают
близко к Арслану.

У открытого окна на первом этаже появилась Зубайда.

Зубайда (*увидев Арслана*). О-о-о, аллах!.. Брат!.. Это он! Так вот почему этот злодей такой веселый... Что же мне делать?

Айжаяк (*обращаясь к Арслану*). Ну, как ты себя чувствуешь, защитник голопузой черни?

Зубайда (*тихо, чтоб не услышала Айжаяк*). Смейся, смейся, да смотри, узнает твой дьявол, что ты творишь с муллой, так отправит вас обоих туда, откуда не возвращаются.

Входит Курман-Эфенди.

Курман-Эфенди. А-а-а-а! Безбожник попался! Сбылось все же, что я тебе предвещал! О аллах, мой аллах, благодарю тебя! Я не знаю только дня моей смерти, а все остальное мне открыто по твоей милости! Нет того, чего бы я не знал и не предвидел! Это я господина предупредил, что ты явишься сегодня ночью. О-о-о аллах, как я рад, что наконец попался в капкан этот матерый волк!

Зубайда. Эти звери растерзают его. Надо срочно сообщить его друзьям, но как?.. Побегу к матери. (*Убегает.*)

Курман-Эфенди (*подходит к Арслану*). Клянусь кораном, который я прочитал от корки до корки, что тому, кто ест чужое, пища впрок не пойдет.

Арслан. Кто же больше тебя ест чужое? Разве что Хаджибагыр! Но что-то я не вижу, чтобы вы похудели!

Курман-Эфенди. О! Всемогущий бог! Что этот бесстыжий болтает?! Что я плохого сделал людям? Кого обидел? Горе аула — мое горе, радость аула — моя радость! Вот почему односельчане и уважают меня.

Арслан (*усмехнувшись*). «Если в ауле свадьба — это радость певцу, а если в ауле покойник — радость мулле». Эта народная поговорка тебе, надеюсь, известна? Так что вы — настоящие грабители народа!

Курман-Эфенди. Элкурут, ты что, не слышишь, что этот безбожник болтает? Заставь его молчать.

Элкурут (*замахиваясь на Арслана*). Замолчи, шакал!

Ай жаяк. Ай-ай-ай! Как он разговаривает с верным слугой всемогущего аллаха! Где это слыхано, чтобы холопы не почитали ни бога, ни своих господ? О аллах, не настал ли конец света? Всевышний справедлив, он покарает ослушников!

Арслан (*подыгрывая госпоже*). О аллах, услышь мольбу рабов твоих, над которыми так безбожно издеваются эти господа, и покарай их!

Курман-Эфенди. Госпожа, не слушайте его. Эти разбойники совсем осмелели и распустили языки после того, как появился русский в наших аулах.

Ай жаяк. Какой еще русский?

Курман-Эфенди. Да тот, который приезжает с Терека. Господин пристав должен запретить ему появляться в наших аулах!

Ай жаяк. Знаешь ли ты, несчастный, что тот, кто учит вас грабить чужое, тот научит и от бога всемогущего отречься?

Арслан. Нет, госпожа, не беспокойтесь, он сюда не за этим приезжает.

Ай жаяк. О аллах, куда ты смотришь? До чего же мы дожили, если наши рабы спорят с нами как с равными!.. (*Притворно плачет.*)

Элкурут. Не плачьте, госпожа, ему недолго осталось дерзить. Скоро мы заткнем его поганный рот навсегда.

Арслан. Рот вы, может быть, и заткнете, но правду не уничтожите.

Элкурут (*дает ему пощечину*). Молчи!

Арслан. Ой какой ты смелый с тем, у кого руки связаны.

Входят Хаджибатыр, за ним Атабек.

Хаджибатыр. С добрым утром, Эфенди!

Курман-Эфенди. Благодаря твоему мужеству, сын мой, сегодня действительно взошло радостное солнце! Мы благодарим тебя, князь. И пусть всевышний обрадует тебя так же, как ты обрадовал сегодня нас!

Хаджибатыр. Без твоего предсказания, Эфенди, не было бы этой радости. Да и Элкурут оказался смелым охотником. Отныне я назначаю его старшиной нашего аула.

Элкурут. Спасибо за доверие, мой господин! Жизни своей не пожалю для вас.

Атабек. А я, господин пристав?

Хаджибатыр. А ты отныне будешь стражником. Иди зови людей.

Атабек. Вот тебе и благодарность за усердие! (*Хаджибатыру.*) Иду, мой господин.

Курман-Эфенди. Господин Хаджибатыр, не пострадал ли кто из наших людей?

Хаджибатыр. Гарун попал под пулю и отдал богу душу.

Курман-Эфенди. Пусть будет ему вечное блаженство! Он был предан нам... (*Пауза.*) Итак, господин пристав, все вышло так, как я вам советовал...

Хаджибатыр. Твои советы и мои планы не могли привести к другому исходу. (*Обращаясь к Арслану.*) Скажи, кто подстрекал тебя и твоих головорезов к грабежу и насилию?

Арслан. Твои зверства, почтенный князь!

Хаджибатыр. А разве ты не знаешь, что всемогущий русский царь и великий аллах отдали нам власть над вашими телами и душами?

Арслан. Как же не знать!

Хаджибатыр. А если знаешь, то что заставляет тебя противиться нашей власти? Нападать на князей, на стражников, на царских солдат? Грабить их добро?

Арслан. Нищенская, бесправная жизнь нашего народа! Я не могу смотреть на слезы, на страдания и мириться с этим.

Курман-Эфенди (*примирительно*). Сын мой, великий аллах свидетель, что мы, мусульмане, не кровавые люди. Я клянусь кораном, что, если ты скажешь, где находится твоя шайка, мы тебя оставим в живых. Скажи, сын мой, где твои друзья?

Арслан. Где? А это ты их сам спроси. Только не говори, что меня в ловушку заманил, не то горько тебе будет!

Курман-Эфенди. Опомнись, безбожник!.. Напрасно ты пытаешься запугать нас.

Хаджибатыр. Нет, Эфенди, еще ни одна душа не смогла запугать меня или обмануть! Солдаты прапорщика уже напали на след этой волчьей стаи и скоро приведут их ко мне со связанными руками.

Арслан. Если солдаты уже напали на след моих

джигитов, тогда зачем же вы спрашиваете меня, где они прячутся?

Хаджибатыр. Чтобы за честное признание подарить тебе жизнь — я милостив.

Арслан. Ха-ха-ха! Пожалел волк кобылу — оставил хвост да гриву...

Хаджибатыр. Слушай, ты!.. Собачий сын... Ты всегда так разговариваешь с господами?!

Арслан. С вами?! Я по-другому не умею.

Хаджибатыр. Да ты понимаешь, шакал, перед кем ты стоишь?

Арслан. Понимаю, князь, — перед кровопийцем и насильником!

Хаджибатыр. Да я тебя... Да я не только тебя, я весь ваш род уничтожу!

Арслан. Что кроме моей жизни тебе еще нужно?! Неужели тебе этого мало!

Хаджибатыр. Ваш дом сожгу дотла!.. Я тебе покажу кровопийцу!

Арслан. Не кричи, Хаджибатыр, надорвешься. Мой отец говорил, что кричат только слабые.

Хаджибатыр. Я тебе покажу, какой я слабый! Прикажу моим стражникам подвесить тебя вот здесь, на этом дереве... И еще прикажу, чтобы под ногами твоими разожгли хороший костер...

Арслан. Не от храбрости ты это все задумал. А твои трусливые сторожевые псы подлостью меня захватили, подло и прикончат, и все по твоему приказу, милостивый!

Курман-Эфенди. Господин пристав, надоело слушать его дерзкую болтовню.

Хаджибатыр. Пусть напоследок поговорит. Теперь он вот где у меня. *(Показывает кулак Арслану.)* Взбудоражил народ на Зольских пастбищах, сбежал с каторги и возомнил себя безусловным. Подлец какой!

Арслан. Связан я, а дрожат твои ноги! Ты боишься меня и связанного.

Хаджибатыр. Чего мне тебя бояться? Ты не страшен нам теперь. Ты уже труп!

Арслан. Если бы мы встретились в открытом бою, я бы показал тебе, кто из нас сокол, а кто — воробей.

Хаджибатыр *(гневно)*. Элкурут, заткни ему глотку! И приготовьте виселицу!.. Быстро!..

Входит Атабек.

Атабек. Господин пристав, люди собрались.

Хаджибатыр. Пусть подойдут к ограде.

Атабек. Сейчас. *(Кричит.)* Эй, аульчане, слушайте! Господин пристав говорить будет!

Со стороны мечети подходят лю д и.

Хаджибатыр. Односельчане! Я велел собрать вас сюда, чтобы показать, как мы будем поступать с каждым, кто осмелится укрывать в своей сакле абреков, кто не будет верен своим хозяевам. Изменников ждет такая же участь, как вот этого пса. Мне известно, многие из вас знали, что главарь абреков ночью явится сюда. Но никто из вас не донес нам. За это я мог бы сжечь ваши сакли. Но мне жаль ваших недоношенных щенят. Я прощаю вас на этот раз. А тебе, Арслан, последний раз говорю: скажешь добром, где находятся твои бандиты,— можешь ждать помилования. Будешь молчать — умрешь страшной смертью!

Арслан. Джигиты друг друга не выдают.

Входит Зулкай.

Зулкай. Сын мой!

Хаджибатыр. Тогда будешь отвечать в преисподней! Элкурут!

Элкурут. Слушаюсь, мой господин!

Хаджибатыр. Виселица готова?

Элкурут. Сю минуту, мой господин.

Зулкай. Нет, господин пристав, нет... Не имеете права! Мой сын не скотина, а с человеком надо поступать по закону. Без суда не имеете права... Не имеете... Жаловаться будем!

1-й голос. Да жалоба-то наша, бедняцкая, не доходит ни до бога, ни до царя — исчезает как дым.

2-й голос. Думаете, царский суд на нашей стороне будет? Как бы не так!

Зулкай. Тогда пусть судит шариатский суд.

Хаджибатыр. Эй, Элкурут! Делай свое дело!

Толпа рванулась к стражникам.

Голоса. Не позволим! Без суда не имеете права!

Хаджибатыр. Я над вами высший суд! Назад! Назад, говорю!

Толпа не отступает, Хаджибатыр стреляет в воздух.

Эй, Элкурут, что вы топчетесь на месте? Вешайте!

Толпа рвется к стражникам. Стражники не осмеливаются выполнить приказ пристава.

Ах так!.. Атабек, пулей лети в нижний аул. Передай прапорщику, чтобы немедленно явился сюда со своими солдатами!

Атабек. Слушаюсь. *(В сторону.)* Как же, полетел, жди!

Зулкай. Господин пристав, опомнись! В таком деле горячиться нельзя. Если мой сын виноват, пусть его накажет правосудие.

Хаджибатыр. Как поступить с твоим ублюдком — мое дело. А вот кто тебе, старому шакалу, позволил оставить мой скот на произвол судьбы?! Имей в виду, если хоть одна голова пропадет, я с тебя шкуру спущу!

Зулкай. Эх, влезли бы в нашу шкуру! Эфенди, богом прошу, заступись за моего сына...

Арслан. Не унижайся, отец. Муллы и князя одним недугом болеют. Эфенди поет с их голоса и твою мольбу услышать не сможет.

Хаджибатыр. Эй, Элкурут, что вы там медлите? Солдат ждать не будем. Вешайте!

Элкурут надевает на шею Арслана веревку.

Арслан *(обращаясь к аульчанам)*. Дорогие односельчане! Все вы знаете, что я не родился абреком. С десяти лет у пристава Хаджибатыра батрачил вместе с отцом. *(Князю.)* Вы кричите везде и всюду, что я абрек. А кто меня сделал абреком! Вы, господин пристав. Вы зверствуете над бедным народом, и это заставило меня взять оружие и мстить вам! Мстить за наших девушек, за матерей и отцов!

Голоса. Правильно, Арслан! Молодец, Арслан!

Хаджибатыр. Хватит болтать! Элкурут, выполни мой приказ!

Голоса. Нет, без суда не позволим! *(Рвутся к стражникам.)* Самосуд устроить не дадим!

С плачем входит Тайбат.

Тайбат. Ой, сыночек мой! Единственный мой! Запутали тебя веревками... Нет, нет, не позволю! *(Обнимает ноги Хаджибатыру.)* Господин мой, я выкормила твоих сыновей грудью. Пока твой сын не насытится, своему не давала. Умоляю тебя, не отнимай мою единственную надежду! Счастье мое, жизнь моя в нем! Он ведь

молочный брат твоим сыновьям. Пощади хотя бы ради этого!

Хаджибатыр. Проща прочь, грязная тварь! Какой он брат моим сыновьям?

Тайбат. Материнским молоком заклинаю тебя...

Хаджибатыр (*отталкивает ногой Тайбат, бьет ее*). Сгинь с моих глаз вместе со своим прокисшим молоком!

Тайбат (*припадая к ногам Айжаяк*). Госпожа моя, ты ведь тоже мать. Умоляю, скажи хоть одно слово в защиту моего сына!

Айжаяк (*равнодушно*). Разве ты не знаешь, Тайбат, что горянки в мужские дела не вмешиваются?

Арслан. Какая она мать? Она волчица!

Тайбат (*оттолкнула стражников и обняла сына*). Тогда сначала убейте меня! Иначе сына никому не отдам! Слышите, никому...

Стражники оттащили Тайбат от сына.

Хаджибатыр (*в сторону*). Пока дождешься прапорщика с солдатами, так здесь черт знает что еще произойдет.

Арслан. Не унижайся, мама, не надо. Что этому дикому кабану твоя боль, твои слезы... Односельчане, пока эти господа живы, не взойдет над нами солнце...

Хаджибатыр (*переживая*). Хватит, пора удавить эту ядовитую змею!

Арслан. Сегодня вы убьете меня, а завтра мое место займут тысячи других, и они будут вам мстить...

Хаджибатыр. Эй, стражники, вешайте его!

Голоса. Нет, пока мы живы — не позволим!

Люди рвутся к Хаджибатыру, к стражникам. Входит запыхавшийся Атабек.

Атабек. Люди, горе! Горе... Война!..

Хаджибатыр (*перебивая*). Где солдаты?

Атабек (*вытаскивает из-за пазухи два пакета*). Война началась!

Голоса. Что за напасть на наши головы?!

Все в ужасе смотрят на Атабека.

Атабек. Офицер приказал, чтобы вот это я доставил вам. (*Передает пакеты князю.*) А солдаты уже отправлены на войну.

Хаджибатыр. Прочитай-ка, Эфенди.

Курман-Эфенди (*вскрывает пакет, читает*). О, Хаджибатыр, (*тихо*) тревожное письмо. Давай-ка отойдем в сторону. (*Отходят, разговаривают тихо*.) Начальник Колыбчиев требует людей в армию. Он приказывает отправить от каждого аула по тридцать всадников. Подожди!.. Слушай, князь... А что, если?.. Повесить Арслана тебе все равно не позволят. Люди готовы к бунту, солдат нет... Пожалуй, нам не уберечь своих голов. А что, если мы отправим Арслана в солдаты?.. К полковнику Колыбчиеву?! А?..

Хаджибатыр. Молодец, хорошо придумал! Правильно! Спасибо, Эфенди. Зулкай хотя и батрак, но среди людей пользуется уважением. А если мы его сына помилуем и отправим к Колыбчиеву, то люди успокоятся — ведь не он один пойдет. Эфенди, читай приказ. И сейчас же надо готовить людей к отправке. Вместе с ними и Арслана. Пусть сам полковник Колыбчиев решает, куда его отправить — на фронт или на каторгу. А мы в стороне. Спасибо, Эфенди. Ты мудр, как наш коран!

Курман-Эфенди. И чем раньше мы избавимся от этого бунтовщика, тем лучше. (*Возвращается на место. Преувеличенно важно и торжественно обращается к собравшимся*.) Односельчане! Только что наш почитаемый господин пристав получил пакет от начальника округа. И господин пристав велит мне прочесть приказ.

Голоса. Читайте, Эфенди, читайте! Какая война?.. С кем?!

Курман-Эфенди (*читает*). «Горцы, славные помки нартов! Вашему мужеству могут завидовать богатыри. Деды и отцы ваши храбро отстаивали родную землю от врага. Бились и под русскими знаменами во славу России.

Шум голосов.

Горцы! Сейчас опять наступил день испытания вашей верности царю и отечеству. Немцы вероломно напали на нашу Родину. По приказу его императорского величества из горских народов формируется Отдельная кавалерийская дивизия. В нес включен полк из кабардинцев и балкарцев. Исходя из вышеуказанного, приказываю: во-первых, выделить от каждого аула по 30 отборных джигитов в полном снаряжении для немедленной отправки на пункт формирования в Нальчик. Во-вторых, лица, не подчинившиеся данному приказу и уклонившиеся от сво-

его воишского долга, подлежат строгому взысканию, вплоть до каторги. А их родственники будут лишены всех прав и состояния.

Начальник округа полковник Қолыбчиев».

Хаджибатыр. Слышали приказ?

Голоса. Слышали, как же не слышать?

Хаджибатыр. А слышали, так идите домой и соберите своих сыновей на фронт! Да поживей!..

Шум толпы, плач женщин. ⁴

Голос. А ты, князь, своих сыновей отправишь?

Хаджибатыр. Какой дурак задает мне этот вопрос? Всем известно, что мой старший сын Таубий — офицер русской армии. Он охраняет самого императора в Петербурге. А сейчас я получил от него письмо. *(Показывает.)* Вот оно. Мой сын приехал в Нальчик. Ему оказана высокая честь — вместе с полковником Гордеевым он формирует кабардинский полк горской дивизии. *(Зулкаю.)* Оказывается, ты не такой уж невезучий. Если бы приказ начальника округа не подоспел вовремя, твоего выродка уже не было бы в живых. Да и я не такой уж жестокий, как это вам кажется. Но приказ есть приказ. Его надо немедленно выполнять. Я думаю, будет правильно, если мы из нашего аула в числе других отдадим в солдаты и твоего сына Арслана.

Тайбат. О аллах!..

Хаджибатыр. Эй, Элкурут, прикажи стражникам снять веревку с его шеи, а чтобы он не задумал по дороге сбежать — свяжите его покрепче.

Элкурут. Сейчас, мой господин.

Арслану связывают руки и снимают веревку с его шеи.

Хаджибатыр. Поторапливайтесь, поторапливайтесь! *(Обращаясь к Эфенди, показывает на Арслана.)* За такого «солдата» следует сюда медаль. *(Показывает на свою грудь.)* А может, и полковничьи погоны?

Қурман-Эфенди. Тебе погоны, а мне?..

Хаджибатыр. И тебе тоже перспадет что-нибудь... Когда на плечах моих заблестят полковничьи погоны, тогда держитесь, голодранцы! *(Стражникам.)* Эй, что вы так долго возитесь! Чтоб у вас руки отсохли!

Элкурут. Готово, мой господин!

Хаджибатыр. Отведите его в башню. До отправки пусть там посидит!

Тайбат. О аллах! Где же твоя справедливость? Ты

подарил сегодня ему жизнь, чтобы завтра ее отнять?..
(Плачет.)

Хаджибатыр. Эфенди, собирайся. Поедешь со мной в Нальчик. Надо сына встречать.

Курман-Эфенди. Мой конь всегда готов!

Они уходят.

Арслан (Хаджибатыру). Мы с тобой еще встретимся, князь, на каком-нибудь перекрестке!

Зулкай. Прощай, сын мой. Ты всегда был другом простого народа и врагом господ. Это большая честь для нас, горцев! Добрый путь, сын мой!

Арслан. Прощайте, отец, мама... Прощайте, дорогие мои односельчане!

Арслана уводят.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

187Е693
Отдельные полки Дикой дивизии отозваны с фронта и расквартированы в небольшом городке. Недалеко от казармы — маленький домик. Он обнесен забором с глухими воротами. На террасе дома две двери: в одной квартире этого дома живет штаб-ротмистр Таубий, в другой — полковник Гордеев со своей сестрой Анной.

Арслан прибирает двор, террасу, моет пол.

Арслан. Эх, проклятая жизнь! (Швыряет тряпку в угол.) Сколько можно терпеть это унижение?! (Мечется из угла в угол.) Это что же, теперь я всю жизнь должен убирать грязь, все подавать и снимать сапоги с сына Хаджибатыра?! Лучше бы уж каторга, чем переносить такое унижение! А там, дома?! Родители всю жизнь работают на князя, моя сестренка моет госпоже ноги! За что один другого должен так унижать?!

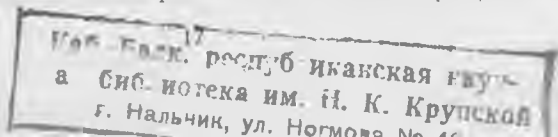
Входит Анна, слушает.

Нет, не уйдешь ты от меня, Хаджибатыр! Я доберусь до тебя, чего бы мне это ни стоило!

Анна. С добрым утром, Арслан.

Арслан. С добрым утром... А я и не заметил, как вы сюда вошли.

Анна. Не думала я, что ты такой злопамятный. За что ты ненавидишь Хаджибатыра? Что он тебе сделал? Разве не сын Хаджибатыра спас тебя от каторги, а мо-

жет, и от виселицы? Ведь тебя привезли в Нальчик связанного по рукам и ногам...

Арслан. Да, это так, Анна...

Анна. А разве не сын Хаджибатыра — Таубий — упросил полковника Колыбчиева отправить тебя вместе с другими на фронт и даже оказал тебе честь, назначив денщиком к своей особе?

Арслан. И это верно...

Анна. Так почему же ты так ненавидишь Хаджибатыра и его сына? Мне это непонятно.

Арслан. Все это было так, но не совсем... Да, он спас меня от виселицы, но не из жалости ко мне, своему молочному брату, как он говорил. Он это сделал, чтобы спасти своего отца от мести моих друзей, а меня превратить в верного пса-телохранителя, — вот что ему нужно было! Теперь-то я понял это. А тогда... Тогда было все как в тумане. Нет, мне нужно расквитаться с Хаджибатыром! Он всю бедноту ущелья зажал в кулак и выжимает из них пот и кровь. Не вы ли, Анна, объясняли мне, кто виноват в несчастьях и голодной жизни бедноты в России? Вот и у нас так же. Можно ли такое стерпеть и не мстить?!

Анна. Ну, хорошо, Арслан. Ты убьешь Хаджибатыра, а на его место придет другой князь, может быть, еще более жестокий. Тогда как?

Арслан. Если он будет такой же жестокий, как Хаджибатыр, то я и его убью!

Анна. Нет, друг мой, в одиночку ты их всех не уничтожишь. Для того чтобы избавиться от них, надо прежде всего объединиться всем обездоленным и объявить войну князьям, баям, помещикам и капиталистам.

Арслан. Вот слушаю вас и вспоминаю своего русского друга Сергея. Он те же слова говорил мне. Но там, в горах, я не чувствовал себя одиноким. Я нападал со своими товарищами на князей и на разных богачей, угонял их скот, табуны. Потом мы все раздавали вдовам и сиротам. Это мне облегчало душу. А здесь... Нет у меня ни родни, ни друзей. Живу как волк, попавший в капкан. Тоскую по родным местам. Джигиты полка избегают офицерского холуя, только вы...

В комнате закашляли.

Анна. Тихо, Арслан, твой господин встал.

Арслан. Слышал... (*Чистит сапоги Таубию.*) Анна, когда меня привезли сюда, я был словно слепой и немой.

А вы на многое мне открыли глаза. Научили русскому языку, научили читать и писать... Я многое узнал о прошлом и будущем. Наступит ли тот день, когда я смогу отблагодарить вас?

Анна. Дорогой Арслан, ничего особенного я не сделала.

Арслан. Как ничего особенного? Кто я был? Дикарь. А вы сделали из меня человека. Этого я век не забуду.

Пауза.

Анна. Когда я выносила с поля боя нашего бедного Мажид, на нас напали немцы. И ты тогда вырвал меня из рук этих озверелых людей.

Арслан. Но это же было случайно!

Анна. А медаль вот эту ты тоже случайно получил? Ты спас мне жизнь.

Арслан. Анна, я спешил с донесением к командиру полка, ну и наткнулся...

Анна. А если бы не наткнулся, то мы бы с тобой не сидели здесь сейчас и не беседовали.

Арслан. Не будем об этом говорить, Анна. А вот что бы я хотел узнать... У нас, горцев, зоркий глаз. Я многое вижу и многое замечаю. Так вот, скажите мне, пожалуйста, почему так много разных людей ищет вас, встречается с вами? Что им нужно, чего они хотят? Вы даете им какие-то книги, листочки...

Анна. Об этом нужно молчать, Арслан.

Арслан. Значит, им вы что-то доверяете... А мне — нет... Не заслужил.

Анна. Нет, нет, Арслан, ты не прав. Я люблю людей, стараюсь передать им все, что сама знаю. Ведь и тебе тоже...

Арслан. Анна, я ничего о вас не знаю, вы никогда о себе не рассказывали. Пожалуйста, расскажите.

Анна. Нечего мне рассказывать о себе, Арслан. Я еще так мало жила...

Арслан. Ну, а ваш брат? У него есть семья — жена, дети?

Анна. Нет, Арслан. Иван еще не женат. У него никого, кроме меня, нет. И я такая же бездомная, плетусь за ним всюду, куда забрасывает его судьба. Отец наш тоже был офицером. Он был из богатой семьи, но любил девушку простую — дочь армейского фельдшера. Женился на ней вопреки воле родителей и порвал с

семьей. Мой брат учился в кадетском корпусе, потом — в офицерском училище. Мы с ним почти не виделись. Перед самой войной я окончила гимназию. В это время один за другим умерли наши родители. Иван приютил меня. И с тех пор мы вместе. Когда началась война, Иван поехал на Кавказ формировать вашу дивизию, а я поступила на курсы сестер милосердия. Ну, а потом — опять к брату, сюда, в эту дивизию. Вот и все...

Арслан. Все... Ну, а брат... Он любит вас?

Анна. По-своему — да! Но мы с ним разные люди. Меня воспитала мама, а его — государство, военная муштра. Каждый из нас видит жизнь по-своему.

Арслан (*поет*).

Ты рос сиротою, как перст одинок,
Беда обойти не могла твой порог.
Ой, ой, был с нами всегда Гапалау!
Из дальних и ближних селений к тебе
Шли горцы, которых призвал ты к борьбе,
Ой, ой, все любили тебя, Гапалау!

Анна. Арслан, ты часто поешь эту песню. Она тебе нравится?

Арслан. Да. Эта песня о народном герое Гапалау. Он заступался за обиженных. Это, конечно, злило господ. Они заманили Гапалау и подло убили. А народ сочинил о нем песню, которую поют по сей день.

Входит Таубий.

Таубий. А-а-а! С добрым утром, сиятельная. Прошу прощения за такой вид.

Анна. С добрым утром, штаб-ротмистр. Но я не...

Таубий (*поправляет*). Ротмистр. Прошу прощения, уважаемая...

Анна. Простите, ротмистр, никак не могу привыкнуть. Но я не княгиня, ротмистр...

Таубий. Поверьте мне, Анна Терентьевна, хотя вы не княгиня, но вы очаровательнее всех княгинь, которых мне приходилось когда-либо встречать!

Анна. А не преувеличиваете, господин ротмистр?

Таубий. Нисколько, Анна Терентьевна! А что, полковник еще спит?

Анна. Его нет дома.

Таубий. Где же он?

Анна. Ночью вызвали в полевую жандармерию, и до сих пор не вернулся.

Таубий. Что же он всю ночь там делает? Наверное, завернул в какую-нибудь жандармерию с кудряшками и тонкой талией?

Анна. Нет, Иван не из таких. *(Уходит.)*

Таубий. Эй ты, абрек!

Арслан. Слушаю, господин штаб-ротмистр!

Таубий *(обозленный)*. Длинноухий ишак! Меся уже месяц как повысили в чине!

Арслан. Виноват, господин ротмистр!

Таубий. То-то! Дай мне сапоги. Ну, чего стоишь? Не думай, что ты избавился от меня, если пацепил на плечи погоны, а на грудь медаль. Ты получил ее за службу мне, понял? В горах ты был моим батраком, а на фронте ты денщик! Коней напоил?

Арслан. Напоил, ваше благородие!

Таубий. Смотри у меня, следи за ними, как за собственными глазами! Иди седлай!

Арслан. Слушаюсь, господин штаб... виноват, господин ротмистр!

Входит Анна.

Таубий. Анна Терентьевна, милая, нас разделяет друг от друга лишь стена дома. *(Арслану.)* Что ты развесил свои ишачьи уши?! Пошел вон!

Арслан. Слушаюсь, ваше благородие! *(Уходит.)*

Таубий. Так вот, Анна Терентьевна, у меня бывают такие минуты, что хочется разрушить эту стену...

Анна. Вы думаете, что между нами одна только стена?

Таубий. Да, Анна Терентьевна.

Анна. Ошибаетесь, ваше благородие. Между нами огромная преграда, которую невозможно преодолеть.

Таубий. Для меня никакой преграды не существует...

Анна. Вы шутите.

Таубий. Неужели вы не верите мне? Нет, я о вас давно думаю, только сейчас решил сказать об этом. Я готов дать вашему брату большой калым...

Анна *(смеется)*. О, князь, я слишком дорого стою. У вас не хватит денег.

Таубий. Как это не хватит денег? Моему отцу принадлежат многие аулы со всеми их богатствами и людьми!

Анна. Ваши родители не захотят женить своего сына на такой бедной и незаметной девушке, как я.

Таубий. Анна Терентьевна, умоляю вас, вы только не отказывайте. А остальное пусть вас не беспокоит, я все сделаю сам. *(Пытается обнять.)* Милая, поверьте слову горского князя, я не могу без вас.

Анна *(увертывается)*. Поверить слову горского князя?! *(Смеется.)*

Таубий. Не шутите с моей любовью, Анна. Может быть, сейчас вам трудно ответить? Не спешите, я подожду.

Анна. Так вы это серьезно?

Таубий. С любовью не шутят!

Анна. Господин ротмистр, вам не следует даже думать об этом.

Таубий. Если вы не захотите переехать к нам на Кавказ, то я сам переселюсь в Россию. Построю для вас дворец на самой лучшей улице Петербурга. Я сделаю все, что вы захотите, выполню любой ваш каприз...

Анна. Нет, князь, нет. Это невозможно.

Таубий *(сердито)*. Как это невозможно?! Вы что, надеетесь себе лучшего найти?! Или у вас уже есть кто? Может, я плохой офицер? Так в дивизии все завидуют мне! Сам император еще до войны вручил мне вот этот крест за мою верную службу по охране его особы. А может, вам внешность моя не нравится? Так многие красавицы заглядываются на меня!

Анна. Вот вы среди них и ищите себе достойную пару! А я бесприданница.

Таубий. Горцы говорят: «Птенчик думает, что он голубка». Как вы осмелились отказать мне, князю?!

Входит Гордеев.

Гордеев. О-о-о! С добрым утром, князь над всеми князьями!

Таубий *(сухо)*. С добрым утром, господин полковник.

Гордеев. Чем вы расстроены, надежда всех красавиц Кавказа и его окрестностей? Вас обидели?

Таубий. Да так... С вашей сестрой не поладили.

Гордеев. А-а, понятно! В любви взаимности нет?

Таубий. А вы-то в каком гнездышке провели всю ночь, дорогой полковник?

Гордеев. В этом гнездышке чирикают такие птички, что лучше быть от них подальше.

Таубий. Интересно!

Гордеев. Ничего интересного нет. Из дивизии при-

была комиссия для расследования дела этого большевистского агитатора, которого поймали наши контрразведчики. Вот и пришлось как начальнику штаба принять участие в допросе.

Таубий. Ну, и какие успехи?

Гордеев. В том-то и дело, что за всю ночь ни одного слова не смогли у него вырвать. Это камень, а не человек.

Таубий. Попался бы он в мои руки. Я заставил бы его заговорить! Его надо нагайками бить и жечь каленым железом.

Гордеев. А вы думаете, что мы его по головке гладили? Анна, принеси-ка вина, мы выпьем с ротмистром по стаканчику, и я лягу спать. Эх, как я устал... .

Анна уходит.

Таубий. Когда еще будете допрашивать этого молчуна, возьмите меня с собой. Уж я-то развяжу ему язык!

Гордеев. Нет, господин ротмистр, теперь его сам бог не заставит говорить... Немножко перестарались.

Таубий. А-а, понял... И правильно сделали. Нечего с ними церемониться. Оружие в наших руках и власть в наших руках! Надо, пока не поздно, задавить их.

Пауза.

Не понимаю, чего хотят эти голопузые большевики?

Гордеев. О, мой друг! Большевики многого хотят. Они хотят уничтожить нас с вами и взять всю Россию в свои руки.

Таубий (*показывает дулю*). А вот этого они не хотят?

Входит Анна.

Гордеев. Власть и заводы передать рабочим, землю и ваши поместья, князь,— мужикам. У меня их, к счастью, нет.

Таубий. Ха-ха-ха! Ну, это уж когда рак на горе свистнет! На каторге, в тюрьмах да и на виселицах места достаточно. С корнями вырвем!

Анна (*в бокалы налила вино*). Пейте, господа.

Таубий. От отца получил письмо, он пишет, что голытьба и там житья не дает. (*Пьет вино.*) Многие из них ушли в горы. По всему Северному Кавказу бродят бунтовщики.

Гордеев. Не только по Кавказу, мой друг, теперь от них нигде нет покоя.

Таубий. Хочу подать рапорт командованию, чтобы меня с карательным отрядом откомандировали на Кавказ. Я покажу этой сволочи, как руки поднимать на господ! Не оставлю ни одного большевика в наших горах. Всех уничтожу!

Анна. Как вы можете так жаждать человеческой крови, господин ротмистр?!

Гордеев. Анна, тебя это не касается. Занимайся своим делом.

Анна уходит. Входит Арслан.

Арслан. Господин полковник, вам пакет...

Гордеев. Давай. *(Читает.)* Вот и поспал...

Таубий. Что такое, господин полковник?

Гордеев. Нам обоим приказано немедленно явиться в штаб.

Таубий. В этом паршивом городишке происходит что-то тревожное... Коня готовы?

Арслан. Готовы, господин штаб-ротмистр.

Таубий *(гневно)*. Ротмистр, ротмистр, ротмистр! Длинноухий ишак, понял наконец?!

Арслан. Виноват, господин ротмистр.

Гордеев. Ладно, успеете еще выдрессировать... Поехали.

Таубий. Поехали.

Гордеев и Таубий уходят.

Анна *(выходит из комнаты)*. Где же господа офицеры?

Арслан. Срочно вызвали обоих в штаб. В городе что-то случилось.

Анна. Так, значит, и здесь началось... Горит у господ земля под ногами.

Арслан. О-о-о! Анна... Смотрите... Что это сегодня у русских, праздник какой, что ли?

Анна. Нет, как будто нет... А что такое?

Арслан. Идите сюда, смотрите! Люди идут с флагами в руках. Куда это они? Зачем?

Анна. Это начал оттаивать вековой лед наконец! То, что ты видишь, — это первые ручейки, пока еще робкие, но они станут бурными потоками.

Арслан. Да говорите же толком! Что это все значит?

Анна. Это значит, что рабочий народ направился к своим хозяевам требовать справедливости.

Арслан. Давайте, Анна, и мы с ними пойдем?

Анна. Нет, Арслан, мне сегодня там показываться нельзя.

Арслан. Анна, вы что-то от меня скрываете! Начинаете говорить, а до конца не договариваете.

Анна. Я от тебя ничего не скрываю, почти ничего...

Арслан. Если не скрываете, то почему же нельзя пойти с рабочими? Или боитесь полковника опозорить?

Анна. Нет, Арслан, мы с братом на разных берегах стоим. Но с врагом можно бороться в открытую... А можно и иначе...

Арслан. Я предпочитаю открытый бой... Лицом к лицу! Я прошу вас, Анна, отведите меня к своим друзьям.

Анна. К моим друзьям?.. А ты знаешь, кто мои друзья? Это люди, борющиеся за справедливость и свободу угнетенных народов! Они готовы на все, даже на смерть!

Арслан. Я тоже готов бороться за свободу! И тоже никогда и никого не боялся!

Анна. Да, я много легенд слышала о твоей храбрости.

Арслан. В легендах люди всегда преувеличивают. Но поверьте мне, Анна, вам не придется краснеть из-за меня перед своими товарищами! Познакомьте меня с ними.

Анна. А ты подумай, Арслан, на какой опасный путь ты хочешь стать...

Арслан. Я хочу бороться за свободу своего народа, и мне ничего не страшно!

Анна. Ну что же, пожалуй, тебе можно поручить серьезное дело, абрек. Пойдем!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация второй картины. Между действием второй и третьей картины прошло несколько месяцев, Анна ходит по двору. Она неспокойна.

Анна. Долго нет Арслана... Задерживается... Может быть, что случилось? Нет, все будет в порядке! Ведь

недаром его пазывают неуволвимым абреком. И он уже столько трудных заданий выполнил... Нет, конечно, с ним ничего не случится. Но почему я так сегодня волнуюсь? Что это со мной? Неужели я... Не знаю... Не знаю...

Вбегает Арслан.

Арслан. Здравствуй, Анна!

Анна. О, наконец-то ты пришел! Здравствуй. А я в этот раз почему-то так за тебя волновалась...

Арслан (*в радостном настроении, шутя*). Только в этот раз? А мое сердце уже давно покоя не знает...

Пауза.

Что же ты не спрашиваешь ни о чем?

Анна. По твоему настроению вижу, что все хорошо.

Арслан. Задание совета выполнено. Обе сотни готовы выступить в указанный срок. Но это не моя заслуга, наши товарищи хорошо поработали. Так что люди готовы, лозунги и флаги доставлены.

Анна. А как другие сотни?

Арслан. Те будут держать... как это... нейтралитет. Но кто их знает?

Анна. Вот теперь я могу сказать, что повести эти сотни должен ты.

Арслан. Я?!

Анна. Да, ты абрек. Тебе доверено важное и опасное дело. Ты должен быть готов ко всему, даже...

Арслан. Не надо, Анна. Я ведь теперь не тот абрек, что был там, в горах родного Кавказа.

Анна. Я верю тебе, Арслан, но...

Арслан. Ты такой скрытный человек, Анна, что тебя сам бог не поймет.

Анна. После войны все поймешь, если, конечно, останемся живы.

Арслан (*смеется*). О-о, тогда постараюсь остаться живым! А где же господа офицеры?

Анна. На каком-то важном совещании. Из Петербурга прибыл специальный курьер со срочным пакетом. Как я ни старалась, ничего не смогла узнать. Знаю только, что в Петрограде происходят крупные волнения, с минуты на минуту можно ждать взрыва. Эх, как мало нас сейчас! Лучшие большевики в эмиграции и в ссылках. А как пужны они сейчас здесь, в России.

Арслан. Анна, но ведь народ за нас. Он должен пойти за нами, а не за этими... меньшевиками и эсерами.

Анна. Да, конечно. Теперь, слушай: ты должен сам

доложить Василию о готовности и получить последние указания. Тебе уже надо идти.

Арслан. Понял, иду! Я еще забегу. (*Быстро уходит.*)

Анна (*смотрит вслед*). Чем кончится для тебя этот день?! Но это нужно... нужно, мой дорогой...

Входит Таубий.

Таубий. Добрый день, сиятельная...

Анна. Добрый день, господин ротмистр. Почему вы такой расстроенный? Случилось что-нибудь?

Таубий. Да так... Дела неважные... Арслан не заходил?

Анна. Нет, его давно здесь не было.

Таубий. Совсем отбился от рук. Все где-то шляется! Ну, погоди, доберусь я и до него! А господин полковник?

Анна. Вы же с ним вместе ушли. После этого он не появлялся.

Таубий. Да, Анна Терентьевна, рушится наша могучая империя... Чего хотят люди? Чего им не хватает? Потеряли веру в бога и в царя! Всякие кадеты, эсеры, прочая шваль... А особенно большевики — дня не проходит без волнений!

Анна (*обеспокоенно*). Боже мой, господин ротмистр, какие же еще волнения?

Таубий. В полку работает их подпольная организация. Знаем об этом, а напасть на след не можем. Солдаты шепчутся, собираются в группы.

Анна. А чем же наша контрразведка занимается? Это ведь их дело...

Таубий. А это вы спросите у нее. Эх, если бы доверили это дело мне!

Входит Гордеев.

Гордеев (*зло, устало*). Черт знает что творится! На каждом шагу обман, диверсии... Непонятно, что происходит с русскими людьми.

Таубий. Что, господин полковник, опять большевики?

Гордеев. Да! Готовят солдатский бунт! Вместе с рабочими города. В полк просочились слухи о крупных волнениях в Петрограде и других городах России. Вот они и хотят поддержать все это массовой демонстрацией.

Таубий. Господин полковник, неужели и на этот раз не удалось ни одного зачинщика поймать?

Гордеев. Нет. Но наши люди называют имя абрека.

Таубий. Абрека? Это не мой ли Арслан?

Гордеев. Смеетесь, ротмистр. Ваш денщик — большевик? Ерунда какая!

Таубий. Господин полковник, извините меня, но я люблю откровенность. Наша агентура очень слабо работает. А командование хлопает ушами.

Гордеев. Вы бросьте эти штучки, понятно? Тоже мне — герой нашелся!

Таубий. На месте командира полка я бы в контрразведке всех разогнал. И поставил бы новых людей — верных богу и императору, людей, способных держать оружие в руках. Да и в частях кое-кого убрал бы. Вот, например, вы храбрый офицер, но не сторонник жестких мер против большевиков, а этим самым вы поощряете...

Гордеев (*хватаясь за пистолет*). Послушайте, вы, азиат! Как вы смеете меня подозревать?

Таубий. А вы не смеете меня оскорблять! Я не азиат! Я служу государю! Я сын князя! Я превращу тебя в пепел!

Гордеев. Молчать!..

Анна (*вставая между ними*). Господа, умоляю вас, успокойтесь!

Таубий (*сразу кладет маузер в кобуру*). Благодарю свою сестру. Она знает наши обычаи. Иначе...

Гордеев. Вы, ротмистр, грубы и несдержанны! Но я вас прощаю, так как вы... как бы это вам сказать... мало информированы. И потом, государь меня наградил двумя крестами за боевые заслуги, а не вас! (*Смотрит на часы.*) Готовится выступление ваших сородичей вместе с этим... пролетариатом. Когда оно начнется, мы не знаем. Но я надеюсь, что вы примете соответствующие меры. Вот там-то мы и посмотрим, какой вы герой, господин князь!

Анна вздрогнула.

Таубий (*примирительно*). Господин полковник, вы сами знаете, что трусом я никогда не был. Я покажу, на что способны князья Алановы... А теперь пойдемте выпьем и помиримся. Я горячо говорил, извините меня. Вы знаете, какой у меня характер...

Гордеев. Черт с тобой... Анна, принеси вина.

Анна. Сейчас. (*Уходит.*)

Таубий. Вы думаете, я не понимаю, как трудно вам сейчас приходится? Этих проклятых большевиков в одном месте уничтожишь, а они в другом растут, как сорная трава весной. Откровенно говоря, я боюсь за судьбу...

Входит Анна.

Гордеев. Не бойтесь, господин ротмистр, весь цивилизованный мир с нами. Наши союзники ничего не пожалеют для борьбы с большевиками. Мне известно, что они пообещали его величеству помочь нам всеми средствами.

Таубий. Так ли это?

Гордеев. Так!

Таубий. Ну, пусть нам поможет всевышний!

Гордеев. Господин ротмистр, настало время решительных действий. Сегодня наш полк должен очиститься от большевистской заразы.

Таубий. С нами великий аллах, он нам поможет.

Анна наливает вино в стаканы.

За наши успехи!

Гордеев. Я в этом не сомневаюсь. За счастливое окончание операции.

Стук в калитку. Анна открывает калитку и возвращается с пакетом.

Анна. Это тебе, Иван.

Гордеев (*прочитав пакет*). По коням, господин ротмистр.

Таубий. Кому мы понадобились?

Гордеев. Срочно вызывает командир полка.

Таубий. Ну что ж, поехали.

Они уходят.

Анна (*взволнованно*). Они тоже готовятся... Готовятся к жестокой расправе. Надо сообщить полковому совету. Но как? Хотя бы Арслан скорее вернулся.

Стук в калитку. Анна бросается к ней.

Голос Зулкая: «Арслан Таулуев здесь живет?»

Анна (*открывает калитку*). Да, здесь. Только его сейчас нет. Собственно говоря, зачем он вам?

Входит Зулкай.

Зулкай. Я отец Арслана. Приехал с Кавказа повидаться с сыном.

Анна (*приветливо*). Заходите, пожалуйста, заходите, будьте гостем. Так бы сразу и сказали... Арслан должен скоро вернуться. (*Ставит на стол еду.*) Арслан будет рад вашему приезду! Он так тоскует по родным и друзьям.

Зулкай. Еще бы, три с половиной года не виделись.

Анна (*взволнованно ходит по комнате*). Кушайте, пожалуйста. Вы, наверное, с дороги проголодались.

Зулкай. Спасибо, дочка. Если скажу, что сыт,— обману. (*Ест.*)

Анна. А как там мать Арслана? Сестренка его? Он о них много рассказывал.

Зулкай. Спасибо, все живы и здоровы.

Анна. А как дела у вас? Как горцы?

Зулкай (*настороженно*). Да так, гоняются друг за другом...

Стук в калитку.

Анна (*быстро*). Кто там?

Голос Арслана: «Это я, открой, Анна!»

Анна (*открывает калитку*). О, наконец-то! Входи, входи. Посмотри, кто тебя ждет...

Входит Арслан.

Арслан (*кидается к отцу*). Отец. (*Обнимаются.*) Сколько лет, сколько зим! Как там наши? Как мама, Зубайда, Ахмед? Ну, рассказывай!

Зулкай. Слава аллаху, все живы и здоровы. Передали тебе целый воз приветов! (*Показывает на медаль.*) Что это у тебя? За что?

Арслан. Обо всем узнаешь потом. Отец, что привело тебя в такое опасное время сюда? Как ты нашел меня?

Анна волнуется, хочет что-то сказать.

Зулкай. Сын мой, если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе. Ты не едешь, так я приехал повидаться с тобой.

Арслан. Спасибо, отец. Если бы мне разрешили, то я пешком бы пошел, так тоскую по родным местам. Расскажи, как там у нас дела?

Зулкай глазами показывает на Анну, можно ли при ней говорить.

Арслан. Говори, отец, Анна с нами... От нее у меня секретов нет.

Зулкай (*решил, что Анна и Арслан женаты*). Почему не сообщил? Как же ты мог так поступить?

Арслан (*смеется*). Да нет, отец. Не то совсем. Мы с Анной вместе работаем.

Зулкай. Тогда хорошо, а то я забеспокоился: мол, пришел к невестке с пустыми руками. Да, сын мой, князья и богачи, как осенние мухи перед гибелью, кусаются так, что на теле бедного человека рубцы остаются.

Арслан. Эх, люди...

Зулкай. У тех, кто сочувствует большевикам, жгут дома, отбирают последнюю корову, а самих бьют до полу-смерти. Но мы тоже им покоя не даем. Наши горцы — оры! Ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. Там командует наш Мироныч.

Анна Арслану делает знак рукой.

Арслан. Эх, как хочется мне туда... Анна, ты хочешь мне что-то сказать?

Анна. Да!.. Командование полка знает о выступлениях наших подразделений. Оно готовит жестокий отпор. Офицеров уже вызвали в штаб полка. Об этом надо немедленно сообщить совету.

Арслан. Поздно, Анна, сейчас мы выступаем! Третья и четвертая сотни только ждут от нас сигнала.

Анна. Ну что ж, иди, Арслан! Пусть рабочие города, выйдя на демонстрацию, узнают, что армия с ними! Пора! Иди, Арслан.

Арслан. Анна, о приезде отца Таубию ни в коем случае не говори. Устрой его, пожалуйста, у нашего друга... Отец, не волнуйся. Все будет хорошо. Твой сын не опозорит твою седую голову...

Зулкай. Сын мой, горцы говорят: «Рождение героя — счастье для народа». Помни об этом.

Арслан. Прощай, отец. Если не увидимся, передай нашим, что я всегда помнил о них и был с ними.

Зулкай. Сын мой...

Арслан. Анна, товарищ Василий просил передать, что тебе сегодня же необходимо переменить квартиру.

Анна. До свидания, Арслан. Желаю успеха.

Арслан уходит.

Зулкай. До свидания, сын мой, вот и увиделсь..
Анна. Дядя Зулкай, пойдете. И нам пора.

Слышен приближающийся топот копыт. Анна и Зулкай быстро уходят. Пауза.

Вбегают запыхавшиеся Гордеев и Таубий.

Таубий. И здесь никого нет. (*Осматривает двор, забегает на террасу, в дом.*) Куда же мог провалиться этот собачий сын? Длинноухий ишак!..

Гордеев. Его надо немедленно арестовать, иначе нас ждет такое, что и врагу не пожелаешь!

Таубий. А мы тоже хороши! В большевистском гнезде сидели и не догадывались об этом!

Гордеев. Хватит! Ищите! А то и вас назовут длинноухим ишаком!

Доносится шум начавшейся демонстрации.

Таубий. Смотрите, полковник! Вон он во главе третьей сотни!

Гордеев. Ну что же, теперь он от нас никуда не денется!

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

С верхней площадки спускается вниз, к камере, лестница. В камере — железная кровать, стол, стул и маленькое оконце. Арслан в камере грустно поет песню.

Арслан (*поет*).

Стоял ты за нас, как никто из мужей,
И в грудь твою врезались девять пожей,
Ой, сердце пронзили твое, Гапалау!
Но не дрогнул, врагов ты встречая своих.
Пусть было б не девять, а тысячи их,
Герой, ты за правду стоял, Гапалау!

Голос надзирателя. Эй ты, заткни рот!

Арслан (*продолжая петь*).

В взбунтовавшее сердце враги мятежей
Всадили, дрожа, сразу девять ножей,
И взгляд твой был страшен для них, Гапалау!

1-й надзиратель. Молчать, говорю! Выродок!

Арслан продолжает петь.

2-й надзиратель. Пой, пой! На рассвете пуля заткнет твою глотку.

Арслан. Значит, расстрел! Но не дождетесь вы от меня ни стога, ни мольбы! Встречу смерть, как подобает горцу! (*Тихо, убеждая себя.*) Я выполнил свой долг, теперь и умереть не страшно... Дело продолжает товарищи... (*Бросаясь к двери.*) Слушайте, вы!.. Толстопузые! Спасайте свои души!

1-й надзиратель. Да заткнись, ты! Дикарь!

2-й надзиратель. Пусть побесится, недолго осталось.

Арслан. Вот и рассвет уже... У нас в горах снега тают, весенние ручьи журчат... Оказаться бы сейчас на берегу реки... Нет, лучше бродить с друзьями по лесам и горам... Или просто упасть на мягкую зеленую траву... и мечтать. Как хочется жить! Аша... милая Анна! Что с тобой? Где ты?

Гордеев появляется на площадке, спускается вниз по лестнице.

Гордеев (*зашел в камеру*). Я хочу еще раз поговорить с тобой. Хотя приговор уже и вынесен, но у тебя есть еще возможность спасти свою жизнь. Никто, кроме меня, не придет к тебе на помощь — у тебя здесь нет ни друзей, ни родных. Надеяться тебе не на кого.

Арслан. Ошибаетесь, господин полковник, все бедные люди мои друзья. Я верю, что они помогут, если успеют...

Гордеев. Если успеют? Но они не успеют. Напрасно надеешься. Трон государя российского стоит крепко. Никакой сволочи не удастся пошатнуть его. Оставь свои бредни и надейся только на милость императора. Поэтому будет разумнее, если ты будешь отвечать на вопросы правдиво. Кто руководил вами?

Арслан. Господин полковник, не утруждайте себя. Я уже говорил, что нами никто не руководил. Мы сами.

Гордеев. А если я прикажу тюремщикам применить средства, которые обычно развязывают языки?

Арслан. Господин полковник, надо знать большевиков...

Гордеев. Большевики, большевики! Какой ты, к черту, большевик?! Ты дикарь! Длинноухий ишак, как говорит твой князь. Я посмотрю, как ты запоешь, когда наденут тебе веревку на шею!

Арслан. Веревка у меня уже была на шее, так это не впервые!

Гордеев. А ну отвечай, собачий сын, кто агитировал солдат против царя?

Арслан. Я!

Гордеев. Кто поднял их на бунт?

Арслан. Я!

Гордеев (*в бешенстве бьет кулаком по столу*). Врешь, несчастная тварь! Не мог ты все это один сделать!

Арслан. Один, господин полковник...

Гордеев. Молчать! Анна нам не то говорила.

Арслан. Анна? Господин полковник, извините, но при чем здесь Анна?

Гордеев. Не понимаешь? Неужели ты думаешь, что моя сестра могла работать на вас?.. Она была заслана к вам по заданию нашей контрразведки.

Арслан. Ваша сестра из контрразведки?!

Гордеев. По ее доносу мы сегодня взяли еще несколько человек.

Арслан. Господин полковник, зачем вы клеветецете на свою сестру? Она тут совсем ни при чем.

Гордеев. Все, что я сейчас сказал,— правда.

Арслан. Не верю.

Гордеев. Не веришь?

Арслан. Хотя Анна вам и сестра, но она очень хорошая женщина. Учила меня читать и писать...

Гордеев. А больше она тебя ничему не учила?

Арслан. Нет, господин полковник...

Гордеев. Подумай, что тебя ждет.

Арслан. Я знаю, что меня ждет за участие в бунте, но если бы меня выпустили отсюда, то я снова сделал бы то же самое. Здесь у русских большевиков я многому научился...

Гордеев. Скажи, у кого ты учился, и можешь спасти свою жизнь. Государь император милостив...

Арслан (*перебивая*). Милостив?! Просить милости у царя, который украсил всю землю виселицами?! Нет,

господин полковник, упаси меня от этого, аллах! Лучше принять смерть!

Гордеев (*раздражаясь*). Ну что ж, тогда я тебя здесь же пристрелю, как собаку! (*Достает пистолет.*)

Арслан. Вот это вы здорово умеете, но я не боюсь смерти.

Гордеев. Врешь! Боишься! Я еще раз повторяю, назови фамилию вашего главного, только одного, и ты можешь рассчитывать на мое ходатайство о твоём помиловании.

Арслан. А я еще раз повторяю: нет никакого главного. Все сделал я один. И я не прошу снисхождения ко мне. Угнетенный народ отомстит за всех погибших в этой борьбе и победит.

Гордеев. Фанатик! Ты что же, действительно уверен, что ваши голодранцы добьются своего?! (*Расхохотался.*)

Арслан. Да, я верю в это!

Гордеев (*опять зло*). Хватит болтать! Сейчас же назови имена комитетчиков, или я тебя застрелю!

Арслан. Стреляй!

Гордеев. Глупец! Анна уже всех назвала, нам нужно только подтверждение. Твое упрямство никого не спасет.

Арслан. Я не знаю, кого могла назвать ваша сестра, господин полковник.

Гордеев. Не знаешь?.. Тогда Анна сама с тобой поговорит. Она сейчас будет здесь. Я посмотрю, как ты будешь с ней говорить.

Гордеев выходит.

Арслан (*мечется по камере*). Анна — предательница?! Нет, нет!.. Этого не может быть! Это провокация. Нет, господин полковник, этим вы меня не возьмете... А вдруг?!.. Нет, нет! Все, что угодно, только не это...

Гордеев поднимается на площадку, там встречается с Таубием.

Таубий. Ну, как успехи, господин полковник?

Гордеев. Все сам, говорит, сделал.

-Таубий. Все врет, собачий сын...

Гордеев. Знаю, что врет. Но как заставить говорить?

Таубий. Заставим. Как миленький заговорит!

Гордеев. Не уверен...

Таубий. Я выпытаю у него все, что нам нужно!

Гордеев. Нет. Пошлите за Анной... В этом случае, я думаю, она нам поможет.

Таубий. Слушаюсь! (*Уходит и тут же возвращается.*) Господин полковник, разрешите мне сначала допросить!

Гордеев (*раздраженный его уверенностью*). Господин ротмистр, надо было раньше допрашивать! А в том, что случилось в полку, виноваты и вы...

Таубий. В чем же вы хотите меня обвинить, господин полковник?

Гордеев. Хотя бы в том, что Арслан был вашим денщиком. Неужели он так тонко работал, что вы не заметили его связи с большевиками?

Таубий. Господин полковник, но вы тоже проморгали...

Гордеев. Что-о-о?!

Таубий. Свою сестру, Анну Терентьевну, которая в нашем доме устроила большевистскую явку.

Гордеев. И вы поверили?.. Но об этом после... Поймите, что выступление двух сотен солдат вместе с бунтовщиками — катастрофическое событие! Господин князь, я, как ваш старший друг, считаю своим долгом предупредить, что, если мы не поймаем главных зачинщиков, нам грозит участь вашего денщика.

Таубий. Спасибо, мой друг. Аллах — свидетель, я учту это.

Гордеев. А теперь идите и поторопите Анну.

Таубий. Хорошо, господин полковник. (*Уходит.*)

Гордеев (*один на площадке*). Да, наконец-то он понял, в какое положение мы попали по милости его бывшего батрака. Этого князька надо держать на привязи, иначе он может что-нибудь выкинуть. Сейчас никому нельзя доверять. Этот проклятый дикарь может сильно повредить моей службе.

Входит Анна.

Анна, будь благоразумна и мужественна. От твоего разговора с ним зависит многое, в том числе твоя судьба. Ты ведь знаешь, в чем тебя обвиняют, и если ты не оправдаешься, то...

Анна. Я понимаю, Иван, и сделаю все, что от меня зависит.

Анна входит в камеру, направляется к Арслану.

Арслан. Анна! Ты почему здесь? Ведь я же передал приказ...

Анна. Потому что я сестра полковника Гордеева.
Арслан. Так... это правда? То, что говорил твой брат, — это все правда?!

Анна. Правда!

Гордеев (*он и Таубий все это время стоят на площадке, и все, что громко говорится в камере, им слышно*). Вот теперь-то вы верите, что Гордеевы друг друга не продают!

Арслан (*раздраженно*). Прочь с моих глаз, продажная шкура!

Анна (*тихо*). Послал меня товарищ Василий. Мне еще раз пришлось обмануть брата! (*Громко*.) Ты русскую армию заразил большевизмом! Предатель ты, а не я!

Арслан (*в бешенстве*). Как ты могла?! Не верю...

Анна (*тихо*). Нас слушают, тихо. Я не успела уйти. (*Громко*.) Все члены комитета арестованы. Теперь, как бы ты ни упирался, им не поможешь! Подтверди мои показания, и ты будешь спасен.

Таубий. Да... оказывается, и Анна умеет допрашивать.

Арслан (*громко*). Так это ты их предала, гадина?! (*Тихо*.) Кому же мне верить, Анна?

Анна (*тихо*). Я им назвала их же агентов во главе с Гладковым. Они поверили и арестовали пока только их. (*Громко*.) Да, я назвала всех, кого знала! (*Тихо*.) Но они скоро опомнятся.

Арслан. Я не могу в это поверить!

Анна (*громко*). Ну и не верь! Кому хуже сделаешь? (*Смеется*.) Оказывается, я еще и артисткой могу быть. Так хорошо сыграла свою роль в этой комедии.

Гордеев. Наша школа! (*Гордо*.) Анна — настоящая разведчица!

Анна. Казачий круг, созданный командиром полка полковником Фанкубом, приговорил вас к смертной казни через повешение. (*Тихо*.) Возьми вот этот пропуск. (*Громко*.) Приговор должен быть приведен в исполнение через три дня. Если хочешь жить, то подтверди мои показания. (*Тихо*.) С этим пропуском доедешь до Кисловодска, а там — родные горы.

Арслан (*поверил*). Анна, милая Анна!

Анна (*тихо*). Ну, что же ты молчишь?

Арслан (*тихо*). Анна, пока не увидел тебя здесь, я им не верил.

Анна. А когда увидел — поверил? (Громко.) Если будешь молчать, пеняй на себя.

Арслан (тихо). Да, Анна. (Встает на колени.) Прощу тебя, прости!

Анна (делает знак, чтобы он встал). Веревоочная петля для тебя уже готова, повесят — и все.

Арслан (громко). Вешайте, убивайте, стреляйте — это вы умеете! (Тихо.) Ты себе не представляешь, как мне было обидно, когда ты вошла сюда! Я был готов растерзать тебя. (Громко.) Но вам не сломить нас! (Тихо.) Теперь, когда я узнал, что ты моя прежняя Анна, у меня утроились силы! Я верю тебе. Встретимся ли еще когда-нибудь?

Анна (громко). Это твое последнее слово?

Арслан (громко). Да! Другого ответа от меня не ждите! (Тихо.) Мой отец знает, где я?

Анна (тихо). Нет. Мы проводили его на Кавказ через Москву. (Громко.) Тебе нету еще двадцати пяти!

Арслан (тихо). Спасибо вам.

Анна (громко). Подумай о своей молодости!

Арслан (громко). Будьте вы прокляты! Уходите!.. Оставьте меня. (Тихо.) Анна, дорогая, если я буду жив, я тебя найду!

Анна (тихо). Дай бог! (Громко.) Ну, как знаешь! (Уходит.)

На площадке Гордеев, Анна и Таубий.

Гордеев. Ну как, Анна, теперь-то его дух сломлен?

Анна. Да, хотя вначале я думала, что он меня убьет...

Гордеев. Может быть, он теперь заговорит наконец?

Анна. Насколько я знаю, его жестокостью не возьмете. И не надо торопиться отправлять его на тот свет. Если умело подойти к нему, он может дать очень ценные показания.

Таубий. Так мы еще и ждать должны, когда же он наконец соизволит заговорить! Повесить его, и все!

Гордеев. Повесить всегда успеем. А сейчас, господин ротмистр, продолжайте допрос. Ему нельзя давать опомниться.

Таубий. Слушаюсь, господин полковник.

Гордеев и Анна уходят.

Таубий заходит в камеру, садится за стол.

Таубий. Арслан, брат мой, мы с тобой выросли в одном ущелье, пили воду из одного родника. Поверь мне, я к тебе пришел не как враг, а как друг!

Арслан. Насколько мне известно, господин ротмистр, давние враги друзьями не становятся.

Таубий. Я никогда не считал тебя своим врагом. Да что нам враждовать здесь, в чужом краю! Арслан, брат мой, прошу тебя, не упрямясь. Если ты не пазовешь руководителей, эти неверные растерзают тебя! А я не хочу, чтобы они убивали тебя... Эту паскуду, за то, что она предала вас, представили к награде. Я прошу тебя, скажи все, что они от тебя хотят. Это облегчит твое положение, и я тебя в беде не оставлю. Мы ведь молочные братья с тобой, да еще мусульмане.

Арслан (*хотел запротестовать, но вовремя сдержался*). Господин штаб-ротмистр...

Таубий. Ротмистр.

Арслан. Хорошо, пусть будет ротмистр, но за всю жизнь ты никого не жалел, господин ротмистр. Удивляюсь, что тебя заставляет так заботиться о моей судьбе?

Таубий. Потому что ты балкарец и я балкарец.

Арслан. Это правда, но я служу народу, а ты — царю. Я — батрак, а ты — князь. Волк с ягненком не могут быть в одном стаде.

Таубий. Имя твое известно по всей Балкарнии. А теперь и здесь, в России, прославился — всю дивизию опозорил перед его величеством.

Арслан. Не за дивизию вы беспокоитесь, а за свою карьеру.

Таубий (*хитрит*). Да, в этом ты тоже прав, я беспокоюсь и за свою карьеру. Кто за себя не беспокоится?.. Если говорить правду, то и за тебя я не особенно беспокоюсь. Подумай сам, а если я тебя не спасу от кары, что мне скажут наши земляки? Скажут: какой ты князь? В чужом краю не смог спасти жизнь джигита... Правда, ведь скажут, так?

Арслан (*долго думая, вроде принимая решение*). Да, так скажут, конечно, скажут.

Пауза.

И правда, какой толк в том, что я буду молчать! Скажите, господин ротмистр, если я назову всех, вы меня освободите?

Таубий (*радостно*). Какой может быть разговор?!

Я даю тебе слово горского князя и офицера доблестной русской армии, что ты будешь свободен, как только назовешь всех членов комитета.

Арслан. И после освобождения я могу уехать к себе домой?

Таубий. Это я беру на себя! *(Достает книжечку.)* Называй.

Арслан. Хорошо, записывай: председатель подпольного комитета — Гладков. Члены комитета *(называет несколько фамилий членов царской охраны)*.

Таубий. Врешь...

Арслан. Вот все, что я знаю.

Таубий. Назови всех членов... Это не все.

Арслан. Клянусь, это все, что я знаю! Теперь выполняйте свое обещание — я должен выйти отсюда.

Таубий. Никогда ты отсюда не выйдешь, длинноухий ишак! Думаешь, я тебе поверил?!

Таубий закрыл книжечку, повернулся к выходу. Арслан хватается табуретку и оглушает Таубия.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Усадьба Хаджибатыра. Начало марта 1918 года. Слышен топот копыт скакущей лошади, он приближается и затихает у ворот. Появляется Таубий. Он в бешмете, хорошо вооружен.

Таубий *(кричит)*. Эй, люди! Где вы?!. Отзовитесь!

Появляется заспанная Айжаяк.

Мама!.. Здравствуй, мама!

Айжаяк. Сыночек, милый! Сколько воды утекло с тех пор, как я видела тебя последний раз! Входи, входи в дом, верни в него радость и счастье!

Таубий. А где отец? Где все люди?

Айжаяк. Отец с людьми уехал в Нальчик, его вызвал князь Чежков. Что-то там тревожно...

Таубий. А здесь кто остался? Какая глупая беспечность! Кругом такое творится, а у вас здесь как в пустыне. Нет, не в пустыне, а в раю!

Айжаяк. Нет, мальчик, ты не беспокойся. Здесь остались Элкурут и Атабек, ты их знаешь. Они нас охраняют.

Таубий. Элкурут? Это тот, горбатый, с такими черными усами?

Ай жаяк. Он, он — с усами и горбатый...

Таубий. Зови их сюда! Быстро!

Ай жаяк. Иду, иду, мой мальчик! (*Уходит.*)

Таубий. Везде пожар, а тут — как в сказке, все тихо, мирно. Идет беда, а они почивают и горюшка не знают. Как будто революция, большевики, восстание рабов их не касается. О-о-о! Дикари!

Ай жаяк возвращается, за ней — Элкурут и Атабек.

Ай жаяк. Вот... Вот они, сынок.

Элкурут. Светлейшему почет и уважение! Приветствуем тебя в родном доме.

Таубий. Плохо вы охраняете мой дом. Если захотят, то разбойники вас самих украдут, а вы даже не проснетесь. Но ничего, я вымуштрую вас, и скоро!

Элкурут. Князь, мы не спали, замешкались на копьене...

Таубий. Молчать! Слушать, что я говорю! Отца Арслана знаешь? Как его?.. Зулкай?

Элкурут. Да, да, Зулкай! Я его знаю, светлейший!

Таубий. Он здесь, в селе?

Элкурут. Нет, князь, давно не видно. В доме только жена его да дочь Зубайда.

Таубий. Зубайда? Это та, чернявая дикарка, что у нас в доме в услужении была?

Элкурут. Да, князь, это она.

Таубий. Так вот, слушайте... Идите схватите ее и приведите сюда. Да, самое главное — сделайте побольше шуму. Пусть знают все. Понятно?

Элкурут. Понятно, князь! Сейчас исполним.

Таубий. Ступайте! Коня уведите, он у ворот на привязи.

Элкурут и Атабек уходят.

Ай жаяк. Сынок, зачем тебе Зубайда?

Таубий. Подожди, мама. Все узнаешь в свое время. А теперь веди меня к столу. Я хочу есть и пить.

Слышен топот копыт.

Ай жаяк (*метнулась к воротам*). Вот и отец твой возвращается. Берегись, сынок, он крепко на тебя сердит за то, что там, в тюрьме, с тобой случилось.

Входит Хаджибатыр.

Таубий. Отец! Приветствую тебя! Не узнаешь?

Хаджибатыр. Как же не узнаю! И он смел еще появиться перед отцовскими глазами?! Позор всей нашей княжеской фамилии! Едва вспомню, как этот пастух опозорил тебя, знатного офицера, волосы на голове дыбом встают! Где ты был в то время, когда он с тебя шаровары снимал? Дрых, что ли, собачий сын? Теперь чернопятые сочинили об этом песню и всюду распевают ее. Я не могу людям в глаза смотреть, вот ты до чего отца довел на старости лет, паршивец! *(Поднимает плеть, чтобы ударить Таубия.)*

Таубий. Отец, выслушай меня!..

Хаджибатыр. Ничего не хочу слушать! Где твои погоны? Где ты их потерял? Еще и этот позор обрушил на мою седую голову!

Таубий. Отец, если ты не дашь мне объясниться, то я покину этот дом и больше не вернусь сюда!

Ай жаяк. Мальчик мой, не говори такие слова! *(Отцу.)* Князь, выслушай его, умоляю тебя, выслушай!

Хаджибатыр. Молчи, ведьма, породившая труса! Ты тоже немало позора мне принесла!

Таубий. Отец, ты оскорбляешь мою мать. Ты обезумел... Пожалей хотя бы...

Хаджибатыр. Пожалеть? Да, пожалею... Себя пожалею, не тебя! Смотри на эти горы, на эти леса, на эти бурные потоки... Скажи, ты жгучего стыда перед ними не чувствуешь? Скажи!

Таубий. Нет! Я перед ними ни в чем не виноват. Прошу еще раз, выслушай меня!

Хаджибатыр. Ну, говори... Покрой еще раз мою голову позором. Я слушаю.

Таубий. Отец... Я сам не знаю, как все произошло! Я допрашивал его. Он согласился мне все рассказать...

Хаджибатыр. И он согласился ему все рассказать!.. И ты поверил ему? Этому шакалу?

Таубий. Отец, ты обещал спокойно выслушать меня...

Хаджибатыр. Молчу и слушаю.

Таубий. Я к двери двинулся и больше ничего не помню. Разве мог я думать, что мой депшик, мой молочный брат, с которым мы вместе прибыли на фронт... что он меня... что он меня предательски ударит сзади?! Очнулся через три дня в госпитале. Вот ты меня позоришь, но разве я сотни раз не клял свою доверчивость...

О-о-о, это матерый волк! Пригрел я у себя за пазухой змею! Клянусь тебе, отец, всем, что для нас священо, что я воздам ему сторицею за все. Он взвост от моей «благодарности».

Хаджибатыр. Слова, сын мой, слова... Прощу тебя тогда, когда выполнишь свою клятву...

Таубий. Я на твоих глазах ее выполню.

Хаджибатыр. Я буду ждать... Но торопись... иначе мы расстанемся навеки. Ну, а дальше?.. Говори уж все, пока я согласен слушать тебя.

Таубий. А дальше было так... и в этом моей вины не было. Абрек сбежал вместе с большевиком, который ловко орудовал в полку. Потом они привели эшелон солдат-бунтовщиков и освободили всех приговоренных к казни, а офицеров полка арестовали. Я, к счастью, был в госпитале. Затем пришли известия о революции в России, о свержении царя. По приказу Временного правительства прибыл новый состав командования. Беспорядки в полку усилились. Вскоре полк отправили сюда на переформирование. Ты это знаешь.

Хаджибатыр. Да, я знаю. Ну, а ты где скитался?

Таубий. Меня из госпиталя отправили в Текинский полк. Когда Корнилов позвал нас на разгром большевиков в столицу, мы с криками «ура!» погрузились в эшелоны...

Хаджибатыр. Недолго же вы «ура» кричали! Так и не дошли до Петрограда, трусили! Предали!

Таубий. Предали? Нет, предали не мы, а вы! Как вы могли допустить, чтобы навстречу нашим эшелонам вышла делегация мусульманских старейшин? С ними был и Зулкай, отец проклятого абрека. Почему вы проморгали поездку этой делегации? Ты обвиняешь нас, так почему же не винишь себя и всех других князей?

Хаджибатыр. Здесь тоже было много забот, за всеми не уследишь. Во всех ущельях разбойничали бунтовщики: жгли поместья, угоняли скот, забирали воду и землю. Мы их не успевали стрелять и вешать. Ты слышал новость? Съезд народов Терека признал Совет Народных Комиссаров! Позор на наши головы! Советская власть на Кавказе?! Как можно такое терпеть? Мы пока еще держимся, но красные уже здесь, под Нальчиком. А вы, доблестные офицеры, где вы носитесь? Вы не знаете, что делать, растерялись?

Таубий. Прости, отец, но мы знаем, что нам делать! Наши отряды готовятся к решительным боям с

этим отребьем. Мы выкинем эту нечисть из ущелий Кавказа. Дай срок, мы истребим их племя — сожжем и переведем всех, но сделаем Кавказ свободным от этой красной заразы! По приказу Терско-Дагестанского правительства все горские полки уже стянулись на Кавказе. Они вербуют в свои отряды лучших сынов и скоро двинутся в бой! Это будет решающая схватка! Мой близкий друг — полковник Гордеев — прибыл сюда с особым заданием. Вместе с ним группа отважных офицеров, я с ними. Сегодня полковник будет здесь. Прими его, отец, с почетом.

Хаджибатыр. Вербуются, стягиваются, готовятся и... скоро двинутся — все это хорошо! Но знаете ли вы, что отряды бунтовщиков вот-вот захватят и наши ущелья?! Говорят, что они уже в Гунделене, готовятся к осаде Нальчика!

Таубий. Отец, не беспокойся! Это большевистская агитка. Красные от нас еще далеко.

Хаджибатыр. Нет, сведения точные. Нам сообщил об этом князь Чежков. Говорят, что во главе красных тот русский, который здесь в горах у нас жил.

Таубий. Какой еще русский?

Хаджибатыр. Да тот, которого здесь все Мироничем называли. А твой абрек — зулкаевский ублюдок, тот тоже в командирах ходит!

Таубий. Пока еще ходит, но даю тебе обещание, что недолго ходить ему!

Хаджибатыр. Ну, если будешь ждать его, то сам он к тебе не придет и горло не подставит.

Айжаяк. Сын мой, не связывайся с ним. Все говорят, что талисман у него есть — его и пуля не берет!

Таубий. А мы его хитростью возьмем! Отец хотел его повесить, но не сумел, а я повешу!

Хаджибатыр. Лихой ты какой, да только на словах! Ты попробуй сначала возьми этого абрека.

Айжаяк. И чтобы его шайтан забрал! Как нам избавиться от этого разбойника?

Таубий. А вот как: мы в залог возьмем его сестру... И слух об этом пустим по всему ущелью...

Хаджибатыр. А что дальше?

Айжаяк. О-о-о! Я уже поняла...

Хаджибатыр. Поняла, так помолчи! Ну...

Таубий. Как только абрек узнает, что сестра его в опасности, он потеряет голову и бросится ей на выручку. Вот тут-то мы его и зааркашим.

Хаджибатыр. Хитро придумано. Жена, послушай. Немедленно отправляйся к Хорасан и скажи ей, что наш сын прибыл со своим отрядом для уничтожения большевиков. Еще скажи ей, что дочь Зулкая взяли заложницей за брата. Уверяю вас, что не пройдет и полчаса, как все селение об этом узнает.

Айжаяк. Да, Хорасан сумеет сделать это лучше всех других женщины аула.

Хаджибатыр. Но девочку надо заранее схватить.

Таубий. А я уже за ней послал твоих людей. Они вот-вот должны ее привести.

Хаджибатыр. Ну, если так, то ты, жена, спеш!

Айжаяк. Только мне бы этого бандита мертвым увидеть, а я что угодно сделаю...

Шум за изгородью.

Хаджибатыр. Что там за шум?

Айжаяк (*у ворот*). Ведут! Зубайду ведут! И люди следом...

Входит Элкурут, тащит на веревке Зубайду.

Таубий. Ну вот вы здесь, моя молочная сестра. Заходите, заходите, не стесняйтесь. Вам неудобно? Беревка беспокоит? Так это пустяки — будет пострашнее, дорогая.

Зубайда. От вас я другого и не ждала.

Таубий. Ишь какая смелая! Но ничего, скоро ты по-другому запоешь.

Зубайда. Развяжите меня!

Таубий. Развязать ее! Чего захотела! (*Скручивает ей руки, туго затягивает веревками.*) Посмотрим, как запоешь!

Зубайда. Люди, да помогите же... (*Пытается сопротивляться, Таубий бьет ее.*) Мамочка... спаси... (*Теряет сознание.*)

Таубий. В подвал ее! И закрыть, чтоб не сбежала.

Хаджибатыр. А где же Атабек?

Элкурут. Не знаю, господин полковник. Были вместе, а потом исчез. Может, струсил.

Хаджибатыр. Тащи ее в подвал, тащи. От дверей не отлучайся ни на шаг! Жена, сегодня прибывает важный гость. Его надо как князя встретить!

Айжаяк. Хорошо, дорогой. Весь дом на ноги поднимем!

Хаджибатыр. А ты, сын мой, поди-ка отдохни с

дороги да приведи себя в порядок. Сними эти лохмотья и оденься, как подобает офицеру, — по форме.

Т а у б и й. Хорошо, отец, иду!

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Полевой штаб Красной Армии. Столы, полевые телефоны, карты, в углу — знамя отряда. Анна за столом пишет очередную сводку. Телефонный зуммер. Анна берет трубку.

А н н а. Дежурный по отряду слушает. Нет, еще не прибыли, товарищ комиссар... Слушаю... Во главе первой сотни? Хорошо, товарищ комиссар, я поняла вас. *(Кладет трубку, продолжает работать.)*

Стучат в дверь.

Да, войдите.

Входит З у л к а й.

З у л к а й *(он очень утомлен, рука перевязана)*. Здравствуйте... Знакомое лицо, а кто — не припомню.

А н н а. А я вас помню, вы отец Арслана. Здравствуйте!

З у л к а й. Да, да, отец... Постой, и я узнал! Там, на фронте, когда арестовали сына, ведь это ты была? Я еще за невестку принял тебя.

А н н а *(смеется)*. Все верно.

З у л к а й. Так как же ты сюда попала?

А н н а. Я прибыла сюда с кабардинским полком, а теперь вот от него один отряд остался. Я здесь и за штабного работника, и за врача.

З у л к а й. Ну что ж, дочка, будь здесь и сестрой, и дочерью родной.

А н н а. Да что же мы стоим? Садитесь.

З у л к а й. Сидеть-то некогда. Тебя ведь, помню, Анной зовут?

А н н а. Да, Анной. Как вы запомнили?

З у л к а й. Хорошее-то помнится всегда. Вот, дочка, я от командира Чегемского отряда пакет привез. Срочно вашему командиру вручить надо.

А н н а. Командир погиб. Новым командиром назна-

чен ваш сын. Он со своим отрядом вот-вот должен прийти.

Зулкай. Арслан?! Вот так удача! Значит, и пакет мой сму?

Анна. Ему. А замещает его пока наш комиссар, но он сейчас в подразделении, придется подождать.

Зулкай. Сыну пакет... Порадовала старика. Хоть дело и срочное, но я подожду! *(Устраивается за столом.)*

Анна. Арслан-то как обрадуется! Расскажите, как же вам удалось пробраться через белогвардейские заставы?

Зулкай. Трудно, дочка. Вот, поцарапали немножко, да ничего, пустяки.

Анна. Давайте я посмотрю. *(Развязывает тряпку.)* Надо промыть и смазать. Вы счастливый, отец. *(Обрабатывает рану.)* Все скоро заживет...

Зулкай. Да, они хитры, а мы еще хитрее. Пуля, она не каждого берет. А потом, по секрету тебе скажу, за меня был каждый куст и каждый камень...

Анна смазывает йодом.

Э-э-э! Жжет ведь!

Анна *(смеется)*. Смелого пуля боится, а хитрого йод сбережет... Ну, вот и все.

Зуммер телефона.

Дежурный по отряду слушает. Здравствуйте, товарищ Петров. Нет его, он в подразделениях. Что передать? Что? Что? Неужели вы сами не понимаете, что нельзя трогать бедноту? А если он творит бог знает что от имени нашей власти, то с ним надо поступать как со злым врагом революции!

Входит комиссар.

Зулкай. Ай, молодец женщина! Как говорит! Как Арслан... *(В сторону.)* А может, ему такая невеста пужна? *(Внимательно осматривает Анну.)* Больно худая...

Анна *(продолжает говорить по телефону)*. И комиссар вам то же самое скажет.

Комиссар. Правильно, товарищ Анна! Дайте-ка мне трубку. Петров? Я комиссар. В чем дело? Да... Так... Да, товарищ Гордеева вам правильно ответила. Действуйте смелее. *(Кладет трубку.)*

Анна. Ну как, товарищ комиссар, со всеми познакомились?

Комиссар. Со всеми. Люди ждут приказа, рвутся в бой, чтобы освободить все ущелья Балкарии и Кабарды! С такими горными орлами и в бою не страшно, и весело на отдыхе! А этот товарищ откуда?

Анна. Он привез пакет от командира Чегемского отряда.

Комиссар. А ну-ка, ну-ка, что там у них? Где пакет?

Зулкай. Кто ты такой? Секретный пакет ему подавай! Пакет сыну моему — командиру отряда!

Анна. Дядюшка Зулкай! Это комиссар наш. Он замещает сейчас командира...

Комиссар. Так это отец Арслана?

Зулкай (*гордо*). Да, отец! Не осуди за любопытство, а ты, товарищ комиссар, чей сын будешь?

Комиссар. Неужели не узнаешь меня, дядюшка Зулкай? Я сын Эльдарова Махмуда из верхнего аула.

Зулкай. Случайно не Умаром тебя зовут?

Комиссар. Угадал!

Зулкай. Прости, дорогой! Давно бы назвался, а то все «товарищ» да «товарищ»! Как могу я помнить? Ведь больше десяти лет прошло как не виделись! Дай посмотрю на тебя... Орел! Где же ты столько лет скитался?

Комиссар. Об этом скоро не расскажешь... В Баку работал, там участвовал в работе подпольной организации большевиков... Потом арест, каторга. С каторги бежал, долго скрывался, а теперь, как видишь, все вместе бьем врага.

Зулкай. Да, ты много горя хлебнул. Однако, комиссар, я тороплюсь. Ответь на письмо (*передает пакет*), я должен сегодня вернуться в отряд. Уж сына, видно, не дождусь.

Зуммер телефона.

Комиссар. Слушаю. Да, это я. Что? Что такое? Не может быть! И много их? Держитесь до прихода подкрепления. (*Звонит сам.*) Эльдаров. Срочно из резерва отправьте двадцать всадников на левый фланг для подкрепления. Поторопитесь! (*Кладет трубку, читает пакет.*) Дядюшка Зулкай, на этот раз мы дадим патроны и гранаты, но лучше бы вам брать их у врага.

Зулкай. Берем и у врага, но не хватает. Уж очень много этой сволочи кругом.

Комиссар. Да, много, но много и тех, кто одурма-

нен князьями и муллами. Как часто брат убивает брата! Глаза народу открыть надо — кто мы и за что воюем.

Зулкай. Эх, грамоту бы нам! Если бы писать и читать умели, то весть о революции и большевиках много бы по всем аулам разнесли! Но уже скоро весь народ будет за нас!

Комиссар. Да, когда каждый простой горец поймет, за что сражаются большевики, тогда он сам вступит в бой за революцию.

Звонит телефон.

Я слушаю. Прибыли, говоришь? Вот это хорошо! Дайте людям отдохнуть, а дальнейший маршрут сообщим позднее. *(Кладет трубку.)* Дядюшка Зулкай, ты, верно, голоден? Иди поешь и отдохни, а вечером получишь боеприпасы, дадим людей, и в путь...

Зулкай. Слушаюсь, товарищ комиссар. *(Идет к двери и возвращается.)* Прости меня великодушно... Просьба есть одна.

Комиссар. Ну, говори.

Зулкай. Скажи, кто у вас самый главный? Товарищ Сергей?

Комиссар. Да... он.

Зулкай. А его приказы все должны выполнять?

Комиссар. Да, все...

Зулкай. А ты его хорошо знаешь?

Комиссар. Виделись, и не раз.

Зулкай. Ах, какая удача! Может, ты и в дружбе с ним?

Комиссар. Работали вместе, дружили.

Зулкай. Не осуди старика! Я вот о чем прошу...

Комиссар. Ну, говори же, дядюшка Зулкай! Что в наших силах — сделаем!

Зулкай. Значит, говоришь, приказы всегда надо выполнять?

Комиссар. Всегда!

Зулкай. Вот видишь ли, какое дело. Война кругом... и сын воюет, а он у меня единственный. Погаснет род. Вот если бы внука? И мать была бы спокойна, и я, и вся родня. И невесту достойную уже нашли, а он не хочет! Говорит: вот разобьем белогвардейцев, тогда и думать об этом будем. Умар, прошу тебя, скажи товарищу Сергею, пусть он ему прикажет жениться поскорее. Ведь сам говоришь, что приказы надо выполнять. Вот он и женится!

Комиссар. Ну что же, дело важное. Поговорю, обязательно поговорю.

Зулкай. Спасибо! Вот спасибо!

Анна. А кто же невеста?

Зулкай. Первая красавица в ауле! Глазища — во! Сама тихая и собою статная... Ну как телка.

Комиссар (*смеется*). Ну, телка вряд ли Арслану подойдет. Дядюшка Зулкай, а как дела в ауле?

Зулкай. Давно я там не был, но люди говорят, что богачи над нашим братом люто издеваются. Особенно полковник Хаджибатыр, чтобы на том свете ему покоя не было!

Комиссар. Мы ему и на этом свете не дадим покоя. Главное сейчас — не дать князьям и богатеям вернуться в селениях.

Зулкай. Ой как верно! От богачей бы нам избавиться скорее, житья от них не стало совсем! Но и муллы, вы их не забудьте, они тоже под княжескую дудку пляшут... О, я разговорился, от важных дел вас отрываю... Пойду проведу дружков, времени до вечера еще много. Ну, а сын присдет — пусть меня найдут.

Анна. Найдем, найдем вас, дядюшка Зулкай.

Зулкай. Спасибо вам!

Зулкай уходит. Зуммер телефона.

Анна. Дежурный слушает. Да, пропустите. (*Кладет трубку.*) Товарищ комиссар, какой-то горец хочет срочно видеть Арслана. Быть может, важное дело... Я вслепа пропустить.

Комиссар. Ну что ж, пусть идет.

Входят Атабек и Дахир.

Атабек. Можно войти?

Анна. Да, да, войдите!

Атабек. Нам бы Арслана Таулуева увидеть... Очень нужно.

Анна. Нет его, он во Владикавказе.

Атабек. Ай-ай-ай! Так далеко! Что же нам делать?

Анна. Что случилось? Чем вы так встревожены?

Атабек. Беда большая...

Анна. Да вы скажите. Быть может, я сумею помочь! В чем дело? С кем случилась беда?

Атабек. Нет, женщина, вы не обижайтесь, но только самому Арслану нужно сказать.

Да х и р. Да, надо самому, вы уж не обижайтесь.

А н н а. Ну, если так секретно, то подождите.

А т а б е к. А долго ждать-то? Ведь дело такое... срочное. Очень нужно!

А н н а. Скоро должен приехать. Мы сами ждем его.

А т а б е к. Ну что же, подождем и мы. Только у нас еще одно дело есть, это, наверное, к товарищу Сергею.

А н н а. К товарищу Сергею? А вы знакомы с ним?

А т а б е к. Нет, не виделись, не доводилось, а слышать — слышали. Очень много хорошего слышали.

А н н а. Не везет вам! И товарища Сергея пока здесь нет.

К о м и с с а р. А может быть, мы все-таки сумеем вам чем-нибудь помочь?

Да х и р. А вы из большевиков?

К о м и с с а р. Да, из большевиков!

А т а б е к. Но помочь нам, наверное, только товарищ Сергей сможет. Дело в том, что мы просим принять нас в большевики.

Да х и р. Да, в большевики!

А н н а. Вот товарищ Эльдаров, военный комиссар...

Да х и р. Это точно, комиссар?

К о м и с с а р. Да, точно. А вы кто? Откуда?

А т а б е к. Я работал стражником у князя Хаджибатьра. А это сын мой.

Да х и р. Примите нас в армию, где командиром наш Арслан. Нам очень нужно, ну а если не примете, мы жаловаться будем товарищу Сергею. Я ростом небольшой, но мне уже семнадцать лет.

К о м и с с а р. Джигит, примерно года три накинул?

Да х и р. Нет, только два.

К о м и с с а р. Расскажите-ка о себе, присаживайтесь.

А т а б е к. Было у меня три сына. Старшего отправили за сына богатея на турецкий фронт. Там он и погиб. Второго сына отправили сражаться на какие-то болота. Через год вернулся раненый. Пожил немного дома, потом и говорит: «Отец, я большевик и должен вернуться в строй». Уехал, с дороги прислал одно письмо, а вскоре мы узнали, что белые его повесили. Мать не перенесла этого и умерла. Теперь мы с Дахиром одни. Князь любуется, и подчиняться ему я больше не хочу. Хоть не молод я, но силы еще есть. Клянусь, что буду мстить князьям и богатеям и за сыновей, и за всех, кого они замучили! Как сын мой, Ибрагим, большевиком хочу быть!

Дахир. И мне за братьев надо мстить. И за мать тоже.

Комиссар. Ну что же, в большевики, пожалуй, вам и рановато, а вот красноармейцами в отряд зачислить можно. Товарищ Анна, запишите джигитов в наш комендантский взвод. Ну, а потом видно будет.

Анна. Хорошо, товарищ комиссар. (*Обращаясь к Атабеку.*) Ваша фамилия?

Атабек. Елмезовы мы. Я — Атабек Ойусович, а сын — Дахир.

Анна. Вот вам записка. Разуштите командира взвода и устраивайтесь.

Атабек. Спасибо.

Дахир. Спасибо.

Атабек. Еще бы нам Арслана увидеть... Очень нужно, очень!

Комиссар. Приедет — и повидаетесь.

Атабек и Дахир уходят.

Да, Арслан — легендарная личность, всем нужен.

Анна. Вы с ним встречались раньше?

Комиссар. Да, росли вместе, но много лет уже не виделись. Говорят, лихой стал командир.

Анна. Да, лихой, вот и боюсь я за него...

Комиссар. А вы тоже его знаете?

Анна. Работали вместе... Он опытный подпольщик и умный агитатор. От смерти уходил не раз и много хлопот жандармам доставил. Мы его абреком звали.

Комиссар. Так это он абрек? Ну как же, слышал, слышал об абреке. Ай да Арслан! За таким командиром бойцы в огонь и в воду пойдут.

Слышно приближающееся пение отряда.

Голос Арслана. Отряд, стой!

Анна и комиссар смотрят в окно.

Комиссар. Пройдет немного времени, и у нас будет замечательная армия! Армия рабочих и крестьян; мощная, непобедимая Красная Армия. И командиры у нас будут такие вот, как Арслан.

Анна. Подумаешь о будущем — и так жить хочется, долго-долго, чтобы все это увидеть!

Входит Арслан.

Арслан. Здравия желаю! Здравствуй, Анна!

Анна. Здравствуй, Арслан! Вот, познакомься, наш новый комиссар.

Арслан. Постой-ка... да это же Умар! Умар! (Обнимаются.) Ох и давно же мы не виделись с тобой!

Комиссар. Давно, мой друг, давно! Как я рад обнять тебя.

(Слышно приближающееся пение еще одного отряда красноармейцев.)

Анна (у окна). Товарищ Сергей прибыл.

Комиссар. Пойду встречать. (Выходит.)

Анна. Отец твой приехал сегодня сюда.

Арслан. А где он?

Анна. Ждал тебя, но не дождался, пошел товарищей проведать.

Арслан. Что он рассказывал? Как мать, Зубайда? Здоровы ли они?

Анна. Все, кажется, в порядке. Но он их давно не видел. Жаловался комиссару, что сын жениться не торопится, а ему пора уж дедом стать. Уж и невесту подыскал — первая красавица в ауле, сама тихая и статная, как телка!

Арслан. Ну уж нет! Невесту-то я сам нашел! Она прекрасна, как весенний цветок, стройна как тополь, но холодна, как снег на горных вершинах! Не любит меня, никак замуж не идет...

Анна. Арслан!

Арслан. Несчастный отец! Сколько ему еще внуков ждать? До каких пор откладывать будешь?

Анна. До тех пор, пока врагов не выгоним с Кавказа.

Арслан. Ах, так! Ну что же, держитесь, беляки! И так на вас наяду, что небо вам покажется с овчинку!

Входят комиссар и товарищ Сергей.

Сергей. Здравствуйте, товарищ Анна! (Арслану.) А ты уже здесь? Вот почему ты так спешил, что мы никак угнаться за тобой не могли!

Арслан не находит что ответить, смущается.

Умар, ты знаком с нашим абреком?

Арслан. Мы с ним давние друзья.

Комиссар. Товарищ Сергей, забыли, как мы вместе у костра сидели, там, наверху, в ущелье?

Сергей. Помню, все помню. И твои вопросы, и твои

рассказы о трудовой доле горцев помню. Арслан, рад сообщить тебе, что за последние бои тебя командование представило к награде. (Обращаясь к Анне.) Он у нас герой!

Арслан. Какой герой... Все больше разговоры...

Сергей. А ты не скромничай. Вот расскажи-ка Умару, как ротмистра в тюрьме оставил за себя.

Арслан. Да что там говорить, все просто было.

Сергей. Просто, так и расскажи. И я послушаю — подробностей не знаю.

Арслан. С чего и начать?.. Сижу, значит, я в одиночке и думаю: не вырваться мне отсюда, конец. И вот приходит ко мне для «дружеского разговора» ротмистр Таубий — я у него в денщиках был. Начал он меня жалеть, вспомнил, что мы братья молочные. Сказал, что если меня повесят, то он не переживет такого горя. И так он расстроился, что стал умолять меня, чтобы я назвал имена всех подстрекателей, бунтовщиков. За это обещал полное прощение. А я посмотрел на княжеский мундир и на свою тюремную одежду и подумал: не поменяться ли нам нарядами? Ну, и тогда решился я на маленькую грубость. Схватил тюремную табуретку и стукнул Таубия по загривку. Думал, Хаджибатыру известие пойдет, что сын пал в борьбе с большевиками... Но ошибся: выжил Таубий. Я только повредил его немного.

Комиссар. Интересно знать, из чего же череп у ротмистра, если он уцелел от твоего удара?!

Арслан. Сам до сих пор дивлюсь.

Сергей. Ну, а потом? Рассказывай, что дальше было?

Арслан. А дальше что? Стащил с него мундир и галифе, оделся. Натянул шегольские сапожки и без особой жалости покинул камеру. Ну, а князь в одних подштанниках остался лежать.

Комиссар. А ты не боялся, что тюремщики тебя узнают и задержат?

Арслан. Боялся, а что делать? Рисковать так рисковать! К тому же у меня бородашка отросла, точь-в-точь как у него. Усы я подкрутил колечком, ну и сошло. Тюремщик подтянулся, поприветствовал и пропустил.

Комиссар (смеется). Да... Ты в рубашке родился!

Арслан. А вот во дворе я здорово струсил. Иду, смотрю — начальника тюрьмы, в дымину пьяного, два офицера ведут. Один из них был частым гостем Таубия. Ну, думаю, конец! Но он был как озабочен своею ношею,

что не обратил на меня никакого внимания. А я... Попробуйте, никогда еще так не трусил!

Все смеются.

Ну что же тут смешного?

Комиссар. Да как же не смешно? Смешно!

Арслан. Это сейчас смешно! А тогда... не знаю, откуда и силы взялись бежать, до сих пор не понимаю.

Сергей. А я понимаю! Силы большие появляются тогда, когда перед тобою светлая, значительная цель! А у тебя еще столько дел впереди было!

Арслан. Это верно!

Сергей. Вот расскажу вам... Удирал я однажды из ссылки по тайге, в пургу... Снег бьет в лицо, ветер в ушах свистит, напор такой, что дышать нет сил. Думаю, вот-вот свалюсь и больше не встану. И вот сцепил я руки, собрался из последних сил и ветру что есть силы закричал: «Врешь, выберусь! Мне надо жить, надо... надо!» И выбрался! Ты понимаешь, выбрался! Цель в жизни великая была. Так вот и у тебя, Арслан.

Пауза.

Мы, большевики, люди твердой воли. Ведь мы ведем борьбу за жизнь, за миллионы жизней! И нам надо победить! Во что бы то ни стало, но победить. Вот так, Арслан...

Комиссар. А чем закончились, Арслан, твоиключения в тюрьме?

Арслан. Чем? Оглянулся я по сторонам, смотрю — знакомый вороной на привязи танцует. Вскочил я на него, ожег пагайкой — и из ворот! Ну, вот и все.

Сергей. Нет, не все! А самое главное, как вы с Ягодиным освободили приговоренных к смертной казни и посадили в камеры офицеров вашего полка?

Комиссар. Об этом я знаю, наслышан.

Сергей. Ну, а если знаешь, то перейдем к делу. Вы знаете, что Северный Кавказ принял Совет Народных Комиссаров. И только в Балкарии и Кабарде зашли отборные полки белогвардейцев. Задача перед нами такая: изгнать из всех ущелий банды офицеров и князей и взять Нальчик. Задача трудная, сил у них немало, поэтому принято решение заслать в Нальчик окольными путями группу товарищей и поднять там народ. И только тогда ударить в лоб и с флангов. Завтра на совещании будут изложены подробности!

Арслан. Товарищ Сергей, а когда начало наступления?

Сергей. Об этом после. А сейчас, Умар, поедем по частям. Арслан, ты немного отдохни, а потом займешься подготовкой к бою. Пошли, Умар.

Комиссар и товарищ Сергей уходят.

Арслан. Значит, скоро бой... Вот и встречусь я с Хаджибатыром. Анна, может быть, ласковое слово скажешь?

Анна. Ласковое слово? Смешной! Ласковые слова по заказу не получают. Когда говорю тебе ласковые слова — ты далеко...

Арслан. Так сейчас я рядом!

Анна. А когда ты рядом, приходится говорить о делах... Но могу тебе сказать, что скоро и наша свадьба!

Арслан. Анна, я закричу! Я буду петь, плясать... Асса! Асса! *(Танцует вокруг Анны.)*

Входят Зулкай, Атабек и Дахир.

Зулкай. Не время, сын, плясать! Бери скорее саблю, винтовку и спасай ее!

Арслан. Кого спасать? О чем ты говоришь, отец?

Зулкай. Украли Зубайду, нашу бедную Зубайду... И бросили ее в подвал.

Арслан. Украли? Кто украл? Да говори же толком, отец!

Зулкай. Вот они пусть расскажут...

Арслан. Атабек? Зачем, почему ты здесь? Ты же у Хаджибатыра в сторожевых псах — и вдруг здесь?

Атабек. Выслушай, Арслан! От князя я убежал — нет сил больше терпеть... Ваш комиссар меня в красноармейцы принял и вот его тоже.

Дахир. Да, и меня тоже.

Арслан. Ну ладно, разберемся. Про Зубайду расскажи, что случилось?

Атабек. Украли, верно! Приехал Таубий и первым делом приказал схватить Зубайду и притащить на княжий двор. Элкурут веревками ее связал и потащил, а я скорее сюда — тебя предупредить. Вот и Дахира с собою прихватил.

Арслан. Так, значит, Таубий вернулся?!

Дахир. Да, и не один. С ним полковник и другие офицеры...

Арслан. Сестра в опасности... Надо срочно ее освободить!

Лина. Сначала посоветуйся с комиссаром и все обдумай, как лучше ее выручить.

Зулкай. При чем тут комиссар? Минута дорога, ты что стоишь?

Арслан. Сейчас. Надо придумать... А может, это...

Зулкай. Ты что, Таубия испугался? Трусом стал?

Арслан. Пошли, Дахир, поможешь.

Лина. Арслан, одумайся!

Арслан и Дахир уходят.

Один ты не справишься, а голову потеряешь! Арслан, опомнись! Ты о приказе забыл! (*Бежит за ним.*) Арслан!

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Усадьба Хаджибатыра. Декорация первой картины. Раннее утро, на крыльце дома, зажав винтовку между коленями, сидя спит Элкурут. Айжаяк выходит из дома.

Айжаяк. Эй, Элкурут! Ты спишь? Это так ты охраняешь княжеский покой?

Элкурут. Княгиня, нет, не спал — молился о даровании победы всем правоверным.

Айжаяк. Если все будем молиться вот так, то победы нам не видать как своих ушей! Вот князю расскажу...

Элкурут. Княгиня, пожалей! Сморило! Всю ночь туда-сюда... Ведь господа всю ночь не ложились. Разложили на всех столах карты, писали, спорили все чего-то, а я едва успевал носить им вино да всякие продукты. Перед рассветом те двое офицеров, что полковника сопровождали, велели оседлать им лошадей и успешно ускакали. Курман-Эфенди проводил их до моста.

Айжаяк. Ну, а другие?

Элкурут. А другие приказали поднять их вместе с походом солища и не раздеваясь повалились на диваны... Вот я сторожу.

Айжаяк. Ты оглянись кругом! Ведь солнце-то уж давно взошло, а ты все ждешь. Беги скорее буди господ. Я пойду им завтрак приготовлю. (*Уходит.*)

Хаджибатыр (*за сценой*). Эй! Элкурут, башка пустая! Где ты?

Элкурут. Я здесь, мой князь! Уже иду, спешу!

Хаджибатыр (*входит*). Спешешь? А приказанья не выполняешь? Смотри у меня! Дозорные поставлены? Эл курут. Поставлены, мой князь. На всех тропинках и дорогах наши люди — незамеченным не проскользнет.

Хаджибатыр. Ты головой за это отвечаешь. Ступай проверь.

Эл курут. Бегу, мой князь! (*Убегает.*)

Хаджибатыр (*в дверь*). Эй, господа! Вставайте! Смотрите, утро-то какое!

Входят Гордеев и Таубий.

Гордеев. С добрым утром, полковник. Давно уже на ногах?

Хаджибатыр. Нет, только что, но спать почти не спал. Встревожили и взволновали меня известия, которые вы привезли. Неужто и Нальчику, и нашему ущелью грозит судьба Пятигорска и Владикавказа?!

Гордеев. Да, князь, грозит. У большевиков пока и сил побольше, и народ сейчас за них. Но недолго им царствовать! Со всех сторон подтягиваются наши силы. Горские народы втягиваются в междоусобную войну. Уже схватились казаки и чечены, осетины и ингуши и бьют друг друга не жалея сил. А мы за это время соберемся с силами и ударим большевикам в спину.

Хаджибатыр. Но сейчас что нам делать? Уходить?

Таубий. Не понял ты, отец! Не уходить, а драться! За каждый куст, за каждый камень — до конца. Призвать на помощь ислам. Винить большевиков в безбожии и во всех грехах и насилиях! Истреблять их!

Гордеев. Ротмистр прав, к сожалению. Чем беспощаднее мы будем, тем раньше истребим заразу большевизма на всем Кавказе. Ну, а потом кольцом блокады задушим их и в Москве, и в Петербурге.

Хаджибатыр. Скорее бы, скорее!

Таубий. Отец, от абрека известия какие-нибудь есть?

Хаджибатыр. Пока нет, но дозоры наши на местах. Все сделано, как ты просил: они его пропустят и последуют за ним, сжимая кольцо, а здесь, около дома, схватят живым и невредимым.

Таубий. Ну, а потом я покажу тебе, как надо мстить... И вас, полковник, приглашаю на представление. Вам ведь тоже надо с ним расплатиться за сестру?

Гордеев. Боюсь, что ваш спектакль будет... как бы это сказать... будет слишком острым для меня. Но надо привыкать. Я не откажусь. Однако надо торопиться, господа. Мы с вами, ротмистр, не можем здесь долго задерживаться.

Таубий. Я думаю, что «гость» не заставит нас долго ждать. Наш горский темперамент, полковник, не позволит ему стерпеть обиду, нанесенную сестре. Ловушка сработает как надо!

В ворота вбегает Элкурут.

Элкурут. Князь! Князь!

Таубий. А вот и первое известие, полковник.

Элкурут. Князь, он пробирается сюда. С ним мальчишка... говорят, какой-то... и все, больше никого.

Хаджибатыр. Тем лучше, меньше шума. Ну, сын, распорядись. Тебе, как говорят, и карты в руки.

Таубий. Вас, полковник, прошу пройти в дом. Оружие на всякий случай приготовьте! А ты, отец, горяч, несдержан, и тебе наган свой подальше лучше спрятать. Ты встанешь за углом и будешь ждать сигнала. Я укроюсь за дверью и буду действовать, как подскажет обстановка. Все ждите моего сигнала. Итак, все по местам!

Входит Айжаяк.

Айжаяк. Господа, прошу к столу.

Хаджибатыр. Иди ты к дьяволу!

Айжаяк убегает.

Пауза. На заборе появляется Дахир, осматривает двор, затем дает знак Арслану, который тут же возникает около Дахира. Оба прислушиваются и внимательно осматриваются.

Арслан. Тихо и никого нет...

Дахир. Пошли!

Арслан. Нет, постой, уж очень тихо! Не ловушка ли это? Куда все подевались? Как будто в сонном царстве.

Дахир. Позволь, Арслан, я спущусь тихонечко и все разнюхаю...

Арслан. Пожалуй, так вернее... Иди.

Дахир спускается с ограды во двор, заглядывает в окна.

Дахир. Не видать никого. Бывает у них так. Отец

мне рассказывал, что пируют всю ночь, а потом спят, пока снова к съестному не потянет.

Арслан. Иди к воротам, загляни, а я спущусь.

Дахир идет к воротам. Арслан спускается с забора вниз, во двор. Идет с наганом в руке. Из-за угла выскакивает Элкурут и вышибает наган из рук Арслана. Тут же Хаджибатыр набрасывается на Арслана, Таубий свистит. Выбегают все и вяжут Арслану руки. За забором и у ворот появляются дозорные и хватают Дахира.

Таубий. Ну, все! Так просто и быстро! Абрек, приветствую тебя на родной земле. Ты принес мне должок? Ну что же, я очень рад. Расплатимся и расквитаемся сполна, держись! Проценты я большие потребую! А это что за парень?

Элкурут. Это Дахир, сын Атабека.

Таубий. Сын Атабека, стражника? А где же Атабек?

Элкурут. Вчера, когда мы Зубайду вели сюда, он где-то по дороге отлучился и вот пропал...

Хаджибатыр. А не сбежал ли он к большевикам?

Элкурут. Не знаю, господин полковник. Сейчас такие люди стали, что не знаешь, от кого что и ожидать!

Дахир. Вы угадали, князь! Он сбежал к большевикам и меня с собой взял, я тоже большевик!

Хаджибатыр. Ах ты, паскуда, большевик! Вот я тебе покажу. *(Ударяет его.)*

Таубий. Отец! Ведь я же просил тебя быть сдержанным! Горцам не к лицу...

Арслан. Дахир, спой-ка теперь самому господину ротмистру о его же мужестве!

Дахир. Господин полковник, вы не раз уж слышали эту песню, подпевайте! *(Пост.)*

Ты зря надеешься, Хаджибатыр,
Что сын вернется в генеральском чине.
Он, на людей глядевший свысока,
Лишился тени собственной отныне.

Хаджибатыр. Хватит! *(Сыну.)* Как ты терпишь это? Или в жилах твоих не кровь течет, а молоко!

Дахир *(продолжает петь)*.

Единым махом богатырь Арслан
Из княжича дух выбить постарался,
И Таубий в камере лежать
В одних подштанниках остался.

Таубий. Заткните ему рот!

Курман-Эфенди. В огонь их надо живьем бросить... клянусь кораном!

Арслан. Слышишь, Дахир, песня-то какой успех имеет!

Дахир. Я могу спеть и про Эфенди. *(Поет.)*

Ой, княгиню Айжаяк
Обнял сладко Эфенди.
Кот шkodливый не дурак —
Льнет он вновь к ее груди.

Курман-Эфенди бросился к Дахиру, закрывает ему рот, но тот выкручивается и продолжает петь.

И не знает муж того, 1,
Что жена творит тайком.
Страсть одна лишь у него —
Плеть вздымать над бедняком.

Курман-Эфенди. Замолчи, щенок!

Гордеев *(подошел к Дахиру)*. Слушай, мальчик, ты озорной и смелый и за это заплатишься жизнью, если только не расскажешь, что увидел там, в отряде этого Арслана. Сколько там людей, оружия? Готовятся к чему?

Дахир. Людей? Немного... ну, вот столько, сколько камней в реке. Оружия? Не видел, только винтовки, да эти... как их... пулеметы, да несколько пушек. Готовятся к чему? Свернуть вам головы — и больше ничего...

Гордеев. И ты того же хочешь?

Дахир. А я, как все...

Таубий. Подохнешь так, как и все!

Дахир. Спасибо, генерал!

Таубий. Замолчи, щенок! *(Бьет его наотмашь.)* Собачий сын...

Дахир теряет сознание, падает.

Теперь пора и с абреком рассчитаться! Элкурут, приведи-ка сюда его сестру — прекрасную Зубайду.

Элкурут убегает.

(Арслану.) Ты ведь пришел сюда, тревожась за ее судьбу? Похвально! Такая братская любовь нас трогает! Сейчас увидишь ее, и не только увидишь, а больше... вот и она... Узнаешь?

Элкурут вводит Зубайду.

Зубайда. Арслан! И тебя схватили? Заманили в ловушку, а я приманкою была... Горе мне... *(Плачет.)* Уж лучше б не родиться на свет!

Арслан. Не плачь, родная, твоей вины тут нет. Я оплошал... Кровь закипела, и все забыл, даже к совету друзей не прислушался. За это и наказан... А ты тут ни при чем, моя сестренка дорогая. Беда лишь в том, что ты моя сестра, а эти шакалы не пожалеют и тебя!

Таубий. Ты прав, абрек, не пожалеем! Заплатит и она частицу твоего долга, ведь тебе одному не в силах расплатиться. Кто первый? Эй, Элкурут!..

Элкурут. Я слушаю вас, князь!

Таубий. Вон на тот сук вревку, быстро!

Хаджибатыр. О да, абрек с ним уже знаком! Именно на нем мы хотели его повесить в прошлый раз! Жаль, что не повесили,— столько бед бы не знали! Но ничего, сейчас исправимся...

Таубий. Нет, не заслужил такого почета этот старый сук, ему довольно будет и Зубайды. Мы ее первую повесим, а абрек пусть насладится ее прощанием с жизнью! Ну, а для него придумаем что-нибудь позабавней. Мы, горцы, народ гостеприимный и для такого дорогого гостя на все готовы!

Зубайда. Шакалы тоже в горах живут, только кто посмеет назвать их горцами? Так и вы — какие вы горцы?! Трусливые и жалкие шакалы! О, мне бы такой же голос, как у нартов,— я бы раздавила вас голосом своим! Арслан, ты видишь, я не плачу...

Таубий. Да вешайте вы ее скорей!

За сценой слышен цокот копыт отряда всадников, редкие выстрелы перестрелки.

Кто это? Что за черт?!

Голос. Спасайтесь, красные!

В ворота вбегают дозорные.

Мы окружены.

Таубий. Жалкие трусы! Предатели! Возвращайтесь на свои места! *(Бьет их. Некоторые из дозорных бросают оружие.)* Элкурут, ворота на запор!

Но в ворота вбегают комиссар, Атабек, Анна, Зулкай и другие красноармейцы.

Но все же клятву свою я выполню, отец! Ты первая, тебе и пуля первая. *(Стреляет в Зубайду, та падает, в это время идет перестрелка и рукопашный бой.)* Ну, а те-

бе вторая! (Поднимает пистолет на Арслана, но роняет его, получив ранение.)

Лиджибатыру связали руки. Элкурут и другие из стражи складывают оружие.

Комиссар. А ваше оружие, господин полковник? Вот сюда. Смлее, смлее.

Гордеев кладет оружие. Анна и Атабек хлопочут возле Дахира и Зубайды. Зулкай развязывает Арслану руки.

Комиссар. А у вас, Эфенди, чего-нибудь такого нет?

Эфенди. Нет, господин начальник, нет!

Комиссар. Поищите, Эфенди, поищите, а то мы поищем.

Эфенди. Да, да, здесь что-то есть, а как оно попало?

Комиссар. Положите...

Эфенди кладет револьвер.

Анна. Товарищ комиссар, раненых надо срочно отправить в госпиталь. У Зубайды тяжелое ранение... может быть... Я еще перевязку сделаю, но надо срочно отправлять...

Комиссар. Сделайте что можно, товарищ Анна. Идите сюда, Арслан. Как вы, командир полка, могли решиться на такой поступок?.. Но здесь не место говорить об этом! Да и время не терпит. Примите командование над отрядом и действуйте дальше, нас ждут.

Арслан. Есть, товарищ комиссар! Могу идти?

Комиссар. Нет, подождите. (Гордееву.) Полковник, я рад вас видеть здесь и безоружным. По нашим сведениям, вы многое успели натворить, но ваша группа у нас в руках, не вся, конечно, но большинство.

Гордеев. Ну что ж, на войне как на войне! Сейчас успех на вашей стороне, а завтра может быть на нашей. Судьба! Вы разрешите сказать два слова моей сестре?

Комиссар. Сестре? А где она?

Гордеев. Вот та женщина, у раненых. Вы ее зовете «товарищ Анна».

Комиссар. Товарищ Анна, это ваш брат?

Анна. Да, брат, но говорить нам не о чем!

Арслан. Я это подтверждаю, товарищ комиссар.

Комиссар. Вы слышите, полковник? Прошу прощения, но вашу просьбу исполнить не могу. Прошу вас

к выходу, и вас, полковник. Эфенди, следуйте за нами. (Элкуруту.) А вы возьмите помогите вон этому и тоже следуйте за нами.

Гордеев, Хаджибатыр, Элкурут с Таубием и Эфенди выходят в ворота в сопровождении красноармейцев.

Арслан, помогите устроить раненых — и на Нальчик!
Арслан. Есть, товарищ комиссар!

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Полевой штаб делегации, которая направлена съездом в Базоркино — Ольгинское для заключения мира между осетинами и ингушами. До штаба допоятся выстрелы. У телефона сидит Дахир. Анна за столом пишет донесение.

Дахир. Идет война, а я сижу в этой яме и слушаю чужие голоса. И вся обязанность состоит лишь в том, чтобы ответить: «Его нет. Еще не приходил...» И больше ничего. Арслан мне обещал, что немного посижу вот у этой трубки, а потом пойду с ним по окопам... Забыл! А я сижу и жду... А там война — сражаются, стреляют, рубятся на саблях!..

Анна. Какая там война? Междоусобица! Кровные братья бьют и режут друг друга. Вот мы и пришли сюда, чтобы помирить этих братьев. Осетины и ингуши схватились мертвой хваткой, а что делают? Сами толком не знают!

Дахир. Так надо им растолковать! Пусть мирятся и вместе бьют белогвардейцев. Может быть, и меня посадят на коня?! Ох, я бы им!..

Анна. Да, ты бы им... А пока наши товарищи делегаты ходят по окопам, разговаривают, убеждают... по толку нет! Белогвардейские агенты, князья и разные там эфенди мутят людей, разжигают вражду между кавказскими народами, направляют их на казаков, а казаков на горцев.

Дахир. И даже товарища Сергея не слушают? Вот беда! Эх, взяли бы меня, уж я бы им растолковал...

Анна. Да, ты бы им растолковал!.. Но вот беда — у трубки сидеть некому, а это дело очень ответственное, не всякому доверишь. Так что уж примиришься.

Зуммер телефона.

Да х и р. Товарищ Елмезов слушает. Кто Елмезов? Ответственный дежурный... да. Что, что? Не слышу. У телефона, говорю, ответственный дежурный! Сам бесполковый. Что? Простите, товарищ комиссар, я не узнал вас... какой-то голос... не такой. Товарищ Анна? Здесь она. Передаю... Товарищ Анна, вас комиссар просит. Эх, не помнит комиссар мою фамилию...

А н н а. Я слушаю, товарищ комиссар. Нет не был. От осетин? Никто не приходил. Сейчас заканчиваю доносение... Безрадостное, как всегда. Задержать до возвращения? Хорошо, слушаюсь, не буду торопиться.

Шум голосов.

Вот кто-то к нам подходит... По голосам как будто товарищ Сергей и Арслан. Хорошо, я передам. (*Дахиру.*) Прими, ответственный дежурный. (*Отдает трубку Дахиру.*)

Входят Арслан, товарищ Сергей и Зулкай.

Сергей. Ну вот и мы, товарищ Анна.

А н н а. За время вашего отсутствия ничего не произошло, никаких изменений. Только что говорила с комиссаром. У него есть какие-то новости. Сейчас он придет.

Сергей. Хорошо. А тут что-нибудь съестное есть? Ходили много, никто нас не кормил.

А н н а. Вот целый котелок каши и хлеб.

Сергей. А ну-ка, делегаты, приступай.

Все садятся за стол и из общего котелка едят кашу с хлебом.

А ты, Дахир?

Да х и р. А мы уже...

Сергей. А ты еще...

Да х и р. Нет, не могу — при исполнении служебных обязанностей. Дежурю вот у телефона...

Сергей. Ну что же, служба есть служба, дежурь...

Все едят. Дахир достал кусочек хлеба, тоже ест.

А н н а (*подала кувшин с молоком*). А это вот подарок вам. Пришла какая-то старушка, поставила на стол и сказала: «Это миротворцам нашим, только поскорее пусть это побоище приостановится. Два сына у меня дерутся с ингушами, а за что, про что — не знаю».

Сергей. Вот видишь, Арслан, что люди-то простые говорят? Никому не нужна эта резня.

Арслан. Бьемся мы впустую, товарищ Сергей. И вообще мне это дело не по душе. Казаки бьют чеченцев, осетины схватились с ингушами! Это их дело, пусть дерутся! Нам мировую революцию надо делать, а они тут чего-то делят! Нам-то что до них!

Сергей. Ну, Арслан, такого я от тебя не ожидал! Видать, и ты болеешь...

Зулкай (*перебивает*). Ай, сынок, заболел!.. Что болит, сынок?

Сергей. Опасная болезнь у вашего сына, Зулкай... (*Арслану.*) Болеешь ты той же болезнью, что и многие кавказские народы. Вражда народов и племен издревле была оружием захватчиков, их лозунг — «Разделяй и властвуй!». С этим девизом капиталисты захватили весь мир. А мы, большевики, мы веруем в другое. Наша сила в единстве всех народов! Ты устал, Арслан, и говоришь слова, которым не веришь сам.

Арслан. Прости... действительно устал. Но где-то там, внутри, сидит еще эта болячка.

Зулкай. Трудно нам, инородцам, преодолеть все это, ведь многие века вколачивали в нас муллы, князья и прочие иуды совершенно обратное! Сколько здесь у нас, на Северном Кавказе, разных племен и народов — и все мы врозь, как волки друг на друга рычим, лязгаем зубами! А если бы все вместе! Ведь будем же мы когда-нибудь все вместе?!

Сергей. Будем, Зулкай, обязательно будем! И создадим такое... Дворцы культуры, красивые парки, цветущие города, дороги... и летательные аппараты, которые унесут нас к звездам...

Зулкай. Твоими устами да мед пить!

Дахир. Вот мне бы на Луну, на коне крылатом!

Зулкай. Размечтался, парень! А ковер-самолет из сказки не хочешь?

Сергей. И хорошо, что мечтает! Вот прогоним белых, пойдет он учиться, закончит академию и, может быть, полетит на чем-нибудь таком... ну, вот хотя бы на ракете, только на большой, до самой до Луны.

Дахир. Давайте-ка мирите их скорее! Уж очень на Луну хочется!

Все смеются. Входит комиссар.

Сергей. Вот и Умар. Эх, опоздал немного...

Анна. Пришел и все разрушил. Мы тут о будущем мечтали!

Комиссар. О будущем и я люблю помечтать, но вот беда... о настоящем тоже думать надо! Нам подброшено письмо... вот.

Сергей. Ну-ка, ну-ка... *(Берет письмо, читает.)* «Делегатам по замирению...» Это, значит, нам. «Вас сюда прислали для установления мира между кавказскими народами: осетинами и ингушами, чеченцами и казаками. Но нам, истинным сынам России, это ни к чему. Мы предупреждаем вас, что если вы еще пойдете по окопам, то мы применим против вас оружие, белый флаг вам не поможет. Берегитесь! Если вам дорога жизнь, то унесите отсюда ноги, да поскорей! С приветом, ваш старый знакомый Гордеев». Гордеев? Это тот полковник, что вырвался тогда из наших рук?

Комиссар. Да, товарищ Сергей, наверное, тот самый. При переходе через мост этот полковник и ротмистр Таулуев прыгнули в стремнину. Ротмистра нашли разбившегося о камни, а полковник не был обнаружен. Вот теперь он и объявился.

Сергей. Это ваш брат, товарищ Анна?

Анна. Да, к сожалению, мой брат. Он фанатичный белогвардеец, поэтому очень опасен. Его письму нельзя придавать значения. Он выполнит свое обещание.

Сергей. Это существенное разъяснение, но, товарищ Анна, на этом и строится их пехитрый расчет: мы остережемся и, может быть, не выполним задание съезда и уедем восвояси. Этим развяжем руки.

Комиссар. В том-то вся и штука! Потому я так и торопился, что получил известие о том, что ингуши готовы к замирению и ждут наших делегатов у себя в окопах. Наконец-то они одумались и согласны на мирные переговоры! Ну, а вдохновители междоусобия пронюхали об этом — вот и письмо!

Сергей. Так, значит, наша работа впустую не пропала. Арслан, ты слышишь, не пропала! А ты нос повесил.

Арслан. Не корите меня, товарищ Сергей, минутной слабостью, ведь я не дипломат, а простой солдат.

Сергей. Ты солдат революции, а это очень много значит! Ну, дорогой Умар, обрадовал ты нас! Поймут же люди наконец, что в междоусобной войне нет победителей, а есть только побежденные. Сейчас мир вступил

в жестокую классовую борьбу. Наша задача — взять власть в свои руки, руки рабочих и крестьян, без различия племен и наций. Все горские народы должны объединиться в этой борьбе и протянуть друг другу руку! Правильно я говорю?

Зулкай. Я, товарищ Сергей, все сказанное вами одобряю!

Сергей. Вот, слышите?! Зулкай со мной согласен, а вы...

Арслан. Если уж отец... то мне ничего другого не остается, как согласиться с вами.

Сергей. Ну и прекрасно! Так, значит, нас ждут переговоры с ингушами? Умар, они точное время назначили?

Комиссар. Нет, время не назначено. Мы должны выйти с белым флагом... Слышите? Стрельба уже прекращена, — значит, они готовы к встрече делегатов. Кто пойдет с нашей стороны?

Сергей. На переговоры пойду я.

Комиссар. Я предлагаю поручить переговоры кому-нибудь из командиров. Лучше всего послать меня, так как я в курсе дела.

Зулкай. Товарищ Сергей, решать, конечно, ваше дело, но я считаю, что лучше всего послать меня... Я старый, я их всех знаю...

Анна. Товарищ Сергей, вам туда идти нельзя, Гордеев выполнит свою угрозу.

Сергей. Друзья мои, мне понятна ваша тревога, но переговоры должен закончить я. Возглавить это дело мне поручено съездом. Провокация возможна, но я уверен, что если ингуши дали согласие на переговоры, то своему слову не изменят и не позволят поднять на нас оружие. Парламентеры для всех народов неприкосновенны. Они не тронут меня.

Комиссар. Тогда возьмите меня и еще двух-трех командиров для охраны.

Дахир. И меня.

Сергей. Со мной пойдет один Арслан. Мне с ним никто не страшен. Если он без потерь ворвался со своим отрядом в Нальчик, то и сейчас никаких потерь не будет! А вы, Умар, останетесь за старшего, выставьте заслоны на пути, хороших наблюдателей и охрану.

Комиссар. Слушаюсь, товарищ Сергей. (*Уходит.*)

Сергей. Где флаг?

Зулкай. Флаг! Где флаг? *(Суетится.)* Без него вам идти нельзя.

Анна. Сейчас принесу. *(Уходит.)*

Сергей. Что ж, Арслан, подготовимся, присядем? *(Оба садятся.)* Нам доверено большое дело, и от того, как мы его выполним, зависит жизнь многих людей.

Входит Анна с флагом.

Анна. Вот и знамя.

Сергей. Бери его, Арслан, и — вперед! Товарищ Анна, Зулкай, до свидания. Привет, Дахир!

Входит Умар.

Комиссар. Ваше приказание выполнено, товарищ Сергей!

Зулкай. Товарищ Сергей, может, меня возьмете?

Арслан. Спасибо, отец... До свидания.

Зулкай *(вздыхнув)*. Счастливого пути...

Сергей. Пошли, Арслан.

Свет на сцене тускнеет. Вывсвечивается бруствер окопа, на котором появляются Арслан и товарищ Сергей. В руках Арслана развевается белый флаг. В глубине сцены мелькнула фигура Гордеева. Арслан резко заслоняет собой Сергея. Выстрел... другой... Арслан опускается на землю. В глубине сцены шум, крики. Гордеева схватили. Товарищ Сергей берет из рук Арслана флаг и наклоняется над ним. Луч прожектора ярко освещает лицо Анны. Она закрывается руками, опускается медленно на землю. В это время звучит первый аккорд из песни Солтан-Хамида, резко затихает и далее звучит тихо.

Зулкай. Сынок... Тебя ранили? Сынок...

Дахир *(смотрит в глубь сцены)*. Схватили, схватили того, кто стрелял!

Сергей. Товарищ Анна! Сюда! Скорее, скорее! Бегом!

Анна бежит вверх, склоняется над Арсланом. Зулкай и Анна хлопочут около Арслана. Появляются остальные бойцы из группы по замирению.

Подходит делегация ингушей.

1-й ингуш. Товарищ Сергей, мы поймали этого шакала! Это полковник Гордеев в вас стрелял. Мы его хорошо знаем. Он опозорил нас и будет казнен! А вас мы приглашаем для подписания договора, мы согласны его подписать!

Сергей. Спасибо...

Анна плачет.

(Наклоняется над Арсланом.) Арслан! Как же так, Арслан? Пулю, предназначенную мне, ты принял на себя...

Все снимают шапки.

Клянемся тебе, Арслан, что мы не выпустим оружия из своих рук, пока на всей земле не воцарится мир!

Звучит песня.

Ты любил народ и всю свою жизнь посвятил служению народу! Он этого не забудет... Он сложит песню о твоём мужестве, о силе и гордом сердце! Своею кровью ты скрепил великое единство всех народов, борющихся за свою свободу, за братство, за светлое будущее всех людей! И мир, который мы заключим между нашими народами, будет лучшим памятником для Арслана, для нашего абрека!

Громко звучит песня.

Занавес

РАССВЕТ В ТОРАХ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ,
5-ти КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А х м а т — комиссар балкарского полка.

И б р а г и м — командир гунделенского партизанского отряда.

К о н а к — командир чегемского партизанского отряда.

С м и р н о в — председатель ставки командования Красной Армии.

С а л и м	}	п а р т и з а н ы.
Ф а р и з а д		
М у с о с с		
М а х м у д		
Х а с а н		
Д а ш а		
С о н я		

1-й и 2-й партизаны.

В а н и н — начальник штаба партизанского отряда.

Д а у т	}	г о р ц ы.
Х и з и р		
С т а р у х а		

Т а у м ы р з а — командир карательного отряда.

З у р у м — его жена.

Х а ж о с Э ф е н д и.

А з н о р.

К а б а н о в.

О м а р - б и й.

1-я и 2-я девицы.

1-й и 2-й солдаты.

Красноармеец.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Штаб председателя ставки Красной Армии Смирнова. Прямо — открытая дверь на балкон. Там виднеется развевающееся на ветру красное знамя. Смирнов говорит речь с балкона. Слева — стол телеграфистки Даши. Даша слушает речь Смирнова, подойдя к балкону.

Смирнов. ...Только у народа, познавшего радость победы, может быть могучая и непобедимая армия. Мы знаем: наш враг силен. Нам предстоят тяжелые бои. Но никакая сила не в состоянии помешать нам построить новый, счастливый мир. «Без борьбы хорошего не увидишь», — говорит горская пословица. Светлое будущее может родиться только в трудных испытаниях. И все же мы можем сказать: солнце победы не за горами, и мы уже сейчас видим его живительные лучи. Скоро, очень скоро наступит рассвет! Ленин и партия большевиков призывают вас скорее сломить сопротивление врага. Вперед, за коммунизм, за Советскую власть!

Слышна команда: «Смирно! Шагом марш!» Раздается песня: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...» Смирнов, проводив отряд, входит в комнату.

Даша. Товарищ Смирнов, ну а сейчас можно?

Смирнов. Что «можно»?

Даша. Поговорить с вами.

Смирнов. Нет, нельзя. Ни сейчас нельзя, ни завтра, ни в ближайшие месяцы.

Даша. Убегу. Вот брошу все и убегу.

Смирнов смеется.

Вы не смейтесь. Я правда убегу.

Смирнов. Далеко не уйдешь. Сразу поймаем. Отдадим под трибунал. А там знаешь как строго... И будут тебя судить, Дашенька, за дезертирство.

Даша. А я сразу в горы. Там вы меня не найдете.

Смирнов. Никак я не могу понять — в кого ты уродилась такая черствая? На кого ты меня здесь бросишь? Ведь я без тебя, Даша, как без рук. Ты у меня как начальник штаба. Как я буду обращаться (*показывает на аппарат*) с этой хитрой механикой?

Даша. Скучно мне здесь, Сергей Петрович.

Смирнов. Уж не влюбилась ли ты в какого-нибудь горца? А ну-ка говори правду...

Даша. Вы все шутите...

Входит Азнор. За ним протискиваются Фаризад и Махмуд.

Махмуд. Нам к самому большому начальнику надо.

Азнор. Говорят тебе — начальник занят.

Махмуд. Почему неправду говоришь? Чем он может быть занят? Люди ждут. Мне надо видеть самого большого начальника.

Смирнов. Спокойно, спокойно, парень. Зачем тебе начальник?

Махмуд. Ему скажу. Веди меня к нему.

Смирнов. А давай я послушаю.

Даша. Говори! Это наш командир — товарищ Смирнов.

Махмуд (*Фаризад*). Говорить?

Фаризад. Начинай...

Махмуд. Нам много оружия надо. Много винтовок, много патронов. И потом эту... такую большую-большую винтовку, из которой быстро-быстро стреляют...

Даша. Пулемет.

Махмуд. Да, да.

Смирнов (*улыбнувшись*). Итак, что вам нужно, я знаю. Теперь остается узнать: кто вы, откуда и кем посланы. Правильно я говорю?

Махмуд. Меня и Фаризад сам Мусосс послал.

Смирнов. Вот как! А кто он такой — Мусосс?

Махмуд (*крайне удивленный*). Как, вы не знаете, кто такой Мусосс? Не может быть! Его все знают.

Смирнов. У меня память на имена плохая. Ничего не могу поделывать. Напомни мне.

Махмуд. Так вы забыли, наверное... При имени «Мусосс» у белых вся душа в пятки уходит. Он только

взмахнет саблей — сразу пять-шесть вражьих голов слетает.

Аз н о р. Признайся, тебе Мусосс — брат?

Ма х м у д. Нет, он мой друг.

С м и р н о в. Так... ясно. (*Фаризад.*) А теперь скажите - откуда вы...

Ф а р и з а д. Из Гунделена. В село белые пришли, дома жгут, грабят, убивают детей, стариков. Взрослые в горы ушли, но у них оружия мало.

С м и р н о в. И кто у них старший? Мусосс?

Ф а р и з а д. Нет. Командир у них — Ибрагим.

С м и р н о в. А Мусосс?

Ма х м у д. Мусосс — самый храбрый партизан, самый первый джигит.

С м и р н о в. Как же вы добрались к нам, когда кругом идут бои?

Ф а р и з а д. Почти ползком добрались. Днем прятались, ночью двигались. В Жанхогее нас задержали, но мы прикинулись нищими. И нам поверили — сейчас ведь многие собирают милостыню. Удалось вырваться.

С м и р н о в. А вы знаете, кто командует белыми в Гунделене? Кто у них главный?

Ма х м у д. Таумырза и Хажос Эфенди. Они злые, как волки, хитрые, как лисы. Особенно Хажос Эфенди. Он говорит солдатам: «Будете нас слушаться, попадете в рай. Будете верить партизанам, весь ад собой заполните».

Ф а р и з а д. Многие еще думают, что они защищают веру отцов. Хажос Эфенди ловко обманывает их, а с непокорными расправляется Таумырза.

Ма х м у д. Поскорее бы они попались в руки партизанам. Мусосс им обоим покажет прямую дорогу в ад. Дайте только оружие.

С м и р н о в. Таумырза... Знакомое имя... Никак не может утолить свою жажду человеческой кровью. Мечется, словно взбесившийся кабан, туда-сюда, во все стороны... Но он ведь не знает, что похож на прогнивший лист: народ дунет — и его в помине не будет... Хорошо. Мы поможем вам. Как тебя звать, джигит?

Ма х м у д. Махмуд.

С м и р н о в. Мы поможем твоему Мусоссу. Товарищ Азнор, что мы можем сделать?

А з н о р. У нас мало оружия.

С м и р н о в. А где то, что прислал товарищ Серго?

А з н о р. Часть отправили в отряд к Охову, а осталь-

ное решили отправить в Кабарду, но по пути произошло несчастье...

Смирнов. Какое?

Азнор. По пути его захватили белые.

Махмуд. Кто отдал? О, будь они прокляты...

Смирнов. Охрана была?

Азнор. Нет. Были только возчики, они ехали скрытыми тропами. Каким образом их нашли, ума не приложу.

Смирнов. Немедленно проверить! Надо выяснить, кто составлял маршрут. Виновные головой ответят!

Азнор. Я сам сейчас занимаюсь этим делом.

Смирнов (*Даше*). Постарайтесь меня как можно скорее связать с товарищем Серго. (*Махмуду, Фаризад.*) Пойдемте, мы вас покормим и там еще поговорим. Не вешай голову, джигит,—сделаем все, что в наших силах.

Смирнов, Махмуд, Фаризад уходят.

Азнор. Все клянчат, всем давай оружие... Что у меня — оружейный завод? Может, прикажете родить пулеметы? Мой организм для этого не приспособлен. А за все отвечай...

Входит красноармеец.

Красноармеец. Тут какого-то подозрительного старика задержали. Никто не может понять, что он говорит...

Азнор. Давай его сюда. Сейчас разберемся.

Красноармеец уходит и приводит неопрятного, трясущегося старика.

Старик (*читает молитву*). Аузы, бляхи, фыайтын, разим. Бисляйхи рихмал рахим...

Красноармеец. Ну вот, опять залопотал...

Азнор (*красноармейцу*). Ступай. Я его один распрошу.

Красноармеец уходит.

Старик. Аузы, бляхи...

Азнор. Куда направляешься, отец?

Старик. Не мешай мне молиться, богохульник!

Азнор. Мне некогда ждать, пока ты кончишь. Отвечай на вопрос.

Старик. Черти, черти в твоих глазах. Вон они —

скачут, прыгают. Окружили тебя со всех сторон. Сейчас я их уничтожу. *(Бросается к Азнору, тот хватается его за руку.* Пусти мою руку! Дай мне уничтожить чертей! У, скрылись, кривоногие, испугались... Нет, опять, вон... опять...

Азнор. Тихо!

Даша уходит с телеграфной лентой.

Старик. Эх, погубят они тебя, погубят...

Азнор. Черти меня никакие не погубят, а вот вы меня погубить можете... Вы меня понимаете... *(Снижает голос.)* Хажос Эфенди?

Хажос. Есть дела, которые не терпят отлагательства, господин хорунжий. Вы знаете, что гунделенская шваль опять попряталась в горы. Они организовали там партизанский отряд. Но у них нет оружия. У нас есть возможность стереть их в порошок. Ваша задача — сделать так, чтобы ни одна винтовка туда не попала.

Азнор. Что, опять та же история, что и с отрядом кабардинцев? Оружие захватили, а концы в воду не смогли спрятать... Один из возчиков, раненый, добрался сюда. Моя безопасность и так висит на волоске, а тут еще вы свалились на голову! Только что из этой комнаты ушли посланцы из Гунделена, они могут вас опознать.

Хажос. Сам аллах меня не узнает. Меньше истерики, она унижает вас.

Азнор. Еще что?

Хажос. Надо любыми средствами уничтожить комиссара Ахмата и этого кумира голодранцев Мусосса... Да и Ибрагима неплохо бы за компанию. А стадо баранов без вожаков само свалится в пропасть.

Азнор. Дешево же вы цените мою голову. Знаете, чем мне все это грозит? Правда, если признаться, то они и у меня уже в печенках сидят... Так. А теперь немедленно уходите. Вот ваш пропуск.

Хажос уходит.

Азнор. Любит загребать угли чужими руками... Правда, в храбрости и ловкости ему не откажешь. Провести он любого сумеет. И так, кому же поручить...

Входят Смирнов, Махмуд, Фаризад. Фаризад выглядит задумчивой и чем-то взволнованной. Изредка она бросает взгляд на входную дверь, словно кого-то высматривает там.

Смирнов. Скажи, Махмуд, у вас все девушки такие храбрые, как Фаризад?

Махмуд. Все. Но Фаризад из них самая смелая. Поэтому Мусосс и любит ее.

Фаризад. Перестань болтать глупости!

Махмуд. Я никогда не говорю глупости, а всегда только правду.

Смирнов. Зачем же смущаться? Очень хорошо, что любишь. Теперь я еще больше убедился, что Мусосс — настоящий герой, раз его любит такая девушка. Вот когда кончится война, приглашайте на свадьбу. Все брошу, а к вам приеду.

Фаризад. Непокойно у меня что-то на сердце. Во дворе я сейчас одного старика увидела, глаза его знакомыми мне показались... Цепкие глаза, колючие.

Смирнов. Какой еще старик?

Азнор. Да появился тут один ненормальный, в Мекку собрался. Я его знаю немного, он из соседнего села. Родных его всех белые вырезали, вот девушка и испугалась.

Фаризад. Нет, все же кого-то он мне напоминает... А вспомнить вот никак не могу. Он сидит в душе как заноза.

Смирнов. Ну что ж, приходится прощаться. Давай руку, джигит. Желаю тебе быть таким же крепким, как Мусосс. А вам, Фаризад, желаю скорее победить врагов.

Фаризад. Мы лучше умрем, но не сдадимся.

Смирнов. Зачем же умирать... Нам надо долго жить. А особенно вам — молодым. Вы только подумайте, какая хорошая жизнь вас ждет впереди. У вас еще будет много радости с Мусоссом. А своим передайте, что с оружием мы поможем.

Махмуд и Фаризад прощаются, уходят.

Смирнов. Ну разве можно с такими молодцами не победить! Какой враг может устоять?!

Входит Ахмат.

Ахмат. Комиссар балкарского полка прибыл!

Смирнов. Здравствуй, Ахмат. Здравствуй, дорогой... Ты явился как нельзя вовремя. События происходят серьезные. Я знаю, тебе трудновато приходилось в последнее время, а будет еще тяжелее. Рад бы дать отдохнуть, да вот не могу.

Ахмат. Ничего. Как говорится: кто много отдыхает, у того живот сильно грустит.

Смирнов. Я получил телеграмму от Серго. Отряды головорезов генерала Серебрякова двинулись в балкарские села. В Гунделене свирепствует Таумырза. С жителями Гунделена у белых особые счета, недаром они его называют Красным Гунделеном. Серго обязал нас освободить Гунделен.

Ахмат. Мои бойцы давно об этом мечтают, товарищ Смирнов.

Смирнов. Там в горах образовался партизанский отряд. Кстати, знаешь ли ты такого Мусосса?

Ахмат. Ну а как же! Он был батраком у Шакмакова. Отважный воин — о нем добрая слава идет.

Смирнов. Я сегодня познакомился с его невестой. Хорошая девушка... (Смеется.) Я даже немного позавидовал Мусоссу...

Ахмат. А как она здесь очутилась?

Смирнов. Эта невеста достойна своего жениха, не уступит ему в смелости. Она пробралась к нам с одним пареньком, проскользнула через вражеские заслоны. Она просила оружие для гунделенских партизан. (Азнору.) Ну что, вы уже что-нибудь предприняли?

Азнор. Скоро займусь этим.

Входят Ванин и Даша.

Ванин. Ахмат!

Ахмат. Василий! Вот так встреча!

Смирнов. Да вы, оказывается, знакомы!

Ванин. А как же! Нас в Баку познакомил товарищ Киров.

Смирнов. О! Тем лучше. (Ахмату.) Не возражаешь взять его к себе начальником штаба?

Ванин. А вы потом не будете нас обвинять в приятельских отношениях?

Смирнов. Да, за этим придется проследить...

Смирнов, Ванин, Азнор отходят к столу с оперативными картами. Даша, улучив минуту, подходит к Ахмату.

Даша. Товарищ Ахмат, на вас вся надежда.

Ахмат. Какая, Дашенька?

Даша. Только вы один можете уговорить Сергея Петровича...

Ахмат. О чем?

Даша. Я с вами хочу, возьмите меня в свой отряд!

Ахмат. А ты не боишься, что тебя украдут балкарские ребята? Знаешь, какие они горячие...

Д а ш а. Как бы я сама кого-нибудь не похитила...

А х м а т. Вон ты какая! А вдруг ты похитишь самого лучшего бойца? Что мне тогда делать?

С м и р н о в (Ахмату, Даше). Что это у вас там за секреты?

А х м а т. Да так. На любовные темы...

С м и р н о в. Пусть и не мечтает. В отряд ее с тобой я не отпущу. Знаю я все эти любовные разговоры...

А х м а т (делает знак Даше). Да я и сам ее не возьму. Пусть хоть плачет, ни за что не возьму!

А з н о р. Товарищ Смирнов, разрешите мне отправиться вместе с отрядом. Слишком уж долго я протираю штаны в штабах. Люди подумают, что я трус, что боюсь сражений.

С м и р н о в. Будет время, поговорим... Даша!

Д а ш а. Да?

С м и р н о в. Соединитесь с товарищем Серго. Передайте: «Ваше указание выполняем, балкарский полк готов к освобождению Гунделена».

А х м а т. Клянемся именем революции не щадить своей жизни для освобождения родного народа...

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Местечко Хаека. Гористая местность. Вдали иногда раздаются выстрелы. На сцене Соня и Хасан.

С о н я. Мы с папой жили в Петрограде, почти в самом центре. Когда-нибудь ты увидишь этот чудесный город и полюбишь его так же, как и свои горы.

Х а с а н. Мне о нем много рассказывал дядя Исмаил. Он там был. Революцию делал. Ленина видел.

С о н я. После смерти мамы отец решил переехать сюда, на Кавказ. Он говорил, что здесь врачи нужнее, чем в Питере, где их и без него хватает. Папа очень хотел, чтобы я тоже пошла по медицинской части, а мне хотелось стать учительницей... А вот видишь — пришлось врачевать...

Х а с а н. Ты очень хороший доктор.

С о н я. Не смейся, Хасан, ну какой я доктор... Единственно, что я умею, — это рану перевязать, да и то руки трясутся...

Х а с а н. Нет, Соня, ты очень хороший доктор. Зачем ты меня держишь здесь, почему туда не пускаешь?

С о н я. Заживет рана, пойдешь...

Х а с а н (*встает*). Да совсем зажила! Смотри — совсем уже хорошая нога. Хочешь, лезгинку станцюю? (*Сжав от боли губы, пытается танцевать, но быстро садится.*) Эх, жаль музыки нет, без музыки никакой танец не получится.

С о н я. Сиди лучше смирно, танцор. Ты хочешь, чтобы опять рана открылась? Смотри, а то я на тебя Ибрагиму или Мусоссу пожалуюсь. Тогда тебе придется долго быть со мной.

Х а с а н. Попробую.

Взвивайтесь гордо, горные орлы!
Свобода засветила нам из мглы,
Сердца горячей кровью налиты,
Богатым стало знамя бедноты,
Дни угнетенья были нележки,
Но нет рабов, исчезли батраки.
Горят аулы, сакли слез полны,
Белогвардейцами подождены.
Вперед, вперед — таков бойцов маршрут
Вперед, вперед, ущелья храбрых ждут¹.

С о н я. Очень хорошая песня. Надо, чтобы все ее пели.

Х а с а н. Тебе нравится? Правда?

С о н я. Правда.

Х а с а н. Значит, действительно хорошая песня. С большим чувством сочинял. Я хотел, чтобы она помогла джигитам с врагом сражаться. Песню уже знают многие, а кто автор — никто не знает.

С о н я. Тебе обидно?

Х а с а н. Пусть поют, я новую придумаю. Уже почти придумал.

С о н я. Скажи мне.

Х а с а н. Нет, Соня, не сейчас.

С о н я. Хасан, пойдём я тебя перевяжу.

Х а с а н. Не надо. Все уже зажило.

С о н я. Опять не слушаешься? О чем мы договаривались?

Х а с а н. Ладно, иду.

¹ «Марш партизан» (перевел Михаил Светлов).

Уходят за сцену. Через некоторое время с другой стороны выходят Ибрагим и Мусосс.

Ибрагим. Плохие дела, Мусосс. Все патроны на исходе. А белые готовятся к новой атаке.

Мусосс. Пуль не будет — саблями будем рубить, сабли сломаются — руками душить будем.

Ибрагим. Нет, Мусосс, без оружия мы долго не продержимся. И патроны нужны. Я уже беспокоюсь, почему так долго нет Фаризад и Махмуда.

Мусосс. Я же просил меня послать в штаб.

Ибрагим. Не мог я тебя отпустить, Мусосс. Если меня убьют, ты возглавишь отряд.

Мусосс. Как могут тебя убить? Такую пулю эти толстомордые кабаны еще не выковали.

Ибрагим. Правильно, Мусосс. Мы должны выстоять. Скоро подойдет Конак со своим отрядом, тогда нам станет легче. Только сейчас нельзя показывать Таумырзе, что у нас патроны на исходе.

Мусосс. Мои джигиты бьют наверняка!

Ибрагим. Молодцы.

Входят два партизана, несут большой мешок.

1-й партизан. Смотри, командир, какую диковину мы поймали.

Ибрагим. Ну-ка, давай полюбуемся, что у тебя там такое...

2-й партизан. Стоим мы с Исхаком на карауле, и вижу я, что кто-то с блестящими погонами пробирается в нашу сторону... Ну, мы его подкараулили в укромном месте — и в мешок. Думаем, важная птица попалась, уж больно перья блестят.

Мусосс. Распутывай скорей!

Партизаны развязывают мешок, оттуда вываливается Махмуд.

Ибрагим. Ай да джигиты, какого генерала сцапали!

1-й партизан. Ой, чтобы дом твой провалился! А мы думали, что это важная птица...

Ибрагим. Ничего, друзья, большего подарка, как доставить сюда Махмуда, вы сделать не могли.

Мусосс. Эй, орел, где это ты раздобыл такое пышное оперенье?

Махмуд. Сейчас расскажу. Сначала о самом главном...

Ибрагим. Ну, добрались вы до штаба?

Махмуд. Да, конечно.

Ибрагим. Ну и как?

Махмуд. Мы встретили там большого человека, комиссаром Смирновым его зовут. Замечательный человек! Он просил вам передать привет от друга Ленина товарища Серго. И еще он обещал прислать оружие.

Ибрагим. А что ты еще там узнал?

Махмуд. Нам сказали, что в балкарские села идут красные войска.

Мусосс. А много оружия у комиссара Смирнова?

Махмуд. Я видел во дворе много оружия. Там есть еще такое громадное оружие — здесь выстрелишь, а упадешь вон в те скалы.

Ибрагим. А как дела у красных, ты не слышал?

Махмуд. Хорошо идут дела: из Пятигорска, Кисловодска, Владикавказа красные богатыри гонят беляков. На защиту свободы встали русские, осетины, чечены, ингуши. К Нальчику подходят кабардинские отряды Баталла Калмыкова. Нам сказали, что это очень сильный командир.

Мусосс. А теперь расскажи, как ты оказался в этой форме.

Махмуд. Когда мы с Фаризад возвращались, нас захватили бандиты Таумырзы.

Мусосс. Что с Фаризад? Немедленно отвечай!

Махмуд. Она жива, Мусосс.

Мусосс. А где она?

Махмуд. Прости, Мусосс... Она в Гунделене, в доме Таумырзы...

Мусосс. Проклятье! Лучше смерть!

Махмуд. Я виноват, Мусосс... Я должен был ее спасти...

Ибрагим. Спокойно, Махмуд. Не горячись. (Партизанам.) Идите на свои посты.

Партизаны уходят.

Мусосс. А как же ты вырвался? Тебя отпустили, как мальчишку?

Махмуд. Зачем обижаешь, Мусосс. Разве эти людоеды разбираются, кто к ним попал — будь это женщина, старик или ребенок? Мы были сначала вместе с Фаризад в подвале. Потом ее увели. А я отыскал заваленный вход и вылез. И когда вылез, я увидел офицера, который рассматривал подкову у лошади. Я саданул его камнем по голове, оттащил, снял с него форму и сбросил.

сил в пропасть и на его лошади ускакал в горы. А по дороге лошадь беляки подстрелили — догадались, наверное. Я тогда побежал, и вот тут-то меня наши схватили.

Мусосс. Как ты мог оставить там Фаризад одну?

Ибрагим. Ты не прав, Мусосс.

Мусосс. Ибрагим, прошу тебя, дай мне четырех людей, и мы прорвемся в Гунделен.

Ибрагим. Нет.

Мусосс. Тогда дай хотя бы одного!

Махмуд. Я пойду с Мусоссом.

Ибрагим. Нет. Нельзя.

Мусосс. Тогда я пойду один.

Ибрагим. И одного тебя я тоже не могу отпустить. Пойми меня, Мусосс, я же понимаю твою горе. Ты знаешь, что мне тоже тяжело. Но нам нельзя действовать слепо. Нужно все обдумать.

Мусосс. Как можно ждать, когда Фаризад в логове зверя?!

Ибрагим. Именно поэтому зверя надо перехитрить.

За сценой участились выстрелы.

Что там такое? Пошли. (*Уходит.*)

Махмуд. Мусосс, Фаризад просила меня тебе передать: «Скажи Мусоссу, что пусть враги меня жгут каленым железом, пусть терзают, но ничего от меня не добьются».

Мусосс. Ну, теперь держитесь, собаки!

Мусосс и Махмуд быстро уходят. Через некоторое время выходят
Хасан и Соня.

Соня. Четвертую атаку наши отбивают.

Хасан. А вон, смотри, проклятый пулеметчик занял такую хорошую позицию и оттуда бьет наших!

Соня. Да... Никак его не достанешь!

Хасан. А вон, видишь, видишь... Мусосс лезет по круче... В тыл к пулеметчику заходит.

Соня. Вижу.

Хасан. Сейчас он заставит его замолчать!

Соня. Прыгнул...

Хасан. Ой, пулемет упал со скалы... А за ним и пулеметчик... Вот это Мусосс! Жаль пулемета только.

Входит раненый 1-й партизан.

1-й партизан. Соня, дорогая, перевяжи скорее руку... Ничего, Хасан, сейчас мы этих кабанов проучим!

Хасан. А что это там слева какие-то люди появились? Не знаешь, откуда они?

1-й партизан. Это отряд Конака подошел. А вон и сам Конак... на белом коне, за офицером гонится. Нагнал... Раз — и нет беляка!

Соня. Ох, окружают Конака!

Хасан. Ибрагим идет на помощь! Ура! Все!

1-й партизан. Вот это бой! Скорее перевязывай, дорогая. Не могу терять время даром.

Соня и 1-й партизан уходят. Хасан стоит еще некоторое время, смотрит в сторону, куда ушли Соня и 1-й партизан; потом, прихрамывая, идет к месту боя. Немного спустя выходят Ибрагим и Конак.

Конак. Ты так здесь спрятался, Ибрагим, что я тебя еле разыскал. Ты как медведь в берлоге укрылся.

Ибрагим. Эх, Конак, брат мой... Если бы ты не подоспел вовремя, ничего бы не осталось ни от Ибрагима, ни от его берлоги.

Конак. И что, большие потери?

Ибрагим. Сам знаешь. Сражаться приходится чуть ли не голыми руками.

Конак. Мусосс — это тот самый, что был батраком у Шакманова?

Ибрагим. Он самый.

Конак. Верная рука у этого джигита!

Ибрагим. Он сейчас уничтожил пулеметчика.

Конак. Хорошо, а то пулемет много беды нам наделал.

Ибрагим. Да что и говорить...

Входят Соня и 1-й партизан.

Ибрагим. Вот познакомься, Конак, это — Соня, наш доктор.

Соня. Всё вы шутите.

Конак. А что, разве нет? Замечательный доктор. Как она быстро на ноги бойца поставила.

Ибрагим. Соня очень нам помогает. Хорошую дочку вырастил Иван Васильевич. Ты его знал, Конак?

Конак. А как же! Он моего сына от смерти спас. Я всю жизнь его помнить буду.

Соня. А где же Хасан?

Ибрагим. Не знаю, я его не видел.

Соня. Ах! Он убежал... У него может рана открыться.

Ибрагим. Ничего, сейчас мы его вернем. Идем, Конак. Там мы и решим, как действовать дальше нашим отрядам.

Ибрагим и Конак уходят.

Соня. Эх, Хасан, Хасан, ну какой ты у меня непослушный... Ну ничего, теперь я буду тебя держать на привязи. Теперь никуда ты от меня не сбежишь. Милый, славный Хасан. Ты никогда не говорил мне о своей любви, но мне слова и не нужны даже. Твои глаза говорят мне все. Но иногда очень хочется мне услышать от тебя: «Соня, люблю...»

Входят 1-й и 2-й партизаны.

1-й партизан. Соня, с твоей помощью я двоих уложил.

2-й партизан. А мне вот сегодня не повезло — только одну башку продырявить удалось.

Соня (*1-му партизану*). А ну-ка давай я еще посмотрю твою руку.

1-й партизан. Не надо, Соня.

Соня. А вы там Хасана не видели?

2-й партизан. Он вроде как к Мусоссу пробирался.

Соня (*1-му партизану*). Вот делала тебе перевязку и не усмотрела за Хасаном — сбежал. А рана у него серьезная.

1-й партизан. Зачем же он не послушался доктора! Ах, как нехорошо поступил!

Соня. Тебя вообще надо было тоже подержать здесь подольше. А то потом еще возиться придется.

1-й партизан. Обо мне не тревожься. У меня быстро все заживает, как у медведя.

Входят Ибрагим, Конак, Мусосс, партизаны. Они несут Хасана.

Соня. Что я говорила! Рана открылась?

Ибрагим. Крепись, дочка. У Хасана новая рана.

Мусосс. Он бросился меня защищать, сзади ко мне подскочил офицер... И вот...

Соня (*склонившись над Хасаном*). Хасан, родной, ну открой глаза, открой...

Хасан. Соня! Прости меня... Не послушался я тебя... Не ругай меня. Расстаюсь я с тобой. Любимые Кавказские горы, завещаю вам беречь мою Соню... (*Припод-*

нимается.) Ой! Идут! Бейте, бейте, ребята, уничтожайте собак... Ааа... Бежите! Не пушу... Ох как жарко... Почему так жарко сегодня? Почему солнце сегодня такое жаркое... Соня, где ты? Ибрагим... это ты?

Ибрагим. Я, Хасан, я.

Хасан. Мусосс, это ты?

Мусосс. Здесь я, Хасан, рядом.

Хасан. Это твоя рука, Соня, такая прохладная? Как мне хорошо стало. Братья мои, сохраните свободу... Мы победим, мы обязательно победим! (Умолкает.)

Все снимают головные уборы.

Раздается песня партизан на слова Хасана. Песня эта станет лейт-мотивом спектакля.

Ибрагим. Красные партизаны! Мы взяли оружие в свои руки для того, чтобы защищать свободу и жизнь наших близких! Мы взяли оружие, чтобы больше никогда не властвовали на нашей земле баи, князья, все эти лютые звери. За счастье людей отдают свои жизни лучшие сыновья народа, такие, как наш дорогой Хасан. Партизаны! На помощь нам по приказу друга Ленина товарища Серго вышел балкарский полк. Скоро мы соединимся с ним. Мы должны уничтожить карательный отряд Таумырзы. Дорогой Хасан! Ты отдал свою молодую жизнь за свободу народа. Мы клянемся, что доведем дело, за которое ты боролся, до победного конца.

Партизаны. Клянемся!

Ибрагим. Клянемся, что не выпустим оружия из рук, пока враг еще находится на нашей земле.

Партизаны. Клянемся!

Ибрагим. Клянемся, что не пожалеем ни сил, ни даже жизни в борьбе за Советскую власть, за партию Ленина.

Партизаны. Клянемся!

Мусосс. Ибрагим, а теперь я прошу тебя — разреши мне рассчитаться с Таумырзой и спасти Фаризад.

Ибрагим. Хорошо, иди.

Махмуд. И я с тобой.

Ибрагим. Возвращайтесь победителями.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Гунделен. Дом, где расположен штаб отряда Таумырзы. В комнате три окна, две двери, одна из них ведет в спальню Таумырзы. На стенах и на полу богатые ковры. В углу — стол, на нем вино и закуска. За столом сидит Таумырза. В комнату Салим вталкивает Хизира.

Таумырза. А, это ты пришел, дорогой Хизир... Ну давай поговорим по душам...

Хизир. Я рад вас видеть, господин Таумырза.

Таумырза. До меня дошли слухи, что ты, кажется, чем-то недоволен?

Салим. Красных вздумал защищать!

Таумырза. Хизир защищает красных? Не могу в это поверить. Или ты не мусульманин?

Хизир. Как вы можете так говорить!.. Я — верный слуга аллаха. Зачем кричите, господин Таумырза, зачем говорите неправду о бедном человеке?

Салим. Не верь ему. Его уста породнились с брехней.

Хизир. Аллах накажет тебя, Салим!

Таумырза. Тогда чем же ты недоволен?

Хизир. Вы говорили, что мы боремся за свободу родных сел, за нашу веру...

Таумырза. Правильно.

Хизир. Почему же мы преследуем таких бедняков, как, например, я сам? Почему мы отнимаем у них последний кусок хлеба?

Таумырза. Ты, как я посмотрю, хорошо научился языком работать... Не слишком ли он длинный у тебя стал?

Хизир. Я не любитель говорить лишнего.

Салим. Ты разносишь большевистскую заразу! Я вырву твой язык и брошу собакам!

Хизир. Но скажите, за какие грехи мы терзаем несчастных бедняков?

Таумырза. Поговори у меня еще!

Хизир. Наши руки замараны кровью...

Таумырза. Что ты сказал?

Хизир. Я говорю, что...

Салим. Заткнись, безмозглый ишак!

Таумырза. Нет, я не верю, чтобы такие слова мог-

ли возникнуть в твоей голове. Скажи, от кого ты наслушался такого?

Хизир. Разве у меня нет глаз? Разве уши мои не слышат?

Салим. Как ты смеешь так говорить с полковником! Я убью тебя! (*Бьет Хизира плетью.*)

Хизир. Господин Таумырза! Сон оставил меня! Со мной говорят убитые нами. Они терзают по ночам мою душу!

Таумырза. Если ты не перестанешь говорить эти глупости, то увидишь кошмары не во сне, а уже наяву. Ты меня хорошо понимаешь, Хизир? Я не прощаю веротступников! Разве ты не знаешь, за что мы боремся? За нашу веру, нашу землю. Нам помогает сама Америка. Ты знаешь, кто она, Америка?

Хизир. Нет, слава аллаху, не видел.

Таумырза. Америка — это самая богатая, самая сильная страна в мире.

Хизир. Америка — это тоже ислам?

Таумырза. Нет. А что?

Хизир. А если Америка не из мусульман, то почему у нее из-за нас живот болит?

Салим. Замолчи, ишачий след!

Таумырза. Хизир! Аллах видит, что я сделал все, что в моих силах, чтобы помочь тебе понять свой грех. Но ты не хочешь становиться на праведный путь. Ты сам себя погубил. Еще раз спрашиваю тебя по-хорошему: кто вибил тебе в голову эти дурные мысли?

Хизир. Отвечаю снова: никто.

Таумырза. Придется, Салим, помочь ему вспомнить...

Салим (*бьет Хизира*). А ну-ка вспоминай! Скорей! Скорей!

Хизир. За что бьете? Пожалейте мою седую голову...

Салим. Я убью тебя!

Хизир. Сжальтесь над моими детьми...

Таумырза. Если ты не будешь меня слушаться, то я не только без хлеба оставлю желторотых, но и без отца.

Хизир. Аллах создал руки мои для работы... Я бедный труженик, я никому не хочу зла. Разве не этому учит аллах?

Таумырза. Не смей упоминать святое имя. Ты пре-

дал его. За это ты заслуживаешь лишь одного — позорной смерти.

Салим. Заткнуть ему рот, и все...

Хизир. Пожалейте! Я ни в чем не виноват!

Таумырза. Молчи, негодяй! Я научу вас, жалкие свиньи, нищий сброд, слушаться старших... Возражать вздумали! Салим, прикончи его на глазах у всех — пускай другие задумаются.

Хизир. В крови твои руки, господин Таумырза... Как будешь отвечать перед аллахом?

Таумырза. Салим, убери его!

Салим уводит Хизира.

Что происходит?.. Всякие голоштанники вздумали рассуждать! Безмозглые ишаки размышляют!.. Нельзя им давать пощады. Уничтожать заразу на корню... Утопить смутьянов в крови... *(Наливает самогон, пьет.)* Черт возьми, и захмелеть никак не могу... Только голова тяжелеет...

Входит Зурум.

Зурум. Опять пьешь...

Таумырза. Да отстань ты, надоела!

Зурум. Душа моя, ну зачем ты так себя терзаешь... Тебе бы надо отдохнуть...

Таумырза. Ты на меня тоску нагоняешь. Лучше меньше попадайся мне на глаза.

Зурум. Да разве я не жена твоя?

Таумырза. Устал я от ласк твоих... Уйди. Когда нужна будешь — позову.

Зурум уходит.

Свобода понадобилась грязным рабам... Ишь чего захотели! Свобода, свобода... Что же происходит? Неужели мы не справимся с большевиками? И тогда что — голупузы сравняются с нами? Не бывать этому! Скорее горы перевернутся...

Входит Салим.

Салим. Все, отправился кормить ворон.

Таумырза. Скажи — пусть и весь его выводок прикончат. Пускай скорее наверху встречаются.

Салим. Я уже отправил в аул Хизира двух джигитов. Они быстро справятся.

Таумырза. Эх, тоска меня заела, Салим... Все вот гложет здесь и гложет (*показывает на грудь*).

Салим. Там у меня две красавицы сидят... Не хотите ли развлечься немного?

Таумырза. Они действительно красавицы?

Салим. Пальчики оближешь!

Таумырза. Ну давай их сюда... Но смотри — приведи старух, шкуру спущу...

Салим. Зачем же? Красавицы — первый сорт.

Входит Зурум. Несет еду.

Зурум. Поешь хоть немного. Лучше станет.

Таумырза. Проваливай ты со своей едой! Хочу развлечься немного. Салим каких-то красоток отыскал, сейчас полюбуемся...

Зурум. Опять за старое... Снова гулящих в дом тащишь, совсем стыд потерял!

Таумырза. Не мешай мне наслаждаться красотой.

Зурум. Тебе уже не нужна моя любовь...

Таумырза. Салим, ну что ты стал как столб? Приводи скорей девушек, не обращай на нее внимания...

Салим уходит.

Зурум. Боже, боже мой... Что мне делать?

Таумырза. Уезжай к отцу — не мешай мне. Я должен иногда позволять себе отдых. Ступай же пока, ступай...

Зурум уходит. Через некоторое время входит Салим с двумя накрашенными девицами.

1-я девица. Ну, господин Таумырза, примете гостей?

Таумырза. Конечно, приму... Заходите, миленькие.

Салим. Господин Таумырза дни и ночи напролет отдает нашему великому делу. Его надо развеселить.

2-я девица. Мы будем рады услужить такому славному джигиту... Мы ничего для него не пожалеем!

Девицы начинают петь и танцевать. Таумырза и Салим пьют.

Таумырза. Довольно. Идите вон туда (*показывает в угол*). Ждите, когда я вас позову.

Девицы, испуганные, забиваются в угол.

Салим. Чем они вам не понравились?

ЭТ

Таумырза. Зачем мне нужны эти размалеванные клячи! Я сотни таких видел... Я хочу, чтобы меня улаждала настоящая красавица — юная, стройная.

Салим. Есть такая, господин Таумырза, есть, вчера ее захватили... Сейчас сидит в подвале... Не гневайся, что костюм ее небогат, но зато сама...

Таумырза. Ты прикасался к ней?

Салим. Как можно!

Таумырза. Знаю я твои привычки!

Салим. Я для вас ее берег.

Таумырза. Ну хорошо, посмотрим... Веди ее — показывай...

Салим уходит и через некоторое время возвращается с Фаризад.

Салим. Вот она, господин Таумырза.

Таумырза. Да, красива...

Салим. Ну как, я тебе друг или нет?

Таумырза. Сейчас проверим. Как звать тебя, милая?

Фаризад молчит.

У тебя что, языка нет? А ну-ка я посмотрю... *(Сдавливает Фаризад щеки.)* О, какой чудесный язычок... Он должен уметь очень нежно говорить... Почему он молчит? Может быть, нужно для этого поцеловать твои пухленькие губки? *(Хочет поцеловать Фаризад, она вырывается и бьет Таумырзу.)*

Салим. У, проклятая! Я убью тебя!

Таумырза. Не надо горячиться, Салим. Норовистая кобыла дороже ценится.

Фаризад. Не подходи!

Таумырза. Ну зачем же быть такой злой?.. Такие хорошенькие девушки, как ты, должны быть ласковыми... Может, тебя надо научить быть ласковой?

Фаризад. Отойди!

Таумырза. Да ты знаешь, кто перед тобой?

Фаризад. Я тебя проклинаяю, убийца!

Салим. Ах ты...

Таумырза. Не торопись, Салим... Всеу свое время. Красавица, наверное, устала, измучилась... Сейчас мы ее развеселим... *(Девуцам.)* А ну пойте, танцуйте!

Салим. Живее...

Таумырза *(Фаризад)*. А ты не хочешь потанцевать?

Фаризад молчит.

Я тебе хороший подарок преподнесу. Скажи мне свое имя.

Салим. Ее зовут Фаризад.

Таумырза. Какое прекрасное... Значит, не хочешь отвечать? А? Не хочешь?

Фаризад молчит.

Салим, отведи-ка ее в ту комнату (*показывает в глубину сцены*). Там она будет сговорчивей.

Салим уводит сопротивляющуюся Фаризад. Следом за ними идет Таумырза. Через некоторое время Салим возвращается, а вскоре и Таумырза. Он держится за щеку.

Салим. Что случилось?

Таумырза. Это не девка, а крокодил... К ней невозможно подойти... Она не понимает ласку... Но какие глаза... От них невозможно оторваться... Ну ничего, погоди. Скоро станешь ручной. (*Девуцам.*) А вы что замолчали? Пойте веселее!

Девуцы поют, танцуют. Входит Хажос.

Хажос. Это что такое? Куда это я попал?

Салим. С приездом, дорогой Хажос Эфенди! С благополучным вас возвращением! Какая радость, что вы вернулись!

Хажос. Позор. (*Кивает на девиц.*) Убери их прочь с глаз моих!

Салим быстро выталкивает девиц и уходит за ними.

Таумырза. Вы приехали так неожиданно...

Хажос. Постыдись, Таумырза!

Таумырза. Я...

Хажос (*бьет его по лицу*). Совсем совесть потерял!

Таумырза (*схватившись за кинжал*). Ах так!..

Хажос. Тихо. Чем это ты занимаешься? Нашел время! Я рисковую жизнью; напялив на себя лохмотья, проникаю в логово красных, а ты проводишь время с грязными девками... И это называется офицер, защитник святой веры!

Таумырза. Душа горит.

Хажос. Молчи! Я унижался перед Серебряковым, на коленях выпрашивал помощь... С какими трудностями пробрался во Владикавказ, в английскую миссию... И перед теми на четвереньках ползал — выпрашивал оружие... Потом думал — конец. Слава аллаху, встретил Азнора, и тот выручил... Я старался для нас, а ты?..

Таумырза. Мы тоже не гоняли собак на водопой. Все время в боях, буквально из огня не выходили. Положение не из легких. Многие только и ждут момента, что-бы разбежаться по домам.

Хажос. На виселицу таких!

Таумырза. А что толку...

Хажос. Деревьев и веревок много.

Таумырза. Боюсь, что скоро уже не хватит.

Хажос. Хандришь ты все, полковник... Пить надо меньше. С похмелья все всегда мрачным кажется.

Таумырза. Вчера мы потеряли еще двадцать человек. Я сам еле уберег голову. И от кого? От жалкого батрака, от какого-то Мусосса!

Хажос. Напрасно ты говоришь о нем с презрением... Если бы Мусосс был с нами, ему можно было бы отряд доверить! Его храбрости можно просто позавидовать!

Таумырза. Воюющий батрак — и во главе отряда? Ну уж нет! Пусть уж тогда лучше все пропадет пропадом!

Хажос. Прекрати истерику. Нам надо готовиться к решительным боям. Нужно уничтожить партизан.

Таумырза. Мы стараемся, а они растут как весенняя трава. Нападешь на них в одном месте, так они уже в другом. За каждым деревом в лесу уже мерещатся партизаны... Ну что тут делать?

Хажос. А твоя собственная тень тебе уже не кажется партизаном?

Таумырза. Довольно, Эфенди. Бороться с партизанами труднее, чем внушать старикам верность аллаху. Попробуйте станьте на мое место — я посмотрю на вас!

Хажос. Ну ладно, хватит нам препираться. Злость лучше для боя оставить. Послушай новости. По приказу Орджоникидзе сюда сюда вышел полк красных. Скоро они уже должны подойти.

Таумырза. Вот как!

Хажос. Теперь ты понимаешь мое состояние?

Таумырза. Так что же делать?

Хажос. Я выпросил у Серебрякова отряд полковника Кабанова. Он прибдет сегодня ночью.

Таумырза. Прошу меня простить, я был с вами несколько резок.

Хажос. Ничего. Мы оба с тобой делаем святое дело.

Таумырза. Мы никогда не забудем ваших услуг.

Хажос. Надо приготовиться к встрече Кабанова.

Таумырза. Все будет сделано.

Хажос. Проверьте сами, как там...

Таумырза. Слушаюсь.

Хажос. Все будет хорошо, если не подведет Азнор...

Да поможет ему бог!

Таумырза. А как он себя ведет?

Хажос. Он у меня вот где (*показывает сжатый кулак*). Ему уже вырваться некуда. Он будет делать все, что я прикажу.

Таумырза. А он не переметнется к красным?

Хажос. Я купил его с потрохами. Я решил дать ему задание убить Ахмата и Мусосса. А там посмотрим. Так что красным скоро придется устраивать богатые поминки... Тогда нам будет легче.

Таумырза. На эти дела Азнор ловок.

Хажос. Уговорить его было трудно... За головы Ахмата и Мусосса ему придется отдать свою... Жалко, да ничего не поделасшь. Две головы, да еще такие, дороже этой...

Таумырза. Я преклоняюсь перед вашей мудростью.

Хажос. Так что говорю еще раз: подготовьтесь к встрече Кабанова. Пусть он увидит все своими глазами... Я пойду пока отдохну. Когда прибудет Кабанов, дайте мне знать.

Таумырза. Приятного отдыха, дорогой Эфенди. Да снизойдет к вам счастливый сон.

Хажос уходит.

Ух, какая хитрая бестия! Корчит из себя вождя! Дай срок, я тебе покажу, кто сильнее... Пока что приходится лукавить, лебезить... Но за ним англичане, он им служит как верный пес. (*Пьет вино.*) Что будет... Может, ласки Фаризад принесут мне счастье? Хороша... Ах, как хороша...

Входит Салим.

Салим. Господин Таумырза, вас хочет видеть какой-то старик.

Таумырза. После.

Салим. Он говорит, что у него важное дело.

Таумырза. Что еще за старик? У меня нет времени для разговора со всякими попрошайками!

Салим. Он говорит, что хочет вам сообщить что-то важное о партизанах.

Таумырза. О партизанах?

Салим. Да.

Таумырза. Ну если так, тогда зови его сюда.

Салим (*кричит, открыв дверь*). Старик! Входи!

Входит Даут.

Даут. Вечер добрый.

Таумырза. Спасибо. Проходи — гостем будешь. Рассказывай, кто ты такой, зачем пришел сюда?

Даут. Я хочу видеть большого человека Таумырзу.

Таумырза. А зачем он тебе?

Даут. Говорят, что он борется с красными, а я пришел жаловаться на красных.

Таумырза. Говори. Таумырза — это я.

Даут. Господин говорит правду?

Таумырза. А ты что, не веришь?

Салим. Сейчас ты у меня поверишь!

Таумырза. Постой, Салим. Я говорю тебе: Таумырза — это я.

Даут. Дорогой Таумырза. У меня было двое детей — сын и дочь, и я воспитывал их в поклонении аллаху. Но тут пришли красные и затуманили светлые головы моих детей... Обманом они затянули их в свой отряд. И с тех пор мы со старухой потеряли покой. Аллах, не знаешь ли ты, что нам делать? Помоги нам...

Таумырза. Что ты от меня хочешь?

Даут. Помоги мне разыскать моих детей.

Таумырза. Твои дети продали веру. Они связались с гяурами. Ты, наверное, плохо их воспитал. Тебе не помогать надо, наказать надо тебя... Я должен приказать тебя повесить.

Даут. Я сам готов убивать отступников от святой веры. Моя рука не дрогнет... Но дети еще глупые, их одурманили.

Таумырза. А твой сын не большевик?

Даут. Нет. Он коммунист.

Таумырза. Ага. Ну вот видишь: он — прислужник дьявола. Я так и знал. И дочь твоя тоже.

Даут. Нет! Фаризад не называла себя никак!

Таумырза. Что ты сказал?

Даут. А что я сказал?

Таумырза. Как зовут твою дочь?

Даут. Фаризад.

Таумырза. И что она — ушла к партизанам?

Даут. Куда она могла уйти! Ведь она еще ребенок. Увели ее, неверные... Силой скорее всего...

Таумырза. Я могу тебя обрадовать, старик.

Даут. Меня? Обрадовать?

Таумырза. Да.

Даут. Чем же?

Таумырза. Мы отбили твою дочь от партизан.

Даут. Господин Таумырза! Неужели это правда?

Спасибо тебе большое... *(Падает, хочет обнять ноги Таумырзы.)*

Таумырза. Вставай. Не надо. Не надо.

Даут. Слава аллаху!

Таумырза. Салим! Ну-ка приведи сюда девушку.

Салим уходит.

Даут. О, как мне отблагодарить тебя...

Таумырза. Об этом мы еще поговорим. Но ты должен понять, чем ты мне обязан.

Даут. Я буду вашим вечным должником, господин Таумырза...

Входят Фаризад и Салим.

Таумырза. Смотри, не узнаешь?

Фаризад *(бросаясь к Дауту)*. Отец?!

Даут. Слава аллаху! Снова...

Фаризад. Отец, как ты сюда попал?

Даут. Я ищу тебя повсюду, где только не побывал. Сколько раз встречался со смертью... Спасибо господину Таумырзе.

Фаризад. Отец, кого ты благодаришь?

Даут. Как кого? Я благодарю господина Таумырзу. Он тебя спас.

Фаризад. Он меня спас?

Даут. Да. Я буду молить за него аллаха, пусть продлит его дни...

Фаризад. Моли, моли аллаха за людоеда... Да ты знаешь, кто это? Ты знаешь, сколько сирот проклинают его имя?

Даут. Замолчи!

Фаризад. Нет, я не замолчу, отец...

Таумырза. Вот как — то из нее ни одного слова нельзя было вытянуть, а сейчас посыпались звуки как из худой гармошки. Видишь теперь, старик, как ее испортили гяуры-большевики.

Даут. Господин! Не гневайся на несмышленное дитя... Ее голова не ведает, что говорит язык...

Таумырза *(Салиму)*. Уведи ее. Нам нужно поговорить с ее отцом наедине. Я ее потом позову.

Салим уводит Фаризад в дальнюю комнату.

Даут. Бедное, глупое дитя...

Таумырза. Ты передо мной очень виноват, Даут. Твой сын коммунист, он проклят аллахом, дочь — сам видишь — тоже пошла по стопам брата. Как же я должен поступать?

Даут. Это мой грех... Мой...

Таумырза. Твою дочь еще можно направить на путь веры. Но с ней рядом должен быть преданный слуга аллаха...

Даут. Правду говоришь...

Таумырза. Так вот. Если хочешь сохранить жизнь своей дочери, то выдай ее за меня.

Даут. Господин Таумырза! Но ведь она еще ребенок...

Таумырза. Разве по нашим законам нельзя выдавать замуж в таком возрасте?

Даут. Да, но...

Таумырза. Нужно ее спасать, пока не поздно.

Даут. Господин, но ведь ты ей в отцы годишься...

Таумырза. Вот как! Ну что ж, даю тебе полчаса на размышления. Пойди поговори с ней. Я говорю: или вам обоим висеть вон на том дереве, или ты образумишься. Салим!

Салим входит.

Отведи старика к дочери, пусть подумают хорошенько.

Салим уводит Даута.

Побудь там с ними. Если понадобится, то помоги им скорее поумнеть.

Входят Хажос, за ним — старуха.

Хажос. Нигде нет покоя! Отыскала все-таки меня эта старая ведьма... И с какими-то просьбами пристает...

Старуха. Эфенди, ну как ты можешь так говорить... Погляди на мои седые волосы.

Хажос. Ладно, ладно... Скажи ему все (указывает на Таумырзу). Он сделает все, что нужно.

Старуха. Дорогой господин, ты тоже Эфенди? У вас обоих я прошу помощи...

Таумырза. Ну чего тебе?

Старуха. Пожалейте старую, подумайте о моих сиротах...

Хажос. Да что случилось? Какая напасть тебя ододела?

Старуха. Корову мою, корову забрали. Чем теперь деток кормить?

Таумырза. Кто забрал?

Старуха. Твои солдаты забрали. Дочка корову не отпускала, и дочку забрали. Весь дом разнесли... Почему они так бесятся?

Таумырза. А ты что хотела бы, чтобы твою корову забрали красные? Вероотступники? Для них ее берегла?

Старуха. Мне деток надо кормить... Деток. Я для них берегла.

Хажос. Смирись, старая, вот одолеем врагов аллаха, тогда все будет хорошо.

Старуха. Светопреставление началось... Где я нахожусь? Что происходит? Людей голодом морят! Разве вы люди! Вы бешеные волки! Молю бога, чтобы скорее конец вам пришел!

Таумырза. Ах ты старая ведьма! *(Подскакивает к ней, отрезает косы.)* На смерть опозоренной пойдешь!

В дальней комнате раздается шум. Врываются Фаризад, Даут и отбивающийся от них Салим.

Даут. Задушу вас всех своими руками! Дьяволу продались! Аллаха забыли...

Таумырза. Стоять! Пристрелю!

Даут. Стреляй, нечестивец!

Таумырза. Нет. Это будет для тебя слишком легкая смерть... Я придумаю для тебя такое... что ты имя свое забудешь!

За сценой раздается шум. В окно врываются Мусосс и Махмуд.

Мусосс. Ни с места, гады!

Фаризад. Мусосс!..

Махмуд. Вовремя спсели...

Фаризад *(указывая на Хажоса)*. Этого не выпускайте. Я его узнала, он был в штабе у Смирнова.

Таумырза, изловчившись, ударяет кинжалом Хажоса и, пользуясь суматохой, выскакивает через дальнюю дверь, свалив за собою стол. Мусосс бросается за ним. Слышен выстрел.

Возвращается Мусосс.

Мусосс. Сбежал!.. Надо уходить скорее, но ничего — от нас он не спрячется.

Махмуд (*показывая на Хажоса*). Этот, кажется, готов.

Даут. Сынок, а мне можно с вами?

Мусосс. Решай, отец.

Даут. Мне теперь покоя не будет, пока Таумырзу мертвым не увижу.

Мусосс. Тогда пошли.

Махмуд. А почему Таумырза убил этого старого шакала?

Мусосс. Были, наверное, причины... Таумырза хитрый и коварный враг, он и отца родного не пожалеет. Я думаю, что Таумырза боялся, как бы старик не выдал какой-нибудь тайны. Нам придется теперь самим разгадывать. Ну, время дорого — в путь.

Старуха. Дети мои, благословляю вас на святое дело.

Мусосс. Потерпи, мать. Скоро мы придем сюда, придем навсегда. Вы ждите нас на рассвете.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Долина. Здесь расположился балкарский полк. Полночь.
На сцене Даша.

Даша (*напевает*).

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Входит Ванин.

Ванин. А у тебя хороший голос, Дашенька, я раньше даже и не замечал.

Даша. Писклявый у меня голос, но петь я люблю... Особенно если устану. Запоешь — и сразу легче становится.

Ванин. Ахмат здесь не проходил?

Даша. Не видела.

Ванин. Даша, а ты не жалеешь о том, что ушла из штаба? Не надоело тебе скакать козочкой с горы на гору?

Даша. Нисколько не жалею. Только вот товарища Смирнова вспоминаю часто... Душевный человек. Кто теперь о нем там заботится? Ему не напомнишь — так он стакана чая за сутки не выпьет. Бывало, даже приказывать ему приходилось: садитесь, обедайте.

Ванин. Точно.

Даша. Если сказать правду, товарищ Ванин, то с непривычки здесь немного трудновато... Вчера вечером, когда переходили через Чегемский перевал, мне вообще стало плохо — голова закружилась. Карабкаешься, карабкаешься, все ладони в кровь раздерешь. А иногда такая высота, обрыв внизу, даже ноги дрожат. И речки внизу такие шумливые, сердитые... Даже невольно глаза закрываются. Я вот вчера остановилась, зажмурилась и слышу голос: «Что с тобой, сестренка?» Оборачиваюсь — стоят два балкарца. Стоят, улыбаются, глаза веселые... «Ничего», — говорю. А они мне: «Если в гору идешь, не останавливайся на полпути. Ну а если трудно — так мы на руках донесем».

Ванин. Так это неплохо... Носильщики нашлись.

Даша. А я им говорю: спасибо, уж как-нибудь сама.

Ванин. Не подкачала, значит.

Даша. Ну как можно! Я бы лучше умерла, чем созналась, что мне трудно. А то бы еще сказали: вот, взяли на свою голову... И знаете, как поговорила с балкарскими ребятами, сразу и сил прибавилось. Думаю: да неужели я оскандалюсь перед ними? Смотрю назад — бойцы идут с тяжелой ношей, оружие тащат. Разве тут можно раскисать? А балкарцы мне еще говорят: «Сестра, торопиться нам нужно, нужно скорее Советскую власть утверждать».

Входит Ахмат. Он слышит последние слова.

Ванин. Эх, хорошие ребята у нас в отряде. Балкарцы — это замечательные товарищи, и в бою они никогда не дрогнут.

Ахмат. А вас теперь и не отличишь от балкарцев по виду. Я думаю, что родные вас увидят и не узнают. Скажут: откуда к нам свалились эти горцы?

Ванин. Даша, посмотри на нас, мы уже как близнецы.

Д а ш а. Мама и та не отличит! (*Смеется.*)

Даша уходит в глубину сцены.

А х м а т. Ну, давай присядем, поговорим.

В а н и н. Завтрашний бой, по-моему, надо начинать не раньше часов шести вечера...

А х м а т. Ты так думаешь? Почему?

В а н и н. Я только что говорил с бойцами, которые шли с ящиками боеприпасов. Они говорят, что в Чегеме прошел большой дождь и река разлилась. И нам не перебраться через реку, пока вода не спадет. Утром ее будет невозможно перейти.

А х м а т. Да, но откладывать бой тоже никак нельзя. Противник сможет что-нибудь пронюхать.

В а н и н. Я тебя понимаю, но что же делать?

А х м а т. Меня очень беспокоит то, что наши разведчики никак не могут найти партизан.

В а н и н. Ничего не могу понять! Мы послали четыре группы для их поиска... И три уже вернулись ни с чем. Боюсь и подумать — а вдруг партизаны погибли...

А х м а т. Этого быть не может!

В а н и н. Ну что ж, подождем четвертую группу, — по моим расчетам, она скоро должна уже появиться.

А х м а т. Сделать небольшую передышку — это, конечно, неплохо. Ребята все же крепко устали... Но тогда и враг сможет лучше подготовиться... Мне кажется, Сергей, надо начинать все-таки с утра. Как говорится, хорошие дела нужно начинать пораньше, пока голова свежая. И ребята — как они ни устали — рвутся в бой. Ты им только скажи — и их уже не удержишь.

В а н и н. Ну это конечно.

А х м а т. Пойми ты, дорогой, что каждый час промедления дает лишнюю возможность головорезам Серебрякова и этому шакалу Таумырзе творить зло. Дорога каждая минута. Наших рук ожидают разрушенные очаги — ведь столько аулов разрушено до основания...

В а н и н. Я тебя понимаю, Ахмат. Скажи, что-нибудь слышно о твоей семье?

А х м а т. Многие из отряда ничего не знают о своих близких, а многие так и не увидят родных. Беляки зверствуют — вырезают целые семьи.

В а н и н. Прости, друг. Прости, что затронул твою рану.

А х м а т (*как бы после забытья*). Ты проверял караулы? Все в порядке?

В а н и н. Не волнуйся. Все спокойно...

А х м а т (Даше). Что загрустила?

Д а ш а. Нет. Я не грущу. Слушаю, как шумит вода. Она как будто разговаривает.

А х м а т. Да, реки у нас говорливые.

За сценой слышится партизанская песня на стихи Хасана.

В а н и н. Хорошо поют.

А х м а т. На съезде горцев Беталл Калмыков познакомил меня с другом Ленина — его Кировым зовут. Вот что голова! Он меня спросил: «Есть ли у вас песни о свободе?» Я сказал, что пока еще нету. А вот, видишь, теперь есть. И знаешь ли ты — ее сочинил один парень из здешних мест по имени Хасан. Он пропел ее сперва одному, потом другому, а там и все запели. Слышишь?

Звуки песни усиливаются.

В а н и н. С такой песней и в бой легко идти.

Пауза. Вдруг тишину пронзает звук выстрела.

А х м а т. Что это? Кто это патроны тратит? Пойду узнаю.

Д а ш а. Сидите. Я быстро... (Уходит.)

В а н и н. Может, случайно?

А х м а т. Да не может быть!

Вбегает Д а ш а.

Д а ш а. Командир полка просил вам передать, что он сидел с пулеметчиком из третьей роты, и вдруг — выстрел... Пуля сбила шапку. Он сказал, чтобы вы не беспокоились, он сам примет нужные меры.

В а н и н. Что же это может быть?

А х м а т. Да, вот тебе, Сережа, и случайный выстрел.

Входит А з н о р.

А з н о р. Большевистский привет!

А х м а т. Здравствуй. Что прогуливаешься в такое время? Надо отдыхать... Завтра день горячий...

А з н о р. Вы же ведь не отдыхаете, и мне тоже неудобно как-то разлеживаться...

А х м а т. Ты слышал выстрел?

А з н о р. Какой?

А х м а т. Да вот... только что...

Аз н о р. Ах, этот... Да, конечно, слышал... Наверное, у какого-нибудь ротозея курок отказал.

В а н и н. Вы так полагаете?

Аз н о р (*присаживаясь*). А что же еще? Спички есть?

А х м а т (*протягивая коробок*). Вот. Что-то у тебя руки словно дробь отбивают... Осторожнее... Так ты мне все спички переведешь.

Аз н о р. Простыл я, наверное, простыл... знобит что-то...

А х м а т. Обратись к нашему доктору... Вот она — Даша.

Аз н о р. Да ладно, обойдусь без бабы. Сам вылечусь.

А х м а т. По-моему, тебе все же лучше обратиться.

Аз н о р. Да что она понимает, эта соплячка! (*Достает из кармана бутылку*.) Вот у меня есть немного осетинской водки. По-моему, лучшее лекарство. Всю хворобу лечит. Не хочешь?

А х м а т. Я не болен, у меня нет простуды.

Аз н о р. А так — для поднятия настроения?

А х м а т. Нет. Я вообще стараюсь держаться подальше от этого зелья.

Аз н о р. Пить в меру — это не грех.

В а н и н. А если не знать меры?

Аз н о р. Но я-то лично знаю...

А х м а т. Тебе, конечно, виднее.

Раздаются голоса: «Стой! Кто идет?» — «Свои».— «Пароль?» — «Свобода».— «Проходи».

В а н и н. Четвертая группа вернулась. Пойду встречу ее...

Аз н о р. Я тоже пойду за компанию...

А х м а т. Подожди. Посиди со мной — потолкуем немного, а то мне будет скучно.

Аз н о р (*неохотно*). А может, действительно пойти поспать часок-другой? Как ты думаешь?

А х м а т. Сейчас пойдем...

Ванин уходит.

Аз н о р. Глаза так и слипаются.

А х м а т. Скажи, Аз н о р, а ты давно у Смирнова в штабе?

Аз н о р. Да так, не очень...

А х м а т. Ну а все-таки?

Аз н о р. Ну как тебе сказать... А зачем тебе?

А х м а т. Да просто так... Хотел тебя спросить об одном знакомом, не встречал ли ты его в штабе...

Аз н о р. Там многие бывают, всех не запомнишь...

А х м а т. А что, у тебя плохая память?

Аз н о р. Да я ко всем же не присматриваюсь. У меня свои дела. А в чужие я вмешиваться не люблю.

А х м а т. А вот мне иногда приходится.

Входят В а н и н, И б р а г и м, К о н а к.

В а н и н. Принимай гостей, комиссар!

А х м а т. Ну вот они, долгожданные... Наконец-то.

В а н и н. Ну, теперь как гора с плеч.

А х м а т. *(заметив, что Ибрагим ранен)*. Что же ты не уберегся, командир? Что, задело немного?

И б р а г и м. Четыре дня назад угостили пулей.

А х м а т. А рана серьезная?

И б р а г и м. Да на мне все быстро заживает.

А х м а т. Что, жаркий был бой?

И б р а г и м. Да... От зари и до самого восхода. Вот если б Конак не подоспел вовремя, не знаю, встретились бы мы сейчас... Спасибо ему — выручил... Ну мы тогда белякам дали... Таумырза еле ноги унес.

А х м а т. У вас большие потери?

И б р а г и м. Да уж не маленькие. Многих недосчитались. А особенно жалко паренька Хасана...

А х м а т. Хасана?

И б р а г и м. Да.

А х м а т. Это не о нем говорят, что он сочинил партизанскую песню?

И б р а г и м. Он самый.

А х м а т. Жаль. Видно, замечательный рос джигит.

И б р а г и м. Он был ранен, но не удержался и полез в бой. Он умер, спасая жизнь Мусосу.

А х м а т. А где теперь Мусосс?

И б р а г и м. Он ушел на одно задание — я не мог удержать. Его любимая девушка в западне у Таумырзы...

А х м а т. А он знает, куда вы ушли?

И б р а г и м. Ну а как же? Мы оставили людей для встречи с ним.

В а н и н. А с провизией у вас плохо?

И б р а г и м. Да нет, ничего. Небольшой запас есть.

К о н а к. Вот с патронами у нас плохо. С едой еще можно подождать, а вот с патронами ждать нельзя. Вот нам бы пулемет...

А х м а т. Я вас могу обрадовать. Оружие мы привезли, дадим вам. Так и передайте партизанам.

И б р а г и м. Спасибо за такой дорогой подарок.

А х м а т. А как настроение у людей?

И б р а г и м. Настроение боевое. Каждый только и думает, как бы рассчитаться с бандитами.

А х м а т. Вы конечно же устали... Но отдыхать мы не будем.

К о н а к. Да как же можно отдыхать? Попробуй я сказать своим — отдыхайте, так ведь разорвут...

И б р а г и м. Мы все ждали встречи с вами. Знали, что вы скоро придете... Но вы пришли еще скорее. Это хорошо.

А х м а т. Вы нас ждали?

И б р а г и м. Наши посланцы были у Смирнова.

А х м а т. Ну и как, благополучно возвратились?

И б р а г и м. Их захватили бандиты Таумырзы. Махмуду удалось вырваться, а вот Фаризад там. Мусосс пошел ей на выручку.

В а н и н. А какие вести из Гунделена?

И б р а г и м. Самых последних вестей ждем от Мусосса.

А х м а т. Ох, много мы слышали о подвигах Мусосса... По всему Кавказу о нем идет молва.

И б р а г и м. Это правильно.

В а н и н. Какой мы путь изберем для похода в Гунделен?

И б р а г и м. Надо не дать возможности бандитам вырваться оттуда. Надо истребить их на месте, чтобы они не ушли в горы.

К о н а к. Если полк подойдет к селу снизу, то противник может отступить в горы. А если подойти сверху, то им будет некуда двинуться.

А х м а т. Разумный совет. Я думаю, что командир полка согласится с вами. Вам надо сейчас встретиться с ним и договориться о плане действий. Он вам скажет о снаряжении, оружии и боеприпасах.

И б р а г и м. Мы готовы.

А х м а т. Братья мои! Вот мы встретились, а поговорить-то как следует и некогда... Ладно, победим врага, отпразднуем победу и наговоримся. Недалек тот радостный день. Вот тогда и выпить будет можно.

Входит Мусосс.

Мусосс. Здравствуйте.

Ибрагим. Мусосс, дорогой мой! Вот это да!

Мусосс. Мы шли за вами следом. Но вы так быстро двигались, что догнать вас было просто невозможно.

Ахмат. Ну, давай руку, герой! Только что мы вспоминали тебя!

Ибрагим. Это командир балкарского полка Ахмат.

Мусосс. Давно я хотел повидаться...

Ахмат. И я тоже.

Ванин. Начальник штаба Ванин.

Мусосс. Мусосс.

Ванин. Джигита по сноровке можно узнать...

Мусосс. Мы прямо из Гунделена. Подробности расскажу позже. Кое-что даже удалось прихватить. Но обратно пришлось идти окружным путем — следы надо было замести. Вот посмотрите: я захватил бумаги из штаба Таумырзы.

Ибрагим. А что с ним самим?

Мусосс. Ушел...

Ибрагим. Эх...

Мусосс. Зато на корм шакалам пошел Хажос Эфенди. И знаете, кто его убил?

Ибрагим. Кто?

Мусосс. Сам Таумырза.

Ахмат. Не хотел, значит, отдавать его живым.

Мусосс. По дороге сюда мы видели отряд белых. Он двигался в сторону Гунделена. Большой отряд.

Ванин. Много их?

Мусосс. Человек семьсот.

Ахмат. Это точно?

Мусосс. Ну не меньше никак. Впереди ехал тучный офицер с широкими золотыми погонами.

Ахмат. Это Кабанов.

Ванин. Да, наступать нужно как можно скорее. Пока они не успели осмотреться...

Входят Махмуд, Фаризад, Даут и Салим со связанными руками.

Ахмат. Здравствуйте, друзья. А это кто с вами?

Даут. Собака, прислужник Таумырзы. Сколько бед они принесли со своим хозяином! Сколько он крови пролил... Убитые вызывают о его смерти.

Ахмат. Слово старшего — слово народа. Уведите его.

Азнор. Разрешите мне прикончить гадину...

Ахмат. Тебе? Почему?

Азнор. От руки Таумырзы погибла моя мать, они обесчестили мою сестру. Разрешите мне смыть кровь и бесчестье родных...

Ахмат. А что скажет старший среди нас?

Даут. Я никогда не проливал человеческой крови. Это смертный грех. Но разве это человек? Это просто бешеный шакал. И я сам уничтожу его. Разрешешь, начальник?

Ахмат. Твоя правда, отец.

Салим. Пощадите... *(Падает на колени.)* Оставьте мою душу в живых. Я вам скажу важную вещь. Я назову вам имя предателя. Он должен убить комиссара Ахмата и Мусосса.

Азнор стреляет в Салима, тот падает. Азнор пытается бежать, но Мусосс настигает его и скручивает ему руки.

Ахмат. Так вот ты кто? Давно у меня было подозрение... Это моя вина, что не мог тебя сразу раскусить. Змееныш... Завтра пораньше мы его допросим. Узнаем, кто его подослал и какие пнточки от него тянутся.

Азнора уводят.

Махмуд. Комиссар Ахмат, хочу к тебе обратиться.

Ахмат. Говори, джигит, слушаю.

Махмуд. Я хочу быть пулеметчиком. Можно?

Ахмат. А ты умеешь стрелять из пулемета?

Махмуд. Нет, не умею...

Ахмат. А как же ты хочешь быть пулеметчиком?

Махмуд. Я научусь. Спать не буду, есть не буду, а научусь!

Ахмат. Ну как, определим его пулеметчиком?

Ибрагим. Попробовать можно.

Ахмат. Не подведет?

Махмуд. Я подведу? Как ты можешь так говорить? Лучше бы ты убил меня!

Ахмат. Я шучу. Конечно, ты не подведешь... Ты настоящий боец. Мы дадим тебе пулемет. Но сначала ты будешь просто помогать нашему пулеметчику. Ладно?

Махмуд. Хорошо.

Ахмат. Итак, братья мои, завтра с рассветом выступаем. Я надеюсь, что этот рассвет принесет счастье нашим горам.

Музыка. Партизанская песня.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Гунделен. Часть улицы перед домом Таумырзы, терраса. На террасе стоят Таумырза, полковник Кабанов, Зурум, Омар-бий. Справа за сценой виднеются одинокие фигуры старух и стариков, приветствующих Кабанова. Музыка.

Таумырза. Дай бог, чтобы с вашим приездом, господин полковник, счастье и порядок наконец воцарились в этих краях. *(К встречающим.)* Приветствуйте господина полковника...

Голоса. Слава аллаху...

Таумырза. Ваш приезд наполнил радостью их сердца. Они выражают вам свое почтение.

Кабанов. Да, но почему я не вижу ни одного молодого лица? Почему одни старые рожи? Хорошо бы взглянуть и на девичьи лица... Где они? Вы что, прячете их, полковник?

Таумырза. По нашим обычаям почтенного гостя встречают самые старые в деревне.

Кабанов. Мда... Не мешало бы изменить этот порядок ради меня... *(Обращаясь к Зурум.)* Вот только ваше присутствие радует мои глаза. *(Продолжает разговор с Зурум.)*

Таумырза *(отводит Омар-бия в сторону и говорит ему тихо)*. Сейчас ты будешь приветствовать господина полковника. Его зовут Кабанов.

Омар-бий. Да, но полковник не обидится, если я назову его таким обидным словом?

Таумырза. Господин полковник! Самые почтенные люди Гунделена приветствуют вас. Они радуются, что вы уничтожаете в стране нечестивцев большевиков. Они знают вас как победителя коммунистического балкарского полка и партизан...

Кабанов. Встреча с балкарским полком еще впереди...

Таумырза. Но разве можно сомневаться в результате?

Кабанов. Это верно... Нельзя!

Таумырза. А сейчас, глубокопочтимый полковник, к вам обратится известный всей Балкарии Омар-бий...

Омар-бий. Дорогой наш господин... эээ... ой, простите старого... Ка-ба-нов... Ой!

Кабанов. Что это с ним?

Таумырза. Волнуется просто. (Омар-бию.) Давай дальше.

Омар-бий. Қа-ба-нов... (Испуганно озирается.) Это мне так сказали... Я не виноват...

Қабанов. Он что — того? (Крутит пальцем у виска.)

Таумырза. Нет, что вы... Это все от уважения к вашему чину. (Омар-бию.) Говори скорее, старый ишак!

Омар-бий. Высокочтимый Қа-ба-нов! Вы так обрадовали нас своим приездом! Да осчастливит вас великий аллах! (Таумырзе.) Я правильно говорю?

Таумырза. Продолжай...

Омар-бий. Великий аллах дал нам свои законы на многие века... И вот теперь их хотят отнять большевики. Аллах не может допустить такого святотатства.

Қабанов (Таумырзе). Скоро эта старая перечница кончит свои причитания?

Таумырза. Сейчас мы его поторопим.

Қабанов. Мне уже надоело его слушать!

Таумырза. Заканчивай, болван!

Омар-бий. Қа-ба-нов, алейкум салям!

Қабанов. Салям-волям.

Таумырза (Омар-бию). Убирайся!

Омар-бий (уходя). Слава аллаху!

Таумырза. Дорогой гость, моя супруга приготовила в вашу честь ароматные напитки... Попробуйте! И пусть наше вино прибавит вам силу и бодрость!

Қабанов. Я счастлив отведать все, что приготовила такая красавица, что сделалли ее очаровательные ручки... (Целует руки Зурум, поглаживая их.)

Зурум (приглашает в дом). Проходите, пожалуйста...

Қабанов, Таумырза и Зурум уходят. На сцену выходят два солдата.

1-й солдат. Ну и встреча — три калеки вышли...

2-й солдат. А где же весь народ?

1-й солдат. Говорят, все ушли в лес, к партизанам.

2-й солдат. К партизанам? Зачем?

1-й солдат. Ах, зачем? Вот отсекут твою глупую башку, тогда поймешь, зачем...

2-й солдат. А эти что (указывает на дом), опять пьют?

1 - й солдат. Нет. Тебя дожидаются.

2 - й солдат. Я не понимаю, и зачем нас сюда завели... Горы, обвалы... Того и гляди — в пропасть свалишься, и костей не соберут.

1 - й солдат. Была бы охота кому твои кости собирать...

2 - й солдат. Кому как, а вот мне они нужны.

1 - й солдат. Когда свалишься, они и тебе будут ни к чему.

Слышится песня.

2 - й солдат. Кто это поет?

1 - й солдат. Из подвала поют заключенные.

2 - й солдат. Заунывно как-то поют, тоскливо...

1 - й солдат. А тебя посадят, ты что — плясовую затянешь?

2 - й солдат. У нашего полковника лицо уже распухло от питья. Заливает с утра до вечера.

1 - й солдат. Сладко живут.

2 - й солдат. Я бы тоже сейчас стаканчик самогона пропустил бы... Может, на душе полегчало бы.

Из-за угла показывается Махмуд.

1 - й солдат. Стой! Стрелять буду!

Махмуд. Мать мою взяли... Я мать ищу...

1 - й солдат. Проваливай, пока цел!

Махмуд. Начальник здесь?

1 - й солдат. Уходи подобру, тебе говорят!

Махмуд. Мне начальника надо... Он дома?

1 - й солдат. Ой, не доводи до греха...

Выходят Кабанов и Таумырза. Махмуд быстро скрывается.

Кабанов. Здесь кто-то разговаривал?

1 - й солдат. Никак нет, господин полковник!

Кабанов. Да, но я слышал голоса...

2 - й солдат. Вот он меня спрашивал...

Кабанов. О чем?

1 - й солдат. Он говорит, почему здесь горы такие большие...

Кабанов. Солдат не должен интересоваться посторонним, иначе ему всыпят розог. Понятно?

1 - й солдат. Так точно!

Кабанов. Вон отсюда!

1-й и 2-й солдаты уходят.

Таумырза. Ну, господин полковник, хорошее вино умеют делать в горах?

Кабанов. Да, ароматное... и в голову хорошо ударяет... Недурственно. Малость освежимся и продолжим.

Таумырза. Разгромим красных, и село — в пепел. Серебряков мне сказал: «Красный Гунделен стереть в порошок!» Мы выведем отсюда только самых почетных людей, а остальных — к ногтю...

Голоса из подвала: «Сам лопнешь, разжиревший скот!», «Не бывать по-твоему, дьявол!», «Скорее шерсть на лягушке вырастет, чем ты увидишь свою победу!»

Кабанов. Это что за крики? Кто это?

Таумырза. В подвале беснуются будущие покойники.

Кабанов. Унять!

Таумырза. Одну секунду...

Таумырза уходит, через некоторое время входит Зурум.

Зурум. Что творится! От проделок моего беспутного мужа просто голова кругом идет! В глазах темно... День и ночь — одни пьянки. Вся душа уже выгорела. Я уже дошла до того, что хоть сейчас камень на шею и — в воду. Куда же прислонить мою бедную голову?

Кабанов (*заметив Зурум*). О моя красавица! Моя черноокая... Давайте я вас поцелую...

Зурум. Отойдите.

Кабанов. Я знал, что ты выйдешь ко мне...

Зурум. Я вас боюсь.

Кабанов. Ну разве я такой страшный? (*Обнимает Зурум.*)

Зурум (*вырываясь*). Что же мне делать...

Кабанов. Я буду вас так любить...

Зурум. Я замужняя женщина.

Кабанов. Подожди... Не уходи...

Зурум. Разрешите мне уйти...

Кабанов. Выслушай меня. С той самой минуты, как я увидел тебя, я просто сам не свой. Я никогда не думал, что здесь могут быть такие красавицы. Не женщина, а пламя!

Зурум. Я сейчас закричу.

Кабанов. Не надо кричать... Надо тихо. Понимаешь? Надо все тихо...

З у р у м. Вы пьяны и говорите гадости...

К а б а н о в. Это гадости?

З у р у м. О, что мне делать?!

К а б а н о в. Брось своего мужа. Зачем тебе этот вошючий бурдюк? Зачем он тебе? Только со мной ты узнаешь подлинное счастье. Многих женщин я знал, но такой — никогда... Будь моей!

З у р у м. Отстаньте от меня...

К а б а н о в. Твоя земля сгорит как в аду. Здесь не останется ничего живого. И черт с ней! Какая разница, кто будет тут? Царь... Деникин... Большевики... Мы поедem с тобой в Париж. Ты только слышишь — Париж! Это лучший город на земле. У меня есть деньги, золото. Я одену тебя в лучшие наряды... У меня есть деньги за границей, в банке... Мы поедem в Италию, к морю... Ты будешь блистать, моя красавица, моя возлюбленная...

З у р у м. Сейчас войдет муж...

Входит Таумырза.

К а б а н о в. Не вспоминай этого бурдюка. Стоит мне только захотеть — и он сам будет висеть на дереве...

Таумырза. Я буду висеть? Эх, полковник, я принял тебя как гостя, а ты... По нашим горским обычаям я должен убить тебя! (Выхватывает кинжал.)

К а б а н о в. Меня? Ах ты...

Вбегает 1-й солдат.

1-й солдат. Господин полковник, красные ворвались на окраину!

К а б а н о в. Что? Какие красные?

1-й солдат. Они спустились с гор и окружают нас.

К а б а н о в. Немедленно уничтожить!

1-й солдат. Солдаты спят...

К а б а н о в. Поднять! За мной!

Кабанов и 1-й солдат уходят.

З у р у м. А мне теперь куда?

Таумырза. Погибай, шлюха!

З у р у м. Что ты такое говоришь... Спаси меня...

Таумырза. Пошла ты к черту! (Убегает.)

З у р у м. Куда же мне теперь деваться? Куда бежать?

На сцене появляется старуха. Она с трудом передвигается.
Идет к террасе на ощупь.

Старуха. Боже, боже мой... Началось светопре-
ставление... Где я?

Зурум. Матушка, кого ты ищешь? Откуда ты?

Старуха. Дочь я искала. Дочь, которую изверги
увели. Где она, ясноокая моя? Ох, не видят ничего мои
глаза...

Зурум. Что с тобой? Почему ты ослепла?

Старуха. Много горя видели мои старые глаза...
Видели, как сына белые повесили... Видели, как дочь на
бесчестье увели... Внука, маленького внука убили...
И вот теперь я ничего не вижу. Не смогу увидеть Тау-
мырзу...

Зурум. Матушка, вы дрожите... Замерзла, бедная.
Вот вам моя шаль. И кольцо мое возьмите, кольцо... до-
рогое... За него много дадут... Пригодится... А Таумырзу
не ищите... Он не поможет вам.

Старуха. А ты не знаешь, где он?

Зурум. Нет, я не знаю.

Старуха. А почему твой голос так дрожит? Он тебе
родственник?

Зурум. Не-ет...

Старуха. Так давай его искать вместе.

Зурум. Зачем?

Старуха. Помоги мне увидеть его. Я хочу своими
старыми руками вырвать глаза дьявола...

Зурум. Так это... он?

Старуха. Он. Разве еще есть такой изверг?

Зурум. Матушка, простите меня...

Старуха. За что?

Зурум. Таумырза мой муж.

Старуха. Да... Ты не сможешь мне помочь... Уйди
от меня... Ты тоже из этого проклятого дома...

Зурум. Я не виновата!

Старуха. Уйди.

Входят 1-й партизан, Махмуд. Они устанавливают на тер-
расе пулеметы.

Махмуд. Что вы здесь торчите? Не слышите, что
ли, как пули жужжат? Смотрите, могут задеть...

Старуха. Сынок, а сейчас светло или темно?

Махмуд. Уже солнце взошло. Рассвет...

Старуха. А я вот... света белого не вижу... Сынок, ты не сможешь мне найти Таумырзу? Сынок...

Махмуд. Не обижайся, мать. Не могу тебе помочь — я при пулемете. А Таумырзу мы все ищем... Ничего, найдем, не спрячется...

Старуха. Сынок, а кто это стреляет?

Махмуд. Мы. Народ.

Старуха. А в кого ты стреляешь?

Махмуд. Мы уничтожаем наших врагов, тех, кто хочет у нас отнять нашу свободу.

Старуха. Правильно, сынок, делаешь. Спасибо тебе... Да будет твоя жизнь долгой и счастливой!

Махмуд. Мать, вон там у моста — там идет большой бой. Наши кромсают бандитов. Вот так! Они летят в воду, бегут вдоль реки... *(Дает очередь из пулемета.)* Ну что? Еще добавить?

Зурум. Пошли, матушка, пошли... Здесь страшно.

Старуха. Уходи. Мне с тобой не по пути. Мне бежать некуда, я среди своих.

Зурум уходит.

Махмуд. Сядь, мать, в глубине...

Старуха. Хорошо... Ты не тревожься обо мне. Ты делай свое дело.

Входят Ахмат, Ванин, Даша, Соня.

Ахмат. Махмуд! Вот тебе наше знамя! Подними его над этим домом, и пусть оно возвестит о нашей победе!

Махмуд. Сейчас. *(Берет знамя, уходит. Вскоре мы видим, как он укрепляет его на крыше.)*

Ахмат. Хорошо закрепил?

Махмуд. Хорошо.

Ахмат. Ему теперь там долго быть...

Ванин. Навсегда.

Ахмат. Спускайся, джигит.

Ванин. Ну как, ты уже подружился с пулеметом?

Махмуд. Стараюсь.

Ахмат. Молодец! *(Целует Махмуда.)* Спасибо тебе, джигит. За помощь спасибо. Вот теперь ты стал настоящим мужчиной.

Махмуд. Спасибо, Ахмат.

Ахмат. Ну а теперь, девушки, ваша работа. Надо раненых поскорее вернуть в строй. За дело! Вас теперь двое...

Соня. А раненых?

Даша. Надо помочь людям. Это наша главная задача.

Соня. Мы уже готовимся к этому.

Ахмат. Родные вы наши сестренки...

Ванин. Бой уже затихает.

Ахмат. Все. Конец Таумырзе, конец Серебрякову...

Входят Ибрагим, Даут, Конак, Фаризад.

Ибрагим. Товарищ комиссар, поздравляю вас с победой!

Ахмат. С победой, дорогие мои друзья! (*Обращаясь вдаль, где предполагаются красноармейцы, партизаны, народ.*) Товарищи красноармейцы! Товарищи партизаны! Братья и сестры! Гунделеновцы! Поздравляю вас с большой радостью! Солнце свободы вновь взошло в наших горах!

Крики: «Ура!»

Махмуд (*Ибрагиму*). А где же Мусосс?

Ибрагим. Мусосс скоро придет с хорошей добычей.

Ахмат (*подходя к старухе*). Мать, иди к нам! Теперь тебе некого бояться, все враги разбиты.

Старуха. Спасибо вам, родные. Наступил и для меня счастливый день. Я вижу ваши радостные, дорогие мне лица... Подойди ко мне, я обниму тебя, сын мой.

Ахмат подходит, становится на одно колено.

Я благословляю тебя и твоих воинов от имени всех людей. Да будут счастливы вы и ваши внуки. У многих, как и у меня, убили детей, а теперь вы будете нашими детьми...

Ахмат. Мы все сделаем, мать, все, что в наших силах!

Даут. А мы, старые, поможем вам — молодым.

Ахмат. Вы уже помогли. Благодарим вас за все.

Ибрагим. Мать, а у тебя в партизанах никого не было?

Старуха. Был сын... младший...

Ибрагим. Как его звали?

Старуха. Хасан.

Соня. Хасан?

Старуха. Чей это голос? Ты кто, девушка? Подойди.

Соня. Вот я, здесь...

Старуха. Как тебя зовут?

Соня. Соня.

Старуха. Ты русская?

Соня. Да.

Старуха. А откуда ты знаешь моего сына?

Соня. Я знала его очень хорошо.

Старуха. Ты его знала? Что с ним?

Соня молчит.

Не говори. Я знаю, он погиб. Он отдал жизнь за правду, за народ.

Ахмат. Мы навсегда сохраним его в памяти... Спасибо тебе, мать, за такого чудесного сына.

Старуха. Соня, побудь со мной. Не уходи. Я словно чувствую, что со мной моя дочь...

Входят Мусосс и Таумырза. Таумырза в женском платье,
в платке.

Мусосс. Вы посмотрите, как нарядился! Он хотел вторично выскользнуть из моих рук... Но не вышло.

Даут. Попался, гадина!

Старуха. Кого это там привели?

Даут. Собаку Таумырзу.

Старуха. Где он? Дайте его мне...

Даут. Не надо. Не пачкай о него своих рук... С ним другие разделаются.

Ахмат. Ну, что нам делать с этим головорезом? Какую казнь можно ему придумать? И разве его поганая кровь смоет все преступления, которые он совершил? Пусть его судит народ. Уведите его.

Таумырзу уводят.

Мусосс (*подходит к Фаризад*). Дорогая моя... Вот и сбылась наша мечта — Гуиделен свободен!

Фаризад. Теперь мы будем вместе.

Мусосс. Да. Но подожди еще немного, еще совсем немного... Скоро ни одного бандита не останется на нашей земле.

Фаризад. Я не оставлю тебя! Мы пойдем вместе! (*Даугу*.) Разрешите, отец?

Даут. А мне куда деваться?

Фаризад. Жди нас!

Даут. Э, нет... Мои руки еще крепки... Я пойду с вами, с вами до самого конца. Так ведь, товарищ комиссар?

А х м а т. Так, отец.

Д а у т. Пока еще хоть один враг будет в горах, я не вложу саблю в ножны.

М у с о с с. И я тоже!

М а х м у д. И я!

А х м а т. Дорогие друзья! Мы освобождаем нашу родину от всякой нечисти! Мы утверждаем правду великого Ленина! Нас много, и силы наши неисчислимы! Но помните о тех, кто отдал жизнь за революцию! Они всегда в наших рядах!

Занавес

НА РАССВЕТЕ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А х м а т.
И б р а г и м.
М а х м у д.
И с х а к.
М у с т а ф а (о н ж е М а х а й).
Ф а р и з а д.
Ж а н н е т.
К у н д у р.
Ш е й х.
А з н о р (о н ж е К а р а с а к а л).
С а л и м.
М а ш т а й.
З у р у м.
Б р и г а д и р.

Действие происходит в 30-е годы в одном из горных аулов Баксанского ущелья Кабардино-Балкарии

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Правление сельского Совета. Кабинет председателя. Посреди кабинета — длинный стол Т-образной формы. Вокруг стола — скамейки. На одной стене висит портрет В. И. Ленина, на другой — лозунг: «Да здравствует колхозная жизнь!». В углу стоит Красное знамя. Занавес открывается — Фаризад в военной форме, с пистолетом на боку говорит по телефону.

Фаризад. Хорошо!.. Да... Поняла. Да. Да. Скажу. Что? Кто принял телефонограмму? Сотрудница ГПУ Таштанова Фаризад! *(Берет карандаш и бумагу, записывает телефонограмму.)*

Исхак вводит Карасакала.

Исхак. О, с приездом, Фаризад... Пока приедет Махмуд...

Фаризад *(перебивая Исхака)*. Подожди, не мешай... *(Кончает записывать телефонограмму.)* Эту телефонограмму нужно немедленно доставить Ибрагиму! *(Протягивает телефонограмму Исхаку.)*

Исхак *(читает телефонограмму)*. Значит, Ахмат сегодня приезжает?

При упоминании Ахмата Карасакал настораживается.

Ладно. *(Прячет телефонограмму в карман.)* Я сейчас к Ибрагиму побегу, а ты, Фаризад, будь внимательна к «гостю».

Фаризад. Хорошо. *(Тихо Исхаку.)* Кто это?

Исхак *(тихо)*. Говорит, что нищий, приехал из Дагестана... собирать подаяния... Но что-то не верится... Пусть Махмуд его хорошенько прощупает...

Фаризад. Хорошо...

Исхак (*Карасакалу*). Если то, что вы мне сказали,— правда, вас освободят.

Исхак торопливо уходит.

Карасакал (*воздев руки к небу*). Великий аллах свидетель — я говорю правду...

Фаризад садится за стол, начинает писать.

Фаризад. Может быть... Подойдите сюда, садитесь.

Карасакал (*обеспокоенно*). О дочь моя! Как говорится, сытый голодного не разумеет... Если я буду сидеть здесь и любоваться твоими прекрасными очами, то кто же тогда накормит моих голодных детей? (*Вешает суму на плечи.*) Уж лучше я пойду просить подаяния...

Фаризад. Не торопитесь... Сейчас подойдет Ибрагим...

Карасакал (*выражая удивление*). Ты говоришь — Ибрагим?

Фаризад. Да. Ибрагим.

Карасакал. Он какой из себя? Такой низенький с длинными усами?

Фаризад. Да.

Карасакал (*выражая радость*). Это тот самый Ибрагим, что командовал партизанским отрядом?

Фаризад. Верно. А откуда вы его знаете?

Карасакал. Ну а как же... Очень хорошо знал... раньше...

Пауза.

А недавно... Слышал, слышал об Ахмате. Он теперь вроде большой пост занимает, с такими людьми, как я, наверное, не знаетса...

Фаризад. Нет, что вы! Он не такой человек.

Карасакал. Ну что ж, спасибо ему, если он бедняками не гнушается... Было бы хорошо с ним встретиться. Да где же его теперь увидишь...

Фаризад (*внимательно наблюдая за Карасакалом*). Возможно, что Ахмат будет сегодня здесь...

Карасакал (*перебивая Фаризад*). Благословит тебя, дочка, аллах за такую радостную весть! Значит, я встречу сегодня сразу с двумя друзьями! Дочка, когда придет Ибрагим, скажи ему, что я здесь, а я пока пойду побираться...

Фаризад (*пытаясь задержать Карасакала*). Ну как аульчане — щедры на подаяния?

Карасакал. О... Скучно, скучно... Те, кто раньше нам подавали куски, теперь сами в них нуждаются...

Ф а р и з а д. Неужели так обнищали? Ведь существуют еще богачи...

К а р а с а к а л. А вы думаете, что у богачей будет из-за нас живот болеть?

Ф а р и з а д. Но они ведь мусульмане...

К а р а с а к а л. Мусульмане-то они мусульмане, а на бедняков по-прежнему волками смотрят.

Ф а р и з а д. Что же вы им сделали плохого?

К а р а с а к а л. Да такие, как я, разве могут причинить кому-то зло? Но чувствуют толстопузые, что мы на стороне большевиков, и готовы поэтому с нас шкуру спустить.

Ф а р и з а д. Самое большое богатство для человека — свобода, и ее принесли большевики...

К а р а с а к а л. Да, дочка, это так. *(В сторону.)* Особенно для вас, для баб. *(Волнуется, вешает суму на плечо.)* Ладно, задержался, надо идти. Хватит лясы точить.

Ф а р и з а д *(не обращая внимания)*. Но пока кулаки не скручены, они не перестанут гадить свободному народу...

Входит М а х м у д. Он слышит последние слова Фаризад.

М а х м у д. Партия вынесла о них правильное решение!

Ф а р и з а д. Да. Надо их всех отправить туда, где солнце не греет...

М а х м у д *(Карасакалу)*. Вам кого?

К а р а с а к а л. Аллах свидетель, сын мой, что я никого не жду. Ходил собирал подаяния, а один из ваших привел меня сюда.

М а х м у д *(Фаризад.)* Кто его привел?

Ф а р и з а д. Исхак... *(Отводит Махмуда в сторону.)* Что-то он и мне кажется подозрительным...

М а х м у д *(Карасакалу)*. Откуда вы будете, отец?

К а р а с а к а л. Из Дагестана.

М а х м у д. Документы есть?

К а р а с а к а л *(волнуясь)*. О аллах! Ну откуда у нищего документы? *(Показывает суму.)* Вот мои документы... Придет Ибрагим, скажите ему, что я здесь.

М а х м у д. Откуда вас Ибрагим знает?

К а р а с а к а л. Он сам вам ответит.

Ф а р и з а д. Он говорит, что он вылечил раны Ибрагима.

М а х м у д. Вот как... Ну ладно, иди пока занимайся своим делом, а часа через два зайдешь к нам.

К а р а с а к а л (*уходя*). Всемогущий свидетель, я сказал святую истину!

Ф а р и з а д (*Махмуду*). Товарищ чекист! По его глазам я вижу, что он контра... Зачем ты его отпустил? И даже не обыскал...

М а х м у д (*шутя*). Если такие голубки, как ты, любуются глазами таких стариков, тогда нам, молодым, нечего и шапки носить... (*Смеется.*)

Ф а р и з а д (*строго*). Махмуд, оставь глупые шутки! Он совершенно не похож на нищего!

М а х м у д. Да нищий он, нищий... Знаешь, когда в Дагестане рождается сын, то ему желают, чтобы он дожил до тех пор, пока собаки не отгрызут его палку до рукоятки, так что просить подаяния у них не считается позором...

Ф а р и з а д. Может быть. Но этот человек явно не тот, за кого он себя выдает... Он похож на контра.

М а х м у д (*сердито*). Слушай, Фаризад, знаешь, что курице всегда снится просо? Так и ты — в каждом первом встречном видишь контра и не хочешь его отпускать.

Ф а р и з а д (*язвительно*). Это, может быть, потому, что я «влюблена» во врагов революции...

М а х м у д. Из-за чьего-то необоснованного подозрения мы не имеем права сажать невинного нищего.

Ф а р и з а д. Я вам не кто-то, а сотрудник областного управления ГПУ. Если этот человек, которого ты только что отпустил, — нищий, тогда это твое счастье, ну а если нет — тогда смотри...

Входит Ибрагим, слышит их спор.

И б р а г и м. Махмуд, глаза у чекиста должны быть зоркими, как у сокола, а уши — чуткими, как у тура. Быстрее садись на коня и задержи своего «нищего»! Это лазутчик кандуровской банды.

М а х м у д (*растерянно*). Что-о?..

И б р а г и м. Быстрее! Не теряй ни минуты! Потом я тебе все объясню...

Махмуд убегает. Слышен топот удаляющегося коня.

Ф а р и з а д. А он ведь утверждал, что вылечил вас, когда вы были ранены в Дагестане...

И б р а г и м (*перебивая Фаризад*). Не в Дагестане я был ранен. О подлинном лице этого «нищего» мне только что доложил один верный человек.

Ф а р и з а д. Он хотел еще увидаться с вами и с Ахматом.

И б р а г и м. Нет, Фаризад, вряд ли он жаждал такой встречи... А вот выследить Ахмата — это могло быть его целью...

Пауза.

Когда прибудет оперуполномоченный?

Ф а р и з а д. Он давно здесь. *(Указывая на себя.)* Вот он...

И б р а г и м. Ого! Ты, оказывается, стала большим человеком... Ну поздравляю...

Ф а р и з а д. Спасибо.

Входит И с х а к, он ведет за собой М а ш т а я.

И с х а к *(указывает Маштаю на угол)*. Постой здесь. *(Ибрагиму.)* Здравствуйте, Ибрагим!

И б р а г и м. Здравствуй! *(Увидев в углу Маштая.)* А, Маштай! Что это ты, как во времена пристава, в углу приткнулся? Проходи садись...

М а ш т а й *(льстиво)*. Спасибо, да будет светел твой путь!

Исхак и Фаризад просматривают списки.

(В сторону.) Вы, как я посмотрю, так надолго меня посадите, что у меня на заду мозоль образуется... *(Ибрагиму.)* Эх, дорогой Ибрагим, если эта новая власть будет так относиться к нам, как ко мне сегодня Исхак, то это власть тоже не для бедных...

И с х а к *(отрываясь от бумаг)*. Ты Советскую власть не задевай! Нашелся тоже — бедняк... Советская власть не для тех, кто живет чужим трудом...

Фаризад с подозрением смотрит на Маштая.

М а ш т а й *(протягивая руки)*. Я чужим трудом не живу. Я живу трудом этих мозолистых рук...

И с х а к *(сердито)*. Не ври! Ты и сейчас батраков держишь...

И б р а г и м. Каким это образом?

И с х а к. Вы спрашиваете, каким образом? Маштай, расскажи, когда ты вместе с Мусоссом у Кудору-бия батрачил, почему тебя Мусосс подкоптил соломой на утесе?

М а ш т а й. Из-за жестокости своей...

И с х а к. Нет! Просто ты стал подручным своего князя Кудору-бия, и Мусосс, не вытерпев твоих издевательств над батраками, проучил тебя.

М а ш т а й. Это ложь!

И с х а к. Нет, не ложь! При малейшей возможности

ты крал скот из княжеской отары, а батраки за это расплачивались потом и кровью перед князем. А когда Кудору-бий сбежал после революции, все его добро ты присвоил себе. Чтобы самому спастись, князь оставил даже единственного сына. А этот (*указывая на Маштай*) сделал княжеского сына своим батраком, а его жену — княгиню — принудил стать второй своей женой...

Ибрагим. Ну, Маштай, ты, оказывается, стал князем над князьями!

Исхак. У тебя даже сейчас есть четыре батрака. Не ты ли, когда они приходят получать за свой труд, натравливаешь на них собак, хлещешь их плетью и гонишь со двора?

Фаризад. Эту контру надо немедленно посадить! Иначе...

Ибрагим. Мы боремся за равноправие, а ты в это время эксплуатируешь батраков да еще и бьешь их!

Маштай. Клянусь могилой отца, которого ты знал, что я их даже пальцем не трогаю! Когда я прошу, чтобы они бережно относились к овцам, они хватаются за кинжалы и кричат, что прошли те времена, когда их бранили.

Ибрагим. Ну вот ты и разоблачил сам себя... Ты же только что уверял, что у тебя ни отары, ни батраков, и в то же время жалуешься, что батраки угрожают тебе кинжалами. (*Сердито.*) Кто это тебе разрешил держать у себя батраков и бить их?

Маштай (*торопливо снимает бешмет и рубашку, показывает волдыри на спине*). Да будет светел твой путь! А ну-ка посмотри, кто чью спину греет?

Исхак. Опять ты лжешь! Пастухи, намучившись за день, усталые, приходят отдохнуть, а ты им и тут не дашь покоя — заставляешь чесать свою спину! И когда ты им уже наконец надоел, они тебя решили проучить — насыпали за шиворот горячей золы.

Все смеются.

Маштай (*хватает шапку с головы и бросает на пол*). Пусть так, а кто мне тогда набил шишки на голове?

Исхак. Опять ты, наверное, довел батраков... (*Сердито.*) Правильно говорит Фаризад, даже если простить все, что ты сделал, то, что ты сегодня натворил...

Ибрагим. А что он сегодня натворил?

Исхак. Этот самый голубь, который клянется, что

муху в жизни не обидел, едва не убил своего единственного сына Кябахана. Он пырнул его кинжалом за то, что тот заступился за батрака.

Ф а р и з а д. Немедленно посадить эту контру!

И б р а г и м. Да... Если вовремя не прополоть грядку, то сорняки испортят весь урожай... Вот от кого надо народ обезопасить.

И с х а к. Хорошо, что у таких, как он, век становится сейчас коротким, как у бабочек.

И б р а г и м. Да. Огню и воде никогда не бывать в дружбе — или вода потушит огонь, или огонь высушит воду... (*Маштаю.*) Ты арестован. Исхак, уведи его.

М а ш т а й (*обеспокоенно*). Да будет светел твой путь... Вы меня арестуете, а кто же будет за моими отарами смотреть?

И б р а г и м. Колхозники. Они отныне принадлежат колхозу.

М а ш т а й. А я как же?

И с х а к. А ты получишь одну криворогую корову, двух овец и одного сероголового ишака.

М а ш т а й. И это — власть, которая принесла беднякам свободу! (*С угрозой.*) Ну погодите! Придет еще день, когда Кундур со своей армией...

Ф а р и з а д (*с отвращением*). Уведи его скорей с глаз долой!

М а ш т а й. Когда вешние воды спадают, остается песок!

И с х а к (*Маштаю*). Хватит болтать, идем!

М а ш т а й (*растерянно*). Не имеете права... Я буду жаловаться!

И с х а к. Кому? Кудору-бию? Встретитесь, жалуйся ему сколько угодно.

М а ш т а й. Я и без него на вас управу найду!

И с х а к. Давай топай! (*Уводит Маштая.*)

И б р а г и м (*Исхаку*). Скорее возвращайся!

И с х а к. Сейчас я, мигом...

Ф а р и з а д. Вот до чего доводит человеческая жадность.

И б р а г и м (*брезгливо*). Отрыжка Кудору-бия!

И с х а к (*торопливо входит*). Где Махмуд?

И б р а г и м. Он на задании. А в чем дело?

И с х а к (*бросает на стол конверт*). Читайте. Я нашел это у дверей.

Ф а р и з а д (*читает*). «Дорогой Махмуд... Все ору-

жие, присланное тобой, мы получили. Твои заслуги не забудем. Да хранит тебя аллах! Кундур».

Исхак (*горячо*). Все вы знаете, какие мы друзья с Махмудом... Но теперь... Факты, факты...

Ибрагим. Какие?

Фаризад. Исхак прав. Начнем хотя бы с того, что Махмуд — красный партизан, коммунист — женился на дочери врага революции Таумырзы...

Исхак (*перебивая Фаризад*). Да, да... А теперь еще это письмо!..

Фаризад. Мало того — Махмуд только что освободил задержанного тобой «нищего».

Ибрагим (*гневно*). Бросьте все это! Таумырза бежал, когда его дочь еще и на свет не появилась, и она его совсем не знает. А письмо... Думаю, что это явная провокация. Наверняка этот «нищий» получил от Кундура два задания — выследить Ахмата и очернить Махмуда. Да, Махмуд виновен, что он прошляпил бандита. Но сейчас он находится в погоне за ним...

Исхак (*упрямо*). Ну а если он вернется с пустыми руками? Кто меня тогда убедит, что Махмуд не предатель?

Фаризад (*сердито*). От волка рождается волчонок! Вы понимаете? Волчонок!

Исхак. Если Махмуд не приведет сейчас Карасакала, то меня никто не убедит, что Махмуд не предатель!

Махмуд входит с перевязанной рукой, слышит слова Исхака.

Махмуд. Я — предатель? (*Хватаясь здоровой рукой за маузер.*) Говори, да не заговаривайся! (*Теряет сознание.*)

Ибрагим (*укладывает Махмуда на бурку*). Дайте воды!

Фаризад (*смотрит в ведро*). Воды нет...

Исхак берет ведро и убегает за водой.

Ибрагим. Быстрее же! Фаризад, осмотри его руку...

Фаризад снимает повязку, осматривает рану.

Фаризад. Кость цела. Пуля прошла навывлет.

Исхак, задыхаясь, приносит воды.

Исхак. Ну как он?

Фаризад. Дайте чем-нибудь перевязать рану.

Исхак (*быстро снимает нижнюю рубашку, рвет ее*).

Вот. Перевяжи. *(Взволнованно.)* Сколько капель крови погоряет мой Махмуд, столько бандитских голов я уничтожу!

Ибрагим. Вот как! А ведь недавно ты совсем другому говорил...

Входит Жаннет, видит Махмуда, лежащего без сознания.

Жаннет. О аллах, неужели погас огонь и в моем очаге. Что с тобой, милый? *(Плачет.)*

Ибрагим. Не плачь, Жаннет. Слава аллаху, рана не опасна для его жизни.

Жаннет. О, пусть я раньше тебя сойду в могилу... Плохая весть не бывает ложной...

Исхак *(сердито)*. Ты со своими слезами не накликай беду! Разве будет счастлив тот, кто с вами породнится?

Махмуд *(приходя в себя)*. Ибрагим... Ибрагим... Он между двух скал... *(Теряет сознание.)*

Пауза.

(Снова приходит в себя.) Как бы он не ушел!

Фаризад. Исхак, быстро в ГПУ. Пусть немедленно организуют погоню за врагом. Передай, что он пробирается между двух скал.

Исхак. Есть. *(Убегает.)*

Махмуд *(придя в себя)*. Воды... воды...

Жаннет *(подносит ему воды)*. Пей, дорогой...

Махмуд *(окончательно приходит в себя)*. Узнав, что бандит направляется между двух скал, я стал его преследовать. Когда между нами осталось метров сто, я крикнул: «Сдавайся! Ты окружен!» Тут-то он и зацепил меня пулей. Сгоряча я этого не почувствовал — бросился за ним. Он бежит, а я — за ним и чуть его не нагнал, да потерял сознание. Очнулся, обшарил все укромные места, но он уже как в воду канул...

Слышен приближающийся топот коней. Входит Исхак.

Фаризад *(с намеком)*. Да, бывает в жизни: что-нибудь спрячешь, а потом и сам не найдешь, как ни старайся...

Махмуд *(от боли скрипнув зубами)*. Неужели, Фаризад, в своих подозрениях ты и до меня дошла?

Фаризад. Пойми: не желала бы... Но... *(Протягивает письмо Махмуду.)* Вот. Читай.

Махмуд (*прочитав, усмехнулся*). Ну что ж, значит, горбатый Кундур решил меня загнать в свой кош.

Фаризад. Или ты сам подумываешь поселиться с врагом в одном коше?

Жаннет. О мой бог! Человек чуть ли не при смерти, а его еще в чем-то обвиняют.

Махмуд (*Жаннет*). Иди, душа моя, успокой моего отца, посмотри за детьми. Ничего страшного не произошло.

Жаннет. Нет уж, я тебя здесь не оставлю! Тебе нужно домой, в постель...

Фаризад. Ну, теперь он не скоро домой попадет.

Махмуд (*приподнявшись*). Это почему же?

Фаризад. Сам должен понимать.

Ибрагим. Махмуд, дорогой мой, я понимаю, что, пока не убедятся в твоей невиновности, ты не волен распорядиться собой.

Махмуд. Ну я понимаю, что Фаризад всех, кроме себя, готова именовать контрами, ну а вы-то, Ибрагим и Исхак... Как вы могли поддаться на провокацию врага?

Фаризад (*Махмуду*). Сдай маузер!

Махмуд. Не ты мне его вручала! Мне подарил его Серго в бою.

Исхак (*входя*). Это мы знаем... Но сейчас положи оружие на стол.

Махмуд (*хватаясь за маузер*). Исхак, опомнись. Когда дело идет о моей революционной чести, я не посмотрю, что мы с тобой друзья...

Ибрагим. Махмуд, дорогой, ты знаешь, как я к тебе отношусь... Мы все желаем, чтобы ты оказался невиновным. Но (*протягивает руку*) пока дай сюда оружие.

Махмуд (*снимает шашку*). Эх, Ибрагим, если бы не ты, то оружие с меня сняли бы только вместе с головой.

Ибрагим (*взяв оружие, передает его Фаризад*). Возьмите.

Фаризад (*Исхаку*). Отведите его. Пока запирайте его в кабинете.

Ибрагим. Надо вызвать к нему доктора. (*Жаннет*.) А ты, Жаннет, не плачь, принеси ему еду и постель. Имейте в виду — пусть никто не знает об его аресте, кроме... (*Пауза*.) Вот банда должна как-нибудь узнать об аресте Махмуда.

Исхак. Верно, Ибрагим. Пошли, Махмуд.

Махмуд и Исхак уходят, за ними с плачем идет Жаннет.

Фаризад, не доверяя Исхаку, идет за ними следом.

Ибрагим (*берет со стола букварь, читает, потом отрывается от букваря*). Когда он пришел к нам в партизанский отряд, ему и пятнадцати не было. Когда Муссош шел в самую опасную разведку, он брал с собой только Махмуда... Не раз смерть готова была подкосить его, но Махмуда ничто не страшило... (*Улыбнувшись*.) Помню, что как-то в разведке он попал во вражеские лапы, оглушил на допросе офицера, переоделся в его форму и бежал. И когда он добрался до лагеря, дозорные приняли его за белогвардейского офицера, накинули ему на голову мешок, взвалили на плечи и приволокли ко мне. Нет, Кундур, как бы ты ни хитрил, а не удастся тебе запятнать Махмуда!

Входит Ис х а к.

Ис х а к. Мне повезло, я встретил доктора по дороге, он сейчас перевязывает рану Махмуду.

Ибрагим. Очень хорошо.

Торопливо входит Ф а р и з а д.

Ф а р и з а д. Ну вот, провозилась с другими делами, а приказ так и не успеваю выполнить!

Ибрагим. А что за приказ?

Ф а р и з а д. Меня прислали из Нальчика, чтобы решить вопрос с раскулаченными.

Ибрагим. Ну что ж, если есть такое решение, то надо подготовиться.

Ф а р и з а д. Предварительные списки мы уже составили... Вот, почитайте (*подает Ибрагиму список*).

Ибрагим (*читая список*). В таком деле нельзя допускать ни малейшей ошибки. Надо создать комиссию из уважаемых людей аула, чтобы они изучили каждого досконально, прежде чем включить его в черный список.

Ф а р и з а д. Имей в виду: у тебя есть срок только до сегодняшнего вечера.

Пауза.

За то, что пресмыкается перед муллой... отца моего Даута тоже запишем! (*Записывает*.)

Ибрагим. У Даута был сын Хасан. Он был в моем отряде и в бою за Советскую власть сложил голову. И тогда, несмотря на свои преклонные годы, Даут сам пришел в партизанский отряд и отомстил за сына. Так

неужели за то, что старик верит в бога, нужно его высы-
лать вместе с кулаками? Нет, не бывать этому!

Исхак. Жена Солтана, Гыдымай, только и знает,
что прокликает большевиков.

Фаризад. Вот и ее запишем.

Ибрагим. Из-за проклятий волка собака не поды-
хает. Из-за болтовни какой-то глупой бабы...

Фаризад (*перебивая Ибрагима*). Враг — он всегда
враг, умный или глупый... И тем, кто женат на дочерях
богатых приставов, тоже пора бы...

Ибрагим (*перебивая Фаризад*). Ты что, добира-
ешься до красного героя Махмуда?

Фаризад. Ну и что же? Не козыряй его прошлыми
заслугами. То, что он был в прошлом партизаном, — хо-
рошо, но сейчас... (*Пишет.*)

Исхак. Нет уж, Фаризад. Махмуда к вредителям не
причисляй. Когда белогвардейцы схватили тебя, один
мальчик-партизан вырвал тебя из рук Таумырзы, рискуя
жизнью. Это был Махмуд.

Фаризад (*зло*). Товарищ председатель, прошу не
мешать мне!

Ибрагим. Ай, ай, ай! Одного-то вы и забыли... За
то, что, будучи есаулом, командовал эскадронам в япон-
ской войне... В империалистической войне со своим под-
разделением громил врага, за то, что его дядя в царской
армии воевал с врагами России, за то, что имеет дом с
черепичной крышей, пять коров, — пиши Аскерова Ибра-
гима!

Ахмат входит и слышит слова Ибрагима.

Ахмат. Товарищ председатель, почему же даешь не-
полную характеристику Ибрагиму? Скажи, как в граж-
данскую он командовал партизанским отрядом, как за
отвагу в боях Серго Орджоникидзе и Сергей Миронович
Киров наградили его именным золотым оружием. (*Идет
навстречу Ибрагиму, обнимается с ним. Исхака и Фариза-
д приветствует кивком головы.*)

Ибрагим (*радостно*). С приездом, дорогой Ахмат!
Как же вовремя ты приехал! (*Показывает на Фаризад.*)
Этот человек буквально к стенке нас прижал!

Ахмат (*улыбнувшись*). Брось, друг! Уже если та-
кой матерый зверь, как Серебряков, не смог загнать тебя
в угол, так где уж слабой женщине справиться с тобой!

Ибрагим. Да нет, я не шучу! Мне кажется, что все-
таки много воли мы дали женщинам... Равноправие, рав-

поправие, но нельзя же его так использовать! Чуть что — сразу за глотку мужиков берут!

А х м а т (*шутя*). Нет, Ибрагим, лучше не порть отношения с прекрасным полом. Ну, как положение в ауле?

И б р а г и м. Да, наверное, такое же, как и в других... Одни поступают в колхоз, а другие пока еще колеблются. Да и от банды покоя нет.

А х м а т (*задумчиво*). Да... От крымских ханов и до местных князей — кто только не драл три шкуры с нашего народа... Нет, никому мы не позволим затмить солнце правды в наших горах! Это закон революции. А тех, кто его не понимает, мы уберем с нашего пути... Будь спокоен, Ибрагим. Мы — представители народа, и мы будем решать его судьбу от его имени! Пусть твое сердце не болит...

И б р а г и м. Да дело не в моем сердце! Гораздо хуже недоверие к людям.

Ф а р и з а д (*встрепенулась*). Ты на кого это намекаешь?

И б р а г и м. На кого? Посмотри в зеркало — и увидишь.

А х м а т. А конкретней?

И б р а г и м. Хорошо, Ахмат. Вот скажи: ты же знаешь, что у нас в ауле двадцать пять кулацких хозяйств.

А х м а т. Да, правильно, двадцать пять.

И б р а г и м (*указывая на Фаризад*). А вот этот товарищ...

А х м а т (*обращаясь к Фаризад*). А ну, дай-ка сюда список... Посмотрю, кого ты включила...

Ф а р и з а д (*протягивая список*). Учтите, что он составлен вместе с Ибрагимом и Исаком, а не только мной одной.

А х м а т (*просматривает список, некоторых вычеркивает*). Ого! Да здесь и Махмуд! С каких это пор красный партизан, пулеметчик стал кулаком?

Ф а р и з а д. Мы его включили в список не как кулака.

И с х а к. Не мы — ты его сама записала!

А х м а т. Ты знаешь Фаризад, что бодливой корове бог не дает рогов? (*Прочитав список, встал.*) Ясно прежде всего одно: или мы богачей, или они нас. А другого пути быть не может. Но перегибов тоже не должно быть! А теперь, Ибрагим, покажи мне колхозное хозяйство...

Ибрагим и Ахмат направляются к выходу. Им навстречу идет Жаннет с постелью в руках.

Жаннет. О, что это я вижу?!

Ахмат (*шутя*). Ты что, Жаннет, поссорилась с Махмудом? Решила переселиться в кабинет Ибрагима?

Исхак (*серьезно*). Хуже... Жаннет принесла постель Махмуду, потому что он под арестом.

Слышен приближающийся топот копы.

Ахмат. Что ты сказал? Махмуд арестован?

Ибрагим. Его заподозрили в предательстве и арестовали...

Появляется Мустафа в бурке с плетью, за плечами — винтовка.

Мустафа. Салям алейкум!

Все. Алейкум салям!

Мустафа. Махмуд жив?

Ибрагим. Жив. А в чем дело?

Мустафа. Слава богу...

Ибрагим. А что случилось? Почему так спешил?

Мустафа. Азнор явился в банду и хвастал, что отправил Махмуда на тот свет. Я хотел скорее узнать правду...

Ибрагим. А нам вот известно, что Махмуд и Кундур неразлучны, как душа и тело.

Мустафа. Где это видано, чтоб дружили орел и сорока?

Фаризад. А за какие это тогда заслуги Кундур пишет Махмуду благодарственные письма?

Мустафа. И вы что, товарищ уполномоченный, клюнули на эту фальшивку?

Ахмат. Какую фальшивку?

Мустафа. Как известно, Махмуд — самый большой враг Кундура. И он всеми фибрами своей души хочет очернить Махмуда перед большевиками. Он даже назначил награду тому, кто убьет Махмуда, — своего лучшего копы. Я сам видел, как Кундур писал эту грязную писульку, о которой вы говорите...

Ахмат. Да... (*Фаризад.*) Товарищ уполномоченный, выполняйте мое распоряжение!

Фаризад (*недовольно*). Слушаюсь... (*Уходит.*)

Ахмат (*Жаннет*). Сноха, Махмуду теперь здесь постель не понадобится... Ступай лучше домой, накрой стол, Махмуд скоро придет.

Жаннет. Накрыть стол — это не проблема, но если вы уедете, не заглянув к нам, то дедушка смертельно обидится...

А х м а т. Если будет время, тогда обязательно взгляну... Ну а если не смогу, то передай от меня деду огромный привет.

Ж а н н е т. Спасибо. *(Уходит.)*

А х м а т *(Ибрагим)*. Сегодня вечером надо обязательно собрать аульчан. Поговорим с народом.

И б р а г и м. Хорошо. Мы так и хотели, только тебя поджидали... Исхак, объяви сбор.

И с х а к. Есть! *(Уходит.)*

Слышен топот удаляющегося коня. Входит М а х м у д с перевязанной рукой.

М а х м у д *(обнимаясь с Ахматом)*. О, здесь Ахмат! Здравствуй, дорогой!

А х м а т. Здравствуй, Махмуд! *(Слегка коснувшись повязки Махмуда.)* А это что такое? Всю гражданскую прошел без единой царапины, а сейчас почему перевязанный?

М а х м у д. Да пустяки... Бандитская пуля.

А х м а т *(глубоко задумавшись)*. Да... Видно, не кончилась еще борьба, еще могут быть жертвы за Советскую власть... Но я уверяю вас, что для всех врагов наступает последний час!

Пауза.

(Мустафа.) Мустафа, а как у тебя идут дела с Кундуром?

М у с т а ф а. Чтоб он копыта скорей откинул!

А х м а т. Он что, подозревает тебя?

М у с т а ф а. Да скорей наоборот: обещает взять меня к себе заместителем, если что случится с Азпором...

А х м а т. Ишь ты! Оказывается, из тебя вышел бы прекрасный актер... Да... Хвала тебе, Мустафа! Значит, Кундур доверяет тебе...

М у с т а ф а. Кто знает... Наверное, доверяет... *(Отводит Ахмата в сторону.)* На Верхнем Баксане появился новый шейх, и Кундур часто секретничает с ним. Они в том ауле сколотили из верующих группу для борьбы с революцией. Под видом утренних и вечерних молитв они собираются вместе и затевают новую контрреволюционную организацию...

А х м а т. Ибрагим, подойди сюда.

Ибрагим подходит к ним.

А ты не знаешь их главарей?

Мустафа. Самый главный из них, кажется, шейх. Я знаю, что каждую пятницу Кундур и Азнор, нацепив фальшивые бороды, едут туда как будто бы молиться, а вчера вот Кундур посылал к балыкбаширским, терекбашским бандам связных. Судя по всему, они замышляют какое-то черное дело. После отъезда связных Кундур вызвал меня и сказал, что в следующую пятницу возьмет меня с собой в мечеть. А там, сказал Кундур, главари должны поручить мне какое-то дело, при исполнении которого я должен быть отважным...

А х м а т. Когда это?

И б р а г и м. Завтра.

А х м а т (*задумчиво*). Зачем он послал связных — это нам известно, а вот ты, Мустафа, не задерживайся. Не дай аллах, Кундур тебя хватится! Ты должен себя беречь... Ну ладно, пусть будет счастлив твой путь! До свидания.

Мустафа прощается и уходит. Слышен топот удаляющегося копы.

А х м а т. Дорогие товарищи! По нашим данным, Кундур хочет объединить все банды и захватить Баксанское ущелье...

И б р а г и м (*притворно серьезно*). И захватит его...

Пауза.

Когда ишак кукарекает.

Все смеются.

А х м а т. Враги не хотят видеть, что новая жизнь существует, и хотят навести тень на ясный день своими поджогами, грабежами и убийствами!

И б р а г и м. Глупцы! Разве смогут они своей злобой затмить солнце!

А х м а т. Нет, не погасить им никогда солнце новой жизни... Ну, а теперь к делу. Получен приказ в кратчайший срок покончить с бандитской нечистью.

И б р а г и м. Мы готовы!

И с х а к. Давно уже пора!

А х м а т. Необходимо поднять все окрестные аулы... Как вы думаете, пойдут они с нами?

И б р а г и м. Я уверен, что пойдут... В народе накопилось много ненависти к бандитам...

А х м а т. Тогда, Ибрагим, срочно собери отряд таких джигитов, у которых кони летели бы быстрее ветра.

И б р а г и м. Есть! Мы сделаем все, что в наших силах, и даже больше.

А х м а т. Товарищи! Последний час пробил для врагов революции! Да здравствует Советская власть! Вперед на разгром контрреволюционной банды!

Все. Урр-рраа!!!

Г о л о с И б р а г и м а (за занавесом). Эй, горные орлы! По коням! За мной — марш!

Слышен топот удаляющихся копыт.
Все сильнее и сильнее звучит партизанская песня:

Едем, едем на конях...
Ой, орайда!
Мы врагов развеем в прах.
Ой, орайда!
Гоним резвых мы коней,
Ой, орайда!
Враг силен, но мы сильнее!
Ой, орайда!..

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Глубокая пещера в густом горном лесу. У входа в пещеру очаг, вокруг него лежаки. На одной стене висит длинная плетеная корзина для продуктов. Около очага стоит вбитый в землю сучковатый столб. На одном сучке висит туша тура, на другом — бурдюк с айраном. Когда занавес открывается, Салим чистит винтовку, Зурум печет в золе чуреки.

Зурум (кокетливо). Салим, спой мне, пожалуйста, песню...

Салим. Тебе что, недостаточно тех «песен», которые тебе Кундур поет?

Зурум. Ну тебя... Брось ты свою глупую болтовню, лучше спой.

Салим. А я и петь не умею.

Зурум. Как это не умеешь? Помню я, как ты пел господину Таумырзе. Очень мне понравилась эта песня... Спой ее.

Салим (удивленно). Бог ты мой! Я-то думал, что ты давно забыла о бедном Таумырзе... Эх, женское коварство!..

Зурум (перебивая). Пусть лучше кукушка о нем вспоминает! А мне просто песня твоя вспомнилась.

Салим. Знаю я, какие ты «песни» любишь...

Зурум. Знаешь, так пой.

С а л и м. Тебе со мной еще кое-что было по вкусу, не только песни...

З у р у м (*притворяясь, что не поняла*). Что? О чем ты?

С а л и м. В пещерке над черным родником я приготовил лежанку. Сделай вид, что идешь за малиной, а сама приходи туда к обеду...

З у р у м (*притворно сердясь*). Да что ты! Чтоб у тебя из глаз кровь закапала! Да что мы там будем делать?

С а л и м. Как это что? Плясать будем.

З у р у м. Перед этим ты в ад пойдешь!

С а л и м (*насмешливо*). Да чего ты упираешься?

З у р у м. Оставь, Салим! Как говорится, у лягушки озеро высохло, а она еще квакать продолжает...

С а л и м. Напрасно ты так говоришь, Зурум.

З у р у м (*смеется*). Если ты такой мужественный, то чего тогда жену не заведешь?

С а л и м. Душа моя, уж коли ты жалеешь, что я холостой, так выходи за меня!

З у р у м. Прежде...

С а л и м. Ладно, можешь не продолжать. Знаю, что ты скажешь: не мне, мол, выходить замуж за такого холоуя после такого блестящего пристава, известного по всей Балкарии, Таумырзы, и такого отважного атамана Кундура.

З у р у м. Нет, дорогой Салим... Хоть я и подшучиваю над тобой, но люблю тебя не меньше, чем их.

С а л и м. Ну что ж, спасибо... (*Задумчиво*.) Таумырза боролся за свой чин и пост, Кундур-хап — за свои владения... А у меня вот ни чина, ни кола ни двора... Почему же я днем как собака, а ночью словно волк бросаюсь на таких бедняков, как я сам...

Пауза.

А ты, Зурум, ну что ты теряешь? Пожалей меня! И аллах отблагодарит тебя.

З у р у м. Одна я среди вас... И всех пожалей...

С а л и м. Ты меня с другими не сравнивай!

З у р у м. А какая разница? Ты что, чем-то лучше?

С а л и м. Есть разница... Ведь не первый день мы с тобой знакомы.

З у р у м. Дойдет это до Кундура — он головы нам спишет.

С а л и м. Таумырза не узнал, и Кундур не узнает!

З у р у м. Ну а если узнает?

С а л и м (*задумавшись*). Да, недаром говорят, что тот, кто далеко зашел, обратно уже не вернется. Чем те-

рять голову за то, что побалуюсь с тобой, лучше уж сохранию ее на плечах. Моя голова — это голова бедняка, но мне она дорога.

Зурум (*оскорбленно*). Ах вот ты как! (*Встает, приводит себя в порядок.*) К обеду будь там, где ты говорил!

Салим (*оглянувшись в глубь пещеры*). Да не кричи ты! Услышит Кундур — достанется нам!

Зурум. А ну и пусть! Я хочу, чтоб он слышал!

Салим. А представляешь, что он с тобой тогда сделает?

Зурум. Трус!

Салим (*хохочет*). Я просто хотел испытать тебя...

Зурум. Ах вот как! Больше не ходи вокруг меня... Я не тот серый камень, о который чешутся чесоточные кони.

Салим (*продолжая смеяться*). Ну и хорошо... Пусть ты меня бросишь... Я тебя еще давно раскусил — когда полковник Кабанов собирался тебя в Париж увезти и слюнявил тебе руки и морду... Ну а теперь баста. Если тебя Кундур не удовлетворяет, то Азнор готов как штык, а уж меня оставь в покое...

Зурум (*притворно плача*). Ну как я могу оставить такого красавца, у которого лицо похоже на грушу, побитую градом!.. Не переживу я разлуки!.. (*Направляется в пещеру.*)

Салим (*после мгновенного колебания, резко*). Не ходи! Не пушу я тебя к нему!

Зурум (*отстраняя его*). Как бы не так! А ну пусти! (*Уходит.*)

Салим (*вслед Зурум*). Коварная как змея... И так я у Кундура словно бельмо на глазу, и он не знает, как от меня избавиться, а тут еще... Если эта потаскуха насплетничает, тогда мне несдобровать... Куда же делся Азнор? Неужели он попал в лапы ГПУ? Он бы не дал Кундуру со мной расправиться! Эх, правду говорят: язык мой — враг мой.

Пауза.

Да нет, Азнор отважен и хитер, он может выскользнуть из вражеских рук словно рыба.

Слышно ржанье коня. Салим обеспокоенно всматривается в лес. Почему это копь волнуется? Зверя, что ли, какого-нибудь почуял? Да нет — зверь среди бела дня не осмелится...

Из леса появляется Азнор.

Азнор. Ассалам алейкум, господин Салим!

Салим. Алейкум ассалам, мубарик! Ну если ты меня теперь господином величаешь...

Азнор. Господа-то не с неба берутся. Кто-то кого-то паречет господином — вот тебе и господин.

Салим. Да, это так... Слушай, а почему ты так долго задержался? Я уже беспокоился, не угодил ли ты в руки красных воротников...

Азнор (*снимая бороду*). Почти. Чуть не намертво... капкан защелкнулся... Но, хвала всевышнему, ухлопал одного из них и ускользнул.

Салим. Ай молодец! Кого же ты уложил?

Входит Махай. Услышав вопрос Салима, пастораживается.

Махай. С прибытием, Азнор!

Азнор. Спасибо, друг мой! (*Салиму.*) Ты спрашиваешь — кого я шлепнул? Не скажу без магарыча!

Салим. Какой же тебе магарыч?

Азнор. Если ты только узнаешь, кого я на мушку взял, то не пожалеешь своего вороного, который тебя спасал не раз...

Махай (*обеспокоенно*). Ну, не мучай Салим. Скажи, наконец.

Салим. Скажешь — и решим насчет Каратора.

Азнор. Ну ладно. Так вот: я отправил на тот свет того, кого ты любил как свою душу, — партизана Махмуда!

Салим жмет руку Азнора. Махай едва сдерживает себя.

Салим. Ради аллаха, это правда?

Азнор. Я когда-нибудь говорил неправду?

Салим. Клянусь аллахом, что если это так, то для тебя и вороного не жалко...

Махай (*стараясь сдержать волнение*). Ну, молодец Азнор... Молодец... (*С притворным беспокойством.*) А где же вы шейха оставили?

Азнор. Шейх в мечети на проповеди. Скоро будет здесь.

Махай (*спешит уйти*). Пойду встречу его, а то он на своем хвосте принесет пожар...

Азнор. Пожар?

Махай. А вдруг? Вдруг он недоглядит, его выследят — и мы все погорели...

Азнор. Все может быть...

Салим. Да нет же! Если надо опекать, прямо как младенца, тогда почему мы ему поклоны бьем?

Ма х а й. Что с того, что он шейх... Голова все равно пустая.

А з н о р. Чшшш... Не говори так о верном слуге аллаха, а то Кундур услышит!

Ма х а й. Кундур, говоришь? Я-то думал, что смелее, чем Азнор и Салим, трудно кого-нибудь найти...

А з н о р. Ну какой я смельчак... Другое дело — Салим. Ладно, поезжай. Встречай шейха — мало ли что... А Кундуру мы передадим.

Ма х а й. Ну, будьте здоровы! (*Торопливо уходит.*)

Слышен топот удаляющегося коня.

С а л и м (*лукаво*). Слушай, Азнор, напрасно ты меня так величаешь... Уж кто из нас батыр — так это ты. Сколько раз ты как рыбка проскальзывал мимо рук большевиков!

А з н о р. Так легко... А ты откуда это знаешь?

С а л и м. Слышал. (*Шепотом.*) Интересно, господин Таумырза жив? Ты о нем что-нибудь слышал?

А з н о р. А как же! Когда меня первый раз арестовали, я с ним сидел в одной камере...

С а л и м. Ну а потом?

А з н о р. А потом его отправили в иные края. А я сбсжал.

С а л и м. Лишь бы жив был! Рано или поздно он все равно вернется...

А з н о р. Может быть. Тогда наши мечты сбудутся... И солнце будет нам светить и греть, а земля будет принадлежать ее истинным владельцам.

С а л и м. Да, сбылось бы это скорее... А уж тогда... Первыми будут висеть на виселицах жена Таумырзы Зурум и их распутница дочь Жаппет...

А з н о р. Ох, не пойму я тебя. То ты готов за них жизнь отдать, а сейчас уже хочешь отнять у них жизнь...

С а л и м. Они меня сами до этого довели!

А з н о р (*подтрунивая*). Чем же это они тебе так насолили?

С а л и м. Да чтоб они провалились! (*Кивает на вход в пещеру.*) Жена Таумырзы стала любовницей горбатого Кундура, а дочь — женой красного партизана Махмуда... Кинжал им в живот — и весь разговор!

А з н о р. Считай, что жена Махмуда уже вдова. А скоро мы уничтожим остальных большевиков.

С а л и м. Что-то не видно еще конца большевиков...

А з н о р. А мы его приблизим!

Салим. Слушай, Азнор, вот ты — ученый человек, объясни мне: о каких это колхозах болтают, будто они дают счастливую жизнь?

Азнор. Сказки все это. Сейчас не только мы в лесах находимся. За нами — белогвардейские офицеры и иностранные помощники. Держись, Салим! Вот победим — ты снова будешь адъютантом полковника Таумырзы и снова будешь ему поставлять самых лучших голубок аула...

Салим (*весело*). И если бы мне оставался только один день жизни, я все равно бы рассказал своему господину про шашни его сучки с Кундуром...

Азнор (*поддразнивая*). Скажи-ка мне, Салим, а верно говорят, что ты сам бегашь за ней как кобель?

Салим. Врут!

Азнор. Уж от кого-нибудь там — понятно, а от меня-то чего скрываешь?

Салим. Клянусь матерью моей покойной, что это сплетни!

Пауза.

Эх, я не буду Салимом Карамусаевичем, если этой парочке не станет тошно от наслаждений... Когда власть была в руках Таумырзы, Зурум плясала под его дудку, а стоило попасть ему в беду — она стала подстилкой Кундура...

Азнор. Брось ты свои угрозы, Салим! Ты ведь сам ею пользовался!..

Салим. Клянусь покойным отцом, нет! Я только выступаю за честь своего господина.

Азнор. Напрасно ты волнуешься за него. Если ты кому-нибудь скажешь, что Таумырза от женщины своего не получил, тебе никто не поверит.

Салим. Да так-то оно так... Но, по обычаю предков, горцы всегда отправляли женщину на тот свет, если она играет честью мужа.

Азнор. Дорогой мой Салим! Почему твои отношения с Зурум подобны мутной воде и никак не прояснятся?

Салим. Зурум на меня давно зуб имеет. А все почему? Господин Таумырза обычно заскучает и говорит мне: «Сообрази чего-нибудь». Не могу же я отказать. А Зурум поэтому и сыпала все время проклятия на мою голову.

Азнор. Эээ... Да вы, оказывается, с Зурум кровные враги!

Салим. Да сгори она в адском огне! Из-за нее меня Кундур тиранит. (*Смотрит в сторону пещеры.*) А сегодня мои отношения с Зурум еще больше испортились, и сейчас она наверняка на меня клеветает своему любовнику. Кундур ее словам верит, как богу. Азнор, умоляю тебя, защити меня от злобы Кундура!

Азнор. Не бойся, я не позволю тебя даже пальцем тронуть! А ты вот возьми с собой джигитов и перегони весь скот этих голопузых сюда...

Салим. О, это я могу! И скот пригоню, и кошары спалю!

Азнор. Давай тогда поторапливайся и с пустыми руками не возвращайся!

Азнор направляется в пещеру. Салим уходит в лес. Через некоторое время Зурум с распущенными волосами выходит из пещеры, застегивая пуговицы на платье.

Зурум (*причесавшись, возится у костра*). О аллах мой, как же я устала от этой бродяжнической жизни! Не могу не только за собой следить, даже спать невозможно раздевшись! Пусть ад наполнится теми людьми, которые меня лишили спокойной жизни!.. Таумырза хоть и развратник и пьяница был, но он все же был мужественным и сражался с врагами словно лев! А этот все откладывает... Ну за что мне скитаться? Ну, допустим, я жила с Таумырзой, но ведь я никому зла не причинила! Эх! Зря я отказалась тогда от предложения полковника Кабанова уехать в Париж... Эх, надо было соглашаться!..

Пауза.

А может быть, при удобном моменте лучше вернуться в аул? Аульчане меня не прогонят...

Пауза.

Нет, нет... Не надо падать духом. Или беспощадная месть тем, кто у нас отнял счастливую жизнь, или смерть!

Входит Азнор, видит, что Зурум одна, незаметно к ней подкрадывается и обнимает ее сзади.

Азнор. О, владычица моего сердца!

Зурум (*рывком вырывается и бьет Азнора*). Еще раз ко мне подойдешь, я тебя так отделаю, что тебя родная мать не узнает, подлец!

Входит Кундур, замечает эту сцену. Оба выхватывают книжки, бросаются друг на друга.

Кундур. Чьей честью ты играешь, собачий сын? Я тебе все потроха выпущу!

Азнор. Да откуда у тебя честь? У тебя ее сроду не было!

Зурум (*хватает два маузера*). Стойте! (*Стреляет вверх.*) Оба вы одинаковы! Была бы у вас честь и душа, вы бы не позволили холопам отобрать у вас землю и любимых женщин и не прятались бы сейчас в норах!

Кундур (*гневно*). Баба! Что ты болтаешь?!

Зурум. Я говорю о том, что вы бы лучше не друг друга резали, а своих врагов!

Кундур. Да я ведь за твою честь...

Зурум (*перебивает*). За сучкой всегда много кобелей бегает, а она одного выбирает. А за свою честь я сама постою. А ты учти: не сможешь руководить своими людьми, тебе придется вместе с ними подчиниться мне!

Кундур (*шагнув к Зурум.*) Что? Что ты мелешь?!

Зурум (*направив на него маузер*). Ни с места! Если шевельнешься — застрелю! (*Азнору.*) И ты тоже встань рядом с ним!

Азнор. Зурум, богом молю, прости! Это я виноват!

Зурум. Да черт с тобой! Сколько времени вы еще будете кормить вшей на своих лежанках?

Азнор. Мы послали за шейхом... Когда он придет — будем решать, как действовать дальше.

Кундур. Азнор! Как же быстро ты подчинился этой... Кто здесь атаман? Я или она?

Зурум. Под твоим атаманством мы скоро совсем одичаем. Это ты допускаешь, что создается колхоз за колхозом.

Кундур (*бросается к Зурум. Она стреляет, с головы Кундура слетает шапка*). Бесстыдница! Неужели мужчины уже так низко пали, что подчинятся тебе?

Азнор. Кундур! Извини, что я вмешиваюсь, но эта женщина с душой мужчины.

Кундур. Куда там! Мы не женщины, чтобы ей подчиняться!..

Азнор (*перебивая*). Да тут уж... хочешь не хочешь...

Кундур. Мы — князя!

Зурум (*язвительно*). Чуть что: я — князь... Ну какой из тебя князь?

Кундур. Почему же я не князь? Что я, у твоего отца гнидобородого в холопах, что ли, ходил?

Зурум. Как говорил один княжеский отпрыск: «Князя мы князя, а гнием в своей грязи».

Кундур (*рассвирепев*). Ты меня еще оскорбляешь? Я тебе не Таумырза Солманович, чтобы терпеть!

Зурум. Ха-ха-ха! Где тебе до Таумырзы... Ты даже его следов не стоишь!

Кундур (*бросаясь к ней*). А ну закрой свою пасть!

Зурум (*направляет на него и на Азнора маузеры*). Ни с места! Руки вверх! Живо!

Аздор бросает маузер, поднимает руки.

(*Кундуру*.) А ты чего ждешь? Быстро!

Кундур бросает маузер, поднимает руки.

Голоса за кулисами. Асалам алейкум, шейх, с приездом!

Шейх (*за кулисами*). Алейкум асалам! А где же ваш атаман? Почему меня не встречает?

Кундур (*услышав голос шейха*). Умоляю, не позорь нас перед шейхом. Если он застанет нас в таком положении — растрезвонит об этом по всем аулам.

Зурум. Ничего. Пусть полюбуется на ваше мужество!

Шейх входит и, увидев Кундура и Азнора с поднятыми руками, сам поспешно поднимает руки.

Шейх. О аллах мой! Не настал ли конец света?

Зурум (*улыбнувшись, протягивает оружие Кундуру и Азнору*). Вот так надо ставить к стенке большевиков! Извините, шейх, мы просто учимся воевать.

Кундур и Аздор облегченно вздыхают.

Шейх. Благодарю тебя, аллах! А я и не знал, что подумать, когда увидел, как женщина прижала к стенке наших батыров со львиными сердцами...

Кундур (*хвастливо*). Да что вы, шейх! Как вы даже подумать могли такое!

Шейх. Да пусть так... Джигиты, мне нельзя здесь задерживаться. Мы должны немедленно разработать план действий, и потом я должен буду вернуться.

Кундур (*Зурум*). Шейх, наверное, пить хочет с дороги... Дай айран.

Зурум приносит айран в деревянной чашке и подает шейху.

Кундур. Может, вы устали, отдохнуть хотите?

Шейх. Нет, сейчас не время отдыхать. Вот когда —

да поможет аллах! — разобьем врага, тогда и отдыхать будем.

Кундур (*Азнору*). Позови ко мне командиров!

Азнор (*шейху*). Махай выехал на встречу с вами. Вы встретились с ним?

Шейх. Нет.

Азнор. Боюсь, как бы он не попал в руки тех.

Кундур (*насмешливо смотрит на Азнора*). Не бойся. Махай не из тех, которые не раз влипают в истории...

Голос за кулисами. Махай! Почему ты так вороного загнал?

Голос за кулисами. Да, он здесь.

Входит Махай.

Махай. Асалам алейкум, шейх!

Шейх здоровается.

Я поехал на встречу с вами и, когда вас не встретил, забеспокоился — не случилось ли с вами чего-нибудь...

Кундур. Как бы не так! Шейх эти места знает как свои пять пальцев и ни в один капкан не попадетя!

Азнор. А ты Салима не встретил по дороге?

Махай. Нет. Но я слышал вдали стрельбу. Может быть, это Салим...

Из леса слышно мычание коров.

Салим торопливо входит, ведя Маштая с завязанными глазами.

Салим (*Кундуре*). Мой господин, ваше приказание выполнено. Колхозный скот угнан, кошары горят. Мы ранили двоих пастухов, а этого прихватили с собой.

Кундур. Молодец, Салим! В дальнейшем так и действуй!

Шейх. Аллах справедлив! Он не допустит исполнения нечестивых замыслов...

Кундур (*снимает повязку с глаз Маштая*). Колхозный передовик? Так, что ли?

Маштай (*растерянно*). Да будет светел твой путь, господин! Я в колхозе не по своей воле... Как же я мог вступить сам в колхоз, если я ненавижу Советскую власть?

Кундур. В таком случае прими его, Салим, в свое отделение, и пусть он хотя бы одной большевистской пуле преградит путь.

Салим. Пошли. (*Собирается увести Маштая.*)

Махай. Нет. А ну постой, Маштай! Ты говорил как-то, что ты сам вырастил скот? Ты врешь!

Кундур. Так ли это?

Махай. Это так. Он присвоил имущество Кудорубия и разбогател.

Маштай. Господин, да будет светел твой путь! Не верь ему, он все врет!

Махай. Ах, я вру? А не ты ли забрал у князя все его добро и еще заодно княгиню, которую принудил стать своей второй женой?

Шейх. О мой аллах! Если не настал еще конец света, то почему мусульмане не боятся греха, почему они стали безбожниками? О мой аллах! Спаси нас от худших дней!

Кундур. Что же может быть хуже...

Шейх. Кундур, сын мой, Махай правду тебе сказал. О том, что Маштай обобрал своих князей, я тоже слышал.

Кундур (*Махаю*). Этот Маштай — не тот ли он батрак, о котором рассказывали джигиты из большого аула?

Махай. Да, это он.

Кундур (*скрипнув зубами, Маштаю*). Так это правда, подлец?!

Маштай молчит.

Я спрашиваю, это правда? Ну что ж, Салим, уведи его в лес, и...

Пауза.

И сделай так, чтобы он никогда больше не зарился на господское добро.

Салим. Слушаюсь, господин. (*Маштаю.*) А ну пошли!

Маштай (*обняв ноги Кундура*). Аллахом тебя молю, не поступай со мной так! Прикажи — я стану твоей собакой, только жизни не лишай! (*Шейху.*) Шейх-Эфенди! Молю тебя, не дай им меня растерзать!

Шейх (*презрительно*). Тьфу, неверный! Сколько в наше время развелось забывших заветы аллаха, жаждущих господского добра. Аллах повелел нам отправлять таких в ад! Салим, сын мой, исполняй волю аллаха и своего господина!

Салим (*Маштаю*). Да не дрожи ты так, будто курица под соколом! Иди!.. (*Подталкивает Маштая прикладом и уводит.*)

Через некоторое время в лесу слышен выстрел.

Шейх. О аллах! Прости нас!

Все. Аминь.

Шейх (*Кундуру*). Дорогой хан, все наши лазутчики не добрались до места. Они схвачены.

Азнор. Да?

Кундур (*схватившись за голову, застонал. После паузы, глухо*). Измена! Кто? Кто предал?.. (*Подняв голову, яростно скрипит зубами.*)

Стоящие рядом вздрагивают. Кундур пристально, пронизывающим взглядом смотрит на шейха.

Шейх (*пятится*). Нет!.. Хан, что ты!.. Это не я... Пусть аллах...

Кундур (*не по-хорошему усмехнувшись*). А я что — говорю, что это ты? Но... (*Смотрит на Азнора.*)

Азнор. Аллах свидетель, це я это...

Кундур. Куда я их послал, было известно только вам четверым! (*Кундур бьет кулаком по скамье.*) Что? Разве не так?

Все. Верно, господин хан, верно!

Кундур (*четко разделяя слова*). Я их послал по-рознь, и ни один из них не знал, куда направляется другой. Это знали только мы вчетвером. Верно?

Все. Истинно так!

Кундур. Значит, предатель кто-то из вас?

Шейх. Да падет кара аллаха на его нечестивую голову!

Кундур (*злобно*). Ну что головы опустили? А ну глядите мне в глаза! Кто тут из вас коварная змея? Говорите!

Шейх (*вынимает из нагрудного кармана талисман и прикладывает его ко лбу*). Клянусь талисманом всемогущего, это не я!

Кундур (*с маузером подходит к Азнору*). Не ты ли это?

Азнор (*с плохо скрытым озлоблением*). Ты что, на своего верного пса замахиваешься? Уж лучше пулю в лоб пустить, чем предать тебя.

Кундур. Махай, давай глину, быстрее...

Махай уходит и поспешно возвращается с корытом глины.

(*Азнору.*) Если ты невиновен — докажи. Ешь глину!

Азнор с отвращением жует глину.

(Зло.) Глотай! Глотай, говорю!

Азнор, чуть не подавившись, глотает.

(Поворачивается к Махаю.) А может быть, это ты продался? Не мотай башкой, как ишак... Клянись!

Ма х а й (спокойно). Только без глиняной закуски... Вот. (Вынимает из кармана обыкновенный блокнот и прикладывает его ко лбу.) Клянусь всем, что мне дорого, и всем, что для меня свято, клянусь священной борьбой, которой я посвятил свою жизнь, что я не изменил своему знамени!

Кундур (заметив Зурум). А не твой ли длинный язык, потаскушка, принес нам беду?

Зурум (насмешливо). Ну а если так — тогда что?

Кундур. Иди ты к шайтану! Клянись в невинности! Жри глину!

Зурум (истерически визжит). Пусть из твоих гнилых глаз кровь сперва брызнет!

Кундур, злобно плюнув, машет рукой на Зурум.

Шей х (подобострастно хихикнув). Господин хап! Да она просто как тот камень, который кто-то отшвырнул. Он лежит и не шелохнется. Грешно ее подозревать.

Кундур (еще раз плюется. Тяжело отдуваясь, садится и обводит всех стоящих тяжелым взглядом). Ну ладно, смотрите... Узнаю ведь рано или поздно и сдеру тогда с подлеца шкуру, а его самого брошу на пропитанные гяурским свиньям!

Шей х. Таумырзу они бросили в одиночку и морили голодом. Так что у него сейчас еле душа в теле...

Кундур. Во-первых, Таумырза свой желудок еще раньше сжег водкой и в последнее время поддерживал себя только нарзаном... Так что, я думаю, у него от желудка остался лишь маленький пузырек.

Ма х а й. Да, Таумырзу прижали слегка. Он ведь большевиков по головке не гладил.

Азнор. Голопузые Таумырзу как огня боялись! Да и мы ведь, шейх, с теми, кто к нам попадает, поступаем гораздо круче, чем они...

Шей х. Мы не гяуры!

Ма х а й. А Маштай разве гяур?

Шей х. Не зарился бы на чужое добро... (Пауза, чтобы перевести разговор на другую тему.) А все-таки, что ни говори, Таумырза был очень мужественным и глубоко верующим человеком. Я очень жалею его.

А з н о р. Мы с ним вместе в Сибири были. Он там так уплетал медвежье мясо, что за ушами трещало. Поэтому о нем не стоит переживать, шейх.

К у н д у р. Да, к Таумырзе не пристанет холера!

З у р у м (*сердито*). Пусть она лучше в тебя вцепится, чтобы бока твои продырявила.

К у н д у р. Ну, если ты о Таумырзе печешься, так иди к большевикам в руки.

З у р у м. Тебя та же дорога ждет. Я это во сне ви-дела.

К у н д у р. Не каркай!

З у р у м. А ты мои нервы не щекочи...

Ш е й х. Ладно, не переживай, Кундур.

К у н д у р. Послушай, шейх! Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы оплакивать Таумырзу... Давай лучше к делу приступим.

Ш е й х. А почему ты, Кундур, так боишься имени Таумырзы, как кошка огня?

З у р у м. Потому что Таумырза не из тех, кто крутит мельницу!

К у н д у р (*бросаясь к Зурум*). Заткнись!

А з н о р. Ну вот, опять началось...

Ш е й х. Прекратите! И Таумырза, и мы — все под аллахом ходим. Давайте советоваться.

К у н д у р. Когда дерутся, уже не советуются. Если наших посыльных схватили чекисты, тогда придется посылать других... Иначе какой тогда толк от нашего разгово-ра?

Ш е й х. Знаю. Вы что, думаете, мы в ауле занимаем-ся тем, что собак на водопой гоняем?

К у н д у р. Знаете, так хорошо. Тогда надо поторап-ливаться. И на этот раз мы должны покончить с красны-ми воротниками.

Ш е й х. Аминь!

В с е. Аминь!

Входит С а л и м.

С а л и м (*запыхавшись*). Мой господин! Ваш приказ выполнен — я отправил Маштая туда, откуда он и носа своего не покажет!

К у н д у р. Молодец! Герой! Старайся дальше, и, ко-гда окончится война, я пожению тебя на шести женах.

С а л и м. Зачем мне шесть? Мне бы одну, да прилич-

ную... Мне уже тридцать лет, а нету ни кола ни двора...
Вог Таумырза тоже так обещал...

Кундур (*перебивая*). Ну опять ты свою песню за-
пел! Ладно, одну жену так одну. Пойди проверь посты и
скажи им, что господин совещается. Пускай будут на-
ческу.

С а л и м (*прикладывая руку к груди*). Да, мой госпо-
дин! (*В сторону.*) О, как ты мне надоел! Чтоб ты в про-
пасть сорвался! (*Уходит.*)

Шейх (*вполголоса*). Джигиты, садитесь ближе...
Джигиты! Наступили наконец дни мести. Аллах
даст...

Кундур (*перебивая*). Давно уже пора!

Шейх. Вы знаете, что серый волк, за которым мы
охотимся, отправился со своими товарищами в Баксан-
ское ущелье... (*Пауза.*) В наш капкан!

Кундур. Серый волк? Кто это? Никто нас не слы-
шит, шейх, можешь говорить прямо.

Шейх. Это Ахмат-Эфенди. Понял теперь?

Ма х а й. Да ведь он же в Нальчике. Что он делает в
Баксанском ущелье?

Шейх. Чума его знает! Может, колхозы идет орга-
низовывать... или другое что...

Кундур (*злобно*). Ну что ж... Добро пожаловать!
Мы обеспечим ему прямую дорогу в ад! Пусть он там со-
здаст свои колхозы!

Шейх. Джигиты всех трех ущелий ждут от нас сиг-
нала. При первой же вести они сразу двинутся к нам.
(*Кундуру.*) Твой отряд совместно с ними должен собрать-
ся на Гыжгите. Общими силами через три дня вы освобо-
дите Баксанское ущелье от большевиков. А Ахмат-Эфен-
ди должен быть убит.

А з н о р. Ну уж это я беру на себя!

Кундур. Э, нет! Тебе и в гражданскую поручали
это дело, а что вышло? Сам еле от партизан удрал. Ну, а
если ты сейчас попадешь к красным, они тебя в бараний
рог скрутят. Нет уж! В этот раз я буду решать судьбу
Ахмата!

А з н о р. Иншаллах! Он не уйдет от меня!

Кундур. Может — да, может — нет, а вот от Кун-
дура он наверняка не скроется. Шейх, а что известно об
Автопраке?

Шейх. Там, слава аллаху, дела идут хорошо. Пред-
седатель сельсовета — наш человек. Всех организаторов

колхоза он сумел постепенно ликвидировать. Теперь там вся власть в наших руках.

Все. Слава аллаху!

Азнор. Плетень красных уже рассыпается... Скоро мы выдерем последний корешок — и он весь рассыплется в прах!

Все. Аминь!

Шейх. Итак, слуги аллаха, в пятницу к рассвету будьте готовы.

Кундур. А почсму в пятницу, а не раньше? Моя великая армия готова к выступлению хоть сейчас!

Шейх. Кундур, душа моя, вся надежда на тебя... Но не каждая быстрая река достигает моря!

Кундур. Но есть и такая поговорка: хорошего дела не откладывай, плохого не начинай!

Шейх (*недовольно*). Короче, Кундур, сколько у тебя людей, которые могут вырвать саблю из ножен?

Кундур. Около трехсот.

Махай. Но не забывайте, что половина из них только и ждет удобного момента, чтобы разбежаться по своим селам.

Шейх. Ого... И такие у вас есть?

Кундур. Есть. (*Усмехнувшись*.) Но эти «храбрецы» в первом же бою будут стоять в первых рядах.

Шейх. Пусть примет их аллах! А как у вас с оружием?

Кундур. Оружия достаточно. Но ждем еще.

Шейх. Хорошо. Но помните о том, что нужно трижды взвешивать свои будущие действия... (*Положив руку на плечо Кундуру*.) Лучшие люди гор на тебя надеются.

Кундур. Благодарю тебя за доверие.

Азнор (*шепотом Махаю*). Смотри-ка, чтобы не упустить власти, он готов уже целовать задницу сероголового ишака Гожока.

Махай (*улыбнувшись*). Да!

Шейх. К нашему счастью, у большевиков в Баксанском ущелье сейчас очень слабые силы.

Кундур. Тогда надо торопиться!

Махай (*пытаясь протянуть время*). Как известно, силы у красных малы, но шашки у них острые. Я думаю, что надо подготовиться более тщательно...

Кундур (*перебивая*). При драке не советуется! Армия готова к битве!

Шейх. Пойдите... Продолжай, Махай.

Махай. Мне кажется, чтобы ударить наверняка, нам нужно для подготовки где-то пять-шесть дней.

Кундур. Нет! Я против. Надо внезапно окружить большевиков и уничтожить их!

Азнор. А как их уничтожить?

Кундур. Как? А вот как! Мой план таков. Ты, Махай, с двумястами всадников двинешься с Гызгита на Балымскую долину. К этому времени из-за гор, из Балык-Баши и из Чегемского ущелья подспеют наши друзья... А мы зажмем в клещи отряд Ибрагима! Мы поймем его как в мышеловку, и он не найдет даже щели, куда можно будет скрыться. Ну что, правильно я решил?

Все молчат.

Шейх. А как же тогда быть с волком, который со своею стаей прибудет из Нальчика?

Кундур. Мы незаметно пропустим в ущелье отряд Азнора, и он ударит большевистской своре прямо в лоб!

Азнор *(тихо)*. А как же их пулеметы?

Кундур *(гневно)*. Пулеметы? У тебя уже поджилки затряслись?

Азнор. Там открытая местность... Враг секанет из пулемета и пощелкает нас всех как семечки...

Кундур *(перебивая Азнора)*. А вы заставьте их замолчать! Не лезьте как бараны под огонь, а пошлите сперва вперед тех, кто положит жизнь и обесчечит вашу атаку. *(Со звериной улыбкой.)* Что, трудно это?

Азнор *(вспыхнув)*. Заткнуть пасть пулеметам? Это тебе не с Зурум в пещере наслаждаться!

Кундур *(озлобленно)*. Что?!

Азнор. Я говорю о том, что во вчерашнем бою точно так же бросили джигитов под пулеметы Ибрагима, и из-за необдуманных действий полегла третья часть наших воинов!

Кундур *(истерично кричит, показывая пальцем на Азнора)*. Ага! Вот кто предатель!

Азнор *(хватаясь за маузер)*. Ты говори, да не заговаривайся! Я не раз за ислам кровь проливал! Я не позволю тебе...

Кундур *(перебивая Азнора, тоже хватается за маузер)*. А не специально ли тебя красные отпускали?

Шейх (*разнимая их*). Аллахом вас молю, спрячьте ваши маузеры!

Кундур. Ты врешь все!

Азнор. Нет!

Кундур. Ты ведь хвастался, что Махмуда отправил на тот свет?

Азнор. А что, разве не так?

Шейх. Ты лжешь... Жив Махмуд.

Азнор. Ну а если у этого проклятого большевика стальное сердце, что я — виноват?

Кундур. Все! Я тебе больше не доверяю. Я снимаю тебя с должности своего помощника. Отныне ты будешь в подчинении Салима. Понял?

Шейх (*отведя в сторону Кундура, тихо*). Разве можно его оставлять в живых? Убрать его!

Кундур. После боя, шейх...

Шейх. А кто его отряд в бой поведет?

Кундур (*горделиво*). Я поведу! Поведет сам хан!

Слышен выстрел.

Шейх. Красные! Красные!!! О, что делать?!! (*Прячется под бурку.*)

Всеобщий переполох.

Кундур. Да не бойся ты, шейх! Ведь я еще жив. Пока Кундур жив, с тобой ничего не случится.

Азнор. Махай, пойдем-ка посмотрим, что там за шум...

Оба быстро уходят. Слышен топот удаляющихся копей.

Шейх (*из-под бурки*). Красные! Красные идут! Мы пропали! Кундур, куда же провалилась твоя доблестная армия? Аллах, спаси нас!

Кундур (*срывает платок с головы Зурум и повязывает себе*). Хоть через твой труп, а выйду из окружения красных!

Зурум (*выхватывает маузер*). И это — опора мусульман! Занимай сейчас же оборону, ложись за камень и сражайся!

Кундур. Я... сейчас. Сейчас я. Побудь пока с шейхом, а я пока... (*Пытается убежать.*)

Зурум (*из-за камня*). Ни с места! Когда вы переодеваетесь в женское платье, ваши дела обычно добром не кончаются.

Шейх (*высовывая голову из-под бурки*). Сноха ис-

иншу говорит: Таумырза, когда бежал в ее платье, попал в руки партизан.

Зурум (*Кундуру*). Ну чего ты трясешься? Ложись сюда и готовься к бою!

Кундур ложится за камень, берет винтовку на прицел. Входят Азнор, Салим и Махай.

Кундур (*осмелев*). Ну, что там происходит?

Махай. Да пустяки...

Салим. Из моего отделения двое повздорили и застрелили друг друга.

Кундур (*срывая платок с головы*). О, чтоб они с того света никогда не вернулись!

Шейх (*выползая из-под бурки*). Слава аллаху!

Кундур (*подбоченившись, всем*). Жалкие трусы!

Шейх. Кундур, а куда это ты собрался идти в платке снохи? Может, мы на тебя напрасно...

Кундур. Это военная хитрость. Я хотел прорваться и ударить врага с тыла!

Шейх. Тогда это другое дело...

Кундур. Ну как тебе только могли прийти в голову такие мысли, шейх?

Шейх. Ну хорошо. Мне пора ехать. Действуйте, как решили. Я уверен, что на сей раз наши замыслы сбудутся. Аминь!

Все. Аминь!

Махай. Шейх, я вот что-то тем, кто на Малке, не очень доверяю. (*Кундуру*.) А как твое мнение, господин?

Кундур. Хм! Может, они и хитрят в чем-то, но мне все равно... лишь бы они помогли уничтожить большевиков... А вот покончим с большевиками, пусть хоть кто-нибудь пикнет — я ему покажу, в чьих руках власть!

Махай. Если бы...

Кундур. Если я буду жив.

Шейх. Аминь!

Все. Аминь!

Кундур (*хвастливо*). Я не вложу шашку в ножны до тех пор, пока мы не выкинем большевиков как мусор в реку Баксан.

Махай (*в сторону*). Что ж, большевикам совсем не страшно то, что их хочет выкинуть в Баксан такой храбрый вояка, как ты...

Шейх. Хотя и мало красноармейцев в Баксанском ущелье, но, когда мы на них нападём, им на помощь могут подняться комсомольские и партийные активы...

Кундур (*хвастливо*). Ну что такое суслики против волков? (*Прохаживаясь*.) Я разгоню их, как сокол куропаток!

Шейх. Кундур, душа моя, я хочу тебе напомнить, что сила быка не в его реве, а в его работе на пашне...

Азнор (*в сторону*). Да, да!

Шейх (*выходит на авансцену*). Э-э-э... Не шутите лучше с Кундуrom — хитрый дьявол... Спит и видит себя владыкой всех горных аулов... Но ведь я не из жалости к нему рискую жизнью.

Кундур (*шейху*). Благослови верных сынов аллаха на бой!

Шейх (*сложив ладони*). Аминь!

Все. Аминь!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Аул Верхний Баксан. Разница в декорациях между 1-м и 3-м действиями только в перемене лозунга. Новый лозунг: «Сметем с пути всех, кто мешает строительству новой жизни». В одном углу кабинета стоит Красное знамя, в другом — знамя из рогожи. На стене висит портрет В. И. Ленина.

Занавес открывается — на сцене Ибрагим, Исхак и Фаризад.

Ибрагим (*берет в руки Красное знамя*). Дорогие друзья! Вы хорошо знаете подлинное лицо кундуровских головорезов...

Общий гул голосов, выкрики: «Еще бы не знать!», «Не лицо, а морда!»

Так вот... Я со своим отрядом прибыл сюда, чтобы окончательно расправиться с этими последними остатками контры. Товарищи! Во вчерашнем бою наши красные соколы разгромили врага, точно стаю воронья! И хотя борьба еще не окончена и еще лют оскал вражьей пасти, но, как говорится, «собака лает, а всадник едет». Теперь... Вы знаете о том, что ваши первая и вторая бригады соревнуются. Так вот: наша комиссия проверила их

работу и признала, что по процентам вторая бригада вышла на первое место. И сейчас ей вручается переходящее Красное знамя.

Бригадир (*выходит на сцену из зрительного зала и принимает знамя*). Спасибо.

Все (*аплодируют*). Молодец вторая бригада!

Ибрагим (*берет знамя из рогожи*). Товарищи! Народная мудрость говорит, что «кто не работает, тот не ест». И я думаю, что никогда не устареет эта древняя мысль. Итак, за лень и за прохладцу в работе первая бригада получает знамя из рогожи!

Бригадир (*выходит на сцену из зала, берет знамя из рогожи. Все смеются*). Да, вы правильно над нами сегодня смеетесь. Но я уверяю вас, что это знамя совсем недолго будет в гостях у нашей бригады.

Все. Пусть будет так!

Ибрагим. Товарищи! На этом наше собрание я объявляю закрытым. А молодежь пускай танцует и веселится. Начинайте!

Исхак (*шутя*). А тех, кто получил знамя из рогожи, допускать к танцам?

Ибрагим. Да допускать-то можно... Но боюсь, что раз они работают плохо, то и в танцах не сильны...

Бригадир (*держит в руках знамя из рогожи*). Что? Вы говорите, что мы в танцах не сильны? А ну, гармонистка, растяни-ка мехи... Станцуем, как сможем.

Гармонистка играет. Бригадир входит в круг.

Эй, джигиты, а ну хлопайте дружнее! (*Танцует со знаменем на плече.*)

Исхак. А ну-ка давай сюда свою рогожу. Не бойся, не найдется здесь охотника занять ее... (*Ставит знамя в угол.*) Давайте, джигиты, хлопайте дружнее!

Бригадир танцует с гармонисткой.

Смотрите, просто как гусь плывет... Больше огня! (*Вытаскивает маузер, стреляет несколько раз в потолок.*)

Фаризад (*иронически*). Ну, теперь ясно, чем они в рабочее время занимались... Танцевать учились.

Первая пара закончила танец. В круг тянут бригадира второй бригады.

Бригадир (*упираясь*). Аллахом молю, не надо меня заставлять...

Исхак. Танцуй! Тебе только в этот день и танцевать!

Бригадир. Клянусь, что отроду и шагу не сделал в кругу...

Ибрагим. Да ладно, оставьте его, джигиты... Его и на аркане не вытянешь!

Фаризад. Не может танцевать — пускай тогда споет!

Бригадир. Ох! Петь я тоже не умею.

Бригадир первой бригады. Ну и джигит! А подпевать ты умеешь?

Бригадир второй бригады. Да как-нибудь...

Бригадир первой бригады поет народную песню «Сизая голубка».
Остальные подпевают.

По тропинкам горным я так долго шел..
Сизую голубку я в горах нашел.
Нет ее красивей, нет ее родней.
Крылья ей подрежу, не расстанусь с ней!

Сизая голубка, слышишь сердца стук?
Мы танцуем в паре, и народ вокруг.
Никогда с тобою я не разлучусь..
В разговоре танца — тайна наших чувств.

Сизая голубка, в наш аул пойдем!
Стану я туманом, будешь ты дождем,
Не боясь обвалов, не пугаясь тьмы,
Вместе перевалы одолеем мы!

Слышен топот коня.
Торопливо входит Махмуд.

Махмуд. Опять эти бандиты!..

Ибрагим (*обеспокоенно*). Что они натворили?

Махмуд. Головорезы Кундура напали на кошары и угнали скот.

Ибрагим. А как же пастухи?

Махмуд. Двоих ранили, остальных связали, Маштая с собой увел.

Исхак. Когда же это все случилось?

Махмуд. Сегодня на рассвете.

Ибрагим. Тогда бандиты не успели еще далеко уйти... Махмуд, бери с собой джигитов и преследуй их до ущелья Кыйнкчи...

Махмуд. А вдруг они пошли по другому пути?

Ибрагим. Судя по донесениям Мустафы, Кундур вместе со своей волчьей стаей затаился в пещерах Гыжиг-Баши. И скот они наверняка туда пригонят. Исхак, ты давай комсомольский отряд подними и двигайся к пещерам через водопады... А мы сейчас мобилизуем аульчан и пойдем по ущелью Сары-Жолла.

Исхак. А может, лучше послать гонцов в город. Я боюсь, что без помощи...

Ибрагим (*перебивая Исхака*). Пока вы будете туда-сюда скакать, бандиты уйдут... Поторапливайтесь лучше! (*Поднимается на пригорок.*) Красные соколы революции! По коням!

Слышны повторяющиеся команды: «По коням!»

Рысью марш!

Как эхо разносится повсюду: «Рысью марш!» Слышен топот удаляющихся коней и песни:

Едем, едем на конях...
Ой, орайда!
Мы врагов развеем в прах.
Ой, орайда!
Гоним резвых мы коней,
Ой, орайда!
Враг силен, а мы сильней!
Ой, орайда...

(*Следит за уходящей конницей.*) Молодцы! Такие не подведут! (*Уходит.*)

Фаризад (*кричит вслед Ибрагиму*). Товарищ командир! А мне с какой группой идти?

Ибрагим (*обернувшись*). А ты, женщина, пока мы вернемся...

Фаризад (*перебивая Ибрагима*). Женщина? Да. Женщина я. А ты лучше скажи, кто в гражданскую из твоих партизан стрелял более метко?

Ибрагим. Прошли те времена. Сейчас женщины должны заниматься женскими делами.

Фаризад (*гневно*). Так что же, значит, я должна теперь сидеть дома и греть ноги в золе?

Ибрагим. Ну почему же! До моего возвращения ты останешься в штабе за меня. Но если что-нибудь натворишь, смотри... Знаю я тебя!

Фаризад. Не беспокойся, все будет в порядке.

Пауза. Слышен шум автомобиля. Фаризад подходит к окну,

Кто это приехал? Может, это в ГПУ узнали о нападении бандитов и помощь прислали? (*Направляется к двери.*)

Навстречу ей выходит А х м а т.

А х м а т (*весело*). Мир дому сему!

Ф а р и з а д. Спасибо... С приездом, Ахмат!

А х м а т (*увидев на боку у Фаризад маузер*). Фаризад, и когда только ты с этой пушкой расстанешься!

Ф а р и з а д. Вот когда уничтожим последнюю контру на земле...

А х м а т (*шутя*). Если наши красавицы будут все время только с контрой драться, то что же тогда джигитам делать... Вам бы лучше детей растить...

Ф а р и з а д (*смутившись*). Того, кого я любила, на свете нет. Его контры, сволочи, убили. И пока я им сто крат не отомщу — не расстанусь с маузером!

А х м а т (*грустно*). Да, был бы жив Мусосс... Но что поделаешь, Фаризад, война не бывает без жертв. Погибшим — земля пухом, а живым жить надо!

Ф а р и з а д. Понимаешь, мне кажется, что не смогу я больше работать на этом месте. Настолько горяч уголь ненависти к контре в моем сердце, что я уже собственную тень готова принять за врага. Может быть, мне лучше на другую работу перейти?

А х м а т (*кладет руку на плечо Фаризад*). Сестренка, работу-то мы тебе всегда подыщем... Но сейчас для тебя главное — учиться!

Ф а р и з а д. Что ж, тогда пошли меня на учебу...

А х м а т. Приезжай в Нальчик к моему возвращению... И устройм тебя учиться. Так... А где же Ибрагим? Почему я его не вижу?

Ф а р и з а д. Бандиты угнали колхозный скот, и сейчас за ними идет погоня...

А х м а т. Да что ты говоришь! А пастухи живы?

Ф а р и з а д. Двоих они ранили, а одного с собой забрали...

А х м а т. Кончать надо с бандитами, иначе никогда они нас не оставят в покое... В ГПУ... (*Пишет.*) Эх, жаль, что не застал я Ибрагима... Позарез нужно было встретиться!

Ф а р и з а д. Он совсем недавно ушел. Может, я успею еще его задержать... (*Собирается уходить.*)

А х м а т. Подожди... Сейчас Васютин со своим отря-

дом находится в Гунделене... Эту записку срочно доставь ему. А Ибрагима сюда пришли.

Ф а р и з а д (*прячет в лифт*). Слушаюсь! Будет выполнено!

А х м а т. И будь осторожна — сама понимаешь, какое время.

Ф а р и з а д. Хорошо. (*Уходит, обернувшись*.) Ахмат, только о просьбе моей не забудь.

А х м а т. Не волнуйся.

Фаризад уходит. Слышен топот удаляющегося коня.

Да... Пылает еще борьба в наших горах... Пока мы с врагами не покончим — сколько будет еще сирот, сколько лучших людей отдадут свою жизнь за народное дело и скольких еще друзей мы потеряем!

Входит шейх с деланным удивлением и радушием.

Шейх. О всемогущий аллах, кого я вижу!!! Вонтипу — вещий сон мне сегодня приснился!.. Асалам алейкум, Ахмат-Эфенди!

А х м а т. Алейкум асалам!

Шейх. С приездом!

А х м а т. Спасибо!

Здороваются.

Шейх. Я хотел Ибрагима застать, а встретил тебя... Валлахи, чудесно... О аллах, как удивительно!

А х м а т. А что тут удивительного?

Шейх (*лукаво улыбаясь*). Сегодня во сне...

Ахмат молчит.

(*Раздраженно*.) Почему ты забыл обычаи гор и не желаешь благополучного исполнения моего сна?

А х м а т. Ну что ж, расскажи, что тебе там приснилось...

Шейх. А приснилось мне, что ты в белой папахе и бурке на белом коне скачешь куда-то в неоглядную даль...

А х м а т (*улыбнувшись*). Валлахи, шейх, если ты будешь говорить, что этот сон приснился тебе из-за тоски по мне, то этому я никак не поверю...

Шейх. Ишь ты какой!.. Ну а почему же он тогда мне все-таки приснился?

А х м а т. Я догадываюсь, на что ты намекаешь...

Но все гораздо проще. Ты, наверное, просто переел баранины на какой-нибудь вечеринке, заснул, а невоздержание в еде действует на сердце, отсюда и сны всякие...

Шейх (*перебивая*). Не кощунствуй! Сон — от аллаха! Молись лучше, чтобы он простил тебе это...

Ахмат. Интересно, почему это у вас, эфенди, все, что вам выгодно, — все создано аллахом?

Шейх. Потому что мы — не как некоторые, которые сегодня с косою, а завтра...

Ахмат. Что это значит?

Шейх. А значит это то, что ты вот словно птичка порхаешь с поля на поле, смотря, у какого хозяина богаче урожай.

Ахмат. Ну нет, шейх! Мы совсем не перелетные птички. Мы хотим, чтобы вся наша земля стала богатой и хлебосольной.

Шейх. Эх, время... Не только нету любви человека к человеку, а даже аллаха уже не почитают... Жестокое время... И люди жестокше...

Ахмат. Неправда, шейх! Сейчас как раз настало время, когда любовь и дружба впитываются в кровь людей... И где нет честного отношения — не может быть ни дружбы, ни любви...

Шейх. С этим я не спору. Но как могут теперешние люди одновременно совмещать любовь и ненависть, искренность и ложь? Эти понятия несовместимы, и в этом ты меня никогда не переубедишь!

Ахмат. А знаешь, что «то сердце не научится любить, которое устало ненавидеть»? Искренность чувств...

Шейх (*перебивая*). Искренность, любовь... Заладил ты одно и то же!

Ахмат. Все ясно мне с тобой. Ты хочешь, чтобы солнце только тебя одного грело. А если остальные мерзнут — наплевать!..

Шейх. Нет, Ахмат-Эфенди, неправильно ты меня понял...

Ахмат. Очень даже правильно. А я тебе скажу, что надо идти в ногу со временем!

Шейх. По-твоему, я должен бить каждому поклоны?

Ахмат. Да нет, эти времена уже прошли... Но я тебе только посоветую: не суй свой черпак туда, где нет твоей бузы! Шейх... У нашего народа сейчас совсем другая судьба. Он выходит на светлую дорогу счастья и знания!

Шейх. Ха-ха-ха!.. Счастье, знание, новая жизнь... Все это сказки. И они все умрут.

Ахмат. Нет уж, шейх! Я умру, ты умрешь, другие умрут, а народ и его дела бессмертны!

Шейх. Опять ты заладил... народ, человечество... Я вот верю, что бессмертен только аллах!

Ахмат. Народ для того народ, кто ему служит, для того, кто в него верит... А тот, кто служит народу, тот служит всему человечеству...

Шейх. Нет, Ахмат-Эфенди! В этом ты ошибаешься! Даже звери и те живут только для себя. И все твари живут для себя. И человек растит детей только себе на пользу.

Ахмат. Мы стремимся к всеобщему равноправию, к братству...

Шейх (*перебивая*). Равноправие? Оно только в могилах бывает.

Ахмат. Скажи мне, шейх, только откровенно... Вот как ты считаешь — ты служишь аллаху?

Шейх. Аллах свидетель, что я ему предан от корней волос до кончиков ногтей...

Ахмат. Вот таких, как ты, народ больше и не желает терпеть. И поэтому мы боремся против вас.

Шейх. Как вы ни старайтесь, а народ не пойдет за вами!

Ахмат. Народ пойдет за тем, кто за его счастье борется.

Шейх. Иншаллах! Когда вешние воды спадают — остается только песок да камни...

Ахмат. А в песке, между прочим, и золото бывает. Поэтому, шейх, пока вешние воды не спадут, лучше не идти против потока...

Шейх. Посмотрим...

Ахмат (*перебивая его*). Смотри, конечно... Но будешь слишком долго присматриваться...

Шейх. Ну что за привычка у вас! Не убив тура, вы уже его мясо делите...

Ахмат. Цветы засыхают, конечно, но корни остаются. И из них вырастает новая, молодая поросль.

Шейх. Пока что еще ни один эфенди не бросил свою чалму свиньям, кроме тебя! Но и для тебя пробьет час! И тогда аллах спросит с тебя сполна на том свете... И уделом твоим будет вечный огонь ада!

Ахмат. Пусть у меня лучше на этом свете будет счастливая судьба. А уж если мне на том свете даже в

рай суждено будет попасть, так я тебе его уступлю с удовольствием...

Шейх (*гневно*). Сегодня — твой день, а завтра — мой будет!

Входит Ибрагим, слушает их и не перебивает.

Ахмат. Народ, который с себя сбросил ваше ярмо, не позволит себя снова запрячь! Ну как ты этого не поймешь?!

Шейх. Вы вот кормите народ своими обещаниями, а что-то не видно, чтобы вы что-нибудь сделали для него...

Ахмат. Не хотите видеть — вот и не видите. Только в горных аулах уже открыто двадцать школ. Покончено с кулачеством. Только враг может не замечать, что нового пришло в нашу жизнь... Дружба и братство теперь накрепко связывает вместе всех тружеников... И кто попробует сжечь мост народной дружбы, который был построен революцией, тот сам сгорит в огне!

Шейх. Ладно. Хватит уже спорить...

Ахмат. Кто из нас прав — покажет время.

Шейх. Покажет!.. (*Стремительно уходит.*)

Ибрагим (*посмотрев шейху вслед*). С присездом, Ахмат!

Здороваются.

Ахмат. Спасибо, Ибрагим.

Ибрагим. Что это он тут бренчал, будто ржавое ведро?

Ахмат. Да так, все гонится в бурке за вчерашним дождем...

Ибрагим. А я бы посоветовал ему завернуть шаровары и тогда уже бежать... Авось догнал бы! (*Смеется.*)

Ахмат. Да... Наговорились мы с ним досыта... Но для их болезни нужно все-таки более действенное лекарство, чем разговоры... Послушай, Ибрагим, ну как там дела с кундуrowsкой бандой?

Ибрагим. Вчера был жестокий бой. Враг оставил на поле третью часть своих воинов и отступил. Но кто-то их все время предупреждает об опасности. Только мы их нагоним — они исчезают словно дым.

Ахмат. Кто же это может быть? Уж не этот ли, который сейчас выскочил отсюда точно ошпаренный?

Пауза.

Да... На облепихе, как говорится, малина не растет,

Ибрагим. Ахмат, дорогой! Если мы знаем, что они из себя представляют, то почему мы их не выкинем как мусор? Иначе они не перестанут жалить нас словно осы...

Ахмат. Есть среди них и просто заблудившиеся, те, которые попали под влияние богачей. И теперь с ними нужно провести разъяснительную работу.

Ибрагим. Да разве мало мы с ними возились? А после вчерашнего боя двадцать кундуровцев перебежали к нам.

Ахмат. Хорошо я знаю повадки Кундура... Он матерый зверь. Вы ему вчера крепко наступили на хвост, но теперь он будет словно ядовитая змея выкручиваться и пытаться ужалить...

Ибрагим. Да... Теперь он двинет на нас все свои силы.

Ахмат. Он честолюбив страшно, сволочь... Он будет теперь наступать с отчаяньем обреченного — или победа, или смерть.

Ибрагим. Это верно... Туговато нам придется... Но ладно — встретим уж бандита «хлебом и солью»...

Все смеются.

Ахмат! Мне бы два взвода в поддержку!

Ахмат. Я уже послал Фаризад в Гунделен к Васютину, чтобы он срочно прибыл сюда со своей частью. А как он прибудет — давайте поднимем аульчан и общими силами покончим с головорезами.

Ибрагим. Верно. Только нужно ударить по ним как можно быстрее. Разведчики донесли, что несколько бандитских отрядов движутся на соединение друг с другом...

Ахмат. Да, их замыслы нам известны. И поэтому нужно убрать их из Баксанского ущелья, пока они не успели соединиться.

Ибрагим. Собака из-за своей хромоты не издыхает... Да, нужно будет решить и вопрос о тех, кто считает толстосумов пупами земли.

Ахмат. Отсеять золото от песка — довольно трудная задача, но нам необходимо выполнить ее.

Ибрагим. Только ты береги себя, Ахмат! Ведь ты уже поперек горла врагам встал...

Ахмат (смеется). Да разве только я? Пусть они нас всех только попробуют проглотить — сразу подавятся!

Ибрагим. Да так-то оно так... И все же...

Ахмат (*перебивая Ибрагима*). Не беспокойся. Я буду не один — в Чилмисе меня ждут Виноградов и Этезов. Они как раз там проводят собрание... И к вечеру вместе с ними я должен буду быть в Автопраке, где сейчас очень тревожная обстановка: предатели убили несколько коммунистов. Итак, Ибрагим, давай теперь выполнять все, что мы сейчас решили.

Входят расстроенные Махмуд и Исхак,

Махмуд. О! Ахмат прибыл! С приездом, дорогой...

Ахмат. Спасибо (*Здороваются.*) Что это вы носы повесили, джигиты?

Исхак. Да есть отчего... Мы шьем, а враги распарывают...

Ахмат (*улыбнувшись*). А все же выше голову! Век врагов революции сейчас стал короток, как у осенних мух.

Исхак. Это верно, но у сорняков корни глубоко уходят... И надо их поскорее выкорчевывать!

Ахмат (*положив руки на плечи Исхака и Махмуда*). Сыны горных ущелий! Великий русский народ протянул нам свою руку! Так давайте же крепче сожмем ее — в этом рукопожатии наше счастье и наша сила! Потомки горцев, которые всегда стремились к свободе!.. Теперь наступило наше утро — это утро нашей новой судьбы! Однако не перевелись еще темные силы, которые хотят швырнуть камень в наше светлое окно. Но недалеко уже тот день, когда будет уничтожен последний наш враг.

Исхак. Твоими бы устами мед пить!

Ахмат. Дорогие друзья! Ведь теперь и земля, и свобода — все наше! Так вперед, навстречу новой жизни!

Ибрагим. Спасибо!

Ахмат. Ну, будьте здоровы! (*Прощается со всеми и уходит.*)

Ибрагим (*проводя Ахмата*). Счастливого тебе пути, дорогой Ахмат! Ну что, джигиты, слышали вы, что Ахмат сказал?

Слышен шум удаляющейся машины.

Махмуд. Как не слышать...

Ибрагим. Значит, так. Будет очень большая схватка, и мы должны хорошо к ней подготовиться,

Махмуд. Мой отряд всегда готов.

Исхак. Мой комсомольский отряд уже оседлал коней и только ждет приказа...

Ибрагим. Приказ уже получен. Вот... «Как только прибудет красноармейская часть, надо выступить и, пока враги спят, окружить их и уничтожить».

Махмуд. Да... Ну все, на сей раз или я Кундура прихлопну, или он меня... Тесно обоим на земле... Пошли, Исхак, нужно подготовиться как следует.

Исхак. Пошли.

Уходят. Ибрагим вынимает из стола книгу и пытается ее читать. Слышен топот приближающегося коня.

Ибрагим (*быстро кладет книгу обратно в стол, встревоженно смотрит в окно*). Как он гонит!.. Будто недобрую весть везет...

Торопливо входит Мустафа. С этого момента и до конца спектакля слышна то тише, то громче песня Ахмата:

Ты был всегда с народом
и шел ты впереди
под знаменем свободы
и с пламенем в груди...

Мустафа. Где Ахмат?

Ибрагим. Он совсем недавно уехал в Автопрак...

Мустафа. Ах, как плохо, что я не застал его... Ибрагим, мой конь устал... Дай мне твоего — мне обязательно нужно нагнать Ахмата!

Ибрагим. Но что случилось? Почему ты так встревожен?

Мустафа. Бандиты проведали, что Ахмат здесь, и устроили ему засаду.

Ибрагим (*обеспокоенно*). Где?

Мустафа. Они захватили Былым и Гирхожан. Если мы не догоним Ахмата до Гирхожана, ему грозит смертельная опасность.

Ибрагим (*сорвав со стены оружие*). Скачи за Ахматом! А я догоню тебя с отрядом!

Мустафа. Только торопись! (*Убегает.*)

Торопливо входит Махмуд.

Махмуд. Что тут за переполох?

Ибрагим. Баксанское ущелье занято бандитами. Ахмат в опасности!

Махмуд. Что?

Ибрагим (*вешает на пояс шашку, берет винтовку*). Сейчас же со своим отрядом — за нами!

Махмуд. Есть!

Махмуд быстро уходит.

За кулисами: «Отряд! По коням! Галопом за мной — марш!»
Слышен топот удаляющихся коней. Вдали слышны пулеметные и винтовочные выстрелы. Через некоторое время, оглядываясь, входят Азнор и Салим. На них одежда из шкур диких животных.

Они срывают со стены лозунг.

Азнор тянется к портрету Ленина.

Салим. А ну не трожь! Не позволю!

Азнор. Ну вот... Если он не сын твоего отца, то почему ты бережешь этого первого большевика?

Салим. Он защитник таких бедных, как я...

Азнор (*опять тянется к портрету*). Мало ли что там большевики болтают...

Салим (*хватается за маузер*). Не трогай! Ты меня знаешь — глазом не моргну, шлепну!

Азнор. Да ладно, не трону...

Салим. Чтоб ты вместе с Таумырзой на том свете черемшу копал! Таскали меня с собой, таскали, а только перед аульчанами опозорили... (*Показывая на портрет Ленина*.) А вот этот человек, говорят, многим дал счастье...

Азнор. Замолчи, вот узнает господин о твоей болтовне...

Салим. Ну и пусть.

Пауза.

Послушай, а куда это люди делись? Спрятались от нас, словно мыши от кошек...

Азнор. Еще бы им не прятаться, если кундуровские молодцы налетели словно соколы...

Салим. Слушай, Азнор, ну когда ты наконец перестанешь поминать этого Кундура?

Азнор. Да я «люблю» его, как аллах шайтана... (*Бросается к Салиму и трясет его за отвороты черкески*.) Нет, ну вот ты скажи, Салим!..

Салим. Что такое?

Азнор. Ну вот как ты думаешь — похож я на предателя?

Салим (*растерянно*). Че-го?

Азнор. Я спрашиваю тебя: предатель я или нет?!

Салим. Да ты что, рехнулся? Ошалел ты, что ли?

Азнор (*отпустив Салима, злобно*). Да не я ошалел, а Кундур... Я, не щадя своей крови, лезу в самое логово врага, а эта тварь считает меня изменником и сволочью и устраняет с поста своего заместителя... Называется — заслужил... (*Закрывает глаза руками.*)

Салим. Азнор!

Азнор молчит.

Ну, что ты молчишь?

Азнор. Ты что, не веришь мне?

Салим. Слушай, да ты ведь плачешь... Ну что ты... такой отважный, а сейчас — словно баба...

Азнор. Эта падаль сильно меня обидела, дорогой Салим... Но ничего, припомню я ему это...

Салим. Ну куда девалась вся твоя отвага? Чего ты ждешь?!

Азнор (*заговорщически*). Я кое-что придумал...

Салим. Говори.

Азнор. Мой верный друг Салим! Не раз мы вместе проливали кровь в сражениях... (*Выватывает из кармана талисман*). Клянись!

Салим (*растерянно*). В чем?

Азнор. Клянись, что все останется между нами... Ну а если кто-нибудь из нас станет предателем, того сам аллах накажет... Клянусь!

Салим (*нетерпеливо*). Клянусь! Ну что ты тянешь, говори скорее!

Азнор (*вполголоса*). Эту падаль Кундура пришить надо...

Салим (*оглядываясь на дверь*). Тшшш... Давно пора... Отвага ломает любые оковы... Дай мне руку.

Азнор. Спасибо, друг!

Пауза.

Ох и зазнаваться он теперь будет, что убил главаря большевиков Ахмата...

Салим. Да его хлебом не корми, только похвастаться дай... А как он жестоко издевался над трупом этого человека — я вовек не забуду... Но ему недолго осталось...

Аз нор (*перебивая Салима*). О-о! Да ты, похоже, начал большевикам сочувствовать...

Салим. Да ты же сам знаешь, что это не так!..

Аз нор (*перебивая Салима*). Друг мой, ладно, давай не будем спорить!.. Ну их всех... (*Вынимает флягу*). Давай-ка лучше тяпнем шайтан-суу...

Салим выпивает, словно воду.

Салим, друг мой, скитаясь так долго по лесам, мы чуть в дикарей не превратились... И я клянусь аллахом, что если ты сегодня раздобудешь голубку, у которой бы я погладил спинку, то я бы век клялся твоим именем...

Салим. Да. (*Еще раз выпив*). Да в этом проклятом ауле ни одной живой души не видно! Ну где я тебе возьму голубку?!

Аз нор. Тебе не привыкать... Если захочешь, ты всегда достанешь... Для Таумырзы вот...

Салим (*перебивая его*). То было другое время...

Пауза.

Ну а все-таки... где те люди аула, которые должны нас встречать хлебом и солью?

Аз нор. Заткнись! Кундур услышит — отбивную из тебя сделает!

Салим (*снова выпив*). Ну что ж... Того, кто из нас хуже стреляет, пусть пуля поразит... И, может быть, моя пуля окажется быстрее, чем его, а?

Аз нор. Да заткнись ты, тебе говорю... Своим языком паршивым накличешь беду...

Салим (*опьянев*). Ну и где же те голубки, что мечтали увидеть нас? Не-е-ет... Теперешние горцы не будут встречать Кундура хлебом-солью... Они уже поняли, где конь, а где ишак... Они все за большевиков, а не за нас...

Голоса за кулисами: «Ура-а-а-а!»

Все ближе и ближе слышится стрельба из винтовок и пулеметов.

Аз нор. Брось ты глупости болтать! Лучше иди и посмотри, что там за шум...

Салим (*насмешливо*). Да, наверное, шакалы наши воют. (*Направляется к двери*.)

Аз нор (*вслед*). Чтоб глотка у тебя засохла!.. Что, жить надоело? По-моему, хан сюда скачет...

Салим (*круто повернувшись к Азнору*). Ну и це-

луйся с ним! Для меня он теперь не хан, а вот что...
(*Плюет себе под ноги.*)

Азнор (*хватаясь за маузер, вслед Салиму*). Да ты и действительно большевикам проданся, ишачья твоя морда! Ну-ка стой!!!

Салим выскакивает за дверь. В кабинет стремительно врывается
Ма х м у д.

Азнор (*ошеломленно заикаясь*). Ма-ма-хму-уд?

Ма х м у д (*выбивая из рук Азнора маузер*). Он самый! Не ждал меня, «пищий» Карасакал?

Азнор выхватывает кинжал, бросается на Махмуда. После ожесточенной схватки Азнор, получив сильный удар, роняет кинжал и вскакивает на подоконник.

Ис х а к (*с другой стороны окна наводит на него револьвер*). Спокойно! Ни с места! Руки вверх! (*Запрыгивает в комнату через окно.*) Встань к стенке!

Ибрагим вталкивает Кундур-хана и шейха с завязанными руками, за ними с растерянным видом входит Салим.

Ма х м у д (*направляя на Салима маузер, насмешливо*). Ну что, залетела наконец пташка?

Ибрагим (*Махмуду*). Стой! Не стреляй!

Салим (*удивлен, что Махмуд жив*). Ну, Азнор, чтоб тебя аллах прибрал... Ты же уверял меня, что убил его, и еще моего вороного за это взял... Он что, с того света, что ли?..

Ис х а к. Да, он ходил туда, чтобы для вас подыскать подходящее место...

Салим (*Азнору*). Сейчас же возвращай мне вороного!..

Ма х м у д. Вороной для вас уже навсегда потерян...
Лучше оружие сдай!

Салим (*снимает оружие*). Да на, возьми... Я сам искал удобного момента, чтобы сдать. (*Отдает оружие Махмуду.*)

Азнор (*скрипнув зубами, Салиму*). Ах предатель!

Фаризад вводит Зурум со связанными руками.

Фаризад (*Ибрагиму*). Товарищ командир! Эта волчица тоже из их стаи!

Ибрагим. Мы с женщинами не воюем. Развяжи ее, и пусть идет на все четыре стороны.

Фаризад. Товарищ командир! Ведь она — жена

Таумырзы. И сегодня она участвовала в бою против нас... Как же так...

Ибрагим (*перебивая Фаризад*). Выполняй приказание!

Махмуд развязывает руки Зурум.

Махмуд. Ты свободна — иди куда хочешь.

Зурум медленно уходит.

Кундур (*кидаясь за ней*). Ведь она же убила Мусукаева! Как вы ее отпускаете после этого?!

Ибрагим. Кто его убил, нам хорошо известно.

Кундур (*скрипнув зубами, Ибрагиму*). А если знаешь, то чего тогда тянешь, а? Стреляй давай, убивай меня!

Ибрагим. Погоди, Кундур... Ты помнишь красных партизан Хажимурата Асанова, Дагира Мамсурова, Сафара Деппуева?.. Не помнишь? А я вот помню... Помню твою расправу над ними... А моего друга Мусосса Жабелова ты тоже не помнишь? А? Куда ты его дел? А как вы с Азнором издевались над нашими матерями, женами и сестрами, ты помнишь? Или тоже забыл? Эх, много ты зла наделал... Теперь же пришел час расплаты, Кундур!

Входит Жаннет, обессиленно опускается на стул.

Жаннет. Убили Ахмата... (*Рыдает.*) Нашего Ахмата убили...

Гул голосов за кулисами: «Ахмат погиб! Где убийца? Кундур его убил? Дайте его нам — мы его растерзаем как бешеного шакала!»

Ибрагим (*Кундуру*). Слышишь?

Кундур (*вызывающе*). Ну что ж... Давай пытай меня, жги, на кол сажай! Ну? Ну чего же ты ждешь, дьявол?!!

Фаризад (*насмешливо*). Что, легкой смерти захотел?!

Кундур. Тьфу на тебя, ведьма длинноволосая! Ничего, придет и твой черед! (*Истерически.*) А нам не страшно умирать. Мы на все готовы!

Ибрагим. Погоди, Кундур... У нас с тобой особые счеты. (*Указывает на окно, где не прекращается гневный гул толпы.*) Ты им за все ответишь! Твоим судьей народ будет!

Входит Мустафа в красноармейской форме.

Мустафа (*отдает честь Ибрагиму*). Товарищ командир! Сегодня в горах уничтожен последний враг революции! За Ахмата мы отомстили!

Кундур (*поняв, что Мустафа советский разведчик, бьется головой о стену*). О, чтобы голову мою конь лягнул... Как я только не догадался, что ты ядовитая змея... И я доверял тебе все секреты! Ох... Сам себе я выкопал яму...

Ибрагим (*Мустафе*). Товарищ Эльсуюхеров! За самоотверженные действия в самом логове врага объявляю тебе благодарность!

Мустафа. За дело революции, за свободу народа клянусь, что жизни своей не пожалею!

Ибрагим. Молодец, Мустафа... (*Показывает на бандитов.*) Так... Немедленно доставить их в ГПУ!

Исхак. Да чего с ними возиться... Пристукнуть их — и все.

Кундур. По советским законам вы не имеете права расстреливать без суда...

Махмуд (*выхватывая шашку*). А ты, сволочь, по какому закону Ахмата убил?!

Ибрагим (*встает между Кундуrom и Махмудом*). Стой!!! (*Отталкивает Махмуда.*)

Исхак. Махмуд прав! Теперь бандитам место не на земле, а под ней!

Махмуд. Не могу я ждать никакого суда... Я должен отомстить за Ахмата!

Ибрагим (*сердито*). Товарищ Махмуд! Если по пути в ГПУ с арестованными что-нибудь случится, смотрите тогда... Их должен судить народ. Уведите.

Махмуд (*арестованным*). Собирайтесь. (*Ибрагиму.*) Товарищ командир, а если они все не поместятся в броневике, как тогда быть?

Ибрагим (*показывая на Кундура и шейха*). Этих надо немедленно доставить в Нальчик, а остальных... Потом решим. А Салима отведите к тем, которые одурачены богачами.

Махмуд уводит арестованных.

(*Смотрит на Красное знамя.*) Под знаменем великого Ленина мы преодолели с вами такие перевалы, через которые ни один человек еще не переходил... Под этим знаменем мы растопили вековые льды гнета. Под

этим знаменем мы нашли ключ от двери, которая закрывала для нас дорогу к народной свободе. И этим ключом мы открыли людям путь к счастью! Дорогие революционеры! На знамя Ленина — равняйся!

Все встали по стойке «смирно», смотрят на знамя. Пауза.

(Глядя на портрет Ленина.) Товарищ Ленин! Горцы, которые веками жили в нищете и темноте, по твоим заветам и при помощи великого русского народа уничтожили сегодня последнего врага революции, вложили шашки в ножны и строят уже новую, счастливую жизнь. Народ Кабардино-Балкарии под ленинским знаменем добился свободы, и сейчас мы клянемся, что будем всегда высоко нести это знамя...

Все. Клянемся! Клянемся!

Торжественно звучит песня об Ахмате.

Занавес

ПОДВИГ ТОРЯНКИ

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ,
6-ти КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- З а л и х а т — разведчица партизанского отряда.
Х а д ж а т — ее мать.
О с м а н — командир партизанского отряда.
А н т о н И л ь и ч — комиссар партизанского отряда.
В а л я — разведчица.
С а к и н а т — жительница Верхнего аула.
А х м а т ч и к — партизан.
М у р а т — бывший мелкий вор.
А л ь б р е х т — майор фашистской армии, комендант.
В е б е р — начальник гестапо.
К р а у т у с — офицер гестапо.
И с л а м — бургомистр.
А л и й — мулла.
Т о м а й — дядя Залихат, начальник полиции.
Ч а с о в о й.

Действие происходит в 1942 году в горах Кавказа.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

1942 год, первые дни августа. Полночь. Дом, в котором живет Залихат. Вещи разбросаны. Над кроватью — ковер, на ковре висит кинжал. В углу — этажерка с книгами, на стене — фотографии мужа и двух братьев Залихат. В детской кроватке спит девочка лет четырех-пяти. Вдали слышен орудейный гул.

В доме Хаджат и Залихат.

Хаджат. Все перевернулось в мире, а ты бросаешь на произвол судьбы меня и дитя-крошку, забываешь, что ты всего-навсего женщина, идешь в омут...

Залихат (*собирая вещи в мешок, спокойно*). Иду известно куда: бить врага, чтобы духу его на нашей земле не было.

Хаджат (*гневно*). Разве не видишь, что враг, как горная река после ливня, все сметает на своем пути. Что ты можешь сделать?

Залихат. Мама, река наполненная грозовым дождем, унимается сразу, как только восходит солнце...

Хаджат (*ходит по комнате*). Двое несчастных детей моих еще ничего в жизни не видели, уже погибли. Твой муж не то жив, не то... Ничего о нем неизвестно. Хватит с меня! Одна ты осталась у меня. Останься, прошу тебя!

Залихат. Убийцы моих братьев топчут нашу землю, грабят и насильничают, а ты хочешь, чтобы я сидела дома сложа руки, а не мстила за них!

Хаджат. Люди бросают все и уходят в леса и пещеры. Давай и мы сделаем так же.

Залихат. Нет, мама, не могу. Сердце болит за погибших. Как сумею, буду мстить врагу. (*Выходит с мешком.*)

Хаджат (*вслед*). Жаль, что нет сейчас Томая, — может, послушалась бы своего дяди... Он, наверное, уже перегнал овец за перевал...

За сценой слышны шаги.
Входит Томай.

Томай. Что это? Почему вы до сих пор здесь? Каждая минута дорога, медлить нельзя, надо скорей уходить!

Хаджат (*радостно*). Томай! Ох! Как хорошо, что ты вернулся! Мы не знали, что и думать! Думали, что и тебя лишились.

Томай. Да, могли и лишиться. Слушай, как только мы добрались до самого узкого места в ущелье, вдруг начали стрелять. Поднялась суматоха. Каждый спасал свою жизнь. Скот разбежался, да разве до него было... Вернулся я в село и вижу — люди с манатками бредут... Спрашиваю про своих — никто ничего не знает. Пришел домой. Ачемезова дочь лежит, приболела, вокруг нее дети... Наскоро собрал их в дорогу, дай, думаю, найду к тебе. А где Залихат?

Хаджат. Фашисты, как взбесившиеся собаки, бросаются на всех и хватают все, что на глаза им попадется. Вот она и пошла спрятать кое-что в укромное место. Сейчас придет.

Томай. Это правильно.

Слышны орудийные выстрелы.

Ну вот что. Давай я помогу тебе собраться. Пока еще время есть... Надо спешить.

Собирают вещи.

Хаджат. Скажи, джаным, кто это отбил скот у вас?

Томай. Разве не знаешь бывшего князя, этого жадюгу. Как говорится, «народу беда, а Гунаю еда»...

Хаджат. Если бы их дом стал бы таким же пустым, как мой, они не стали бы думать даже об этом... (*Вздыхает.*)

Томай. Проси у аллаха прощения, твой еще не пуст. Пока жива Залихат, да и мы с тобой еще на этом свете...

Хаджат (*вздыхает*). Считаю, и Залихат теперь уже нет, джаным.

Томай (*беспокойно*). Какая беда еще нагрянула на нас?

Хаджат. У меня сердце кровью обливается, как вспомню, что она уходит в партизаны.

Томай (*гневно*). Какие партизаны? Что значит партизаны? Целая армия не может остановить Гитлера, что

она со своими партизанами может сделать? Шестом потока не остановишь!

Хаджат (*вытирая слезы*). Хотя бы с ней рядом был кто-нибудь из своих, а то... с чужими мужчинами идет.

Томай. Э, да кто же пойдет? Те, которые могли бы пойти, погибли... (*После паузы.*) Да что тут о ней говорить? Бесшабашная она. Помнишь тот год, когда колхозный жеребеночек упал в реку, как раз во время половодья, вода еще не спала... Она бросилась в воду и вынесла его... А мужики хотели с берега его заарканить...

Хаджат. Ветер не привяжешь, тень не схватишь, джаным. Коли она тебя не послушается, то больше никого... Джаным, не дай ей уйти.

Томай. Ну что ж... (*Ходит по комнате.*) Постараюсь. Все, что смогу, сделаю. Пока я жив, никуда она не пойдет!

Хаджат. Поговори, поговори, душа моя. (*Выходит с вещами.*)

Томай. Ай-ай-ай! Гляди ты на нее, а! В партизаны!

Входит Залихат.

Залихат. С приездом, дядя Томай! Что так скоро вернулись, что-нибудь случилось?

Томай. Что же, должен погибнуть, как бабочка, летящая на огонь?

Залихат. Как же так? Народ доверил тебе скот, а ты бросил его, бежал, спасая себя. Разве мужчине это к лицу?

Томай. Ниткой большой камень не поднять. (*Гневно.*) А ты, дорогая, скажи, как же ты бросаешь свое дитя, старую мать, а сама бежишь неизвестно куда?

Залихат. Нет, дядя Томай, я не бегу. И куда я иду, хорошо знаю.

Входит Хаджат, слышит слова Залихат.

Хаджат. Клянусь аллахом, на своем веку я не слышала, чтобы женщина так говорила.

Залихат. Мама, у меня нет третьего брата, который мог бы отомстить врагу за тех двух, погибших. Ты же мне сама рассказывала, что горянки помогали своим братьям, мужьям и отцам, когда приходилось защищать свою землю.

Томай. Да разве можно сравнить те и эту войны...

Залихат. Ну что ж... Ведь и горянка теперь не та.

Томай. Да что, у меня кровь не кипит, что ли! Видит аллах, если бы смог, то как змею раздавил бы гада...

Хаджат. Правильно, джаным, правильно. (*Обращаясь к Залихат.*) Мы, что ли, не дорожим Советской властью? Помоги-ка, джаным.

Томай помогает ей поднять мешок. Хаджат выходит.

Залихат (*смотрит на фотографии братьев, снимает их и кладет в ящик*). Нет, не смогу я спокойно сидеть дома, не отомстив врагу за вас!

Томай. Они мне тоже не чужие, как и тебе. Но человек должен знать свои силы, должен понимать, на что он способен, а на что — нет. Я ведь тебе только добра хочу, а ты даже не слушаешь меня.

Залихат (*укладывает книги в ящик*). Дядя Томай, я уйду в партизаны по велению своего сердца.

Входит Хаджат.

Хаджат. О аллах, прошу тебя, пошли пулю в косяк глаз Гитлера, обречшего людей на такие страдания!

Томай. Ой, сестра, откуда ты знаешь, что он косяк, как будто в Германии была...

Слышна оружейная пальба.

Хаджат. Пусть сгорит он в огне ада, пусть провалится сквозь землю этот косоглазый!

Томай (*улыбаясь*). Клянусь аллахом, я тоже хочу, чтобы не было ему места в раю, но в такое тяжелое время ты бы лучше придержала свой язык.

Хаджат. Нет, джаным, нет. Пока этот зверь не сгинет, пока косою не сдохнет, я обману вас, если скажу, что перестану просить аллаха о его погибели.

Томай. За тебя ведь боюсь, за тебя.

Хаджат (*показывает на Залихат*). Изю всей семьи осталась только она. (*Плачет.*) Молоком материнским прошу, останься, дочка!

Залихат. Не считайте, мама, что я вас не жалею, но ведь я тоже мать. Оставить ребенка мне всего тяжелее, но...

Томай (*перебивая*). Да, в самом деле, если ты всех нас ни во что не ставишь, то подумай о малютке!

Залихат. Вот именно потому, что думаю о ней, я иду в партизаны, мстить врагам.

Хаджат (плача). Дитя мое, ты у меня одна осталась, не хочу и тебя потерять, боюсь за твою жизнь.

Залихат (обнимает мать). Мама, дорогая моя, сейчас больше не будем говорить об этом, мне пора уходить.

Томай (гневно). Ай-ай-ай! Что ты за женщина! Ничего, когда ударишься головой о скалу, вспомнишь о нашем разговоре! (Обращается к Хаджат.) Вот что, я подниму моих, и мы придем сюда за тобой, а ты будь готова! (Смотрит на Залихат.) Я считал своим долгом сказать тебе свое мнение. Теперь как хочешь, так и поступай.

Выходит, хлопнув дверью; вслед за ним выходит Залихат с ящиком. Через мгновение слышен стук в дверь.

Хаджат. Кто там?

Ахматчик (за дверью). Я, я это!

Хаджат. Что тебе надо так поздно?

Ахматчик. Откроешь, скажу.

Хаджат (тихо, подходя к двери). Ну что ж, сейчас. (Открывает.)

Входит Ахматчик, в руках ружье и плетка.

Ахматчик. Доброй ночи, тетя.

Хаджат (разглядывая его). Доброй ночи, сынок, заходи. А что за ружье у тебя? Зачем?

Ахматчик. А это военная тайна, тетя.

Хаджат. Что ты сказал?

Ахматчик (оглядываясь по сторонам). Я говорю— военная тайна. А где Залихат, тетя?

Хаджат (в сторону). Ну, у меня тоже есть тайна. Что же мне ему сказать... (После паузы.) Поехала к родственникам в Кабардино-Балкарию...

Ахматчик. Ведь у меня действительно срочное дело.

Хаджат. Да я рада бы помочь...

Ахматчик. Все это хорошо, но скажите...

Хаджат (перебивает). И говорить нечего больше!

Ахматчик. Я по очень важному и срочному делу, поверьте мне.

Хаджат. Да верю я, верю. Только чем могу помочь, не знаю.

Ахматчик. Мне надо видеть...

Хаджат (перебивает). Ведь я тебе уже сказала, что Залихат уехала!

Ахматчик. Я должен передать Залихат очень...

Хаджат (*снова перебивает его*). Давай передай мне, а придет Залихат, я все в точности ей расскажу.

Ахматчик. Нельзя этого делать. Это военная тайна.

Хаджат. Все тайна да тайна, что за тайна такая, душа моя? Ладно, иди-ка лучше садись за стол и поешь.

Ахматчик. Спешу очень, спасибо. (*Поворачивается к двери.*)

В это время входит Залихат.

Залихат. Вот это да! Ахматчик уже пришел!

Хаджат. Как ты его назвала? Ахматчик?

Залихат. Да, Ахматчик.

Хаджат. Он спрашивает тебя, а я его не знаю и говорю, что ты уехала в Кабардино-Балкарию.

Залихат (*смеясь*). Может, он говорил о военной тайне?

Хаджат. Да, душа моя, все время о ней твердил.

Залихат. Ахматчик будет смелым партизаном.

Ахматчик (*показывая глазами на Хаджат*). Залихат, я вам должен... вам...

Залихат. Ахматчик, можешь все говорить при матери!

Ахматчик. Товарищ Залихат, значит, старой тете можно доверить военную тайну?

Залихат. Можно, Ахматчик, можно.

Ахматчик (*вынимает из кармана конверт*). Товарищ Залихат, этот конверт велел передать вам Антон Ильич.

Залихат вскрывает конверт, вынимает бумагу и внимательно читает ее. Хаджат принесла еду Ахматчику, тот садится за стол и ест.

Хаджат (*вытирая слезы*). Сынок, и ты с ними собрался?

Ахматчик. Да, тетя, в партизаны идем.

Хаджат. Ты же еще мал, душа моя.

Ахматчик. Когда Павка Корчагин воевал против белобандитов, он не больше меня был!

Хаджат. Это ты о ком?

Ахматчик. Ты его не знаешь, тетя... Спасибо за еду.

Хаджат. На здоровье, сынок.

Ахматчик. Товарищ Залихат, я готов. *(Отдает честь.)* Жду приказаний.

Залихат *(зажигает спичку и поджигает бумагу, которую читала)*. Иди седлай коней, я сейчас выйду.

Ахматчик. Есть! *(Уходит.)*

Залихат идет в другую комнату переодеваться.

Хаджат. Да, совсем мальчик этот Ахматчик! *(Кладет в перемет вещи Залихат.)* Каково его матери! Аллаха мой, утрой силы тех, кто воюет за правду!

Слышен гул пушек.

Скорей бы они ушли. И Томай что-то долго задерживается.

Входит Залихат в галифе, сапогах, на голове надета кубанка, у пояса на ремне наган.

Залихат *(снимает кинжал со стены и вдевает его в ножны)*. Мама, дорогая моя, береги себя, живи долгие годы, а девочка...

Хаджат *(перебивая ее)*. Пока я жива, девочка будет в безопасности, а вот за тебя я боюсь... Принесу бурку. *(Выходит.)*

Залихат *(подходит к спящей дочери, целует ее, вытирает слезы)*. Сегодня война разлучит меня с тобою, но пусть тепло моего сердца останется здесь...

Хаджат входит с буркой в руках; увидев плачущую Залихат, застывает на пороге.

Залихат. Что ж мне еще тебе сказать, доченька моя? Увижу ли еще когда-нибудь тебя? Прижму ли к своей груди? *(Вытирает слезы)*.

Входит Ахматчик, останавливается. Залихат не замечает ни матери, ни Ахматчика.

Залихат. Спи сладко, доченька моя, и будь счастлива...

Ахматчик *(берет перемет)*. До свиданья, тетя.

Хаджат. Счастливый путь тебе, сынок.

Ахматчик уходит. Залихат обнимает мать.

Хаджат. Весточку почаще присылай, душа моя.

Залихат. Хорошо, мама. Ахматчик будет навещать к тебе. *(Надевает бурку и выходит.)*

Хаджат *(тяжело вздыхает)*. О аллах! Накажи про-

клятого Гитлера за то, что осиротел мой дом! (*Наклонилась над спящей девочкой.*)

Слышен стук копыт удаляющихся коней.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Немецкая комендатура. Кабинет коменданта. В окно видна обгорелая труба разрушенного дома. Стол. Вокруг стулья. На столе телефон. Расставлены бутылки вина, фрукты. Время от времени в окне появляется каска часового. Вебер и Валя пьют вино.

Валя (*во рту папироса, сидит на стуле, курит*). Дорогой мой Франц, ты настоящий мужественный мальчик, но... только в тебе есть одно такое качество, которое мне совсем не нравится...

Вебер. Это интересно. Так скажи, что тебе не нравится во мне?

Валя (*гладит его волосы*). Ты груб, не умеешь нежно обращаться с женщиной.

Вебер. Я всегда такой, не люблю нежничать, а тебя... (*Сажает Валью к себе на колени, целует.*)

Валя. Я хочу, чтобы ты всегда был такой...

Вебер наливает в стаканы вино. Входит Краутус.

Краутус. На этой проклятой земле все красивые девушки исчезли. Где те черноокие красавицы, которых восхваляли поэты? Испарились они, что ли?

Вебер (*протягивает ему стакан*). Пей, Курт, пей. Они скрылись от нас. Говорят, пуще глаза горянки берегут свою честь. (*Чокаются стаканами.*) Но, друг, потерпи немножко, мы их найдем и тогда приучим к нашим порядкам.

Валя. Силой?

Краутус. Нет, никакого удовольствия не получишь, если женщину покоришь силой. Если мне женщина очень нравится, я подхожу к ней только с лаской, только с лаской...

Валя. Вот ты понимаешь толк в женщинах!

Вебер. Я не согласен. Нет, на сантименты у меня не хватает ни терпения, ни времени. Я человек прямой, военный...

Валя (*заводит патефон и выходит танцевать*). Да, но говорят — иногда кривая дорога ближе...

Вебер и Краутус попеременно танцуют с Валей.

Вебер. Ну, вы тут развлекайтесь, а я сейчас вернусь. (*Уходит.*)

Валя (*останавливается у стола, берет шоколадку, половину отдает Краутусу*). Дорогой Курт, вот ты знаешь, что надо женщине, ты настоящий мужчина, я люблю таких, как ты... (*Обнимает Краутуса.*)

Краутус. Валечка, а я люблю таких, как ты... (*Наливает вино.*)

Входит Вебер.

Вебер. Минуту, друзья, есть тост.

Краутус наливает вино Веберу.

За победу великой Германии!

Валя. За победу великой страны!

Краутус (*уже пьян*). А я пью за красивых женщин! Ура!

Офицеры пьют, Валя только подносит стакан к губам. Входит Альбрехт. Офицеры вытянулись в струнку.

Альбрехт. Хайль Гитлер!

Вебер. Хайль Гитлер!

Краутус. Хайль Гитлер!

Альбрехт (*смотрит на стол, затем на подвыпившего Краутуса. Сердито*). Не понимаю, господа офицеры, за что вы пьете? За то, что мы не можем никак взять этот проклятый перевал? За это, что ли, пьете?

Вебер. Простите, господин майор, от злости пьем. До сих пор все шло так хорошо, а здесь застряли...

Альбрехт. Перевал надо взять во что бы то ни стало! План фюрера должен быть выполнен любой ценой!

Краутус (*с трудом выговаривая слова*). Да, скорей бы добраться до Грузии, а там... курорты, море, красивые девушки...

Альбрехт (*сердито*). Боюсь, вам достанется от генерала Конрада за срыв сроков взятия перевала. Вам надо думать об этом, а не о развлечениях. Советую подумать о последствиях всего этого, господин обер-лейтенант... (*Веберу.*) Господин капитан, не слишком ли много вы позволяете своему заместителю?!

Вебер. Господин майор, мы с ним вместе воевали во Франции, Польше, Белоруссии. Как ни верти, старые друзья, иногда приходится прощать многое. Я думаю, обер-лейтенант поймет ваши замечания правильно...

Звонит телефон.

Альбрехт (*берет трубку*). Алло! Кто, кто? (*После паузы.*) Нет, нет, пусть придут попозже. (*Кладет трубку.*) Господа, вы знаете, что я был вызван к генералу Конраду и лично получил приказ к двадцатому августа взять перевал и начать переход в Грузию. Вы знаете, что для овладения Грузией этот перевал имеет решающее значение.

Валя, убирая со стола, внимательно слушает разговор.

Вебер. Господин майор, мы всегда готовы выполнить любой приказ фюрера!

Альбрехт (*берет военную карту, подходит к столу*). Валя, уберите со стола все, и поскорее!

Валя. Сию минуту. (*Убирает со стола, берет поднос и уходит.*)

Краутус (*вслед Вале*). Господин майор, эта ласточка, кроме вас, ни на кого глаз не поднимает.

Вебер. В самом деле...

Альбрехт. Господа, Валя дочь бывшего помещика.

Вебер. Это по ней видно. Господин майор, а как дела с партизанами?

Альбрехт. Вчера вечером партизаны освободили арестованных, а начальника тюрьмы взяли в плен. (*Вздыхает.*) Да, господа, вот такие дела.

Звонит телефон.

Алло! Алло! Кто это? А, господин князь... (*После паузы.*) Князь, так когда вы сделаете то, что обещали мне? Что, уже сделали? Это великолепно! Германское командование не забудет этого! Поверьте мне, как только мы покончим с коммунистами, вы опять будете хозяином.

Краутусу не нравится обещание Альбрехта, он морщится.

Вот еще что. На должность начальника полиции надо найти подходящего человека. Что, есть на примете? А-а, прекрасно! Если так, то с ним и приходите сюда! (*Кладет трубку.*)

Краутус (*насмешливо*). Значит, обросший, как чучело, князь опять будет хозяином, да?!

Все трое смеются.

Как бы не так! Господин майор, прошу прощения, но в последнее время я что-то плохо вас понимаю, вы на себя не похожи.

Альбрехт (*скрестив руки на толстом брюхе*). Почему же, господин обер-лейтенант, похудел я, что ли?

Краутус. Нет, я бы не сказал этого, но в чем-то вы изменились.

Альбрехт. Но в чем же, собственно, скажите.

Краутус. Господин майор, вы всегда служили примером для офицеров гестапо на Украине, а здесь к этим горцам вы что-то слишком милостивы...

Альбрехт. Ах, вот в чем дело! Господин обер-лейтенант, а вы знаете, что среди зверей бывают разные животные. С некоторыми из них надо быть мягкими, а с другими — только жестокими.

Краутус. Да, но...

Альбрехт. Господин обер-лейтенант (*раскладывает карту на столе*), пойдите и протрезвитесь, а потом зайдите ко мне.

Краутус. Нет, нет. Я уже... вполне, вполне нормальный.

Входят Ислам, Эфенди Алий, Мурат.

Ислам (*выбрасывает правую руку вперед*). Хайль Гитлер!

Офицеры. Хайль Гитлер!

Альбрехт (*офицерам*). Господа, знакомьтесь, это бывший царский офицер поручик Ислам Ахметович.

Знакомятся.

До революции курорт Теберда и пастбища окрест принадлежали ему. Мы назначили его бургомистром. Князь, познакомьте нас со своими друзьями.

Ислам. Извините, ваше высочество. (*Показывая на Эфенди Алия*.) Вот это Эфенди Алий, которого в хорошие времена люди слушали как проповедника учения аллаха и который сидел в колонии десять лет. Коммунисты — злейшие его враги.

Альбрехт (*здоровается с Эфенди Алием за руку*). О-о, господин Алий, германское командование очень

надеется на священнослужителей, они должны помочь разъяснить нашу политику местному населению.

Алий. Господин Аль-аль-альбий, не знаю, кто как, но я не пожелаю своих сил для победы германского оружия, да поможет мне великий аллах!

Альбрехт (*знаком показывает Алию на стул*). Превосходно, господин Алий! Прошу садиться!

Вебер (*Исламу*). Господин князь, а вы сколько просидели в колонии у большевиков?

Ислам. И Эфенди Алию, и мне дали по десять лет.

Краутус. Ай-ай-ай, за служение святому делу — и десять лет!

Мурат. Нет, господин офицер, их обоих судили как аферистов, а не как служителей религии.

Альбрехт (*обращается к Исламу*). А что это такое, собственно, князь?

Ислам (*незаметно для офицеров показывает Мурату кулак, а офицерам улыбается*). Господин офицер, у нас так называют самых преданных слуг аллаха!

Альбрехт (*показывает на Мурата*). А это кто такой?

Ислам. Он тоже потерпел много от большевиков. Он больше жил в колонии, чем в родном доме.

Краутус. Почему же это так?

Мурат. За то, что иногда я запускал руку в коллективное хозяйство.

Альбрехт (*офицерам*). Это наши люди. (*Повернулся к Эфенди Алию и Мурату*.) Германское командование...

Звонит телефон.

Алло! Алло! Кого? (*Передает трубку Веберу*.) Вас просят.

Заходит Валя и начинает уборку в комнате.

Вебер (*берет трубку*). Алло? Что, что? (*После паузы*.) Кинжалом, говоришь, ранил?

Все насторожились.

За что? А, за то, что изнасиловал его сестру? Так. Того, кто поднял руку на немецкого солдата, — повесить! Девушку? А с ней... как знаешь... Да, можешь. Так и сделай. (*Кладет трубку на место*.)

Мурат изменился в лице.

Альбрехт. Итак, господа, уважаемого Эфенди Алия назначаем ответственным за дела религии в этой местности, а господина Мурата — начальником полиции. Такова воля германского командования.

Ислам. Покорно благодарим, господин майор.

Алий. Господин Аль-аль-альбий! *(Воздевает руки.)* Великий аллах свидетель, мы не забудем вашей доброты и будем служить, не жалея своих сил.

Мурат. Господа, я не привык работать на таких высоких должностях, я могу не справиться с этой работой, я должен подумать.

Валя и Мурат мгновенье смотрят друг на друга.

Ислам. Не волнуйся, мы тебе поможем.

Альбрехт. Господа, поздравляю с вашими новыми должностями!

Офицеры. Поздравляем!

Алий. Благодарим, благодарим.

Альбрехт. Германское командование, лично генерал Конрад очень надеются на нас. В самое ближайшее время мы должны захватить перевал, ведущий в Грузию. Все свои силы мы употребим на это, но и вы, как местные жители, должны помочь нам. Ведь вы эти горы знаете лучше, чем любой из нас. Хотя... кое-кто из наших до войны побывали в этих местах как туристы и альпинисты, и у них превосходные карты. Но тем не менее ваша помощь будет весьма кстати.

Ислам. Господин майор, можете во всем доверить нас, мы ничего не пожалеем ради успеха операции!

Алий. Господа, мы уже помогаем вам. Перед вашим приходом группа во главе с Исламом вступила в схватку с погонщиками скота, отбила весь скот и передала его германской армии!

Альбрехт. Ну что ж, это прекрасно! Мы дали вам возможность жить, как вы хотите, ради этого стоит рисковать. Но предупреждаю: если кто вздумает не подчиняться законам нашего великого третьего рейха, тот на своей шее испытает его силу. А если обнаружатся партизаны...

Алий *(перебивая его)*. Что вы, господин Аль-аль-альбий! Клянусь всемогущим аллахом, в наших горных аулах нет и не может быть ни одного партизана. Пока мы живы, и не будет...

Не успел он договорить, как раздался сильный взрыв.
Солдат (со двора). Партизаны! Партизаны!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Пещера в густом лесу на высокой горе. В пещере очаг. Над очагом висит котел. Вокруг очага у стен пещеры лежанки. В углу пулемет, на стене пещеры висят несколько автоматов, бурка, шинель немецкого образца и фуражка. Осман стоит перед пещерой на большом камне и смотрит в бинокль в сторону аула. Поодаль от пещеры расположились партизаны. Каждый из них занят своим делом. Несколько партизан поют тихо старинную героическую песню. Время захода солнца.

...Поехал он охранять пастбище, ой поехал.
Горемыка — дитя мое, исчез с лица земли, ой, исчез.
Рожденный смелым Гапалау.

На очаге кипит полный казан, ой кипит.
На теле твоём девять дубин пляшут, ой пляшут.
Рожденный смелым Гапалау.

Гапалау убили, растерзали, ой растерзали.
Оставили его жену в подвечном одеянье, ой оставили.
Рожденный смелым Гапалау.

Твой двор зарос травой — змее не проползти, ой не проползти.
Убийца твой Мусса Ижаев, ой Ижаев.
Рожденный смелым Гапалау.

Осман. Ахмат, эй Ахматчик!

Ахматчик (идет от группы поющих партизан, отдает честь). Слушаю, товарищ ко-миссар!

Осман (улыбаясь). Во-первых, я не комиссар, а командир.

Ахматчик. Виноват, товарищ командир!

Осман. А во-вторых, посмотри-ка туда, видишь вон там... возле водопада дуб?

Ахматчик. Что-то не вижу, товарищ командир...

Осман. Как же так не видишь, друг... У такого смелого разведчика, как ты, глаз должен быть как у орла, а слух как у тура.

Ахматчик (*застенчиво*). Да солнце бьет прямо в глаза...

Осман (*шутит*). Правильно, аксакал, ты уже в летах, глаза начали сдавать. (*Дает ему бинокль.*) Возьми-ка, взгляни.

Ахматчик (*смотрит в бинокль*). Заметил, товарищ командир, точно. Рядом с водопадом здоровенный дуб...

Осман. Махмуд там задержал подозрительного человека. Иди и доставь сюда задержанного.

Ахматчик (*отдавая честь*). Сию минуту, товарищ командир. (*Собирается уходить.*)

Осман. Постой, постой. Бери свой автомат. (*Протягивает ему гранату.*) А это положи в карман. Да, смотри, поосторожнее, как бы этот тип от тебя не ускользнул!

Ахматчик. Есть осторожнее, товарищ комисс... вишват, командир!

Осман (*кладет свою руку на его плечо*). Ну, джигит, быстро!

Антон Ильич. Долго на этот раз нет Залихат!

Осман. Да, я тоже волнуюсь за нее.

Антон Ильич. Обычно Залихат не возвращается, не насолив как следует врагу. Как бы она на сей раз не перегнула палку! Сердце-то у нее горячее.

Осман. Да нет, товарищ комиссар, она человек выдержанный, хотя, конечно, горячий.

Антон Ильич (*улыбаясь*). Я помню, товарищ командир, как вы отказали ей в просьбе о приеме в отряд, говоря, что это, мол, не женское дело.

Осман. Кто же знал... Ведь она очень застенчива, сразу краснеет как мак, если с ней заговоришь. И не подумаешь, что в ней столько мужества! (*После паузы.*) Разведчики еще не вернулись?

Антон Ильич. Вернулись. Они очень устали, сейчас спят, не хочется их будить.

Осман (*вытащил из сумки карту, смотрит на нее*). Враг еще не раз будет штурмовать перевал, это бесспорно. (*Показывает карту Антону Ильичу.*) Немцы могут пройти над Верхним аулом вот сюда и атаковать нас, поэтому здесь должны быть наши люди. Все надо предусмотреть.

Антон Ильич. Верно. Со всеми аулами у нас связь налажена, а вот с Верхним аулом пока еще нет. Надо послать туда старого Алия, пусть он организует это дело.

Осман. Да, но Алию я хотел поручить другую операцию.

Антон Ильич. С той операцией, может быть, стоит подождать, пока не вернется Залихат. Думаю, ей обязательно надо встретиться с представителями крайкома, и тогда мы сделаем так, как будет приказано.

Слышно, как переговариваются часовой и Ахматчик.

Часовой. Стой, кто идет?

Ахматчик. Я, я! Разве ты не знаешь меня?!

Часовой. Кого ведешь?

Осман (*из пещеры*). Пропусти его, товарищ Узденов, пропусти! (*Антону Ильичу*.) Да, так и сделаем.

Ахматчик вводит Мурата, руки которого связаны за спиной.

Ахматчик (*отдавая честь*). Товарищ командир, ваше приказание выполнено!

Осман. Молодец!

Мурат (*разглядывая всех*). Добрый вечер.

Осман (*улыбаясь*). Вечер добрый, заходи, заходи.

Мурат (*Ахматчику*). Ты, брат, выходит, привел меня к тем, кого я искал сам. Ну-ка развяжи мне руки!

Осман (*Ахматчику*). Развяжи ему руки. (*Мурату*.) Так кого же ты ищешь, а?

Мурат. Я ищу командира партизан.

Антон Ильич (*моргнув Осману*). Это я. Что же тебе надо?

Мурат (*недоверчиво взглянув на него*). Я Эбесев, Солтана сын, Мурат.

Осман. А я думаю, где же мог видеть тебя... Вспомнил. Ты ведь воровал кур...

Мурат. Воровал, когда был еще несмышленишем, а потом бросил это дело. А ты кто? Откуда меня знаешь?

Осман. Как же, слава твоя велика, скольких женщин без кур оставил!

Антон Ильич (*улыбаясь*). Если и к нам пришел за этим, то напрасно. Нет у нас кур. (*Жестко*.) Но если у тебя другая цель, говори прямо, не криви душой!

Мурат. Я вас совсем не знаю и свое дело хочу рассказать только командиру партизан.

Антон Ильич (*сердито*). Я же тебе сказал, что это я!

Мурат. Не обижайтесь, но вы не похожи на такого...

Осман (*перебивает его*). Ты перестань вилять хвостом, выкладывай! Тебя подослали фрицы?

Мурат. Я сам сбежал от них.

Осман. Это уже интереснее. Может, и у них украл что-нибудь, поэтому и сбежал?

Мурат. Да нет. С ними не то что я, но и сам аллах не поладит. Они вызвали меня и еще некоторых и говорят: «Вы много потерпели от большевиков. Мы вам создадим такую жизнь, что у вас будет все, что захотите, но только вы должны...»

Осман (*снова перебивает его*). Скажи, сразу, какое задание они тебе дали?

Мурат. Мне, Мурату, которого ты знаешь, предложили пост начальника полиции.

Антон Ильич. А кому еще что предложили?

Мурат. Эфенди Алия и Исламу...

Антон Ильич. А кто такой Ислам?

Мурат. Кто же, как не отпрыск княжеский. Как у нас говорят, самый плохой человек умирает после всех, так и этот.

Осман. А им какую работу дали?

Мурат. Исламу предложили должность бургомистра, а Эфенди Алия провозгласили шейхом. Вот так и решили.

Осман. Чья это была идея — Алия сделать шейхом?

Мурат. Одного брюхастого майора. А Эфенди Алий разливался соловьем! «Господин Аль-аль-альбий, господин Аль-аль-альбий, за то, что вы дали нам свободу, от имени слуг всеильного и всемилостивейшего аллаха заверяю вас, что мы будем служить вам не только верой и правдой, но, если нужно будет, не пожалеем жизни для великой Германии!» А когда майор сказал, что для борьбы с партизанами им нужны такие верноподданные люди, как Ислам и эфенди Алий, Алий, трясая головой, заявил: «Великий аллах свидетель, что у нас нет партизан, и, пока мы живы, ни один горец не пойдет в партизаны!» Не успел он это сказать, как раздался страшный взрыв, стекла вылетели, часовые заорали: «Партизаны, партизаны!» Эфенди Алий, Ислам и гитлеровские офицеры сразу бросились в погреб. Я же схватил стоявший в углу автомат и убежал.

Осман. А автомат где, бросил?

Мурат. Как бы не так! Спрятал в укромном месте. Только вот пользоваться им не умею.

Осман. Мурат, надо знать оружие врага, чтобы бить его изо всех сил его же оружием!

Мурат. Эх, приняли бы меня в ваш отряд, а там бы я показал фрицам! (*Антону Ильичу.*) Товарищ командир, прошу вас, примите меня, не пожалеете!

Осман. Что же ты, кроме командира, никого не хочешь признавать?

Мурат. Э-э, не говори так. Его фрицы боятся, как курица ястреба!

Голоса: «Приехала! С приездом! С приездом!»

Осман. Узнаем о тебе все. Если ты в самом деле наш, то примем в отряд, но если подослан — тебе от наших рук не уйти. (*Ахматчику.*) Уведи его, пусть накормят. (*Мурату.*) Иди с Ахматом.

Мурат. Если моим словам не верите, то дайте мне возможность участвовать в бою, узнаете, кто такой Мурат!

Ахматчик (*Мурату*). Ладно, ладно, пойдем.

Выходят оба.

Осман (*вслед*). Ахматчик!

Ахматчик вернулся.

Ахматчик. Я слушаю, товарищ командир!

Осман (*шепотом*). Не спускай глаз с Мурата.

Ахматчик. Понял, товарищ командир. (*Уходит.*)

Антон Ильич (*Осману*). Как его находишь?

Осман. Проверить надо, конечно.

Антон Ильич. Правильно.

Входит Залихат.

Залихат. Мир этому дому!

Осман. Пришедшему тоже мир и счастье!

Антон Ильич. Что так долго, Залихат?

Осман. Да, на этот раз ты заставила нас поволноваться...

Залихат. Не все так получилось, как хотелось бы...

Осман. А что же произошло? Ты смогла встретить с Вaley?

Залихат. Да, встретилась... Она слышала, как Альбрехт сообщил своим офицерам о приказе немецкого командования захватить перевал к двадцатому августа. Подпольный крайком уже знает об этом и прика-

зывает нашему отряду задержать врага до подхода регулярных частей.

Осман. Сегодня уже семнадцатое. Времени мало, но еще есть. Так, дальше?

Залихат. Потом Валя рассказала, что в момент, когда немцы распределяли должности между Исламом, Алием и Муратом, взорвался склад боеприпасов, а они думали, что это напали партизаны. Начался переполох. Мурат воспользовался этим, схватил автомат и скрылся. Альбрехт же орал на Ислама, упрекая, что тот обманул их и подсунул большевика на должность начальника полиции.

Осман. А кто взорвал склад?

Залихат. Мы.

Антон Ильич. А что же с Муратом?

Залихат. Ислам вынужден был сказать, что бедягу Мурата прикончили партизаны.

Входит Мурат.

Мурат. (*Антону Ильичу сердито.*) Товарищ командир, примите меня в свой отряд, или я организую свой!

Залихат (*удивленно*). Ты смотри, оказывается, мертвые стали воскресать...

Мурат. О ком это вы, сестра?

Залихат. О тебе.

Мурат. Нет, сестра, я пока не спешу на тот свет.

Залихат. Да как же, Ислам в трауре огтого, что партизаны укокошили начальника полиции Мурата!

Мурат. Ну что ж, пускай печалится. (*Антону Ильичу.*) Товарищ командир, примите меня в отряд, уверяю, что не раскаетесь в этом.

Осман. Ну, если будешь похищать фрицев так же, как кур в свое время, будешь молодцом. Иди знакомься с ребятами. Без приказа — ни шагу никуда!

Мурат. Хорошо, но я должен притащить свой автомат.

Осман. Ладно, за ним сходишь попозже.

Мурат уходит.

Антон Ильич, по-моему, надо все три наши группы собрать вместе, и пускай они общими силами взрывают мосты, узкие проходы, дороги.

Антон Ильич. А не лучше ли сейчас не делать шума, а пропустить врага вперед и затем блокировать все проходы?

Осман. Пожалуй, это будет лучше. А оружия у нас не маловато?

Залихат. В наших горах и камни, и лес — тоже оружие.

Входит Ахматчик.

Ахматчик (*отдает честь*). Товарищ командир, часовые задержали женщину.

Осман. Что за женщина?

Ахматчик. Требуется, чтобы пропустили ее к командиру, а больше ничего не хочет говорить.

Осман. Приведи ее сюда.

Ахматчик. Слушаюсь! (*Собирается уходить.*)

Осман. Ахматчик, а как там Мурат, чем занимается?

Ахматчик. С ребятами изучает автомат.

Осман. Ты все-таки послеживай за ним, неосторожность — наш злейший враг.

Ахматчик (*улыбается*). Да я понимаю, понимаю, товарищ командир. (*Уходит.*)

Антон Ильич. Перед наступлением немцы наверняка вышлют разведку. Надо, чтобы разведчики ни в коем случае не попали на наш след. В этом случае, вернувшись, они сообщат, что дорога на перевал свободна. И вот когда основные части двинутся к перевалу, где-нибудь в узком месте мы и накроем их.

Залихат. Вот тогда они поймут, на что способны горцы, которых они называют дикарями!

Ахматчик приводит Сакинат.

Ахматчик. Товарищ командир, вот задержанная женщина.

Осман. Заходи, сестра, заходи.

Сакинат (*сердито*). «Сестра, сестра!» Враг издевается над честью ваших сестер, а вы... прячетесь здесь, в пещерах.

Входит Мурат, настроен очень решительно.

Мурат. Товарищи, я в партизаны пришел, чтобы бить фашистов, а не лежать на солнышке...

Осман (*перебивая его*). Постой, Мурат. (*Сакинат.*) Так что же случилось, сестра, расскажи.

Сакинат. Кроме стариков и детей, в нашем ауле никого нет, все на фронте. И поэтому враг всячески из-

девается над нами, всех кур пожрали, преследуют девушек. Мой четырнадцатилетний сын и моя юная племянница были дома одни. Ворвался в дом немецкий солдат, ударил мальчика, а девочку изнасиловал. Мальчик опомнился, схватил кинжал, догнал немца и ударил его кинжалом в спину. Но только ранил.

Мурат. Верно говорит. Когда мы были в комендатуре, из Верхнего аула по телефону сообщили об этом.

Сакинат *(вытирая слезы)*. Мальчика повесили за то, что он ранил солдата. Старики села пошли в комендатуру жаловаться на солдат, а их взяли и посадили всех, девочку не знаем даже, куда дели...

Осман. А много ли солдат в ауле?

Сакинат. Не считала, кто его знает... Но, по-моему, немного, брат мой.

Антон Ильич. А полнцаев?

Сакинат. Их, наверно, человек девять-десять, не больше. Один верный человек сказал нам, что всех арестованных завтра расстреляют. *(Осману.)* Спасите наших стариков!

Залихат. До сегодняшнего дня я мстила захватчикам за свое горе, однако вижу, что горько досталось не мне одной. У всех нас одно горе, один враг. Ночью надо напасть на фашистов и освободить стариков. Это наш долг.

Осман. Правильно говоришь, Залихат!

Антон Ильич. Мосты все охраняются, через реку придется переправляться на лошадях.

Сакинат. В верховьях шли большие дожди, и вода в реке сильно поднялась.

Залихат. Ничего, сестра, переберемся. *(Осману.)* Товарищ командир, разрешите мне принять участие в этой операции!

Антон Ильич. Залихат, ты должна отдохнуть, ведь только что вернулась с задания.

Залихат. Разве можно сейчас думать об отдыхе...

Осман. Чтобы выполнить эту операцию, все участники должны уметь плавать и ездить верхом.

Залихат. Почему вы вдруг забыли, что я умею и то и другое?

Мурат *(становясь рядом с Залихат)*. Прошу послать и меня бить фашистов.

Ахматчик *(тоже встает в строй)*. Меня тоже!

Осман. Ну что ж, пусть будет так.

Ахматчик *(радостно)*. Ура!

Осман. Разделим отряд на две группы. С одной Залихат войдет в село с верхней дороги, а я с другой — с нижней. Антон Ильич, вы оставайтесь в штабе. К рассвету мы должны освободить арестованных и вернуться назад. Товарищи, пошли!

Осман, Залихат, Мурат, Сакинат и Ахматчик уходят. Слышатся голоса: «По коням!»

Антон Ильич. В добрый путь!

Слышен стук копыт удаляющихся лошадей.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация второй картины. Ислам сидит, развалившись в кресле, и курит трубку.

Ислам. Правильно говорят, что жизнь идет полосами... Теперь настал наш черед... Берегитесь те, кто захватил богатство моего отца! Все верну обратно!

Звонит телефон.

Алло? Откуда? Из Верхнего аула? А-а, это ты? Я бургомистр. Алейкум саялам. *(После паузы, тревожно.)* Что, что? Кто? Говоришь, опять партизаны? Все время эти партизаны! *(После паузы, гневно.)* Что же вы делали, чем занимались, потомки моего осла, когда все это случилось? Позови к телефону Эфенди Алия! Э-эх... *(Кладет трубку, ходит по кабинету.)* Если эти проклятые партизаны так будут действовать, то Гитлер мои земли, мое богатство мне...

Входит Вебер.

Ислам *(вытянулся по стойке «смирно»)*. Хайль Гитлер!

Вебер *(не отвечает на приветствие Ислама, разгневан)*. Господин бургомистр, вы клялись, что ни один из горцев не пойдет в партизаны. Объясните тогда мне, кто же сегодня ночью в Верхнем ауле разгромил нашу комендатуру? Кто освободил арестованных? Краутуса взяли в плен, наверное, духи небесные? Командир партизанского отряда, женщина, тоже из местных, горянка? *(От злости стучит кулаками по столу.)* Господин бурго-

мистр! Или давайте разделяйтесь с партизанами, или мы освободимся от вас!

Ислам. Клянусь аллахом, в скором времени мы сотрем их с лица нашей земли, слово бургомистра!

Вебер. В скором времени — это когда: сегодня, завтра, через год?!

Ислам. Как бы там ни было, первое дело — это уничтожить главаря партизан, эту женщину. Если раздавить голову змеи, то хвост уже не страшен...

Вебер. Хорошо. Только не знаю, можно ли вам в чем-либо верить. Для начала напишите объявление, что тому, кто принесет голову этой партизанки, гарантируем пятьдесят тысяч марок.

Ислам. Пятьдесят тысяч марок... пятьдесят тысяч марок... Какому счастливицу достанется такое богатство... Мой господин, я сейчас же иду в полицию, чтобы немедленно выполнить ваше приказание.

Вебер (*презрительно*). Ступай.

Ислам собирается уходить.

Нет, постой. Мы примерно знаем, кто такая эта женщина. Сегодня надо привести в гестапо ее мать и дочь!

Ислам. Слушаюсь, господин капитан.

Вебер. Волчица никогда не бросит своего детеныша, пойдет за ним следом.

Ислам. Совершенно справедливо, господин капитан. Но хорошо бы, чтобы она побыстрее узнала об аресте матери и ребенка!

Вебер. Те, которые выдают все наши тайны партизанам, передадут сведения и об аресте.

Ислам (*льстиво*). Господин капитан, я уверен, что здесь ни у кого нет такой умной головы, как ваша. (*Отдает честь.*) Хайль Гитлер! Я сейчас же организую это дело. (*Уходя, повторяет.*) Пятьдесят тысяч... пятьдесят тысяч марок...

Вебер (*вслед*). О-о-о, если бы все горцы были бы такими же продажными, как ты... Фюрер считал, что стоит только показать горцам запыленные кораны, как те упадут ниц и встретят нас с распростертыми объятиями. (*Смотрит на портрет Гитлера.*) Нет, мой фюрер, здесь ты промахнулся. Большевизм глубоко проник в их сознание, и Альбрехт напрасно думает прибрать горцев к рукам в два счета. Теперь-то я вижу, что Гитлер не только не подарит ему Теберду, но и полковничьих погон ему не видать.

Входит Альбрехт.

Хайль Гитлер!

Альбрехт. Хайль Гитлер! Вебер, сколько времени десяток каких-то туземцев не пропускал батальон к перевалу! Мало этого. Сегодня они сумели разбить батальон! Хорошие вести, а, Вебер?

Вебер. Генерал упрекал все время нас за то, что мы тянем со взятием перевала, а теперь... если услышит о разгроме батальона...

Альбрехт (*перебивает его*). Господин капитан! Я хочу, чтобы вы поняли, что с этим диким народом следует обращаться как подобает арийцам. Если мы не покажем им силу германского оружия, они из-за каждого камня будут стрелять нам в спину. Их надо как следует наказывать!

Вебер (*вздыхает*). Я и сам об этом давно думаю. Вот этой ночью опять эта партизанка со своими выкорышками напала на комендатуру в Верхнем ауле, полностью разгромила ее, освободила арестованных.

Альбрехт (*вскакивает с места*). А почему Краутс до сих пор не покончил с арестованными?!

Вебер. Его взяли в плен. А что случилось с Эфенди Алием, никто ничего не знает.

Альбрехт (*зло улыбаясь*). Вот тебе те горцы, которые вышли к нам с открытыми объятиями! Совсем плохо, что и Эфенди Алий пропал. Он-то помогал нам с усердием, достойным похвалы.

Входит Эфенди Алий. Одежда его изорвана, шапки нет, на одной ноге ичиг, на другой галоша.

Алий. Господа, господин Аль-аль-альбийй...

Альбрехт (*медленно встает с места*). О-о, господин Алий, как говорится, легок на помине! А мы сидим и оплакиваем вас... (*Веберу.*) Господин капитан, налейте ему вина, он продрог.

Вебер. Да ведь Эфенди Алий пить...

Алий (*перебивает его*). Можно, как лекарство можно.

Вебер наливает вино, Эфенди Алий пьет.

Альбрехт. Господин Алий, что с вами стряслось?

Алий. Господин майор, даже не спрашивайте... Разве мог я думать, что вот так, в таком виде, встречу с вами! В полночь раздался такой взрыв, от которого задрожали даже горы. Аллах помог мне ускользнуть.

Что там было, что там было... (*Протягивает Веберу стакан, чтобы он еще налил вина.*)

Альбрехт. Господни Алий, ну а партизан было много?

Алий. Видит аллах, я не хочу врать, но их было много... наверное, дивизия...

Вебер. Эфенди Алий, видно, со страху совсем потерял голову, какая здесь может быть дивизия?!

Алий. Аллах свидетель, что это так.

Альбрехт. Эфенди Алий, Краутуса партизаны взяли в плен, а вам, я вижу, повезло.

Алий. Сам аллах спас меня!

Входит Ислам.

Ислам. Хайль Гитлер!

Альбрехт и Вебер. Хайль Гитлер!

Ислам. Господни майор, мать и дочь партизанки уже ведут сюда!

Альбрехт (*Веберу*). Вот это правильно, давно бы так!

Ислам (*Алию*). Здравствуй, Эфенди Алий, откуда?

Алий. Считаю, с того света.

Ислам. Хоть ты и стараешься шутить, но похоже, что действительно так. Ты хотел поймать партизанского командира, а сам чуть было не угодил ей в лапы!

Алий. Пусть бы сгорела она в огне ада!

Альбрехт (*задумчиво*). Сегодня двадцатое сентября... А мы должны были захватить перевал к двадцатому августа. Наш полк завтра начнет наступление, мы должны, обязаны разгромить партизан и взять перевал. Так. (*Исламу*.) Господни бургомистр, будете проводником у нас!

Ислам. Слушаюсь, господни майор!

Альбрехт (*Веберу*). Господни капитан, завтра к восходу солнца Верхний аул должен превратиться в пепел!

Ислам. Господни майор, жители этого аула всегда были очень упрямы. Они и во время гражданской войны оказали немалое сопротивление белой армии.

Алий. Думаю, что их надо наказать, и в этом не будет греха.

Звонит телефон.

Альбрехт. Алло! Алло! Да, я. (*После паузы.*) Хорошо, сейчас буду там. (*Кладет трубку на место.*) Меня вызывают. Я буду в штабе.

Вебер. Да, господин майор.

Альбрехт уходит.

(обращается к Исламу). Как вы думаете, господин бургомистр, допрос что-нибудь даст?

Ислам. Не знаю, господин капитан, это будет зависеть от вас.

Вебер. О-о-о, господин бургомистр, мой новый метод допроса многим развязывает языки! Я скоро вернусь. *(Уходит.)*

Ислам *(обращается к Алию, задремавшему на стуле)*. Эфенди Алий, пойдика домой и приведи себя в порядок.

Алий. Да, правда твоя, сон одолевает. *(Идет к двери пошатываясь.)*

Ислам *(смеясь)*. Клянусь аллахом, ты пил не воду...

Алий. Аллах свидетель, нет. Разве я могу пить зелье... грех ведь. Я очень устал, вот ноги и дрожат.

Ислам *(смеясь)*. Может быть, может быть...

Алий уходит.

Так, так. Как бы сделать, чтобы завтра мне отвертеться от участия в наступлении...

Входит В а л я, прислушивается. Ислам ее не замечает.

Что бы такое придумать... Проклятые партизаны засели в самом удобном для них месте, так что не очень-то одолеешь их, а голову потерять ничего не стоит.

В а л я. Господин бургомистр, шеф сюда не заходил?

Ислам. А, Валечка, заходи, заходи. *(Идет навстречу и берет Валу за руку.)* Что, кроме шефа, некому любить такую красавицу?

В а л я *(спокойно освобождает свою руку)*. Дело есть к шефу, пойду. *(Собирается уходить.)*

Ислам. Валечка, я давно люблюсь тобой. *(Притягивает Валу к себе, чтобы поцеловать.)* Дай поцелую...

В а л я *(стараясь вырваться)*. Господин бургомистр, господин бургомистр! Вы мне в отцы годитесь!

Ислам. Э, Валечка, хотя вершина горы убелена снегом, у ее подножья расцветают цветы... Пятьдесят лет для горца самое время... Как знать, вернусь ли живым после завтрашней операции... *(Целует Валу.)*

В а л я *(отстраняется)*. Господин бургомистр, вы раньше, кажется, не ходили на операции...

Ислам (*хвастливо*). Шеф лично мне поручил завтра вести полк. (*Снова тянется поцеловать Валю.*)

Входит Томай.

Томай (*Исламу*). Господин бургомистр...
Ислам (*сердито*). Подожди.

Томай выходит. Ислам снова тянет к себе Валю.

Валя. Оставьте, хватит. (*Желая уточнить, когда выступает полк.*) Если завтра рано утром не уедете, то...

Ислам. Нет, завтра в семь утра полк должен выступить. Может, сегодня вечером?

Валя. Нет, сегодня я занята. (*Уходит.*)

Ислам (*сердито*). Томай!

Входит Томай.

Томай. Ваше высочество, что прикажете?

Ислам. Веди арестованных!

Томай. Сию минуту.

Через мгновение вводит Хаджат, а сам выходит.

Ислам (*развалившись в кресле*). Заходи, Хаджат, заходи. Садись.

Хаджат. Не в гости небось позвал меня...

Ислам. Мы гостей, что ли, не принимаем? (*Как будто жалея ее.*) Не дан бог, когда у приличных людей рождены подлецы. Сегодня ты должна была спокойно сидеть в своем доме, а тебе из-за твоей неумной дочери приходится торчать здесь.

Хаджат. Пусть бы сгорел в огне ада косою, из-за которого и ей, и мне, и многим приходится жить вот так!

Ислам (*не желая показать свое смущение от слов Хаджат*). Ты поосторожнее со словами! Вот ведь ни одной молитвы не пропускаешь, верно служишь аллаху, а твоя дочь воюет против него, как же это так?

Хаджат. Моя дочь воюет против Гитлера!

Входит Вебер.

Вебер. Хайль Гитлер!

Ислам (*вытягивается в струнку*). Хайль Гитлер!

Вебер садится, кивком головы разрешает продолжать допрос. Ислам от злости не находит себе места, сжимает кулаки, стараясь сдержать себя.

(Хаджат.) Вот видишь, враги аллаха, коммунисты, не только твою дочь, но и тебя совратили.

Хаджат. Моя дочь мстит за своих погибших братьев!

Ислам. Зачем же мстить за них, когда они живы и здоровы?

Хаджат (*пристально смотрит на Ислама, колеблется, долго думает*). Пусть бы та же пуля, которая оборвала жизнь моих детей, поразила бы и тех, кто продал свою родину!

Ислам (*гневно*). Кого ты имеешь в виду, старая карга?!

Хаджат. Это уж соображай сам! Тебе виднее!

Вебер (*сдерживаясь*). Нет, нет, уважаемая, напрасно изволишь гневаться. Твои сыновья перешли на службу в германскую армию и служат офицерами, они очень довольны и...

Хаджат (*перебивает*). Вы хотите меня обмануть...

Ислам. Клянусь всемогущим аллахом, это так. Они как раз собрались в отпуск, но их командир, узнав каким-то путем, что сестра у них партизанка, задержал их, а то они давно были бы здесь.

Хаджат. Материнское сердце никогда не обманешь. Я чувствую, что это не так...

Вебер. Я служил с твоими сыновьями Ахматом и Хамидом, двух месяцев еще не прошло, как я уехал от них. У меня даже есть общая фотокарточка... (*Смеется.*)

Ислам. Слыхала?

Хаджат. Я верю только своему сердцу...

Вебер (*вынимает фотокарточку, показывает Хаджат обратную сторону*). А это что? Это та самая фотокарточка... Но если твоя дочь не перестанет пакостить нам, то... (*Показывает на шею.*)

Хаджат (*Исламу*). Что хочет сказать этот?

Ислам. Если не уймешь свою дочь, говорит, кончат твоих сыновей.

Хаджат (*немного подумав*). Покажи-ка карточку, хочу посмотреть...

Вебер. Нет, фрау, нет. Сначала скажи, с кем связана твоя дочь Залихат, кто помогает партизанам, а потом... потом не только покажу карточку с твоими сыновьями, но сделаю так, что в скором времени они будут здесь, у тебя дома. Даю слово офицера.

Хаджат. Нет, нет... Не верю. Мои сыновья не могут продать свою родину.

Ислам (*гневно*). Как ты смеешь не верить? Господин офицер называет твоих сыновей по именам, фотокарточку тебе показывает. Где ему знать их имена, если он не служил с ними вместе?!

Хаджат. Пусть исчезнут с лица земли те, которые продают врагам свою родину!

Вебер (*горячась*). Хватит! Довольно! Нскогда нам церемониться с этой старой колдуньей! (*Зовет.*) Шульц! Эй!

Входит немецкий солдат, отдает честь.

Ислам. Господин капитан, прошу вас, повремените. (*Хаджат.*) Рассказывай, старая карга. Если не расскажешь, на старости лет будешь купаться в собственной крови!

Вебер знаком показывает солдату, чтобы он вышел.

Хаджат (*плюется*). Пусть моей кровью захлебнется Гитлер и вы с ним!

Вебер. Что-о? (*Стучит кулаком по столу*). Ну что ж, тогда смотри! (*Издали показывает фото.*) Вот эти братья, твои сыновья, были разведчиками Советской Армии. Но им не повезло. В один прекрасный день они попали ко мне — капитану Веберу, про которого все говорят, что попавшие к Веберу назад не возвращаются. (*Подносит фотокарточку все ближе и ближе к Хаджат.*) Видишь, ты даже сама не можешь узнать родных сыновей. Посмотри-ка, господин бургомистр, кажется, ты звал ее сыновей...

Ислам (*смотрит на фото*). Да, да, узнаю. Вот тот, который слева на виселице, — Ахмат, а справа — Хамид.

Вебер. А вот этого, что стоит впереди, не узнаешь?

Ислам. Как же, это вы, господин капитан.

Вебер (*смеется*). Да, это я. (*Хаджат.*) Я же сказал, что мы вместе сфотографировались. Вот, посмотри. Хорошенько посмотри. (*Подносит фотокарточку к глазам Хаджат.*) Старая карга, или делай то, что тебе говорят, или мы тебя...

Хаджат (*узнает сыновей, замирает, скрипит зубами*). Вы... Вы... (*Идет на Вебера.*) Людоеды вы... людосды!

Вебер отступает, вытаскивает пистолет.

Вы... (*Хаджат теряет сознание, падает.*)

Ислам (*наклоняется над Хаджат*). Не скончалась ли она, господин капитан...

Вебер (*запихивает пистолет в кобуру*). Я не видел, чтобы такие, как она, так быстро умирали,— просто потеряла сознание.

Ислам. Я не того боюсь, что она умрет, а того, что, кроме нее, никто не сможет рассказать нам о партизанах.

Вебер (*ухмыляется*). Ничего, ничего. Пусть только придет в себя, остальное — дело техники.

Звонит телефон.

Алло! Алло! (*После паузы*.) Это я, господин майор. Кто? Генерал приехал? (*Растерянно*.) Сейчас буду, господин майор. (*Кладет трубку*.) Господин бургомистр, как только она придет в себя, продолжайте допрос, а если снова будет упираться, позовите Шульца, тот знает свое дело. А потом ее — в одиночку, внучку — в другую!

Ислам. Слушаюсь, господин капитан!

Вебер уходит.

Кажется, не особенно-то обрадовались мои коллеги приезду генерала. Что же делать с этой старой каргой? (*После паузы*.) Если бы я мог положить голову Залихат к ногам генерала... Вот бы пятьдесят тысяч...

Вбегает Томай.

Томай. Господин бургомистр, когда мы вели этих негодных сюда, аульские бездельники окружили нас и увезли девочку.

Хаджат приходит в себя, слушает разговор.

Ищем, но пока безрезультатно.

Хаджат радуется.

Ислам (*разгневан*). Где были ваши глаза, почему не сказали сразу, о потомки моего осла?!

Томай. Дорогой наш господин, не успели даже глазом моргнуть, как схватили и увезли. (*Низко кланяется*.)

Ислам (*гневно*). Ты родственник всем этим негодьям, может, ты с ними заодно, может, ты и выдаешь все наши замыслы партизанам, а?

Томай (*испуганно, целуя полу черкески Ислама*).

Да что вы, господин бургомистр, разве возможно такое, чтобы я...

Ислам (*перебивая Тома*). Ты благодари меня, что я до сих пор не сказал Веберу, что ты родственник Хаджат, иначе он тебя не то что не назначил бы начальником полиции, а кинул бы на прокорм воронью!

Томай (*дрожащим голосом*). Дорогой мой господин, благодарю тебя. (*Кланяется.*) Прошу, дорогой мой господин, не считай моими родственниками вот этих безбожных людей (*показывает на Хаджат*).

Ислам (*злобно*). А как, скажи мне, как я теперь сообщу Веберу, что у тебя из-под носа украли девчонку?!

Томай (*растерянно*). Дорогой мой господин. (*Кланяется.*) Дорогой мой господин, скажи мне только: стань собакой — стану. (*Выхватывает из кобуры пистолет и направляет на Хаджат.*) Что только я не переживаю из-за этих родственников, будь они трижды прокляты! (*Целится в Хаджат.*) Вот сейчас я пролью твою подлую кровь, собака!

Ислам. А ну, убери пистолет на место! Быстро!

Томай (*запихивает пистолет в кобуру*). Щенка того я найду хоть из-под земли. Прошу тебя, аллахом заклинаю, не говори нашему господину, что я из этого собачьего рода!

Хаджат (*поднимается с пола*). Несчастный, потерявший лицо и не имеющий мужества. (*Показывает на Ислама.*) Этот хоть старается вернуть свое прежнее величие, а тебе, тебе что нужно, для чего выслуживаешься, несчастный?

Томай. Закрой рот, подлая тварь!

Хаджат. Аллах мой, как может родиться из одной утробы и орел, и гадкая ворона?!

Томай (*снова хватается за кобуру, хочет вытащить пистолет*). Ты заткнешь свой поганный рот или нет? Сейчас я тебя...

Ислам (*перебивает Тома*). Хватит, хватит! Иди ищи девчонку!

Томай (*кланяется, целует полу черкески Ислама*). Иду, дорогой мой господин, иду.

Хаджат. Как хорошо было бы, чтобы ты сдох по дороге!

Томай (*гневно*). Ах ты, старая карга, опять за свое? Слишком много себе позволяешь! Я тебя! (*Бьет Хаджат плеткой.*)

Хаджат (*закрывает лицо руками*). Пусть покарает тебя аллах!

Томай снова размахивается плеткой.

Ислам. Довольно, я сказал, хватит. Успеешь еще. Сейчас надо как можно быстрее найти щенка! Иди!

Томай. Сю минуту. (*Уходит.*)

Хаджат (*вслед Томаю*). На таких, как ты, косоу Гитлеру долго не усидеть!

Ислам (*раздраженно*). Перестань скрипеть, закрой свой поганый рот!

Хаджат. Не перестану!

Ислам. Хватит зря болтать, помоги нам найти твою дочь, и ты свободна, можешь катиться на все четыре стороны!

Заходит Залихат, одетая старушкой.

Кто это? Что надо? Не знаешь разве, что спрашиваться надо?!

Залихат. Я... Я...

Хаджат (*узнала Залихат*). Аллах мой...

Ислам (*тоже узнал Залихат*). Руки вверх!

Залихат поднимает руки.

Хаджат (*идет к Залихат*). Дитя мое, это ты из-за меня хочешь смерть принять... Зачем ты пришла, зачем?

Ислам (*направляет пистолет на Хаджат*). Ни с места! (*Радостно.*) Когда аллах хочет сделать человека счастливым, его щедротам нет конца! (*Кричит.*) Эй, Шульц!

Входит Ахматчик, переодетый нищим.

Ахматчик. Начальник, а начальник... (*Плачет.*)

Ислам. А тебе что, проклятое отродье?

Ахматчик (*плача*). Отец погиб на фронте, мать болеет, есть нечего...

Ислам. Но мне что, подыхайте все. Пойди позови солдата.

Ахматчик. Корову нашу немцы угнали...

Ислам. Я тебе что сказал? Иди и позови солдата! (*Кричит.*) Эй, Шульц!

Ахматчик. Сейчас, сейчас позову. (*Уходит.*)

Ислам (*Залихат*). Оружие есть?

Залихат. Нет.

Ислам. Обманешь, кожу с тебя сдеру!

Входит Мурат, одетый в солдатскую форму Шульца, ведет Валу. За Муратом идет Ахматчик.

Мурат (*направляет автомат на Ислама*). А ну, руки вверх!

Из-за Мурата выбегает Ахматчик и выбивает пистолет из рук растерявшегося Ислама.

Ислам. Шульц! Шульц!

Мурат. Не ори! Шульца твоего уже отправили куда следует. Разве не видишь, дорогой? (*Показывает на свою одежду. Поднимает пистолет и завязывает руки Исламу.*)

Залихат (*подходит к Вале, завязывает ей руки и шепотом говорит ей*). Так надо, потерпи.

Ислам (*поняв, что, кроме них, никого нет*). Полиция! Полиция! (*Партизанам.*) Не имеете права!

Залихат. А вы имеете право хватать старых женщин, маленьких детей, морить их голодом, издеваться над ними?

Ислам (*кричит*). Освободите меня сейчас же, я представитель власти!

Мурат. Господин бургомистр, не ори так, а то голос сорвешь. Ахматчик, заткни ему рот своей рукавицей!

Ахматчик. Сейчас я это сделаю.

Входит Эфенди Алий, ничего не ведая.

Мурат. А-а-а, Эфенди Алий, а я как раз собрался к тебе! Ты ведь, кажется, хотел заработать пятьдесят тысяч марок за голову партизанки?

Алий (*растерянно*). Что ты! Что ты!

Залихат (*Ахматчику*). Пойди скажи караульным, чтобы глядели в оба!

Ахматчик (*отдает честь*). Есть, товарищ командир!

Залихат (*показывает на Ислама, Эфенди Алию и Валу*). А этих будем судить в отряде по нашим законам! (*Берет в столе документы.*)

Алий. О аллах, ты столько раз подвергаешь меня суду за то, что я верно служу тебе!

Залихат. Нет, Алий. За то, что ты веришь в аллаха, никто тебя не судит и не собирается судить. А судить тебя будут за то, что ты вредишь Советской власти, служишь фашистам и обманываешь людей!

Мурат. Короче говоря, за твое двуличие.

Залихат. Мурат, завяжи-ка им руки покрепче!

Мурат. Я им дам возможность обняться, как влюбленным! *(Привязывает их за талии друг к другу. Вале.)* А тебя, красавица, мне жаль!

Залихат *(Мурату)*. Мурат, ты их выведи отсюда через черный ход, чтобы никто не заметил.

Мурат. Хорошо.

Хаджат *(поднимает фотографию с пола)*. Вот, дочь моя, погляди на своих братьев. *(Плачет.)*

Залихат смотрит на фотографию и тоже плачет.

Мурат. Залихат, дай посмотрю. *(Берет у Залихат фотографию и внимательно рассматривает ее.)* Вебер... Клянусь молоком матери, я отомщу тебе! Живым ты не уйдешь с Кавказа!

Вбегает Ахматчик.

Ахматчик. Скорей, идут!

Залихат. Мама, тебе нельзя оставаться здесь, пойдем с нами.

Хаджат. А девочка?

Залихат. О ней не волнуйся.

Ахматчик. Скорей, командир, скорей!

Залихат *(Мурату)*. Мурат, мы не можем сейчас увести этих подлецов. *(Показывает на Ислама, Алию и Валю.)* Нет времени руки марать об них, но если мы услышим, что они разделяются хотя бы с одним советским человеком, они заплатят нам за все! *(Партизанам.)* Пошли!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Декорация третьей картины. Декабрь, на деревьях снег. Залихат собирается в дорогу. Здесь и Осман.

Осман. Итак, сестра моя, ты расскажешь Михаилу Ивановичу, что мы окружены и что боеприпасов осталось у нас очень мало. Но передай: пока хоть один из нас жив, фашистам перевала не видать как собственных

ушей. Очень нужно, чтобы в два-три дня нам подбросили оружие и боеприпасы, иначе...

Залихат (*перебивает его.*) Знаю, Осман, знаю. Постараюсь все сделать, чтобы помощь пришла вовремя.

Осман. Передай также Михаилу Ивановичу, что рассказал пленный офицер-эсэсовец о приказе высшего немецкого командования: арестовать известных им коммунистов, комсомольцев, членов семей советских офицеров.

Залихат. Хорошо.

Осман. Ну, счастливого пути. Не забывай, что за тобою следят десятки вражеских глаз. До села тебя проведут Махмуд и его друзья.

Залихат (*обнимает Османа*). Пока, до встречи. (*Уходит.*)

Осман (*задумчиво*). Куда девается нежность, робость женщины, когда она в гневе... (*Смотрит на карту.*) Что же делать, что же делать... Я бы многое отдал, чтобы на этот раз не посылать ее в этот опасный путь... Но другого выхода нет, нет...

Входит Антон Ильич.

Антон Ильич. Да, товарищ командир, крепко зажал нас враг на этот раз...

Осман. За один только сегодняшний день три атаки, это не шуточное дело, как будто и в четвертый раз собираются. Как там ребята, тяжело им, наверное?

Антон Ильич. Кроме тяжелораненых, все в строю. Правда, жрать нечего, голодные все...

Осман. Скоро должен вернуться Мурат. Без продовольствия он, конечно, не будет.

Антон Ильич. Если Мурат скоро будет здесь, надо воспользоваться затишьем и накормить ребят. Пусть хоть немного отдохнут. Пожалуй, сегодня все-таки фрицы не рискнут наступать, будут оплакивать свой хваленый альпийский полк, от которого мало что осталось...

Осман. Нет, комиссар, они приутихли не потому, что их силы иссякли,— они собирают силы, чтобы жестоко расправиться с нами за гибель их полка. Нам надо быть начеку, надо глядеть в оба. (*Показывает на карте.*) Враг сегодня хотел пройти здесь, но ничего не вышло. Теперь он знает, что на перевал одна дорога — через Кольцо-гору.

Антон Ильич. Туда я только что направил отряд Гаруна.

Осман. Это хорошо. Но... может ли один отряд Га-руна устоять? Необходимо направить отряд Солтана в подкрепление. Это будет надежней.

Антон Ильич. Да, пожалуй, это так. (*Собирается уходить.*)

Осман. Минуточку, Антон Ильич, а с документами как?

Антон Ильич. Пока никак. Среди этих пленных ни один не знает русского языка.

Осман. Жаль. Покойный Башир прекрасно знал немецкий язык...

Антон Ильич. Да, он был хорошим переводчиком. Эти документы надо переправить в подпольный крайком.

Осман. Комиссар, может быть, в них что-нибудь срочное, надо прочитать их тут. (*Вспомнил о чем-то.*) Что же так долго нет Сулеймана? (*Берет трубку.*) Алло! Алло! Гасан, это ты? Как там фрицы, на вашем участке зашевелились или нет? (*После паузы.*) Хорошо. Как только Сулейман доберется до вас, пусть немедленно спешит сюда. Будьте все время начеку! (*Кладет трубку.*)

Антон Ильич. А что, Сулейман знает немецкий?

Осман. Нет, он даже своего языка как следует не знает, не говоря уж о немецком. Приведет он сюда Краутуса, вот я и думаю заставить его читать и переводить.

Антон Ильич. Да, правда, он русский язык знает прекрасно, но переведет ли он правильно?

Осман. Проконтролируем, да и потом — он испугается соврать.

Входит Сакинат с двумя деревянными мисками в руках.

Сакинат. Вот вытряхнула мешки, сварила затируху, вы голодные, поешьте хоть ее.

Осман. Нет, Сакинат, мы не голодны, отнесите раненым.

Сакинат. Три дня как во рту ничего не держали — и вы не голодны?

Антон Ильич. Сестра, мы как-нибудь переждем, накорми раненых.

Сакинат. Кроме Солтана, раненые и здоровые — все ели. Аллах даст, будет день — будет пища.

Антон Ильич (*мигнув Осману*). Ну, раз ты так настаиваешь, давай сюда, как-нибудь одолеем ее.

Осман. Да, верно. *(Жадно ест.)* Солтан ведь любит челюстями поработать, что это он отверг твою еду?

Сакинат. Не знаю, родные, не знаю. Он сказал: «На что мне твоя затируха, я роженица, что ли».

Осман. Солтан скажет так скажет. Это он перед тобой так...

Сакинат *(застенчиво)*. Да что вы...

Осман. Ты, Сакинат, оказывается, большая мастерица варить затируху.

Антон Ильич. Что верно, то верно.

Сакинат. Нет, нет. Просто вы голодны как волки, вот она и кажется вам вкусной.

Осман *(отдавая миску)*. Спасибо.

Сакинат. Вот кончится война, тогда я вас действительно накормлю. *(Уходит.)*

Осман *(берет телефонную трубку)*. Алло! Алло! Пихта? Это Даут? Как там фрицы? Не поднимают голову? *(После паузы.)* Нет? Хорошо. *(Кладет трубку.)*

Антон Ильич. Не лучше ли нам попытаться вывести отряд из окружения? Если немцы бросят на нас все свои силы, потерь у нас будет очень много.

Осман. Нет, комиссар, нам отсюда нельзя уходить. Для защиты перевала лучшего места не найти. А если мы уйдем отсюда, немцы пройдут перевал, а этого нам ни живые, ни мертвые не простят.

Звонит телефон.

Алло! Алло! Гарун, ты? *(После паузы.)* Нет, подождите, не начинайте, подпустите его поближе. Много их? Держитесь, я сейчас с отрядом Солтана буду там.

Слышна стрельба из винтовок, автоматов, пулеметов.

Антон Ильич. Собаки! Опять! Много их?

Осман. Говорит, до роты. *(Берет оружие.)* Антон Ильич, ты держись здесь, а мы постараемся задержать фрицев там. Хорошо, что успели забросить партизан на Кольцо-гору, а то фрицы могли бы прорваться туда. *(Уходит.)*

Входит Ахматчик.

Ахматчик. Товарищ комиссар, товарищ комиссар! Пленный удрал!

Антон Ильич. Как удрал? А Сулейман где?

Ахматчик. Когда мы с Муратом шли сюда, по дороге услышали стон человека. Оказалось, это был Су-

лейман. Когда он вел фрица, в него начали стрелять,— наверное, снайперы. Сулеймана ранили, а тот пленный офицер воспользовался суматохой и бежал. Мурат тут же погнался за ним, а меня послал к вам рассказать обо всем.

Антон Ильич (*берет трубку*). Нельзя, чтобы он ускользнул от нас. Алло! Алло! Пихта! Пихта! Пленный офицер бежал, передайте по постам и задержите! (*Кладет трубку.*) Сулеймана перевязали?

Ахматчик (*опуская голову*). Он умер...

Антон Ильич. Еще шестеро сирот.

Ахматчик. Товарищ комиссар, я найду убийцу Сулеймана. Прошу разрешить мне!

Антон Ильич. Нет, сынок. Снайпера найти не так-то просто. Тебя он видит, а ты его нет.

Ахматчик. Товарищ комиссар, меня не увидит.

Антон Ильич. Нет, сынок, иди отдыхай. (*После паузы.*) Что-нибудь сделали там, куда ходили?

Ахматчик. Сделали. Муса и его друзья достали пять ящиков патронов, шесть мешков муки, а мы к этому добавили четырнадцать баранов.

Антон Ильич. А бараны откуда?

Ахматчик. Мурат взял в долг у Омара, сказав ему, что вместо четырнадцати отдаст ему двадцать, как только фрицев выгоним.

Антон Ильич (*берет трубку*). Мурат?.. Может, просто украл по старой привычке?

Ахматчик. Нет, клянусь вам, нет, займы взял!

Антон Ильич. Алло! Алло! Пихта? Как с убежавшим пленным? Что, поймали? Вот молодцы! Хорошо!

Ахматчик. Товарищ комиссар, Антон Ильич, я и сын Сулеймана учились вместе. Если я не отомщу за его отца, скажите, как я посмотрю в глаза другу? Прошу, разрешите мне найти эту кукушку!

Антон Ильич (*гладит его по голове*). Ладно, попробуй, но будь осторожен, помни, что я тебе говорил.

Ахматчик. Спасибо, товарищ комиссар. Не беспокойтесь, он меня не увидит. (*Уходит.*)

Антон Ильич. Какая у нас замечательная молодежь!

Слышны выстрелы.

(*Смотрит в бинокль.*) Наши в атаку идут.

Голоса: «Ура-а-а! Ура-а-а!»

Молодцы! Осман молод годами, но какой талантливый командир. Смелые горцы, храбро сражаются. (В зал.) Вот и четырнадцатилетний парнишка Ахматчик за своих друзей, за свою отчизну идет в огонь. А Мурат! Храбрый партизан.

Входит Мурат, одна рука у него перевязана.

Мурат. Товарищ комиссар, ваше приказание выполнено!

Антон Ильич. Молодец! (Беспокойно.) А с рукой что?

Мурат. Ничего, пройдет. Когда я гнался за Краутусом, их снайпер меня и поцарапал. Могло быть и хуже. Товарищ комиссар! Разрешите я сниму его. А то он сидит и никого не пропускает. Хорошо устроился! Оттуда все видно как на ладони.

Антон Ильич. Нет, туда отправился Ахматчик. А пленного где оставил?

Мурат. Его перевязывают в лазарете...

Антон Ильич. Значит, ты опять...

Мурат (перебивает его). Нет, товарищ комиссар, нет. Когда Краутус побежал, я кричал, чтобы он остановился. Но он продолжал удирать. Что же было делать?! Догнал я его, слегка толкнул, а он упал и стукнулся о дерево. Вот и все.

Антон Ильич. Пока ты не оставишь самосуд, у нас с тобой настоящей дружбы не будет. Понял? Почему другие не делают, как ты?

Мурат. Их не то что бить, давить надо как поганых змей! Вот что я скажу, товарищ комиссар!

Антон Ильич. Мурат, дорогой мой, среди них много просто обманутых людей.

Мурат. Что свинья белая, что черная. Свинья есть свинья.

Стрельба понемногу затихает.

Антон Ильич. Наши, верно, отогнали фрицев от Кольцо-горы. Мурат, побудь в штабе, а я пойду насчет продовольствия уточню. А насчет баранов, если ты их действительно взял взаймы, молодец! Наконец ребята поедят как следует.

Мурат. Слушаюсь, товарищ комиссар! Что ж, хоть на короткое время стану пачальником.

Антон Ильич уходит.

Комиссар правду говорил, наши отогнали фрицев.

Звонит телефон.

Алло! Алло! Кого, говоришь? Нет, его здесь сейчас нет. Кто я? Я Мурат. А-а, это ты Даут? Кто, говоришь, пришел? Красивая девушка? Что за девушка? Русая, голубоглазая? Значит, она самая. Пусть идет прямо в штаб, сюда. (*Кладет трубку.*) Неужели это она? Если она, то на этот раз я обязательно все ей скажу. Аллах мой, почему мой болтливый язык перестает повиноваться мне, когда я ее вижу... Клянусь, сегодня или умру, или все, все ей скажу, как люблю ее скажу... (*Садится на камень и поет.*)

В эти трудные дни
Ты мне очень дорога.
И в разведке, и в бою
Я тебя в душе храню,
Валечка моя, Валечка моя...

Входит Валя.

Валя. А что дальше?

Мурат (*растерялся*). Валя! Валечка! С приездом!

Валя (*сочувственно*). Что с рукой, Мурат? Ранен?

Мурат. Да ничего страшного, так, царапина... чепуха. Валя... Валечка... Я... тебе... то есть тебя... (*В сторону.*) Вот снова проклятый мой язык перестал мне повиноваться... Чтoб ему... (*Вале.*) Приехала, да?

Валя (*улыбаясь*). Видишь же...

Вбегает Ахматчик.

Ахматчик. Убрал! Со скалы снял!

Мурат (*Ахматчику*). Друг мой, Ахматчик! Сколько раз я говорил тебе! Когда ты видишь меня с девушкой, ты должен мгновенно исчезнуть. Кругом, марш!

Ахматчик (*отдавая честь*). Извиняюсь. (*Собирается уходить.*)

Мурат. Погоди, погодн. Что ты сказал, кого убрал со скалы?

Ахматчик. Снайпера, который убил Сулеймана.

Мурат. Молодец, друг мой, молодец! Он и меня, собака, ранил. Вот что, пойдн сейчас же к командиру и скажи, что из города пришел человек и ждет.

Ахматчик. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Валя. Мурат, пока никого нет, спой, пожалуйста, свою песню. Ту, которую пел, когда я вошла сюда.

Мурат. Эх, Валя... Мне так много надо сказать тебе...

Валя. Скажи, почему не говоришь?

Мурат. Скажу в следующий раз, когда встретимся.

Валя (*тихо*). А вдруг не встретимся?

Мурат (*взволнованно*). Разве можно так говорить!

Валя. Можно ли, нельзя ли, от судьбы не уйдешь...

Мурат. Клянусь тебе, Валя, я из-за тебя всегда в тревоге, из-за того, что ты...

Валя. Вначале я сама тоже боялась, потом привыкла, не страшно. Мурат, а вдруг то, что ты хотел сказать мне, скажешь и еще кому-то, а?

Мурат. Настоящий мужчина говорит об этом только одной девушке. Никому другому, кроме тебя, об этом не скажу.

Валя. Если так...

Звонит телефон.

Мурат. Алло! Алло! Кого надо? (*После паузы.*) Сейчас скажу. (*Кладет трубку на место.*) Валя, тебя комиссар вызывает.

Валя собирается уходить.

Валя, зайдешь после сюда?

Валя. Если скажешь то, что хотел, обязательно зайду.

Мурат. Если смогу, то скажу.

Валя (*улыбается*). Ну, тогда зайду. (*Уходит.*)

Мурат (*вслед*). Вот и сегодня ничего не смог сказать. Аллах мой, когда дело доходит до признания, почему я становлюсь немым?! Почему мой язык отказывает мне? Нет, все же сегодня она что-то поняла...

Ахматчик вводит Краутуса.

Ахматчик (*сердито*). Мы не такие продажные, как вы!

Мурат. Зачем злишься, друг?

Ахматчик. Эта сволочь хочет обмануть меня!

Краутус. Я немецкий офицер!

Мурат. Наплевать мне на твое офицерство!

Ахматчик. Если меня отпустишь, говорит, тебя озолотят.

Мурат (*размахиваясь*). Дал бы по твоей поганой роже!

Краутус. Теперь вашей власти нет, мы разбили

Советскую Армию, вас окружили. Не сегодня, так завтра вы все будете уничтожены, поэтому вам самим лучше будет, если сдадите меня нашим частям...

Мурат (*хватается за автомат*). Эй ты, собачий сын, поосторожней! Не мутн мне кровь! (*Показывает автоматом на стенку пещеры.*) Ну-ка, иди туда, сейчас посмотрим, какой ты храбрый!

Краутус (*испуганно*). Не имеешь права, я пленный. У вас пленных не расстреливают!

Входит Антон Ильич.

Антон Ильич. Все знаешь, господин Краутус. Действительно, пленных у нас не расстреливают. А вот вы дошли до того — людей в печах сжигаете, в душегубках уничтожаете!

Краутус. Нам не нужны ваши люди, нам нужна земля, жизненное пространство.

Мурат (*снова хватается за автомат*). Я тебе сейчас покажу пространство!

Антон Ильич (*останавливает Мурата*). Не кипятись, Мурат. (*Краутусу.*) Кто же вас всему этому научил? Кто же разрешил вам топтать чужую землю, убивать людей, жечь города и деревни?

Краутус. Мой фюрер, Адольф Гитлер! (*Выбрасывает руку вперед.*)

Мурат. Надо его все-таки прикончить!

Антон Ильич. Зачем же, вот придет наша армия, и пускай его судит трибунал.

Краутус. Советская Армия? Где ваша армия? Ее уже нет, она давно уничтожена!

Голоса издалека: «Ура-а! Ура-а!»

Ахматчик, Мурат. Да здравствует Советская Армия! Ура-а!

Мурат. Слышишь, фриц, это наши партизаны!

Входит Валя.

Валя. Нет, господин Краутус, напрасно радуешься! Советская Армия окружила вашу армию в Сталинграде! Скоро всей немецкой армии конец!

Краутус (*узнает Валу*). Валя! Нет, ни одному советскому человеку нельзя верить. Вот, оказывается, ты какая! Выдавала все наши секреты! (*Гневно.*) Дочь русского помещика!

Валя. Да, для вас я была дочерью русского помещика.

Краутус (*кричит*). Если бы у меня была малейшая возможность, я бы расправился с тобой, подлая шпионка!

Антон Ильич. Довольно, Краутус. (*Ахматчику.*) Веди его к остальным пленным.

Ахматчик (*отдает честь*). Слушаюсь! (*Краутусу.*) Иди!

Уходят. Входит Осман.

Осман. Ба, гость у нас! С приездом, Валя! (*Здоровается.*) Как добралась?

Валя. Обыкновенно. Принесла вам радостную весть.

Осман. Расскажи, расскажи, сейчас нам хорошие вести нужны как никогда!

Валя. Действия вашего отряда в горах, а также то, что отряд в течение пяти месяцев удерживает перевал, отбивая все атаки фашистов, известны командованию. (*Осману.*) Товарищ командир, вот пакет от командующего армией! (*Передает пакет Осману.*)

Осман вскрывает пакет, молча просматривает бумагу, находившуюся в пакете.

Осман. Ну что ж, товарищи, пришел и наш час. Регулярная армия переходит в наступление. Скоро она должна быть здесь и вышвырнет немцев за пределы Северного Кавказа.

Партизаны. Ура-а!

Осман. Наша задача — продолжать удерживать перевал, ни в коем случае не пропустить через него врага. Это самое главное, товарищи.

Валя. Товарищ командир, мне пора.

Осман. Счастливого пути!

Антон Ильич. Возвращайтесь поскорее!

Занавес

Декорация второй картины. В момент открытия занавеса видно, как часовой, охраняющий гестапо, ходит взад и вперед. На сцене Вебер и Ислам.

Ислам (*стоит, вытянувшись в струнку*). Делаем все возможное, господин Вебер!

Вебер (*в ярости*). Человек, который среди бела дня впускает в свой кабинет женщину и дает связать себе руки, это не мужчина, а...

Ислам (*перебивает его*). Господин капитан...

Вебер. Молчать! Тебе к лицу больше подходит женская одежда, а не мужская!

Ислам. Господин капитан, осторожней, я князь!

Вебер (*гневно*). Ты не князь, а грязный лесной кабан!

Ислам (*выхватывает из кобуры пистолет*). Оказывается, ты еще не знаешь характера горцев!

Вебер (*тоже вынимает пистолет*). Положи пистолет на место! Немецкий офицер...

Ислам. Будь ты не только немецкий офицер, но даже божий сын, все равно горец не потерпит обиды!

Входит Алий.

Алий. Господа, господа! Что это значит? (*Становится между ними*.) Аллахом заклинаю, уберите ваши пистолеты! Ай-ай-ай, разве можно так горячиться! Господин капитан, прошу...

Вебер (*перебивает его*). Если сегодня к вечеру ты не приведешь эту Залихат сюда, то знай, что сам будешь болтаться на виселице вместо нее!

Алий. Чего только мы не терпим из-за этой Залихат, будь она трижды проклята!

Вебер (*медленно запикивает пистолет в кобуру Исламу*). На этот раз благодари Эфенди Алию, что остался жив, но в следующий раз смотри...

Ислам (*перебивает его*). Господин капитан, за мою вспыльчивость прошу прощения... (*Также убирает пистолет*.)

Вебер. Хорошо, я не злопамятен, но, если ты не приберешь к рукам эту Залихат, знай, покоя тебе не будет.

Алий (*вспомнив, бьет себя ладонью по лбу*). Господин капитан, начальник полиции Томай — близкий

родственник Залихат, поэтому кто же лучше него сможет...

Вебер (*в ярости перебивает*). Почему же до сих пор мне не говорили об этом?!

Алий (*воздевает руки*). Аллах свидетель, что сами не знали. Я только сегодня выяснил это...

Вебер (*Исламу*). Сейчас же прикажи доставить сюда начальника полиции! Я ему покажу, как обманывать немецкого офицера!

Ислам. Сию минуту, господин капитан. (*Поворачивается, чтобы уйти.*)

В этот момент в комнату вталкивают сначала Валю, потом Залихат, за ними входят Томай и немецкий солдат. Находящиеся в кабинете растерялись.

Томай (*оглядывая кабинет*). Эй, кто тут? (*Хвастливо.*) Где шеф? Мне нужен шеф!

Вебер (*приходит в себя*). Зачем тебе шеф?

Томай. А-а, господин капитан, извините, я вас не заметил сразу... (*Показывает на Залихат.*) Это та самая Залихат, которая нам жить не давала. (*Показывает на Валю.*) А это ее сообщница. Поймал с поличным в тот момент, когда она передавала Залихат секретные документы.

Залихат. Продажная тварь!

Томай. Замолчи, бесстыдница!

Вебер (*подходит к Вале, тихо*). Так, красавица, значит, ты передавала все наши планы?

Валя молчит.

Я спрашиваю, ты передавала все наши планы? (*Бьет по щеке. Подходит к Залихат.*) Что, попалась, неуловимая?

Залихат (*кивает на Томай*). Змея один раз в году меняет кожу, а предатель — каждый день.

Томай и солдат подсакивают к Залихат, хватают ее за руки. Залихат отталкивает их в стороны.

Вебер (*ударом сбивает Залихат с ног*). Ты коммунистка?

Залихат (*поднимается*). Да.

Алий. Ай-ай-ай, ничего не боится, безбожница...

Вебер. Зачем ты подожгла наши склады?

Залихат. Это моя месть вам!

Вебер (*снова бьет ее по щеке*). Кто помогает партизанам?

Залихат. Весь советский народ!

Алий. Аллах, аллах, какая неумная...

Вебер. Сколько партизан в вашем отряде?

Залихат. Хватит, чтобы уничтожить всех вас!

Вебер. Кто разгромил комендатуру в Верхнем ауле?

Залихат. Мы!

Вебер. Кто это «мы», отвечай?

Залихат. Народные мстители!

Алий. О аллах, какая дерзкая женщина!

Вебер. Ясно. (Томаю.) Увести их, бросить в одиночки!

Томай (кланяясь). Сию минуту, господин капитан.

Томай и солдат уводят Залихат и Валею.

Вебер (останавливает Томаю). Господин начальник полиции, ты останься здесь, а с арестованными пойдет бургомистр.

Томай (кланяясь). Слушаюсь, господин капитан.

Ислам и солдат уводят Залихат и Валею.

Залихат (оборачиваясь). Эй вы, вонючие псы! Будьте вы прокляты!

Алий. Аллах, аллах, вы только послушайте, как обзывает нас эта безбожница!

На сцене остаются Вебер, Алий и Томай.

Вебер (Томаю). Скажи-ка теперь, герой сегодняшнего дня, как тебе удалось поймать Залихат?

Томай (усаживается поудобнее). С того дня, как меня назначили начальником полиции, я ни на минуту не забывал о ней, тем более когда за поимку Залихат была назначена награда. А сегодня вижу, как Валя быстро вошла в дом к одной вдове. Думаю, чего ж ей там делать... Решил, пойду проверю на всякий случай. Взял с собой солдата — и тихо, тихо к дому. Врываемся в дом, и вдруг — о счастье! — там Залихат, а Валя передает ей какие-то бумаги. Ну, думаю, наверняка секретные бумаги. Сразу кричу: «Руки вверх! Вы окружены!» Они пытались было вытащить оружие, да не успели. Мы как коршуны налетели на них, и птички попались в сеть!

Вебер. Значит, Валя была шпионкой. Вот оно что!

Эфенди Алий. Молодец, Томай, сегодня ты проявил мужество. Клянусь аллахом, что никакого греха в том, что ты поймал и предал закону этого человека, нет.

Томай. Все хорошо, да не об этом я сейчас думаю. Мне бы поскорей получить награду, Эфенди.

Алий. Ай-ай-ай, ты верный слуга аллаха, как же можешь ты так говорить...

Томай. Ничего ты не понимаешь, Эфенди. Что в жизни может быть лучше денег! Есть деньги — ты бог и царь, нет их — ты ничтожество. Только за голову Залихат обещано пятьдесят тысяч марок, а я ведь привел еще и эту русскую девушку, — думаю, за нее мне добавят...

Алий. Аллах велик, может быть, и добавят...

Вебер. Молодец, господин начальник полиции, за сегодняшнюю свою доблесть ты получишь благодарность от майора Альбрехта!

Входит Альбрехт.

Альбрехт. Хайль Гитлер!

Все. Хайль Гитлер!

Вебер. Господин майор, партизанка Залихат и девушка, передавшая секретные данные партизанам, арестованы! Их поймал наш начальник полиции Томай.

Альбрехт. Молодец, господин Томай, молодец! А кто же эта девушка?

Вебер. Ваша переводчица, Валя...

Альбрехт (*ударя себя по лбу*). Ай-ай, дали одурчить себя девчонке. Кто бы мог подумать, что она способна на такие дела!.. (*Томаю.*) Господин начальник полиции, за вашу храбрость, проявленную при поимке партизанки, благодарю вас от имени германского командования. (*Жмет руку Томаю.*)

Томай (*явно растерян и встревожен*). А обещанную награду когда... Я...

Альбрехт (*сердито*). А что, мало тебе благодарности?

Алий. Правильно... так правильно, аллах свидетель.

Томай (*раздраженно*). Ты, Эфенди, только от зависти можешь так говорить. (*Альбрехту.*) Это значит, что мне не только за шпионку, но и за голову Залихат ничего не дадут?!

Альбрехт (*повышает голос*). Господин начальник полиции, сейчас же иди и занимайся своим делом, собирай с населения масло, мясо. Если к вечеру не выполнишь приказание, берегись!

Томай (*опускает голову*). Хорошо. (*Уходит.*)

Альбрехт (*Веберу*). Господин капитан, приведи своих «гостей» сюда, познакомь со мной.

Вебер. Слушаюсь, господин майор! (*Уходит.*)

Альбрехт. То-то у меня целый день чесалась ладонь... Я буду их допрашивать по новому методу. При подруге введу каленое железо под ногти Залихат, а ребенка заставлю плакать в другой комнате... Посмотрим, долго ли она продержится.

Эфенди Алий. Господин Аль-аль-альбий, ее дочь никак не могут найти.

Альбрехт. Это неважно. Дети все одинаково плачут.

Эфенди Алий. Господин мой, у меня слабое сердце, я не могу переносить такое, отпустите меня, лучше я помогу тем, кто собирает масло, мясо...

Альбрехт (*улыбается*). Ну что ж, если такое слабое сердце, иди помогай там.

Эфенди Алий уходит. Альбрехт берет трубку.

Алло! Алло! Адъютант? (*После паузы.*) Да, мне нужен генерал. Я хочу обрадовать его — мы поймали Залихат, а также крупную разведчицу. Кто поймал? Я. Да, пусть деньги переведут на мой счет и еще пятьдесят тысяч за разведчицу. (*Кладет трубку.*)

Два солдата вводят Залихат и Валу.

Альбрехт (*Залихат*). Ну, вот видишь, кто против нас, тот всегда в капкан попадает. (*Спокойно.*) Ты, я думаю, хочешь, чтобы твой ребенок жил и чтобы ты сама осталась в живых. А для этого ты должна ответить на все мои вопросы. Итак, кто работает сейчас в подпольном крайкоме, количество людей?

С начала и до конца допроса за цепой слышится плач ребенка.

Залихат. Советские люди работают!

Альбрехт (*гневно*). Кто руководит подпольным крайкомом?

Залихат (*спокойно*). Коммунисты.

Альбрехт (*в ярости бьет кулаком по столу*). Назови имена, я тебе говорю!

Залихат. Нет, не скажу!

Голос ребенка: «Ма-ма, мама-а-а». Плачет так, будто кто-то бьет его. Все мысли Залихат о ребенке, она вся напряглась.

Альбрехт. Слышишь? Ответь на мои вопросы и спаси себя и ребенка, или на твоих глазах он будет убит.

Залихат. Не скажу.

Вебер и Ислам вводят Ахматчика.

Вебер. Мы его поймали с поличным — он расклеивал листовки. (Залихат.) Знаешь его?

Залихат. Нет.

Вебер (ударяет по щеке Валу). А ты?

Валю. Не знаю!

Вебер (Ахматчику). А ты, паршивец, знаешь их?

Ахматчик. Я их никогда не видел!

Альбрехт. Как тебя зовут?

Ахматчик. Табсашар.

Ислам (ударяет Ахматчика по лицу). Скажи правду, собачий сын!

Вебер. Ты коммунист?

Ахматчик (подумав немного). Нет, в коммунисты не каждого принимают.

Ислам. Зачем ходишь и клеишь листовки, сын осла?

Ахматчик. Это мое дело.

Альбрехт (спокойно). По чьему приказу ты клеил листовки, мальчишка?

Ахматчик. По приказу сердца.

Ислам. Я вытащу твоё сердце, собачий сын! (Размахивается, чтобы ударить.)

Альбрехт (Исламу). Не надо. Разве можно бить такого смельчака! Господин капитан, молодого человека надо накормить.

Вебер. Сейчас, господин майор.

Уходит, возвращается вместе с солдатом. Тот несёт миску с едой.
Ахматчик жадно ест.

Альбрехт (Ахматчику). Если ты скажешь, по чьему приказу расклеивал листовки, я награжу тебя. А когда мы кончим с коммунистами, я возьму тебя в Берлин...

Ахматчик (не переставая есть). А что я там буду делать?

Альбрехт. Будешь учиться, станешь образованным, разбогатеешь.

Ахматчик. Нет, господин майор. Во-первых, коммунистов вам никогда не одолеть. Во-вторых, наша армия хваленую вашу добывает у стен Сталинграда. В-третьих, наши гонят вас по всему фронту. А в-четвертых, я тебе ничего не скажу!

Альбрехт (*в ярости бьет Ахматчика ногой*). Еще как скажешь!

Залихат (*едва сдерживая себя*). Знали бы ваши матери, кого они на свет воспроизвели.

Альбрехт (*ударом валит Залихат*). Заткни рот!

Залихат. Мы вас сотрем с лица земли, а потом...

Альбрехт (*снова хочет ударить ее ногой*). Я тебя...

Ахматчик (*ударяет головой в живот Альбрехта*). Вы, оказывается, храбрецы, когда дело касается избивания женщин, сволочи!

Солдаты схватывают его за руки. Слышен гул самолетов.

Вот наши! Ура-а! Ура!

Альбрехт (*стреляет в Ахматчика, убивает наповал. Солдатам.*) Уберите его!

Звонит телефон.

Алло! Кто? (*Растерянно.*) Слушаюсь, господин генерал! (*После паузы.*) Понимаю, господин генерал. (*Кладет трубку.*) Господа, согласно приказу, мы должны отступить. Красные с часу на час будут здесь.

Фашисты всполошились. Залихат и Валя радуются.

Господин капитан, немедленно уничтожьте всех арестованных!

Вебер. Слушаюсь, господин майор!

Залихат. Настал-таки ваш черный день!

Альбрехт. Господин бургомистр, берите с собой полицаяев и вместе с нашими солдатами охраняйте мосты. Только скорее, скорее!

Ислам (*отдает честь*). Слушаюсь, господин майор! (*Уходит.*)

Залихат. Собаки, продавшие честь!

Вебер (*собирается уходить, показывает на Залихат и Вая*). Господин майор, этих я вместе со всеми...

Альбрехт. Нет, их надо немедленно повесить на площади! Пришли сюда солдат!

Вебер. Слушаюсь, господин майор!

Альбрехт. Как можно быстрее, господин капитан!

Вебер. Слушаюсь! (*Уходит.*)

Валя. Людоеды!

Залихат (*шагнув к Альбрехту*). Человечество никогда не простит вам ваших злодеяний!

Валя и Залихат поют «Интернационал».

Альбрехт. Заткнитесь! *(Солдатам.)* Гоните их живей на площадь!

Солдаты подталкивают женщин. Слышен гул моторов.

Залихат. Вот они, наши летчики! Слава вам, дорогие!

Альбрехт *(ругая солдат)*. Да уведите же их скорее!

Валя. Хоть и убьете нас, но от мести вам не уйти. Отомстят вам за нашу кровь! *(Плюет в лицо Альбрехту.)*

Слышны близкие разрывы снарядов.

Альбрехт *(вытирает платком лицо)*. Алло! Алло! Гаус, вези мои вещи на вокзал. Что, уже увозите? Ничего не забывайте! И скорее, скорее! Через десять минут я буду там. *(Собирает бумаги со стола в портфель, руки дрожат.)*

Входит Томай.

Томай. Господин, Советская Армия близко. Мне тут оставаться никак нельзя, не бросайте меня!

Альбрехт не обращает внимания на него.

Я служил вам, не жалея сил. *(Ходит вокруг Альбрехта.)* Прошу, возьмите меня с собой!

Альбрехт. Теперь ты нам не нужен.

Томай. Мне нельзя тут оставаться, господин майор. Господин майор, не оставляйте меня...

Альбрехт *(презрительно)*. Ты продавал своих близких людей, продашь и нас. Такие никому не нужны!

Томай. Нет, господин майор, я для вас и жизни своей не пожалею, только возьмите меня!

Альбрехт. А ты знаешь, что таких, как ты, используют в нужный момент, а потом пускают в расход за ненужностью?!

Томай *(на коленях ползает вокруг Альбрехта, целует его ноги)*. Господин...

Альбрехт. Уйди, грязный кабан, не пачкай моей одежды. *(Ударяет Томаю ногой.)* Кому теперь ты нужен, собака!

Томай *(резко встает, выхватывает свой наган)*. А если я собака, то и ты не орел! *(Стреляет в упор в Альбрехта.)* Собаке собачья смерть! *(Стреляет себе в грудь, падает.)*

Слышна стрельба из пушек, пулеметов, автоматов.
Вбегает Осман. Увидев трупы Альбрехта и Тома, понял, что произошло.

Осман. Хорошо, хоть в последний день своей жизни ты проявил мужество! *(Ногой отодвигает труп Тома, подходит к столу.)*

Входит Антон Ильич.

Антон Ильич *(наклонив голову)*. Успели, сволочи, спалить комендтуру! Все арестованные погибли. *(Снимает шапку.)*

Входит Мурат.

Мурат. Обоих повесили. Товарищ командир, давайте догоним этих веберов, чтоб не ушли!

Входит Хаджат.

Хаджат. Горе мое, несчастье мое, все погибло, вся семья, осталась как былинка одна на свете... *(Плачет.)*

Осман. Хаджат, мать моя, у меня нет никого, я один, я буду твоим сыном, назови меня своим, родная.

Мурат. Именем всех наших погибших товарищей я обещаю любить и беречь тебя, как свою родную мать!

Антон Ильич. Дорогая Хаджат, пока мы будем живы, ты не будешь одна. *(Целует ее в лоб.)*

Входит Сакинат.

Сакинат *(плача)*. Ахматчик, бедный Ахматчик...

Осман. Дорогие наши товарищи Залихат, Валя, Ахматчик и все те, которых сожгли сегодня враги, простите нас за то, что не успели мы вовремя. Мы даем клятву, что не остановимся до тех пор, пока не освободим от этой чумы все человечество!

Все. Клянемся! Клянемся!

Слышно эхо, повторяющее клятву.

Занавес

ВСТРЕТИМСЯ ЛИ ?

ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-х АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Смирнов — майор, командир полка.
Ванин — капитан, начальник отдела.
Алий — старший лейтенант.
Петров — лейтенант.
Бекир — старший сержант.
Даша — телефонистка.
Мухтар — рядовой.
Махмут — майор, разведчик.
Ганс — ефрейтор, писарь комендатуры.
Азгор — рядовой.
Хорн — штурмфюрер, комендант концлагеря.
Вальтер }
Дитрих I — унтерштурмфюреры.
Берта — медицинский инструктор концлагеря.
Курт — охранник.

АКТ ПЕРВЫЙ

Тревожная музыка. Издалека слышатся звуки боя: взрывы снарядов, автоматные и пулеметные очереди. Музыка и звуки затихают.

Лесная опушка. Расщепленные деревья. Воронки, разбитое орудие. В наступившей тишине слышно, как распевают птицы.

Бойцы занимаются обычными делами: кто чистит оружие, кто перевязывает рану, кто штопает обмундирование.

Командир полка Смирнов и начальник отдела Вапип делают пометки на полевой карте, разложенной на оружейных ящиках.

Алий (*вздыхнув, достает из нагрудного кармана фотокарточку и долго смотрит на нее*). Да, далеко ты, родная моя...

Бекир. Товарищ командир, разрешите посмотреть.

Алий (*отводя руку с фотокарточкой в сторону*).

В мире нет человека добрее, чем она.

Бекир (*протянув руку*). Ну и заинтриговали вы меня! Дайте хоть одним глазком взглянуть.

Алий (*улыбнувшись, протягивает фото Бекиру*). Что ж, полюбуемся.

Бекир (*смотрит на фото*). Позвольте, позвольте... Это же ваша мама.

Алий. Ты прав...

Имя светлое твое
Не устану повторять я.
Отдых в нем, и забытье,
И от вражьих пуль заклятье.

С ним иду в любой поход,
В сердце спрятав честь по чести,
Так, что пуля не пробьет...
А пробьет, так с сердцем вместе.

Все (*аплодируют*). Здорово!..

Бекир. Товарищ командир, спойте песню горцев-партизан.

Все. Спойте, спойте!

Алий. Хорошо. Только чур меня поддержать...
(*Поет, другие подпевают.*)

Не на охоту в горы мы идем.
Ведем мы неубитым турам счет.
И бурки, вымокшие под дождем,
Мы сушим, возвратясь с других охот.

Скользя по тропам, по обрывам рек,
Подстерегаем мы врагов среди тьмы
И, подстреливши тура, как абрек,
Готовясь к бою, жарим мясо мы...

Бекир (*вздыхнув*). Какая песня!.. Товарищ командир, ее тоже вы сочинили?

Алий. Да нет! Таким талантом я не обладаю. Кайсын Кулиев сочинил...

Смирнов (*подняв голову от карты*). Товарищ страшный лейтенант!

Алий (*быстро подходит к нему и козыряет.*) Слушаю, товарищ майор!

Смирнов. Вольно!

Алий опускает руку.

В котором часу должен был вернуться наш связной?

Алий. В тринадцать ноль-ноль, товарищ майор...

Смирнов (*бросив взгляд на часы, озабоченно*). Мда-а! А сейчас четырнадцать ноль-ноль... Или погиб, или в плен попал.

Алий. Боюсь, что это так...

Смирнов (*Ванину и Алию*). А время не ждет... Потрепали мы фашистов крепко. Откатились они. (*Усмехаясь.*) Так сказать, передышку нам дали. (*Размышляя.*) Они, безусловно, собирают сейчас мощный кулак для решительного удара. Думаю, нам не следует ждать вражеской атаки, надо найти их уязвимое место.

В а н и н. Извините, товарищ майор, но одним нам не прорваться...

С м и р н о в. Верно! (Алию.) Эх, как мне нужно, чтобы хоть на минутку заработал телефон!

А л и й. Я вас понимаю, товарищ майор!..

С м и р н о в (задумчиво). Наверное, эти гады ползучие, снайперы, уничтожают наших связистов на линии... Отдам полцарства за минуту разговора по телефону...

А л и й. Пошлите еще связиста... Те не прошли, авось этот пройдет...

С м и р н о в. Авось, авось... А мне наверняка нужно! (Помолчав.) Построить рогу!

А л и й. (козырнув). Есть, товарищ майор! (Бойцам.) Рота, становись!

Все, вплоть до раненых, встают в строй.

Смирно! Товарищ майор, рота по вашему приказанию построена, разрешите встать в строй.

С м и р н о в. Разрешаю.

Алий становится в строй.

Здравствуйте, товарищи!

Все. Здравия желаем, товарищ майор!

С м и р н о в. Вольно! Товарищи, друзья! Наше положение таково: мы отбили шесть атак, и фашист крепко умылся своей поганой юшкой. Но он надеется нас или задушить, или в плен взять.

Солдаты недовольно шумят.

Б е к и р. Ого! В плен?! Да лучше пулю в лоб...

С м и р н о в. Врагу! Правильно! Пусть он схлопочет пулю, а под конец подавится вот чем (показывает фигу).

Бойцы хохочут.

Но... не скрою: если мы не наладим связь с нашими частями, нашему полку придется туго. Четыре связиста были посланы на линию и не вернулись... А телефон нам нужен вот так (проводит рукой по шее) — позарез, как воздух!.. Кто добровольно пойдет на это опасное задание? Два шага вперед.

Все в строю делают два шага вперед.

Нужен только один, товарищи, только один...

А л и й (торопливо сделав еще шаг, шутя). У меня

шаг побольше. *(Серьезно.)* Товарищ майор, разрешите мне!

Смирнов *(подумав)*. Разрешаю... *(Солдатам.)* Благодарю вас, товарищи!

Все. Служим Советскому Союзу!

Смирнов. Разойдись!

Алий *(повесив автомат на плечо)*. Товарищ майор, я готов! *(Достает из кармана партбилет.)*

Смирнов *(положив руки на плечи Алия)*. Ну, дорогой Алий! Безрассудство оставь здесь, а на смену ему пусть придет продуманность во всем... Мы ждем тебя! Удачи тебе... *(Обнимает Алия.)*

Алий. Товарищ майор, разрешите проститься с ребятами!

Смирнов. Давай, давай...

Алий *(подходит к группе солдат)*. Эгей, джигиты! Когда еще мне придется станцевать — и сам аллах не знает. Так доставайте гармонику, станцуем лезгинку!

Даша *(отрываясь от телефонного аппарата)*. О-о! А я-то занята!

Алий. Ничего! Эй, дружище Семен! Подежурь секундочку у этого великого немого! *(В сторону.)* Вот бы он сейчас заговорил! Да где там...

Семен подходит к телефону и прижимает трубку к уху.

Даша *(подходит к Алию, шепотом)*. Товарищ старший лейтенант, короче — «ли»?..

Алий. «Ли»?..

Даша. Встретимся *(подчеркнуто)* ли?..

Алий *(тоже шепотом)*. Да... *(Громче.)* Да! Да! Аллах не выдаст, сатана не съест!

Даша. Дай-то бог!.. Ух и спляшу я на твоей свадьбе в твоём родном краю!..

Алий *(мягко обнимая Дашу)*. На нашей с тобой свадьбе, Дашенька. *(Поворачиваясь к солдатам.)* Эгей, джигиты, хлопайте в ладоши! А ну-ка, нашу песенку!..

Все прихлопывают и поют танцевальную песню.

Дашенька! Время, время поджигает!.. В круг!.. Музыка! *(Танцует с Дашей лезгинку.)*

Даша. Я буду ждать...

Алий. До встречи, друзья!.. Буду я жив или нет... Все равно, когда-нибудь под мирным небом... *(Быстро уходит.)*

Смирнов *(глядя вслед Алию)*. Да, жизнелюб!..

Весельчак!.. В ратном деле — хладнокровен, но бывает и горяч, особенно в сложных ситуациях.

Ванин. А мне он порой кажется каким-то бешеным!..

Смирнов (*усмехнувшись*). Темперамент кавказский... Но и ты хорош!.. Алий горой стоит за каждого своего солдата, а ты иногда заводишь его. Так и до греха недолго. (*Пауза. Смотрит на часы.*) Пора бы нашим разведчикам вернуться...

Ванин (*шутливо*). На моих архиточных четырнадцать часов тридцать минут... (*Прислушивается.*) Позвольте, что это?

Часовой за кулисами: «Стой, кто идет? Сто-ой, говорю! Стой, стрелять буду!.. Кто такой? Пароль!» Слышно клацанье ружейного затвора.

Петров за кулисами: «Победа». Своих не узнаешь?! Пропусти-ка!»

Все (*радно*). Да это же наш разведчик! (*Встревожено.*) А остальные?

Входит Петров. Он в форме немецкого обер-лейтенанта, с немецким автоматом. Очень устал, прислонился к дереву.

Петров. Товарищ майор, разрешите доложить: дошли...

Смирнов (*обхватив его за плечи*). Садись, дорогой! Устал?.. (*Подносит фляжку к губам Петрова.*)

Петров (*садится напротив Смирнова и Ванина*). Приказ выполнен.

Смирнов. Молодцы! А где же подзастряли? Мы только что говорили о вас, а вы легки на помине!

Петров (*приподнимаясь*). Разрешите доложить?..

Смирнов. Сиди, сиди!

Петров. На обратном пути на окраине села наткнулись на фашистов, они гнали пленных. Решили ударить по ним, товарищ майор...

Смирнов. Мда! Наши потери?

Петров. Двое раненых, а фашистов с десятков отравили на тот свет, трое убежали, один взят в плен...

Ванин. В плен?.. Он мог сбежать по пути!..

Петров. Никак нет, товарищ капитан!

Ванин. А где наши пленные, которых вы освободили?..

Петров (*смущенно*). В суматохе подались в лес, — наверное, к партизанам... Кроме одного... Он здесь. Наставал, чтобы привели к нам... А это (*достаёт из карма-*

на пачку бумаг) документы пленного фашиста, товарищ майор...

Смирнов (*просматривая документы*). Так, так... Очень важно... А упустили фашистов — скверно... Они у себя поднимут хай... А нам это пока невыгодно...

Ванин. Да, явная оплошность. (*Петрову*.) Ну, так что он за человек, освобожденный ваш?

Петров (*пожимает плечами*). Красноармеец...

Ванин. В форме красноармейца, вы хотите сказать? (*Поясняя*.) По лесам сейчас много фашистов шастает в нашем обмундировании...

Смирнов. А ну-ка, лейтенант, сюда их обоих.

Петров. Слушаюсь! (*Кричит за кулисы*.) Таужанов! Приведи и нашего и гитлеровца!

Мухтар за кулисами: «Слушаюсь!» Затем Мухтар вводит двоих. Махмут в изорванной одежде, без обуви, без головного убора.

Ганс со связанными руками и повязкой на глазах.

Мухтар. По вашему приказанию доставлены оба!

Смирнов (*всматриваясь в Махмута*). Махму-ут!..

Махмут, резко шагнув назад, еле заметно отрицательно качает головой, дав понять Смирнову, что другим не надо знать об их коротком знакомстве. Смирнов, поняв его, смущенно кашляет.

Вот ведь какая морока!.. Ну точь-в-точь сын моего старого знакомого. Сходство непостижимое!..

Ванин (*пристально смотрит на Махмута*). А может, он все-таки и есть ваш знакомый?

Смирнов (*с нарочитой досадой*). Да нет!.. Необычайное сходство — и только... Лейтенант, отведите красноармейца на кухню. Да и вам с дороги не мешает... заправиться. С ним после поговорим. А с немцем сейчас потолкуем... Развяжите его и повязку снимите.

Петров. Есть! (*Развязывает руки Гансу и снимает с его глаз повязку. Махмуту и Мухтару*.) Пошли...

Все трое уходят.

Ванин (*вслед*). Смотреть в оба!

Смирнов (*протянув Ванину документы Ганса*). Алексей Иванович, допросите пленного. Сейчас вызову переводчика...

Ганс. Не надо, герр майор. Это мой второй плен, а первый — в ту мировую. В итоге... как это... под-натаскался по-русски.

Ванин. Добро! Сразу, ефрейтор Ганс, будете отвечать или?..

Ганс *(кивает)*. Буду...

Ванин. Итак, куда вы перегоняли советских всепопленных?

Ганс. В новый лагерь.

Ванин. Причина?

Ганс. Приказ командира эсэсовского отряда майора Зонненбурга: всех кавказцев перегнать в этот лагерь...

Ванин. Для чего?

Ганс. Чтобы создать мусульманский легион.

Ванин. А если пленные не согласятся?

Ганс. Фашисты поступят с ними как надо... Но... как это? Пока терпят до поры до времени...

Ванин. Пока?..

Ганс. Агитируют... Обещают: кто вступит в ряды вермахта, тот попадет из ада в рай...

Смирнов. Вам известны имена агитаторов?

Ганс. Главный — полковник царской армии Таумырза... А вокруг него еще шестеро отщепенцев. Как их зовут — не знаю... Бранят Советскую власть — она отняла у них богатства.

Ванин. Та-ак... Значит, Таумырза жив!

Смирнов. Навоз всегда выплывает, если бросить его в реку... А остальные — наверняка кулацкие отпрыски. От ячменя пшеница не родится.

Ванин. Да, из бурьяна вырастает только бурьян...

Ганс *(жадно смотрит, как прикуривает Ванин)*. Герр гауптман, извините... Не будете ли вы столь милосердны...

Ванин. А-а... *(Протягивает Гансу пачку папирос.)* Закуривайте.

Ганс. Данке!.. Спасибо!.. *(Жадно курит.)*

Ванин. А Таумырза в лагере живет со своей свитой ил...

Ганс. Приезжает из города... В форме эсэс...

Ванин. А как пленные реагируют на предложения Таумырзы?

Ганс. Пленных выстраивают на солнцепеке и подолгу держат без воды и пищи... А перед ними под тентистым навесом вода и груды белого хлеба. Смысл ясен: вступайте в ряды вермахта — и к вашим услугам белый хлеб и масло. Некоторые не выдерживали... Ну, человека два-три.

Ванин. А эсэсовцы что?..

Ганс. Недавно Таумырза вызвал из строя одного пленного и говорит ему: «А ведь мы из одного аула, пили воду из одного родника... Не обращай внимания на упрямцев и малOVERов. Верь только мне...» Пленный ответил: «Да! Верю, что ты предатель!» И плюнул в лицо Таумырзе.

Ванин. Смелчак! А потом что?..

Ганс. Натравили на него эсэсовских псов, а затем комендант лагеря приказал повесить горца... Но пленные, повторяю, держатся стойко.

Смирнов. В издевательствах над советскими людьми вы лично принимали участие?

Ганс. Найд! Нет! Я был только писарем комендатуры...

Ванин. Но согласитесь: конвоировать пленных — не писарская работа.

Ганс. Мне приказали привезти списки пленных. Так я и оказался среди конвоиров...

Смирнов. Списки?.. Живых и умерших?..

Ганс. Так точно! Вся эта регистрация была возложена на меня.

Смирнов (*смотрит на фотокарточку, найденную среди документов Ганса*). Это ваши дети на карточке?

Ганс. Да, трое... (*Умоляюще смотрит на Смирнова.*)

Смирнов. Возьмите... (*Протягивает фотокарточку Гансу, тот благодарно кивает и прячет ее в карман.*) Отец таких симпатичных детей — и спокойно смотрит на муки тех, у которых тоже дети...

Ганс. Спокойно?! О, я зажал сердце в тиски... Но оно все равно приходило в волнение, когда я слышал призывы Адольфа: «Уничтожь в себе нервы и жалость! Убивай всякого русского!» И этот палец (*поднимает вверх указательный палец*) никогда не нажимал на гашетку...

Ванин. Вот как?.. Что ни говори, а советскую землю топтала ваша армия...

Ганс. Да, я был вынужден присягнуть ему, а то бы мне и другим... (*Проводит пальцем по шее.*) Я верю в крах гитлеровского рейха, как верят в это немецкие патриоты-подпольщики... А их немало... Я верю не в нацистскую Германию, а в завтрашнюю счастливую Германию!

Смирнов. Да? А почему?

Ганс. Потому что жестокость никогда не побежда-

ла доброту, правду, разум... И многие из немцев размышляют так же.

Ванин. Кто же?

Ганс. Сторонники Тельмана...

Смирнов. Та-ак... *(Ванину.)* Алексей Иванович! Пленного накормить и подробно побеседовать с ним. А того красноармейца — ко мне.

Ванин *(козырнув)*. Слушаюсь! *(Гансу.)* Пошли!

Ванин и Ганс уходят.

Смирнов. Та-ак!.. Значит, мусульманский легион? Таумырза — старый опытный враг...

Мухтар вводит Махмута.

Мухтар. Товарищ майор, по вашему приказанию...

Смирнов. Хорошо, можете идти...

Мухтар. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Смирнов *(обняв Махмута)*. Ай-яй-яй! За какие же грехи тебя понизили в чине — от майора до рядового?

Махмут *(уклончиво)*. Война — не мать родна... На ней всякое бывает... *(Усмехается.)*

Смирнов *(трясет Махмута за плечи)*. Эй, Махмут, не крути! Командование тебя оставило в тылу — и вдруг ты здесь, как?

Махмут. А так!

Смирнов. Ты сдался?!

Махмут. Твои ребята, сами того не ведая, разрушили удачно начатое дело.

Смирнов. Не можешь ли пояснее...

Махмут. В звании красноармейца я должен был попасть в плен. Есть сведения, что фашисты мечтают о создании мусульманского легиона...

Смирнов. Да, задумки у них с дальним прицелом. Надо сказать, мы об этом узнали и кумекали, как сообщить командованию.

Махмут. По какому же каналу вы...

Смирнов *(перебивая)*. Фашиста в плен взяли... Кажется, все не мутная водичка.

Махмут. Похоже... Ну, а теперь, дорогой Антон Ильич, мне необходимо снова попасть в плен, в лагерь, где фашисты особенно рьяно вербуют в этот легион...

Смирнов *(мрачно)*. Мда, а если провалишься?..

Махмут. Почему?

Смирнов. Там свил гнездо твой старый знакомый, полковник Таумырза...

Махмут. Таумырза?..

Смирнов. Отруби ядовитой змее хвост, но оставь целой голову, и она все равно будет брызгать ядом... Узнал я, что он один из тех главарей, которые заманивают пленных в этот мусульманский легион.

Махмут. Ах, Таумырза, Таумырза!.. Не поставили его в гражданскую к стенке, и вот... Чересчур добренькими мы были...

Смирнов. Не вырвали сорняк с корнем, и он снова пошел в рост... Короче, он тебя знает...

Махмут. Дорогой Антон Ильич! Не бойся! Я так преобразуюсь...

Смирнов (*перебивая*). погоди, погоди... Торопливая речка может не добежать до моря... А тут... Семь раз отмерь — один отрежь... (*За кулисы.*) Мухтар!

Входит Мухтар.

Мухтар. Слушаю, товарищ майор!

Смирнов. Капитана Ванина сюда!

Мухтар. Есть! (*Выходит.*)

Махмут. Ва-пин?.. Чертовски знакомая фамилия!.. Алексей Иванович?

Смирнов. Точно. Вы знакомы. Однако он ведь не узнал тебя. Впрочем, и ты его...

Махмут (*усмехнувшись*). Ну, если уж Ванин не узнал меня, то куда Таумырзе!..

Входит Ванин и пристально всматривается в Махмута.

Смирнов (*полушутя*). Товарищ капитан, изволь приветствовать майора.

Ванин. Махмут?! (*Обнимает Махмута.*) Ты откуда? Что с тобой? В таком виде!..

Смирнов. Для него чем хуже, тем лучше... Пленный сказал что-нибудь новое?

Ванин. Нет. Просится в наш полк.

Смирнов. Интересно...

Ванин. Говорит: пошлите меня на самую опасную позицию, и я в бою докажу свое отношение к фашизму...

Смирнов. Любопытно...

Махмут. На вашем месте я бы ему не отказал.

Смирнов. А почему ты думаешь, что откажем? (*Ванину.*) Ладно, решим с ним попозже... Алексей Иванович! Намерение гитлеровцев о создании мусульманского легиона известно командованию. И то, что Махмут оказался в плену, — не случайно.

Ванин. Ясно!

Смирнов. Махмут должен снова и как можно быстрее попасть в плен и проникнуть в лагерь для военнопленных.

Ванин. Мда-а!.. Уж лучше бы я... *(Махнув рукой.)* Ну да начальству виднее... *(Махмуту.)* А ты слышал, что там Таумырза?

Махмут. Да...

Ванин. Узнает...

Махмут. Ты-то и то меня вначале не узнал...

Ванин. Так то лишь вначале... А Таумырза, сам знаешь, хитрющая лиса...

Махмут. А я стану его хвостом... Пусть ловит!

Смирнов. Постой, Махмут! Одна мысль... Немцы вот-вот пойдут в атаку. С двумя бойцами будешь в нужный момент прикрывать нас... И тогда...

Ванин *(поняв замысел Смирнова)*. Верно! Очень правильно! Тебе, Махмут, выгоднее попасть в плен в открытом бою.

Махмут. Согласен. Только не слишком ли долго придется ждать атаки?

Смирнов *(улыбаясь)*. Мы для них словно гнойный аппендицит. Будут спешить.

Махмут. Товарищ майор! А есть у вас шансы вырваться из окружения?

Смирнов *(пожав плечами)*. Шансы?.. У нас уцелело около ста бойцов...

Ванин. Из них треть — раненые...

Махмут. Немцы распускают слух, что две роты нашего полка перешли к ним...

Смирнов. Гитлеровская «утка». Одна из этих рот отбила шесть вражеских атак, уничтожив пять танков, и погибла в неравном бою. Другая попала в засаду, билась до последнего человека и до последнего патрона...

Ванин. Ни один не дался живым...

Смирнов. Бойцы сражаются как герои. Недаром мы сковали силы трех вражеских полков...

Ванин. Даже раненые до последнего вздоха не покидают поля боя...

Махмут. И все же без помощи вам вряд ли удастся вырваться из окружения...

Смирнов. Мы тоже так думаем, да вот связь... Алия нет и нет. Неужели и он... погиб...

С вражеской стороны слышатся звуки пулеметной очереди.

(Махмуту.) О! Не заставили себя долго ждать... (Бойцам.) Товарищи бойцы! Приготовиться к отражению вражеской атаки!..

Звонит телефон.

Все. Молодец Алий! Не подкачал!

Даша (торопливо в трубку). Алло! «Березка»!.. «Березка»! Я — «Дуб»... Я — «Дуб»...

Смирнов (выхватывает трубку у нее из рук). Алло! «Березка»!.. Я — «Дуб»! Срочно комполка! Алло! Вася?.. Да, это я... Вроде живой!.. Вася, фашисты жмут со всех сторон!.. Сыпани-ка им в спину горячих угольков! Иначе нам не прорваться... Только быстрее! Слышишь?.. Алло!.. Алло!.. (Бросает трубку.) Опять замолчал!..

Даша (поднимает трубку, сквозь слезы). Алло! «Березка»!.. Я — «Дуб»... Да нет... Где уж... Убит Алий...

Смирнов (Ванину). Товарищ капитан, третью роту в контратаку!

Ванин (kozyрнув). Есть! Разрешите исполнять?

Смирнов (Ванину). Подожди! Распорядись, чтоб раненых из санбата укрыли в надежном месте.

Ванин. Ясно! Разрешите идти?

Смирнов. Минуточку...

Азнор и Бекир вносят на носилках, приспособленных из винтовок, тяжело раненного Алия. Ставят носилки на землю.

Бекир (kozyряя). Товарищ майор, разрешите...

Смирнов (перебивая, взволнованно). Жив?!

Бекир. Так точно! Только без памяти он... Обе руки ему разнесло...

Даша перевязывает Алия.

А наткнулись на него случайно, проводя разведку...

Ванин. Как он сумел изувеченными руками восстановить связь?

Бекир. А он провод соединял зубами.

Смирнов. Как?!

Бекир. Очевидно, когда возился с разрывом провода, его ранило, и он прикусил концы провода...

Смирнов (Азнору и Бекиру). Отнесите его.

Даша (kozyрнув). Товарищ майор, разрешите сопровождать старшего лейтенанта?!

Смирнов. Разрешаю... Передайте, что Алий должен жить, должен. (Бекиру.) А вы, товарищ старший сержант, с бойцом Езеновым из лазарета сразу ко мне.

Бекир (*kozyрнув*). Есть!
Смирнов. Идите!

Даша и бойцы уходят, унося Аля.

И эту страну, где такие люди, фюрер мечтал поработить... (*Показывает в сторону врага фигу.*) На-кася! Выкуси! Жди, пока ишак вспорхнет на дерево...

Ванин. И тогда не видеть им победы!

Махмут. Как волос на ладони...

Смирнов (*Ванину*). Товарищ капитан! Значит, вы со своей группой слева, а я с остальными бойцами — в лоб, неожиданно ударим по наступающим немцам...

Ванин. Ясно!

Смирнов. А Василий поможет. Ударит фашистам в спину... (*Сцепив пальцы рук.*) Дадим им бой.

Ванин. Понятно. Разрешите идти?

Смирнов. Да.

Ванин (*kozyрнув*). Есть! (*Быстро уходит.*)

Смирнов (*озабоченно*). Как бы Василий не опоздал!..

Все ближе шум немецкой атаки и звуки фашистского бравурного марша. Входят Бекир и Азнор.

Бекир (*kozyряя*). Явились по вашему приказанию...

Смирнов. Хорошо! Слушайте приказ, товарищ старший сержант! Вы с пулеметчиком Эзновым и автоматчиком Тумановым (*кивает на Махмута*) остаетесь здесь. В случае чего — прикроете нас. Ясно?

Раздается мощный артиллерийский гул, перекрывающий звуки фашистского марша.

Бекир (*kozyряя*). Так точно, товарищ майор!..

Все (*радостно*). Наши!.. Наши идут! Ур-ра!..

Смирнов. Товарищи! Друзья! За мной! Вперед!

Все. Ур-ра!.. (*Во главе со Смирновым бегут в сторону врага.*)

Остаются Бекир, Махмут, Азнор.

Бекир (*Азнору*). Ну-ка, быстро с пулеметом вон за тот пригорок!..

Азнор. Есть! (*Устанавливает пулемет и ложится за ним в указанном месте.*)

Бекир (*громко*). Боец Туманов! Занять позицию вон за тем камнем!

Махмут. Есть! (*Заряжая автомат, ложится за большим камнем.*)

Бекир (*из-за укрытия следит за полем боя*). О, дьявол! Кое-где просочились в нашу сторону!.. Эзенов! Огонь! (*Махмуту.*) А ты с автоматом подпускай их поближе! Огонь!

Все стреляют.

Ага!.. Попятились!.. (*Приподнимается и падает.*)

Махмут (*бросаясь к нему*). Бекир!.. Бекир!.. Без сознания... (*Перевязывает рану Бекира.*)

Азнор (*оглянувшись на Бекира*). Пробил мой час, настал момент.

Махмут (*Азнору*). Ты почему не стреляешь? Давай, друг,— фашисты вон, слева...

Азнор. Вот и хорошо! А ты для меня все равно что вот это. (*Плюет.*)

Махмут. Спятил?! Стреляй, чтоб тебе пусто было!..

Азнор. Попробуй одной трещоткой задержать лавину!

Махмут. Стреляй! Мы должны задержать врага...

Азнор. Оставили нас на погибель... А я не хочу...

Махмут (*оттолкнув Азнора, ложится за пулемет*). Трус! (*Стреляет.*)

Азнор (*пытаясь оттолкнуть Махмута*). Подожди, упрямый ишак!.. Фашист нас не тронет, если мы... Понимаешь?..

Махмут вскакивает. В схватке хватают друг друга за горло.

Махмут. Понимаю! Ты не только трус, но и предатель! (*Швыряет от себя Азнора.*)

Азнор. Подумай!.. (*Достает из-за пазухи листовки.*)
Смотри, как нарочно, два немецких пропуска в плен, ну?..

Махмут (*испытующе*). Два, говоришь? А ему?.. (*Показывает на Бекира.*)

Азнор (*машет рукой*). Э-э!.. Ему крышка... Немцы тяжелораненых сразу добивают... И его... (*кивая на Бекира, щелкает пальцами*) и все...

Махмут (*Азнору*). Мерзавец!..

Азнор. А ты полегче!.. Вот (*достает из-за пазухи белый лоскут*) нацеплю на штык, и немец пальцем не тронет. А я ему пригожусь!

Махмут. Вот как? Нет, голубчик, в плен ты не по-
надешь... Я тебя своей рукой!.. (*Нагибается за автоматом,
лежащим на камне.*)

Азнор сзади бьет Махмута прикладом по голове. Махмут падает.

Азнор (*злорадно*). Схлопотал?! Смерди, а я...

Недалеко раздается немецкая речь.

(*Выпрямляется во весь рост и размахивает над головой
белым лоскутом.*) Не стреляйте! Россия — зер шлехт,
Германия — зер гут!..

Гомон на немецком языке за сценой: «О рус, хенде хох! Битте! Ком-
мен зи хир!»

Издали и все ближе доносится песня горцев-фронтовиков.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Фашистский лагерь для военнопленных. Высокая стена с колючей
провоолокой. Решетчатые ворота, над ними надпись: «Лагерь для во-
еннопленных». Видны бараки для военнопленных. Слева от ворот —
комендатура, справа — караульное помещение.

В кабинете коменданта — стол, стулья, сейф. На стене автоматы и
резиновая плеть.

При открытии занавеса Вальтер пыхтит над большим чемоданом,
тщетно пытаясь закрыть его — так он сильно набит. Резко открывает-
ся дверь, и от сильного толчка Азнор влетает в кабинет, чуть не
наткнувшись на Вальтера. Вальтер испуганно прикрывается чемоданом.
Чемодан с треском открывается, и по комнате разлетаются меха,
связки чулок, часы и прочие «трофеи».

Входит Дитрих.

Дитрих (*хохоча*). Отбой!.. Хайль Гитлер!

Вальтер. Тьфу!

Дитрих (*Азнору*). Встань в угол!

Избитый, в изорванной одежде, Азнор, сгорбившись, становится в
угол и застывает.

Вальтер (*собирая и запихивая в чемодан добро*).
Что за глупая штука!..

Дитрих (*с едва скрытой иронией*). Ну, ну!.. Все

мы знаем тебя как одного из самых смелых офицеров вермахта!

Вальтер (*смущенно*). Вообще-то... порой готов стрелять в собственную тень.

Дитрих (*серьезно*). Мда-а! К сожалению, это так... А почему не видно твоего шефа?

Вальтер (*придавливая коленом крышку чемодана*). Поехал на площадь вешать беглых из лагеря... Скоро явится. (*Возится с чемоданом.*)

Дитрих наблюдает за его действиями.

(*Поймав его взгляд.*) Еду в отпуск. Не считая дороги, чистых четверо суток!

Дитрих. Счастливец! В наше-то время... За какой же небывалый подвиг?

Вальтер. Умей хорошо стрелять — вот и все!

Дитрих. Гм...

Вальтер. Пуля в сердце врага рейха — и трехдневный отпуск тебе обеспечен...

Дитрих. Позволь, позволь... А откуда у тебя лишний день — четвертый?

Вальтер (*самодовольно*). Сбсжал из лагеря летчик-ас Кайданов. Много крови попортил он нашим летчикам, нагнал на них страху... Организовали погоню. В результате — лишний день отпуска.

Дитрих (*хохочет*). Ха-ха-ха! Bravo!.. Еще один день сможешь обнимать, целовать свою фрау Эльзу...

Вальтер (*кивнув в сторону бараков*). Побить вдали от этого вонючего ада — побить в раю.

Дитрих. Э-э, так тебе служба опротивела? Воныет, говоришь? Конечно, по тебе, лучше бы гулять в парке под руку с красивыми фрау. Так?

Вальтер (*огрызается*). Ну и что?! Сам-то от этого отказался бы?

Дитрих (*напыщенно*). Нам надо построить новый порядок и очистить землю от подобной нечисти! (*Показывает на Азнора.*)

Вальтер. Так-то оно так... Но (*поеживаясь*) находиться здесь...

Дитрих. Э-э, благодари бога, что не угодил на Восточный фронт.

Вальтер. Да... Слава богу! (*Переводя разговор, кивает на Азнора.*) Ну, а этот? В подарок, что ли?

Дитрих (*смеется*). Попробуйте вспомнить, когда бы я являлся без такого «подарочка»... (*Кивает на Аз-*

нора.) Который раз хочет обвести нас вокруг пальца... Послушать его — так он чуть ли не двоюродный брат фюрера...

Вальтер. Вот как! (Азнору.) Ты! Чего уставился?

Азнор отворачивается к стене.

Дитрих. Был соблазн шлепнуть его по дороге сюда... Приказ есть приказ... Доставил, а остальное — дело ваше... Хайль Гитлер! (Уходит.)

Вальтер. Хайль! (Азнору.) Повернуться!

Азнор поворачивается. Вальтер дважды ударяет его плетью.

Правду! Только правду! Ну?!..

Входят Хорн и Дитрих, с ними Махмут.

Вальтер. Хайль Гитлер!

Дитрих и Хорн. Хайль Гитлер!

Хорн (Дитриху). Господин унтерштурмфюрер! Вальтер едет в отпуск, на его место на это время назначаю вас. Поэтому и вернул сюда...

Дитрих (вытянувшись). Слушаюсь, господин штурмфюрер!

Хорн (Вальтеру). Ну, что говорит пленный?

Вальтер. Всякую ерунду вновь несет, господин штурмфюрер...

Махмут (подавшись к Азнору). Аз-нор?!

Азнор (отшатнувшись от Махмута). Кое-что я теперь выложу о тебе и прочих...

Махмут (понимающе). А-а-а!..

Хорн (ткнув хлыстом в грудь Азнора, Махмуту). Кто же он?..

Махмут. Советский разведчик!..

Азнор (растерянно). О великий аллах! Свою змеиную шкуру хочет на меня напялить... (Махмуту.) О, чтоб гром разразил и тебя, и весь твой род! Разве не тебя я прикладом отправил тогда на тот свет? (Эсэсовцам.) Господа! Не верьте ему! Я же говорил — я сын горского князя!..

Махмут. Заврался! Говоришь, угробил меня? Ан вот он я, жив!

Хорн (Азнору). Что скажешь?

Азнор (задрожав). Брехня!.. Меня, как сына князя, большевики притесняли, ненавидели... (Эсэсовцам.) Когда ваши пошли в атаку, трое нас было. Я, он (ука-

зывая на Махмута) и еще старший сержант Таужанов... В удобный момент я с ними покончил и сдался вам...

Махмут. Опять врешь! Таужанов жив и находится в этом лагере который месяц.

Вальтер (*Азнору*). Почему лжешь?

Азнор (*эсэсовцам*). Господа, у меня с большевиками личные счеты! Чтобы посчитаться с ними, готов в огонь и в воду!..

Эсэсовцы переглядываются.

Хорн. А чем ты докажешь свою правоту?

Азнор. К сожалению, соответствующие документы комиссары у меня отобрали.

Махмут (*эсэсовцам*). Опять соврал!.. Большевики не могли осудить его за то, что он сын князя...

Азнор (*перебивая Махмута*). В гражданскую войну белогвардейский полковник Гордеев приказал мне пробраться к красным и убить красного комиссара...

Хорн. Ты застрелил комиссара?

Азнор. Нет. Винтовка дала осечку...

Дитрих (*удивленно*). Да ну?

Махмут. Заврался. А правда такова, что в гражданскую он не был разведчиком у белых... Это после гражданской он стал разведчиком у красных...

Азнор. Нет! Нет! (*Совсем размяк.*) Спросите у пленных...

Махмут (*эсэсовцам*). Нельзя связывать его с пленными. Он, я уверен, заслан для ведения среди них подпольной работы.

Хорн (*Азнору, зло*). Так?!

Азнор молчит.

Я спрашиваю, так или нет?!

Азнор (*в смятении*). Я сдавался, чтобы вместе с вами уничтожить большевиков...

Хорн (*Дитриху*). Господни унтерштурмфюрер, еще разок вправьте ему мозги.

Дитрих (*kozyрнув*). Слушаюсь, господни штурмфюрер! (*Бьет Азнора по спине плетью.*) Правду! Признавайся, скотина!..

Азнор. Аллах свидетель! Мне не верите — спросите у пленных. Среди них найдутся такие, кто меня знает...

Дитрих. У нас нет времени разыскивать твоих знакомых... Говори, какое задание ты получил от командования?!

Азнор молчит.

Махмут (*Хорну*). Господин штурмфюрер! Это опытный разведчик, он много знает... Надо заставить его раскрыть свои карты...

Хорн (*хвастиливо*). Заставим! Не таких обламывали!.. (*Азнору*.) Итак! Будем, наконец, говорить святую правду?

Азнор. Пока не уточните, кто я, ни чему не поверите... Отправьте меня к пленным!

Вальтер. Что-то ты рвешься встретиться с ними... В чем дело?

Махмут. А в том, что ему хочется организовать в лагере подпольную организацию, развалить создание мусульманских легионов, развалить дело, которое после трагической гибели Таумырзы вы доверили мне.

Хорн (*Вальтеру и Дитриху шепотом*). Уверен, это тот советский разведчик, за которым мы охотились... (*Махмуту*.) Господин Туманов, извините за все... Но... что ни говори, а служба есть служба...

Махмут. Так точно! Готов вытерпеть любые невзгоды ради нашей победы!

Хорн. Молодец, обер-лейтенант!

Махмут (*удивленно*). Это вы мне?..

Хорн. Да. За вашу верность вермахту и за оказание помощи в создании мусульманского легиона есть приказ о присвоении вам звания обер-лейтенанта. Поздравляю!

Махмут (*вытянувшись*). Благодарю, господин штурмфюрер!

Азнор (*Махмуту*). О-о! Предатель!.. Хочешь удержать два арбуза на одной ладони! Ну, попадись ты в руки большевиков...

Хорн (*Азнору*). О, ишь как заговорил!

Азнор (*кивая на Махмута*). Вы верите ему, мне — нет...

Хорн (*разъяренно бьет Азнора по лицу*). Мы знаем, кто он!.. Но не знаем, кто ты! Имя, звание, кем послан? Говори!

Азнор. Поверил вашим лживым листовкам и явился сам... на свою погибель...

Хорн (*Вальтеру, указывая на Азнора*). Господин унтерштурмфюрер, подогрейте его!

Вальтер. Яволь! (*Достает из ниши факел, зажигает и подносит его близко к лицу Азнора*.) Говори, кто ты, кто тебя послал? Или...

Азнор (*упавшим голосом*). Вот и все... Погибаю!

Хорн (*яростно стучит кулаком по столу*). Черт побери! Откуда этот фанатизм? (*Вальтеру*.) Господин Вальтер! (*Показывает на Азнора*.) Этот «товарищ» жаждет глотнуть порцию свинца. Проводим вас в отпуск, в Берлин, а его (*мрачно усмехаясь*) — на тот свет. (*Повернувшись к Махмуту*.) Господин обер-лейтенант, до моего возвращения приведите себя в надлежащий вид. Хочу представить вас штандартенфюреру.

Махмут. Слушаюсь!

Дитрих (*Хорну*). Господин штурmfюрер, разрешите и мне с вами?

Хорн. Разрешаю. Пошли. Хайль Гитлер!

Все (*кроме Азнора*). Хайль Гитлер!

Все уходят, кроме Махмута.

Махмут. Смерть одного предателя за жизнь сотен спасенных патриотов... Неплохая цена... (*Пауза*.) Аминь, отщепенец Азнор!

Слышна автоматная очередь. Махмут выглядывает в окно.

Ого! Они шлепнули его прямо здесь. Так! А это что за верзила торчит? А-а-а... Все-таки приставили ко мне «почетную» охрану! (*Усмехается*.) Ну, ладно... (*Задумчиво*.) Итак, господин штандартенфюрер, впереди встреча с вами... Только бы кто-нибудь из наших не шлепнул меня преждевременно... Итак, терпение...

Входит Берта в эсэсовской форме.

Берта. Хайль Гитлер!

Махмут (*повернувшись*). Хайль Гитлер!

Берта (*удивленно*). О-о! (*Шутливо козырнув*.) Господин обер-лейтенант. Поздравляю! Вы одни?

Махмут. Да, если не считать охранника.

Берта. А где же штурmfюрер?

Махмут. Провожает Вальтера в отпуск, скоро вернется... Фрау Берта, пока мы с вами тет-а-тет...

Берта (*кокетливо перебивая*). Да, да, мы с вами наедине...

Махмут (*строго*). Я хотел бы вас спросить...

Берта. Спросить? Спрашивайте...

Махмут. Фрау Берта, у меня к вам одна деликатная просьба...

Берта (*заинтересованно*). О! К вашим услугам...

Махмут. В четвертом женском блоке находится

моя землячка. Не могли бы вы перевести ее санитаркой в вашу лабораторию?

Берта. Трудно... Весьма... Но... Ее номер?

Махмут. Восемьсот шестьдесят пять.

Берта. А фамилия?

Махмут. Серегина Даша.

Берта. Хорошо... Чего захочу я, того захочет бог! Постараюсь...

Махмут. Благодарю, фрау Берта! (*Шутливо.*) А другая, более весомая благодарность — за мной...

Берта (*спохватившись, подозрительно*). Уж не пассия ли она ваша? Оригинально: у офицера... дама из блока.

Махмут. Нет. Повторяю: она моя землячка и...

Берта. Вот как! Читайте ее переведенной... (*Насмешливо.*) Можете пойти к ней на свидание... Похоже, вы уже собрались. Вид у вас хоть куда!

Махмут. У меня свидание — это точно, но... с начальством. Штурмфюрер меня подвезет к нему.

Берта (*смеется*). Э-э!.. Знаю я эти выезды к начальству! Штурмфюрер знает в городе всех красоток. Вы с ними не соскучитесь...

Махмут. А что, есть красивее вас?..

Берта (*вздыхая*). Есть...

Махмут. Даю слово, в этом мире вы единственная.

Берта (*кокетливо*). Господин обер-лейтенант... Ради бога, скажите, неужели в самом деле я вам кажусь такой?

Махмут. Безусловно!

Берта. Шутите?

Махмут. Нет, от души...

Берта (*целует Махмута*). И я от души!..

Махмут. Ну, знаете!.. У вас в Германии все женщины такие?

Берта. Какие?

Махмут. Страстные...

Берта. Я единственная. (*Нарочито обиженно.*) Вы же сами говорили... (*Вздохнув.*) Нет, легче достать жемчуг со дна морского, чем понять мужчину...

Махмут (*смеется*). А мы, мужчины, считаем, что легче подняться на Луну и спуститься обратно, чем понять вас, женщин...

Входит Дитрих.

Дитрих. Хайль Гитлер!

Махмут и Берта. Хайль!..

Дитрих. О-о!.. Фрау Берта!.. И вы здесь, прелесть моя!..

Берта отворачивается, Дитрих обнимает и целует ее.

Берта (*вырывается*). Оставьте!.. Не прикасайтесь ко мне!..

Входит Хорн.

Хорн (*навеселе*). Хайль Гитлер!

Все. Хайль Гитлер!

Хорн. Что за вопли?

Дитрих. Это фрау Берта пела, господин штурмфюрер!

Хорн. Сюрприз! Фрау Берта, оказывается, веселая певунья?

Берта (*кокетливо*). А к чему мне грустить, господин штурмфюрер?

Хорн. Правильно! Дитрих, музыку давай! Давай музыку!..

Дитрих. Есть! (*Ставит пластинку.*)

Хорн подходит к Берте и щелкает каблуками.

Хорн. Фрау Берта, разрешите?

Берта. С вами — охотно.

Хорн и Берта танцуют. После нескольких туров Хорн подводит Берту к столу.

Хорн. Благодарю. (*Носовым платком вытирает вспотевшее лицо.*) Уф-ф...

Дитрих (*подходит к Берте*). Разрешите, господин штурмфюрер?

Хорн. Танцуйте, танцуйте...

Дитрих привлекает к себе Берту и танцует с ней, наступая ей на ноги.

Берта. Ой!.. (*Остановилась, отдернув ногу.*) Извините, но я... я больше не могу... (*Подходит к Махмуту.*) Разрешите, господин обер-лейтенант?

Махмут. С удовольствием...

Они красиво танцуют.

Дитрих (*озлобленно*). Меня, арийца, предпочли какому-то дикарю!.. (*Подбрасывает на ладони пистолет.*) Что ж, могу сделать этот танец последним в его жизни!..

Махмут (*услышав его слова, остановился*). Благодарите бога, что здесь с нами господин штурмфюрер!

Хорн (*повелительно*). Господин унтерштурмфюрер! Пистолет на место!..

Дитрих (*опомнившись*). Слушаюсь, господин штурмфюрер! (*Прячет пистолет в кобуру.*)

Хорн. Немедленно извинитесь перед обер-лейтенантом!

Дитрих (*Махмуту мрачно*). Прошу прощения, господин обер-лейтенант, я был не прав и.. (*Разводит руками.*)

Махмут. Хорошо! Будем считать, что мы квиты, хотя...

Хорн. Господа, хватит! Через несколько минут к нам на инспекторский смотр придет полковник Гоппе.

Берта. Господин штурмфюрер, разрешите обратиться?

Хорн. Разрешаю.

Берта. Господин штурмфюрер, разрешите из четвертого женского блока перевести номер шестьдесят пятый ко мне в лабораторию.

Хорн. Почему именно этот номер?

Берта. Довольно редкий случай... Четырежды подвергалась опытам, а результат нулевой... Хочу еще кое-что испытать... во имя науки, разумеется.

Хорн. Ха-ха-ха!.. Значит, во имя науки? Ну что ж, ради нее и вас не могу отказать.

Берта. Благодарю, господин штурмфюрер! Разрешите идти?

Хорн. Э-э, нет! Ваши прелестные глазки могут смягчить сердце даже полковника Гоппе и соответственно поднять его настроение... Оставайтесь, оставайтесь!

Берта. Слушаюсь!

Хорн. Дитрих! Быстренько шампанское и прочее!..

Дитрих. Слушаюсь, господин штурмфюрер!.. (*Выскакивает за дверь и через несколько минут возвращается с бутылками и закуской.*)

Хорн (*хлопает в ладоши*). Bravo, Дитрих!..

Берта накрывает стол.

Господа, близок час, когда заговорит повое секретное оружие фюрера! Колесо войны круто повернется, и немецкая раса впишет в свою историю еще одну блестя-

щую страницу! И тогда не только русские, но и весь мир будет у наших ног! Хайль Гитлер!

Все. Хайль Гитлер!

Хорн. Итак, я жду сообщения из штаба. (*Кладет руку на телефонный аппарат.*) Дитрих, приготовить бокалы!

Дитрих. Слушаюсь! (*Протирает бокалы, открывает вино и разливает.*)

В это время звонит телефон. Все замирают.

Махмут (*в сторону, сквозь зубы*). Черт побери! Неужели?

Хорн (*торжествующе*). Ага! (*Берет трубку.*) Штурмфюрер Хорн! (*Пауза.*) Что-о?! Убит?.. Когда?.. Кем?.. Да не занкайтесь, говорите внятно! Так... И Мюллера, и Штрабе... Шульца тоже? Так... Убийца был один?.. Схватчен?.. Немедленно ко мне! Да! Да! Жду! (*Швыряет трубку. Вынимает платок и вытирает лоб, тяжело садится.*) Господа! Только что убиты полковник Гоппе и сопровождавшие его офицеры...

Дитрих. Где это случилось?

Хорн (*мрачно*). По дороге сюда... В полковника всадили четыре пули. Каково? Допрос проведу здесь... А финал известен — виселица!

Дитрих (*усмехнувшись*). Логично!

Хорн (*в ярости стучит кулаком по столу. Один из бокалов падает и разбивается*). Дитрих! Займитесь-ка лучше своим делом и уберите все это. Господа! Почтим память героев.

Все встают, снимают головные уборы, некоторое время молчат.

Дитрих! Распорядитесь: пусть комендантский взвод сгоняет пленных на площадь... Ясно?

Дитрих (*kozyрнув*). Так точно, господин штурмфюрер! (*Уходит.*)

Махмут (*Хорну*). Господин штурмфюрер, разрешите обратиться к фрау Берте?

Хорн (*махнув рукой*). Обращайтесь...

Махмут. Фрау Берта, пришлите ко мне номер во семьсот шестьдесят пятый.

Берта (*kozyрнув*). Слушаюсь, господин обер-лейтенант! (*Хорну.*) Разрешите идти?

Хорн. Идите...

Берта. Хайль Гитлер! (*Уходит.*)

Махмут и Хорн (*вразнобой*). Хайль Гитлер!

Хорн (*мрачно Махмуту*). Да, господин обер-лейтенант! Я вижу, что фрау Берта у вас кандидат номер один в женский легион, который вы создаете. Что ж, фрау Берта весьма... (*Прищелкивает пальцами.*)

Махмут. О нет, господин штурмфюрер! Просто у нас везде должны быть глаза и уши...

Хорн. Да, да... Очень правильно! Но мне кажется, у вас к фрау Берте есть и другой интерес... Цели...

Махмут. У меня одна цель!

Хорн. Похвально, господин обер-лейтенант!

Звонит телефон.

(*Берет трубку.*) Штурмфюрер Хорн! (*Гневно.*) Шестой блок? Сейчас же выставить пулеметы! Выявить зачинщиков! Да! Сейчас прибудет! (*Злобно рывкает.*) Хайль Гитлер! (*Швыряет трубку.*) О грязные свиньи! Русские в Европе, и поэтому они решили показать зубы... Но они получают свое!

Махмут (*с притворным сочувствием*). Ирония судьбы! Совсем недавно немецкая армия топтала русскую землю...

Хорн. Помолчите, обер-лейтенант... Я не хуже вас знаю, какое сейчас время! Но... Я верю фюреру... Верю, что фюрер обрушит на головы врагов новое оружие. Тогда... Тогда мы все начнем сначала! (*Нервно барабанит пальцами по столу.*)

Махмут (*козырнув Хорну*). Господин штурмфюрер! Разрешите бунтовщиков привести к порядку?

Хорн. Но имейте в виду: там наверняка есть такие, что точат на вас зубы... Будьте осторожны... Идите.

Махмут торопливо уходит.

Если новое оружие немедленно не изменит нашего положения, тогда нам петля. Пора подумать и о себе.

Входит торопливо Дитрих.

Дитрих. Хайль Гитлер!

Хорн. Хайль!

Дитрих. Господин штурмфюрер, ваш приказ выполнен! Пленные согнаны на площадь!

Хорн. Так... Где убийца?

Дитрих. Господин штурмфюрер, убийца здесь...

Хорн. Давайте его сюда!
Дитрих. Слушаюся! (*Приоткрыв дверь.*) Курт, гони его сюда!

Двое солдат вталкивают избитого Ганса.

Хорн (*подходит вплотную к Гансу*). Кто такой?

Ганс. Я?

Хорн. Не валяй дурака! Да, ты!

Ганс. Я немец...

Хорн. Врешь, подлец!

Ганс (*пожимая плечами*). Врать мне ни к чему. Я действительно немец. Но не такой, как вы...

Хорн. Не-ет! Немец бы не убил полковника Гоппе, героя нации...

Ганс (*усмехается*). Я не признаю героем того, у кого руки в крови от тысяч невинных жертв! Я просто уничтожил убийцу...

Хорн (*рукояткой пистолета бьет Ганса по лицу*). Получай, скотина! На виселицу тебя!

Ганс. Господин штурмфюрер! Не пугайте меня. Я знаю, что могу ожидать... Но я не боюсь смерти, будь то пуля или петля! Я сделал все, что мог.

Хорн (*исступленно*). Врешь! Все боятся смерти!

Ганс (*после паузы*). Что, страшно стало?.. Придется ответить за все, за расстрелянных вами беззащитных женщин и детей, безоружных пленных. Вы и сейчас уже мертвец, господин штурмфюрер!

Хорн (*бросаясь к Гансу*). Молчать!!! Взять... взять... (*Дитриху.*) На виселицу!

Ганса уводят. За ним следом уходят все. Слышатся лай овчарок и шум удаляющейся машины.

Входит Махмут.

Махмут (*вытирая лоб платком, тяжело опускается на стул*). Вот тебе и тихий Бекир! Скромный чабан в колхозе... Но... Что делать, пришлось упрятать его... Так ли я все сделал? Да, это единственная возможность сохранить ему жизнь... пока... А дальше?.. (*Пауза. Бросает взгляд на часы.*) Скоро приведут Дашу...

Входит Берта.

Берта (*kozyрнув*). Хайль Гитлер!

Махмут. Хайль!.. (*С деланным удивлением.*) Фрау Берта, а вы почему не на площади?

Берта. Ужасно не люблю подобных зрелищ... (*Кокетливо.*) Кроме того, господин обер-лейтенант, я выполняла ваш приказ.

Махмут. Благодарю, фрау Берта, давайте ее...

Берта. Яволь! (*За дверь.*) Курт!..

Курт вводит Дашу в лагерной одежде.

Махмут. Фрау Берта, вы свободны. Хайль Гитлер!

Берта. Хайль Гитлер! (*Уходит.*)

Махмут. Курт, за дверь! И никого не впускать без моего разрешения!

Курт. Слушаюсь, господин обер-лейтенант! (*Уходит.*)

Даша (*презрительно*). Ишь ты, гос-по-дин!.. Пулеметчик гражданской стал предателем... Да скажи мне об этом кто-нибудь раньше, глаза бы выцарапала!

Махмут (*смеясь*). Правильно сделала бы!.. Добрый день, Дашенька!

Даша. Не подходи ко мне! Чтоб для тебя дни черными стали!

Махмут. Ну-ну!.. Даша, не проклинай офицера вермахта, иначе... вдруг не увидишь моего друга Алия...

Даша. Нашел друга! Да он задушил бы тебя собственными руками!..

Махмут. Эх, Даша, Даша... Не волнуйся. Мы еще станцуем на твоей свадьбе с Алием на нашей прекрасной земле.

Даша. Нет, не бывать свадьбе, на которой может появиться хотя бы тень предателя...

Махмут. Не хочешь, чтобы я веселился на вашей свадьбе... Ладно... (*Строго.*) Даша, береги себя!.. Немного терпения — и взойдет наше солнце...

Даша. Не для тебя... Ты его предал!

Махмут. Что ж... Может, я не увижу его — увидите вы... Повторяю, будь очень осторожна... Не каждый предатель может стерпеть твои дерзкие слова... (*За дверь.*) Курт!

Входит Курт.

Курт (*козыряет*). Слушаюсь, господин обер-лейтенант!

Махмут. Эту стерву — в лабораторию, а заключенного восемьсот тринадцать — немедленно ко мне!

Курт. Слушаюсь, господин обер-лейтенант! (*Даше.*) Пошли! (*Уводит Дашу.*)

Махмут (*вслед*). Эх, Даша, Даша... Знала бы ты, что я тот же, расцеловала бы меня и Махмутиком назвала... Помнишь, как в гражданскую... А сейчас терпи, терпи, Махмут... Эх, моя любимая страна, моя Родина, вернусь ли я живым?.. Скажу ли в полный голос о своей великой любви к вам... Встретимся ли?..

Глубоко задумывается, и ему слышится наплывающая издали песня.

Путь смельчакам освещает луна,
Нас не обманет в ночи тишина.
Боем испытана,
Славой воспитана,
Дружбой солдатской душа сильна.
Верное сердце не дрогнет в груди,
Слава тому, кто идет впереди.
Страх не знающий,
Смерть побеждающий,
Смелый разведчик, на бой иди!

Курт вводит Бекира в лагерной одежде.

Курт. Господин обер-лейтенант! Ваше приказание выполнено!

Махмут (*кивает Курту на дверь*). Стоять у дверей! Понадобится — вызову!

Курт (*kozyрнув*). Слушаюсь, господин обер-лейтенант! (*Выходит.*)

Бекир (*зло усмехаясь*). Вот это да!.. Оказывается, господя появились!..

Махмут (*хмуро*). Как видишь!.. А ты что, не знаешь, что народ говорит? «Пой песню того, на чью арбу сел». Время требует!..

Бекир (*сквозь зубы*). Да пусть сгорят те, кто посадил тебя на эту арбу, и ты вместе с ними!..

Махмут. Ты несправедлив и слишком спешишь... Бекир! Не рановато ли ты от меня отрекаешься? Ты подумай, хорошенько подумай!

Бекир (*отчаянно*). Если бы мне удалось вырваться из этого ада!.. Я бы заставил тебя вспомнить землю, которая нас с тобою взрастила!.. Нет, лучше бы ты стал добычей шакалов, когда застрял в расщелине скал...

Махмут. Сурово, Бекир, сурово! (*Кладет руки на плечи Бекира.*) Бекир, жизнь сложна. Судьба любого человека складывается чаще всего не так, как ему этого хотелось бы...

Бекир. Хорошо поешь! (*Сбрасывает руки Махмута с плеч.*) Лучше мне погибнуть от вражеской пули, чем

видеть и слышать тебя... (*Насмешливо.*) Господин обер-лейтенант!..

Пауза.

Тебе уже вынесли приговор!

Махмут. Вот как?! Разве я Таумырза?

Бекир. Он предатель, и ты предатель... Какая разница?

Махмут (*помолчав*). Нет, у меня с ним разные дороги.

Пауза.

Значит, осудили как предателя Родины?

Бекир (*сурово*). Да. И ты будешь уничтожен, zapomни это. За позор фамилии, за предательство! Я вызвался привести приговор в исполнение!.. (*Неожиданно бросается на Махмута и пытается задушить его.*)

Входят Курт и Хорн.

Хорн (*злобно*). Хальт!

Курт бросается к Бекиру и отталкивает его от Махмута.

Махмут постепенно приходит в себя. Пытается подняться.

Махмут (*Бекиру*). Надо же, чуть было не задушил...

Хорн (*кричит*). Ты!.. Не ты ли мусульманский легион превозносил до небес, отправляя его на фронт?!

Махмут. А что такое?

Хорн. А этот твой легион, будь он проклят, перешел на сторону русских.

Махмут. Ай-яй-яй!.. Кто бы мог подумать!

Хорн (*кивнув на Бекира, Курту*). Курт, уведи.

Бекир (*бросает понимающий взгляд на Махмута*). Прости, Махмут!

Курт уводит Бекира, подталкивая его автоматом.

Хорн (*Махмуту*). А с тобой, любезный, у меня будет иной расчет...

Махмут пытается встать, но Хорн внезапно бьет его рукояткой пистолета по затылку. Махмут теряет сознание.

Сволочь! Сейчас бы отправить тебя на тот свет! Но ты еще мне нужен, скотина! (*Взваливает Махмута на спину и выходит с ним.*)

Доносится артиллерийская канонада и гул приближающихся самолетов.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Темный подвал. Слышна канонада. Вспышка близкого взрыва на мгновение озаряет подвал. Затем все снова погружается в полумрак. Посвечивая карманным фонариком, входит Хорн, волоча бесчувственного Махмута. Укладывает его на топчан.

Хорн (*появляясь устраивая Махмута*). Возможно, спасая твою жизнь, я сберегу свою...

Слышен пронзительный вой сирены.

О, в лагере уже обнаружили, что исчез обер-лейтенант. Ищите, ищите!.. У кого может возникнуть мысль, что его украл сам комендант... Махмут! (*Толкает его.*) Неужели богу душу отдал? Черт возьми! (*Прижимает ухо к груди Махмута.*) Живой! Нет, подышать тебе сейчас нельзя... Это было бы просто свинством с твоей стороны! (*Подносит к лицу Махмута флакончик.*) Нюхай! Нюхай. Как, слышишь меня? Я все знаю, даже то, с каким заданием ты прибыл в концлагерь. Ну что ж, ты сделал свое дело... Совсем недавно я просто раздавил бы тебя. Да и сейчас не пылаю к тебе любовью...

Слышен гул самолетов. Хорн смотрит вверх.

Но... Теперь иное дело, иные песни... Неужели советское командование не сохранит мне жизнь за твое спасение?.. А может, повезет, удастся передать тебя янки? Они-то за такой подарок еще и наградят меня... Держись, Махмут, держись!

Махмут стонет, медленно приходя в себя. Кто-то входит и спотыкается.

(*Вывхватывая пистолет.*) Стой! Кто идет?

Входит Берта.

Берта. Хайль Гитлер! Спрячьте пистолет!

Хорн (*рывает*). Хайль!.. Но кто вы такая?

Берта. Медицинский инструктор концлагеря Берта Мюллер.

Хорн. А-а, фрау Берта!.. Извините, здесь темно, и я вас сразу не узнал. (*Подозрительно.*) А, собственно, почему вы до сих пор не эвакуировались? И что вам здесь надо?

Берта (*насмешливо*). А вы чем занимаетесь в этом месте? (*Бросает взгляд на топчан, где виднеется в полутьме фигура лежащего Махмута.*)

Хорн (*перехватив ее взгляд*). Я? Видите ли... (*Указывает на Махмута*.) Я выполняю приказ командования — необходимо доставить этого человека в штаб. К сожалению, началась бомбежка — вот и пришлось пережить ее в этом уютном уголке. (*Деланно смеется*.) А человек этот контужен, без сознания.

Берта (*покачив головой*). Та-ак... Значит, и вы драпаете из этого ада?

Хорн (*заносчиво*). Фрау Берта! Не заговаривайтесь! Вы имеете дело с офицером фюрера...

Берта (*хочет закончить разговор*). Простите, но мне пора...

Слова звучит тревожная сирена.

Хорн (*хватает Берту за руку*). Пойдите! Прекратится бомбежка, и пойдете...

Берта. Я уже не верю, что она когда-нибудь прекратится... А идти все равно надо. Из лагеря исчез очень опасный преступник. Везде его ищут, но он будто сквозь землю провалился. (*Берет свой чемоданчик и собирается уходить*.)

Хорн. Еще несколько минут, прошу вас... Уважаемая фрау Берта, что это у вас за чемоданчик, а? Неужели и вы, подобно некоторым, собираетесь бежать с тонущего корабля?

Берта. Зачем же, просто я выполняю приказ, если хотите — можете убедиться. (*Достает из нагрудного кармана бумагу и протягивает ее Хорну*.)

Хорн. Что ж, давайте посмотрим. (*Берет бумагу, освещает ее фонариком, читает*.) О, прошу прощения, фрау Берта.

Махмут стопет.

Берта (*указывает на Махмута*). По-моему, у вашего друга дела неважные...

Хорн (*жестко*). Может быть, но я думаю, он выживет, он должен выжить... (*Спохватывается, говорит напыщенным тоном*.) Потому что это очень ценный человек для вермахта...

Махмут. Пи-ить... Пи-ить...

Берта. Да где ж ее взять здесь, воду... (*Озирается по сторонам*.) Боже мой, воды-то нет... (*Подходит к Махмуту, берет его руку, считает пульс*.) Потерпите немножко... Я вам помогу...

Хорн. О, фрау Берта, вы отлично ухаживаете за ра-
пенным!

Берта. Да, привычка...

Хорн. Видимо, вы когда-то работали в военном
госпитале?

Берта. Было и такое.

Снова слышен гул самолетов. Вспышка от взрыва бомбы на миг
освещает подвал. Берта видит лицо Махмута.

(*Взволнованно.*) Да нет, этого не может быть...

Хорн (*старается скрыть свое замешательство*). По-
чему не может быть? Вы могли видеть его портреты
в газетах... Человек довольно известный! (*Чтобы пе-
ременить тему разговора, достает флягу.*) Фрау Бер-
та, это русская водка. Давайте-ка выпьем за нашу по-
беду!

Берта. Нашли время! Пить эту гадость, да к тому
же русскую? Нет, пет!

Хорн. Я не пьяница, но... бывают моменты... А рус-
ская водка это не наш шнапс, это напиток, могу вам
доложить...

Берта (*презрительно*). Вот уж не знала!..

Хорн. Давайте выпьем... Выпьем за то, чтобы сбы-
лись наши мечты!

Слышен близкий разрыв бомбы.

Берта (*сердито*). Боюсь, нашим мечтам не сужде-
но...

Новый разрыв бомбы. Берта вздрагивает.

Хорошо, господин штурмфюрер! Выпьем! Наливайте!
(*Выпивает, некоторое время молчит.*)

Где-то совсем близко раздается новый взрыв, сотрясающий стены
подвала.

Хорн (*мрачно*). Эта угодила напрямик в соседний
дом... Второй уже не потребуется...

Берта (*заметно пьянеет*). Мне кажется, господин
штурмфюрер, вы сомневаетесь в нашей победе?

Хорн (*исподлобья глядя на Берту*). С чего это вы
взяли?

Берта. Просто люблю отгадывать чужие мысли.
Завтра-послезавтра будет конец... Не так ли?..

Хорн молчит.

Господин штурмфюрер! Отбросьте прочь свои мрачные мысли! Далеко не все кончено...

Хорн (*перебивает Берту*). Два дня назад я был в Берлине. Слушал речь нашего фюрера о том, что Германия не раз была в тяжелом положении, но всякий раз бог помогал ей. Нам повезло. Фюрер готовит русским сюрприз — сверхмощное оружие, с помощью которого мы покончим с ними в считанные дни.

Подряд взрываются несколько бомб, затем наступает мертвая тишина.

Махмут (*стонет*). Пи-ить... Пи-ить...

Хорн (*резко встает*). Понцу ему воды и заодно проверю обстановку. (*Уходит.*)

Махмут пытается приподняться.

Берта (*быстро подходит к нему*). Зачем вы встаете? Нельзя... Полежите...

Махмут. Кто вы?

Берта. Лежите, ради бога, лежите... Ваш друг пошел за водой и скоро вернется...

Махмут. Нет, сейчас не до лежания... (*Пытается встать и падает.*)

Берта. Ничего. Сейчас я сделаю вам укол, и будет легче... Что такое? Это же обер-лейтенант.

Слышатся шаги. Берта, выхватив пистолет, отходит в угол. Входит Хорн.

Хорн. Обер-лейтенант! Где вы, фрау Берта?

Берта (*направляет пистолет на Хорна*). Руки вверх!

Хорн (*резко поворачивается*). Что это значит?

Берта. Руки вверх! Не двигаться! Один ваш шаг — и я стреляю!

Хорн (*поднимает руки*). Вы сошли с ума!

Берта. Кто вы?

Хорн. Мое звание вам известно, и моя должность также...

Берта. Это все ложь!

Хорн. Но если вы знаете, кто я, то скажите это мне.

Берта. Вы... вы русский шпион и ваш друг тоже!

Хорн (*деланно смеется*). Я офицер СС... и русский шпион? Оригинально, однако!

Берта. Хватит игры! Что вы задумали? (*Небольшая пауза, затем Берта говорит размеренно и четко.*) Я узнала обер-лейтенанта.

Хорн (*на миг теряется, затем говорит спокойно*). Что ж, придется все вам объяснить... Не отрекаюсь от своих слов в одном: это действительно известный человек, к сожалению — не нашего круга. Это русский разведчик. Горец. Мы узнали об этом совсем недавно... Зовут его Махмут Курчданов. Надо было его доставить в Берлин, соблюдая строжайшую тайну. Но вы вынудили раскрыть ее...

Берта. А как вы все это докажете?

Хорн. Пожалуйста! (*Хочет достать документы из кармана.*)

Берта. Не шевелиться!

Хорн. Но доказательства-то в кармане! Как я могу предъявить вам этот документ?

Берта (*не опуская пистолета*). Хорошо. Доставайте и бросайте мне...

Хорн достает бумагу и бросает ее Берте. Она читает и прячет пистолет в кобуру.

Прошу извинить меня, господин штурмфюрер!

Хорн молча закуривает, разыгрывая обиду.

(*Умоляюще сложив руки.*) Ну простите...

Хорн. Ну да ладно... С кем не бывает... Время такое... (*Внезапно хохочет.*)

Берта. Вам так смешно?

Хорн. Я — офицер гестапо... и вдруг — русский шпион! Ха-ха-ха! С ума сойти можно... Ха-ха-ха!

Берта. Вы правы. В наше тяжелое время можно и себя заподозрить в измене...

Махмут стонет.

Хорн. Что, голова болит? Понимаю, понимаю... Фрау Берта, надо сделать перевязку.

Берта. Нет, нет... Мне лучше прикоснуться к ядовитой змее!

Хорн (*пожав плечами, берет бинт и подходит к Махмуту*). А ведь совсем недавно мне казалось, что вы к нему равнодушны... Приподнимись... (*Перевязывает Махмута.*) Придется потерпеть...

Снова слышится гул самолетов.

Опять началось...

Махмут. Самолеты... (*Прислушивается.*)

Хорн. Что, своих ждешь? Нет, это американские...

Где-то совсем рядом раздается страшной силы взрыв. Содрогаются стены подвала, сыплется штукатурка. Затем тишина. Хорн бросается к двери подвала и безуспешно пытается открыть ее.

Берта. О, как я любила весеннюю Германию! Сейчас пора цветения. В это время в нашем городе вся молодежь танцевала... Я тоже обожала танцевать... Каждый вечер бегала с одним студентом на танцы... Он любил меня, а я его — нет... и всегда нарочно опаздывала на свидания...

Хорн (*сердито прерывает Берту*). Что за чушь вы городите? Ну и мечты в этой западне! Любовь... Свидания... Ведь вы офицер СС!

Берта (*после долгой паузы*). А самолетов больше не слышно...

Хорн. Думаю, что паши асы дали им как следует! Сегодня только Германия, а завтра весь мир будет нашим... (*Мрачно усмехнувшись*.) Какая прелестная песня!..

Берта. Завтра весь мир будет нашим? И загробный тоже? Что ж, лично нам с вами недолго осталось ждать...

Хорн. Величайший наш полководец фюрер...

Внезапно вспыхивает электрическая лампочка.

Берта. Ха! Я же говорила!.. Я ведь говорила!.. (*В припадке буйной радости вальсирует и неожиданно целует Хорна*.) Надо дать сигнал нашим. (*Берет палку и стучит ею по водопроводной трубе*.) Что они там, оглохла, что ли... (*Прислушивается*.) Ни ответа ни привета... (*В бешенстве швыряет палку*.)

Хорн (*кричит в истерике*). Я не боюсь смерти! Я отдаю свою жизнь за фюрера, за немецкий народ! Но почему здесь, в этой могиле?! Не хочу!.. Не хочу!.. Зачем меня погребли? В этом проклятом каменном мешке я задыхаюсь! Задыхаюсь... Почему нас не ищут?! Почему?! (*Подбегает к двери и стучит в нее ногами и кулаками*.) Будьте вы прокляты! Прокляты!

Берта (*сквозь зубы*). Прекрати истерику, идиот! (*Берет доску и пытается ею открыть дверь. Дверь не поддается*.)

Махмут медленно поднимается с топчана, удивленно озирается.

Махмут (*потирает лоб*). Нет, это не сон. Но все же как я попал сюда? Кто меня сюда затащил?

Хорн. Очнулся наконец. Я тебя приволок, я.
Махмут (*смотрит с удивлением на Хорна*). Знакомый голос... Но кто же вы? (*Шатаясь, подходит вплотную к Хорну*.) А-а! Так это ты! Господин комендант... (*Хватает Хорна за горло*.)

Берта выхватывает пистолет.

Хорн (*хрипло*). Отставить! (*С трудом отрывает руки Махмута от своей шеи*.) Вы что, с ума сошли? (*Увлекает Махмута в сторону, подальше от Берты, затем тихо говорит*.) Черт возьми! Я вас спас, на своем горбу приволок в это убежище, а вы... Вот как мне платите!..

Махмут (*усмехается*). А я с вами торговаться не собираюсь. Надеюсь, вы понимаете, чем все это кончится и какой будет с вами разговор... (*После короткой паузы, иронически*.) А все-таки интересно знать, чем вызвана ваша благосклонность к моей столь скромной персоне?

Хорн. Не говорите глупостей! Скромной! Повторяю еще раз: я ненавижу вас, но... в то же время вынужден и уважать. Парадоксально, но факт! Поэтому я с вами откровенен до предела...

Махмут. Да разве можно верить хоть одному вашему слову!

Хорн. Клянусь словом чести...

Махмут (*перебивает*). У нас разные понятия о чести! Правда в том, что вы меня ненавидите... Так и должно быть, и я рад этому. Лучшего комплимента от матерого фашиста не придумаешь!

Хорн. Да послушайте... (*Берет Махмута под руку*.)

Махмут (*резко освобождаясь*). Лучше пулю в лоб...

Хорн (*выхватывает пистолет и протягивает его Махмуту*). Вот! Бери! Пистолет заряжен... Можешь стрелять в меня!

Махмут (*берет пистолет и опускает его в карман. Медленно*). Не помешает... И что же дальше? Что вам угодно от меня, рядового 115-го кавалерийского полка?

Хорн (*нервно смеется*). Ха-ха-ха! Рядового? Полно, полно! Вы опытный разведчик, выдавший виды, а ведете себя, как пашкодивший мальчишка!

Махмут отворачивается.

Ну, ну! Не вспыхивайте словно порох!.. Я шучу, конечно... Ну, а если без шуток, я знаю о вас все.

Махмут. Дайте закурить...

Хорн (*обрадованно*). Пожалуйста, пожалуйста...
(*Протягивает портсигар и подносит зажигалку.*)

Махмут (*закуривает. Медленно*). Допустим... Но если вы рассчитываете использовать меня в своих целях, вы напрасно стараетесь...

Пауза.

Хорн. Что ж, хорошо... Открою свои карты... (*Доверительно.*) Война идет к концу... Русские вот-вот будут здесь...

Махмут (*насмешливо*). Будут, будут!

Хорн. И потом...

Махмут (*резко перебивает*). И потом вас будут судить как военного преступника!

Хорн (*глухо*). Знаю... Но лучше хлебать баланду, чем болтаться в пегле... А я ведь действительно спас вас, это правда... Надеюсь, вы скажете об этом где следует?

Махмут. Отчего же не сказать... Только самое веское и окончательное слово скажет суд!

Хорн (*тихо*). Да, если нас выволокут отсюда на свет божий...

Махмут (*бросает понимающий взгляд на дверь, в которую стучит Берта, и неожиданно смеется*). Что, попали в мышеловку? Есть у нас притча. Когда волк и козел упали в глубокую яму, козел говорит волку: «Мы с тобой братья...» Так, что ли? (*Насмешливо.*) Прошу прощения, но поневоле мне придется разделить вашу компанию. Поверьте, мне самому это крайне неприятно!

Хорн (*хмуро усмехаясь, достает флягу*). Пейте... Это не шнапс, а настоящая русская водка...

Махмут. К сожалению, не пью, а то бы непременно выпил... за упокой фашизма...

Хорн пьет.

Берта (*подходит*). Налейте и мне...

Хорн (*язвительно*). Вы же не признаете русской водки!

Берта. Налейте же, прошу вас...

Хорн наливает. Пауза.

Хорн (*Берте*). А в дальнейшем учтите, в нашем положении каждый должен позаботиться о себе сам. У кого крепче нервы и терпение, тот и останется в живых... (*Обращается к Махмуту.*) Когда мне сообщили, что му-

сульманский легион перешел к русским, я понял, что вы единственный шанс для моего спасения... (*Заметно опьянев.*) И только теперь мне стало ясно, что нет этого шанса, что вы ничего не сделаете для меня... Может быть, удастся попасть к янки,— конечно, вместе с вами. Мы оба очень пригодимся им... Вот тогда будет все в порядке!

Махмут. Перестаньте нести вздор! Вы пьяны! (*Презрительно кивает головой на Хорна.*) Понистие достоинства своего фюрера!

Хорн. Не спеши! Ведь у тебя есть родители, дети! Подумай о них! Иначе...

Берта (*бросается к Хорну и хватается за лацкан мундира*). Вы! Офицер СС! Стыдитесь!

Хорн (*отталкивает Берту, насмешливо*). Не сорвите свой ангельский голосок... Не волнуйтесь! (*Покосившись на Махмута, вполголоса.*) Я был офицером СС и остаюсь им, остаюсь преданным рейху, но только... новому, будущему, потому что третьего уже не существует... Жаль, что смерть уже ухватила нас своей костлявой рукой за горло... И шансов избежать ее ничтожно мало... (*Притягивает Берту к себе и целует.*)

Берта отбивается.

Ну, ну, крошка! Жизнь уходит, и я хочу вырвать у нее последние цветы... (*Наливает водку и жадно выпивает. Стучит кулаком себе в грудь.*) Я, комендант лагеря, пусть на короткое время, но вкусил сладость власти. А теперь... (*Пристально смотрит на Махмута.*) Впрочем... (*Вынимает пистолет, холодно.*) Встать к стене!

Махмут выхватывает из кармана пистолет, несколько раз нажимает на курок. Пистолет не стреляет.

Ну и как? Не стреляет? Я ведь не идиот, чтобы...

Махмут (*бросает пистолет в Хорна, тот еле успевает уклониться*). Нет, не идиот, просто жалкий шут!

Хорн (*в бешенстве стреляет в потолок*). Нет, погоди, ты у меня еще попляшешь! Шут, говоришь? А ну танцуй! Танцуй свою лезгинку! Я был в твоих родных горах и знаю, как горцы пляшут! Танцуй!

Махмут неподвижен.

Считаю до трех! Клянусь, при счете «три» ты проглотить пулю... Раз!

Махмут задумчиво смотрит на дверь.

Два!

Пауза.

Махмут (*неторопливо и спокойно*). Хорошо... В этом холодильнике действительно размяться не грех... (*Начинает танцевать в нарочито замедленном темпе.*)

Берта снова стучит в дверь. Звуки от ударов по стальной обшивке глухо, словно погребальный звон, разносятся по подвалу.

Хорн (*притопывая ногами*). Живее! Что ты как дохлая муха! Ладно, хватит! Довольно!

Махмут продолжает танцевать в том же темпе.

Довольно! (*Орет.*) На колени!

Махмут, заканчивая круг, опускается на одно колено.

(*Торжествуяще.*) Ага! Вот вам и хваленая гордость горцев!

Махмут (*поднимаясь*). Извините, но я совсем было упустил эту фигуру в танце...

Хорн (*в бешенстве*). Становись на свои четыре лапы и лай!

Махмут (*с напускным смирением*). Еще раз прошу извинения, герр комендант... Укусить вас я могу, но лаять... (*Пожимает плечами.*) Может быть, вы мне покажете, как это делается?

Хорн (*тяжело дыша, несколько мгновений тупо смотрит на Махмута*). Скотина! На что ты падеешься? Вернуться на родину? Отсюда? (*Обводит рукой подвал, обессиленно садится, стискивает голову руками.*) Отсюда уже никто никуда не вернется... Все мы живые трупы... (*Внезапно вскакивает.*) Пусть! Пусть! Но нестерпимо, что, когда меня сожрут могильные черви, кто-то будет греться на солнце, нюхать цветы, целовать женщин! Невыносимо! Все полетело к дьяволу! (*Саркастически смеется.*) Нас спасет новое оружие фюрера! Где оно, это оружие?! Где?! Все обман! Обман!

Берта (*сердито*). Фюрер никогда не обманывает! А таких, как ты...

Хорн (*бьет кулаком по стене, потом неожиданно хохочет*). Договаривай! (*Вскидывает руку в фашистском приветствии.*) Хайль Гитлер! Хайль Адольф Шикльгрубер — великий немец! (*Продолжает хохотать.*) И почему вы, фрау Берта, как злая оса пытаетесь ужалить меня? Право, это вам не идет... (*Ощупывая Берту взгля-*

дом с ног до головы, подходит к ней вплотную.) Ваши глазки словно изюминки в рождественском пироге... Ваши зубки... Ваши зубки... Ну, улыбнитесь же!

Берта жалко улыбается.

Да, да! Это драгоценный жемчуг! А ваш бюст, а ножки!.. Нет, ваши прелести выше всяких сравнений... Как это я раньше не замечал и не ценил... *(Неожиданно ловким движением выхватывает пистолет из кобуры Берты и спокойно кладет к себе в карман.)* Вот так будет лучше.

Берта *(ошеломленно)*. Что это значит?

Хорн. А вот что... *(Вкрадчиво.)* Порезвемся напоследок!

Берта *(растерянно)*. Что?

Хорн. Не слишком ли много вопросов, детка? Я, кажется, ясно говорю: порезвемся! Снимайте вашу амуницию! Я хочу лицезреть все ваши прелести!

Берта *(прижавшись к стене)*. Вы с ума сошли... Оставьте меня!

Хорн *(иронически)*. Может быть, и сошел. Теперь это уже не имеет значения! Вы мне нравитесь, деваться вам некуда... словом, порезвемся!

Берта. Вы зверь! Хуже зверя! Уйдите!

Хорн *(усмехается)*. Уйти? Но куда же? Нет, крышка гроба захлопнулась... Осталось только забить гвозди... Нам одна дорога... Ну, быстрее! Снять все! *(Выхватывает пистолет.)*

Берта *(начинает медленно раздеваться, плачет)*. Мама! Мама!..

Хорн. Я сказал: быстрее!

Махмут *(брезгливо)*. Прекратите этот мерзкий спектакль, Хорн!

Хорн *(подходит к Берте)*. Нет, занавес еще не опущен... *(Махмуту.)* Я мог бы пристрелить тебя как собаку, но это я успею сделать, а сначала...

Берта *(закрывает лицо руками)*. Помогите! Помогите!

Махмут неожиданно бросается к Хорну и ногой вышибает у него пистолет, рукой наносит удар в челюсть.

Хорн *(ударившись головой о стенку)*. Вот как... Значит, у тебя еще есть силы... Я ошибся... Осел! *(Несколько мгновений лежит, потом быстро вынимает свой пистолет и стреляет в Махмута.)*

Махмут пригибается. Раздается второй выстрел. Берта, полураздетая, забивается в угол. Махмут бросается на Хорна.

Ожесточенная борьба. Еще один выстрел.

Махмут (*медленно поднимается, трогает ногой тело Хорна, затем берет его руку и проверяет пульс*). Жив... Ничего не скажешь, здоровый ишак! Куда же он сам себе ухитрился пулю всадить? А, вот и рана... Ну что ж, герр комендант, долг платежом красен... Теперь я тебя перевяжу. (*Достает бинт и перевязывает*.) Ничего, очнется... (*Забирает пистолет Хорна и кладет к себе в карман*.) Так. (*Оттаскивает Хорна в угол подвала. Затем выпрямляется и пристально смотрит на Берту. Делает шаг по направлению к ней*.)

Берта (*прижимая руки к груди*). Нет, нет... Пощадите меня!

Махмут (*пожав плечами*). Вы судите о людях с высоты своей кирхи, а я (*смеется*) — кавказской сакли. Не волнуйтесь. Я сохраню необходимую дистанцию.

Берта (*тихо*). Благодарю вас.

Махмут (*сурово*). Господам у нас каюк с Октября семнадцатого года! Вы думаете, я озлоблен и могу натворить глупостей? Ошибаетесь! Злоба и ненависть — родные сестры. Да, во мне кипит злоба за все то зло, которое вы принесли моей Родине... Да, я ненавижу вас, ненавижу коричневую чуму, заразившую миллионы людей... (*Делает шаг в сторону Берты*.)

Берта (*закрыв лицо руками*). Умоляю, не подходите! Вы же обещали!

Махмуд (*насмешливо*). Я горец, а слово горца — железное слово. Не беспокойтесь за свою женскую честь... А вот просто человеческую совесть и честь вы сами давно потеряли!

Берта. Нет, нет! Боже мой, в чем я виновата?!

Махмут (*презрительно*). Не притворяйтесь невинной овечкой... И одевайтесь... (*Отворачивается*.) У вас, очевидно, провал в памяти, зато я все помню хорошо — ваши концлагеря, душегубки, крематории... Тысячи и тысячи загубленных жизней... Горы трупов невинных людей — женщин, детей, стариков...

Берта (*тихо*). Зачем вы говорите мне об этом?

Махмут. Вот как! Вам неприятно о таких вещах слышать? Наверное, по-вашему, все было иначе: истощенный узник с радостью перетаскивал огромные глыбы с места на место, заключенный улыбался, получая

пулю в затылок от садиста надзирателя, проигравшего свою жертву в карты...

Берта (*почти неслышно*). Умоляю вас...

Махмут. Да, у вас богатая фантазия, придуманы сотни способов, чтобы уничтожить человека и физически, и морально... Но всех не уничтожишь, оставшиеся в живых предъявят вам счет в полной мере...

Берта (*плачет*). Боже мой! Уверяю, я многого не знала, даже не подозревала... Неужели вы мне не верите... хотя бы чуть-чуть?

Пауза.

(*Затем говорит робко, запинаясь.*) Можпо... мне... объяснить вам... я хочу... я должна... (*Делает шаг в сторону Махмута.*)

Махмут (*отступает на шаг, подняв предостерегающе ладонь. Насмешливо*). Умерьте свой неуместный пыл... (*Отворачивается. Пауза.*) Что касается вашей личной вины, лучшим судьей будет совесть, ваша совесть, если она, конечно, еще не угасла в вас окончательно...

Берта. Когда вы были без сознания, я долго смотрела на вас... Что-то необычное было в вашем лице, я это поняла... Вы... смелый и отважный человек...

Махмут (*насмешливо*). Хотите, я по секрету дам вам один совет?

Берта вопросительно смотрит на него.

(*Подходит к ней и тихо говорит.*) Не разбрасывайте комплименты... Спрячьте их в свой чемоданчик.

Берта (*улыбается*). Однако! Сколько в вас оптимизма! И это в таком ужасном положении! (*Неожиданно смущенно.*) Отвернитесь, пожалуйста...

Махмут отворачивается. Берта снимает мундир и швыряет его на пол. Потом достает из чемоданчика нарядное платье и надевает его.

Махмут поворачивается к Берте. Удивленно смотрит на нее.

Махмут. Вот это да!

Хорн (*приходит в сознание, хрипло смеется.*) Ну и дела! Роли переменялись... (*Переводит взгляд на Берту.*) Все равно... этот маскарад... вряд ли тебе... поможет... (*Снова впадает в забытье.*)

Берта (*горько улыбаясь*). Маскарад... (*Махмуту.*) Что вы так на меня смотрите?

Пауза.

Все проходит, все меняется... Когда-то я изучала русскую литературу... Был такой поэт... Крылов, баснописец...

Махмут. Был, ну и что же?

Берта. Да, так вот в одной басне крестьянин говорит змее: «Хоть ты и в новой коже, да сердце у тебя все то же»... и убивает змею... Вы, наверное, так же думаете обо мне? *(Тяжело вздыхает.)* Я этомунисколько не удивляюсь... Не знаю, останемся ли мы в живых, но я хочу вам сказать, что ваша сила духа...

Махмут. Не стоит тратить слова. Вы правильно сказали насчет змеи.

Берта. Поверьте мне...

Махмут *(медленно подходит к Берте. Она подается ему навстречу. Он смотрит на нее в упор. Со злоеющим спокойствием)*. Вы проводили опыты над узниками концлагеря?

Берта *(отворачивается к стене)*. Да, проводила... Над теми, кто попадал в лазарет... Я выполняла приказ...

Махмут. Ясно. *(Не торопясь вытаскивает пистолет. Берта сжимается, ожидая выстрела, но Махмут вдруг на мгновение задумывается.)* У вас в лазарете находились Иван Татариннов, Филипп Пилипчук, Измаил Таулуев?

Берта. Я не помню...

Махмут. Ах, да... Для вас ведь существовали не люди, а номера... Напомню. Это были номера тысяча сто тридцать, две тысячи сто пятьдесят...

Берта. Да, да... Эти номера были в лазарете...

Махмут. И еще многие другие...

Берта *(закрыв лицо руками)*. Как вы должны ненавидеть нас, немцев!

Махмут. Не немцев, а фашистов, точнее — фашизм... Если человек имеет совесть, испортить его трудно... Верю, что многие из ваших соотечественников будут работать для Германии, для новой, свободной Германии, очищенной от скверны фашизма.

Берта. Свободная Германия?.. Она будет?

Гул самолетов, приглушенные взрывы.

(Вздрагивает.) Рушатся дома, гибнут люди...

Махмут *(сурово)*. Что ж, бумеранг вернулся в Германию...

Берта. Понимаю... Но все-таки это моя родина... *(Прислушивается, обводит взглядом подвал. Вздыхает.)* Подождите-ка... *(Бросается к двери.)*

За дверью раздается шорох осыпающихся камней. Берта стучит в дверь. Доносится ответный стук.

(*Радостно.*) Спасены! (*Упавшим голосом.*) А если это русские?

Вновь слышен шорох осыпающихся камней. Издалека доносится песня разведчиков:

Верное сердце не дрогнет в груди,
Слава тому, кто идет впереди.
Страха не знающий,
Смерть побеждающий,
Смелый разведчик, на бой иди!

Голоса: «Братва! Там кто-то есть! Скорее, пока не задохнулись...»

Махмут. Наши...

Берта (*тихо*). Да, говорят по-русски...

Дверь с треском открывается.

Голос: «Эй, кто-нибудь живой есть? Выходи!»

Хорн (*поворачивается, мрачно усмехается*). Божественная сценка!

Доносится раскатистое «ур-ра-а!».

(*Смотрит в проем двери, где видны здания с вывешенными белыми флагами.*) Все кончено... Капитуляция...

В подвал прорываются солнечные лучи.

Махмут. Солнце! Солнце свободы, мира и счастья! Пусть вечно горит оно живительным пламенем, зажженным нашим народом-освободителем!

Входят Смирнов и бойцы.

Смирнов. Вот и встретились! Товарищи бойцы, поздравляю вас с победой.

Все. Ур-ра-а!

Раздается песня разведчиков:
Вспомни, разведчик, былые года —
Чсть Сталинграда и доблесть Орла,
Ночи ненастные,
Рейды опасные,
Ярость, что сердце солдата жгла.

Верное сердце не дрогнет в груди,
Слава тому, кто идет впереди.
Страха не знающий,
Смерть побеждающий,
Смелый разведчик, на бой иди!

Занавес

Я ВЕРЮ - ОН ЖИВ

ДРАМА В 3-х АКТАХ, С ПРОЛОГОМ

(Пьеса написана в соавторстве с Ж. Токумаевым)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

А х м а т — офицер Советской Армии.

Н а л ж а н — мать Ахмата.

А й ш а т — жена Ахмата.

М а г о м е т — сын Ахмата.

А з р е т — друг Ахмата.

М а р ж а н — сестра Азрета.

Г а н с — немецкий рабочий-антифашист.

Ш у б е р т — служащий западногерманской контрразведки.

Э л ь з а — женщина без определенных занятий.

*Действие происходит в первые дни Великой Отечественной войны и
в наше время*

ПРОЛОГ

Перед тем как поднялся занавес, звучат тревожная музыка, выстрелы, пулеметные очереди, грохот орудий. Занавес поднимается. Сквозь рассеивающийся дым видна полуразрушенная бомбами и снарядами часть моста. Азрет перевязывает рану Ахмата.

Ахмат. Брось. Лучше сам выбирайся, а то...

Азрет. Нет, лейтенант. Или вместе умирать, или выбираться вместе.

Ахмат (*он тяжело ранен, голос его слаб*). Делай, что говорю.

Азрет. Нет, Ахмат. Я тебя не оставлю.

Ахмат. Выполняй приказ. Мой последний приказ.

Азрет. Не говори «последний»!

Ахмат. Мы с тобой вдвоем от всей роты остались. Да и я теперь... (*Осматривает магазин пистолета.*) А ты должен выжить. Прорваться туда и рассказать, сколько дней мы сражались за мост. (*Теряет сознание. Азрет брызгает ему в лицо водой из фляги. Ахмат медленно приходит в себя.*) Оставь пару гранат и ползи к лесу. Поскорее. Я тебя прикрою. Пока я жив, они через мост не пройдут.

Азрет крепко обнимает Ахмата и кладет рядом с ним две гранаты.

Скорее.

Азрет начинает отползать.

Погоди... (*Вытаскивает из кармана бумажник, протягивает Азрету.*) Вернешься живым... Здесь фотография матери... документы Айшат... Я-то уж вряд ли их увижу. Магомета за сына своего считай...

Азрет. Клянусь нашей дружбой...

Ахмат (*перебивает*). Да ладно. Не клянись. Ну, пошел! Выберись во что бы то ни стало.

Азрет еще раз обнимает Ахмата и, прячась в воронках, удаляется по направлению к лесу. Ахмат, собравшись с силами, засовывает гранаты за пояс, подтягивает пулемет поближе к себе и открывает огонь по врагу. Гул фашистских самолетов. Падают бомбы и снаряды. Все опять заволанивается дымом. Занавес опускается, свет гаснет. На фоне песни «Священная война» диктор читает стихотворение:

Давно отшумела война,
и сироты взрослыми стали,
и наступила тишина,
и не свистят осколки стали.
Ведут о мире разговор
на поле колоски пшеницы...
И только плачут до сих пор,
надеясь, вдовы-молодицы.
Окопов и в помине нет,
но память лет невыпосима.
И в материнском сердце след
не зажил от потери сына.
Ни танков грозных, ни руин,
а все равно на сердце горе:
ведь не придет любимый сын
домой, на отчее подворье.
Да, нет нигде следов войны,
и только память о погибших,
о вас, ушедшие сыны,
печалью бесконечной дышит!

Занавес

АКТ ПЕРВЫЙ

Горное селение. Посреди селения протескает речка. На берегу — дом Налжан. Видна одна комната в доме: длинный стол, вокруг него табуретки, над столом большой портрет Ахмата в военной форме. Остальные вещи убраны, чтобы было просторнее гостям. Налжан прядет, сидя на табуретке. А йшат накрывает на стол, ей помогает Магомет. Чувствуется торжественное, радостное настроение. Из соседней комнаты слышны звуки гармоники. Входит Азрет.

Азрет (*обнимая Магомета*). Молодец! Настоящий мужчина! Ты всегда был лучшим из моих учеников. Вот бы твой отец радовался...

Налжан (*утирая слезы*). Да, был бы он жив...

Азрет (*берет Налжан за руку*). Вот и выучился твой внук, вернулся домой. Дай бог вам всем теперь счастья.

Налжан. Спасибо, сын мой, да перейдут ко мне твои хворости. Родной брат Ахмата не мог бы лучше за-

ботиться о мальчишке, чем ты. Да продлится жизнь твоя...

Азрет (*смотрит на Магомета*). Чем дальше, тем он больше похож на отца. (*Замолкает, смотрит на Айшат. Айшат немного смущается. Азрет берет ее за руку*). Ты сегодня счастлива, Айшат. Да будет вечным твое счастье.

Айшат. Спасибо...

Магомет (*подходит к матери*). О мама, а ты поседела. Только теперь заметил.

Айшат (*улыбается*). Что ж, ты думал — мать никогда не постареет?

Маржан входит с подносом, ставит его на стол.

Маржан. Рано ты себя в старухи записываешь. Тебя, Магомета и Азрета старики приглашают в ту комнату.

Налжан. Мальчику-то не надо, он не пьет...

Маржан. Да ну тебя, Налжан. Никого пить не заставляют. Старики говорят — пусть посидит, расскажет о том о сем.

Магомет. Бабушка, нельзя стариков обижать.

Налжан. Иди, милый, иди... Не держу. Только больно уж я по тебе соскучилась. Такая радость — все как во сне...

Магомет (*целует Налжан*). Я тоже, бабушка, соскучился, честное слово.

Налжан. Знаю, дитя мое, знаю. (*Остальным.*) Идите, идите, родные. Ешьте, пейте, веселитесь.

Азрет, Магомет, Маржан уходят. В комнате остаются Налжан и Айшат.

Налжан (*Айшат*). Постарайтесь, чтоб гости были довольны.

Входит Маржан с бутылками.

Айшат. Не волнуйся, мать, все будет хорошо. А ты сегодня отлично выглядишь. Правда, Маржан?

Маржан. На сердце-то радость. Много Налжан горя знала — хоть теперь радость пришла... Еще хорошую бы девушку Магомету...

Айшат. А Фатимат... разве не хорошая девушка?

Маржан. Замечательная девушка, клянусь богом. Только понравится ли Магомету?

Айшат. Они же вместе в школе учились.
Маржан. Да, помню — дружили...

Со двора доносится лай собаки.

Налжан. Гляньте, кто пришел? Это, наверно, из Нижнего села, выходите встречать.

Айшат и Маржан выходят. Наржан встает, вытягивает руки, находит на ошупь портрет Ахмата. Она давно ослепла, плача по нему. Целует портрет.

Бедная твоя мать — так и ослепла, по тебе плача... Был бы ты сегодня па седьмом небе от радости... Чтоб глаза у того кровью омылись, кто эту войну начал! Дитяtko мое бедное, и в какой ты земле лежишь... *(Вытирает слезы, вешает портрет на место, садится.)*

Входит Айшат.

Пришло время намаз творить, принеси кумган.

Айшат выходит и приносит воду в кумгане. Налжан выходит во двор. Входит Маржан.

Маржан. О чем задумалась, Айшат?

Айшат *(вздыхает)*. Мало ли о чем...

Маржан. Все верно, конечно... Да что поделаешь... Война есть война.

Айшат. Эх, Маржан, беспокойно у меня на сердце.

Маржан. Что ж поделаешь? Плачь не плачь, горюй не горюй, никто из могилы не встанет, домой не придет.

Айшат. Не говори о могиле! Чует мое сердце — жив он.

Маржан. Дай-то бог... Только напрасно надеешься. Эх, не бери душу. Постараемся забыть.

Айшат. Забыть, говоришь? Не могу я забыть! Так и стоит перед глазами. Никак не поверю, что нет его на этом свете. Тебе-то легче! Тебе похоронка пришла. Поехала, посмотрела на могилку, поплакала, сердце успокоила. Тем более брат твой живой вернулся... А у меня... *(Вытирает слезы.)* Пропал без вести мой Ахмат! И двое братьев не вернулись. *(Плачет.)*

Маржан. Не плачь, Айшат! Такой радостный день... Дай бог теперь, чтобы Магомет все время был при тебе. Был бы у меня такой сын...

Айшат. Когда Магомет был маленький, отец брал его на руки и говорил: вырастешь — летчиком будешь! А я все боялась, говорила: ой, не надо, только не летчиком. А он так хотел, чтоб сын стал летчиком...

Маржан. Молодец Магомет, правильно сделал. И летная форма ему так идет.

Айшат. Я тоже рада.

Из соседней комнаты слышен звук гармоника.

Маржан. Пошли, Айшат, вспомним молодость! Спляши разок!

Айшат. А вот и спляшу!

Уходят.

Магомет вводит под руку Налжан, усаживает на тахту, утирая пот со лба.

Магомет. Хорошо наши ребята пляшут, бабушка!

Налжан. А ты тоже плясал?

Магомет. Еще как!

Налжан. Не было в селении лучшего танцора, чем твой отец. Толпа собиралась смотреть, как он пляшет. Эх, какие были парни до войны! Шестьдесят человек наших ушли на фронт. А вернулся один Азрет...

Магомет. Из шестидесяти — один?

Налжан. Один, сынок. Он дружил с твоим отцом. И на войне вместе были. Никто еще своей судьбы не избежал, сынок.

Магомет (*глядя на портрет Ахмата*). Эх, отец, отец... Я тебя знаю только по портрету...

Входят Азрет, Маржан, Айшат.

Маржан. Азрет, спой свою песню!

Айшат. Спой, пожалуйста, — такая трогательная песня.

Азрет (*поет*).

Когда на родину проклятый враг напал,
В ряды бойцов и я со всеми встал.
За счастье общее в атаку я ходил,
И мой народ в сраженьи победил.

Когда вернулся я в родимое село,
Я думал, ждет меня семьи тепло.
И я надеялся, что кончилась беда,
Что буду счастлив я теперь всегда

И вот пришел я рано утром в отчий дом.
Я на войне не раз мечтал о том!
Но туг увидел я, что дом родимый пуст...
И у крыльца свалился я без чувств.

Сказали мне потом соседи: вся моя
Погибла под бомбежкой семья.
Стоят вокруг они, сочувственно глядят,
Помочь не могут, но помочь хотят...

С тех пор от горя я жестокого горю,
Как только вспомню милую семью.
А сколько их вокруг, таких же, как и я,
Тех, чья мечта разбита, как моя!

Пускай на свете будет добрый мир навек!
Достоин светлой доли человек.
Пусть сын по матери или по сыну мать
Вовек не будут больше горевать!

Голос из соседней комнаты: «Азрет, старики просят спеть и для них!»

Иду! (*Уходит.*)

Маржан (*утирая слезы*). Стоит ему запеть эту песню — все как наяву встает перед глазами...

Айшат. Да...

Маржан (*отводит ее в сторону*). Кроме тебя, некому его раненое сердце лечить. Он за тебя в огонь и в воду. Не мучай ты его.

Айшат. Не знаю, Маржан, что и делать. Если я за него выйду, еще больше буду вспоминать Ахмата. Они ведь ни на день не разлучались.

Маржан. Верно, было... И все же сердце его можешь успокоить только ты.

Айшат (*ставит бутылки с вином на поднос*). Хватит, Маржан. Не надо жить по пословице: «С упорной свахой и ступка замуж выйдет». Идем лучше к гостям.

Маржан. Эх, Айшат! Нельзя чистую воду понапрасну выливать! Все село знает, что за человек Азрет.

Айшат. Не надо, Маржан. Не надо.

Обе уходят, унося на подносах еду и вино.

Налжан (*обнимая внука*). Сынок, да перейдут ко

мне твои хворости, не уезжай больше из селения. Когда ты рядом — на сердце спокойно...

Магомет. Но не для того же я на летчика учился...

Налжан. Ты прав, сынок. Орлята рождаются, чтобы летать.

Магомет. Чтобы матери не слепли, плача по сыновьям, как ты, чтобы сыновья не росли без отцов, как я,— мы должны охранять наши границы от врагов.

Налжан. Господи, не допусти, чтобы мать горевала по сыну!

Магомет. А ведь враг еще не унялся.

Налжан. Неужели не насытился еще кровушкой людской?

Магомет. Нет, бабушка, все ему мало! Но не перейти ему наших границ, не омрачить наше чистое небо!

Налжан. Хорошо, сынок, хорошо... Как хочешь, так и делай, лишь бы был здоров. (*Вытаскивает из сундука часы.*) Когда мы получили письмо от твоих командиров с благодарностью за хорошую учебу и дисциплину, я так обрадовалась. Ведь когда твой отец учился в Нальчике, я тоже получала такие письма. А за окончание командирских курсов его наградили вот этими часами — именными.

Входят Азрет, Маржан, Айшат и слушают.

Перед последним боем он послал эти часы домой и написал: «Когда Магомет вырастет и станет достойным мужчиной, отдайте ему эти часы». (*Дает Магомету часы.*) Носи, сынок.

Айшат и Азрет плачут.

Магомет (*целует часы, потом Налжан*). Пока бьется мое сердце, эти часы будут напоминать мне, за что погиб мой отец...

Налжан (*утирая слезы*). Да продлится жизнь твоя, сынок...

Маржан (*у нее в руках гармошка*). Эх, отец не дожил...

Азрет (*помолчав*). Что же, мать, по такому случаю разрешите Айшат станцевать с сыном.

Налжан. Пляшите, родные, пляшите...

Азрет. Сейчас! (*Маржан.*) Убери-ка стулья.

Маржан расставляет стулья по стенам. Магомет усаживает Налжан на табуретку.

Маржан (Айшат). Ну что ж, пляши! Когда тебе еще плясать, если не сегодня?

Айшат. Ой, что вы, я уж и забыла, как плясать-то.

Азрет. Да нет... я...

Налжан. Спляши, Айшат. Давайте весело жить...

Айшат и Магомет танцуют кафа, остальные хлопают в ладоши.

Маржан. Ах, Айшат, плутовка! А говоришь — забыла!

Айшат. Да ладно уж!

Маржан. Зря упиралась — ты и сегодня лучше всех плясешь!

Танец кончается. Магомет и Маржан берут Налжан под руки.

Идем, бабушка, посиди с гостями.

Налжан. Хорошо, хорошо, дети мои.

Магомет, Налжан, Маржан, Азрет уходят в соседнюю комнату. Айшат ставит стулья на прежние места.

Айшат (глядя вслед сыну). Высокий, плечи широкие, прическа, походка — до чего на отца похож! И форма так ему идет... Хорошо бы его женить, чтоб на службу уже с женой поехал... только на ком? (Задумывается.) Фатимат тоже красивая девушка... Воспитанная. Подходит моему... А что, если Фатимат станет невесткой? (Слегка вздрагивает.)

Возвращается Азрет.

Азрет. Что ж ты испугалась? Разве я такой страшный? Айшат! Ну посмотри на меня.

Айшат (тревожно оглядывается). Уйди, люди увидят! И так все село говорит, в глаза людям смотреть стыдно! Когда Ахмат уходил на фронт, я ему сказала: «До самой смерти ждать буду».

Азрет. Если бы Ахмат был сегодня здесь, я бы не меньше твоего радовался. До сих пор тот дым перед глазами стоит... Что поделаешь, раз судьба такая?

Айшат. Эх, Азрет, знал бы ты, как сердце болит!

Азрет. Знаю.

Айшат. Все время во сне его вижу.

Азрет. Был бы жив — дал бы знать о себе за двадцать лет.

Айшат. Ах, кто знает... Я уже не в силах ни о чем думать.

Азрет (*берет ее за руку*). Я все понимаю, Айшет, но нельзя же всю жизнь в трауре ходить. Мне кажется, двум раненым сердцам вместе было бы легче.

Айшат (*тяжело вздыхает*). О господи... Нет, он не умер. (*Плачет.*) Я знаю — не умер.

Азрет. Не надо, родная, не мучь себя. Одни умирают — другие должны жить. Дай согласие, Айшат. Сжался надо мной.

Айшат. Не знаю, Азрет... Я уже ничего не знаю. Будут говорить — вот, мол, вышла замуж на старости лет.

Азрет. Ничего тут нет зазорного.

Айшат. А Магомет что скажет? Перед ним стыднее всех.

Азрет. Так как же?

Айшат. Я должна подумать. Ох, ради бога, уходи, еще увидит кто-нибудь!

Первый голос. Эй, джигиты, девушки! Повеселились, пора и честь знать! Скоро рассвет. Многим и отдохнуть хочется.

Второй голос. Кто хочет отдохнуть — свободен! А кто хочет — продолжает плясать и веселиться!

Из соседней комнаты выходят Налжан, Маржан и Магомет.

Маржан. Ух, патенцевались, аж ноги гудят! Пора, пожалуй, домой.

Азрет (*смеясь*). Да уж... (*Прощается за руку с Налжан, Айшат и Магометом.*) Налжан, пусть радость будет неразлучна с вами. Пойдем и мы.

Маржан (*прощается со всеми*). Да не разлучит вас бог! А мы будем приходить только на праздники.

Налжан. Спасибо, дети мои. (*Магомету.*) Проводи гостей, сынок.

Магомет. Хорошо, бабушка.

Уходят.

Айшат прибирает в доме. Возвращается Магомет.

Магомет. Вот и остались мы одни. Своей семьей... А хорошая у нас семья, верно, бабушка?

Налжан. Верно, сыночек, верно. Дай бог нам никогда не разлучаться.

Магомет (*Айшат*). Да, мама?

Айшат. Так... да... так...

Налжан. Так спать хочется — глаза слипаются.

Магомет. Честно говоря, у меня тоже.

Айшат. Идите, я уже постелила. А я тут немножко приберу.

Магомет. Ну, бабушка, я пошел. Надо отдохнуть.
(Айшат.) Спокойной ночи, мама.

Уходят Налжан и Магомет. Лишат остается одна. Она сидит, закрыв ладонями лицо. Потом встает.

Айшат (глядя на портрет Ахмата на стене). Ахмат... Родной мой... Неужели закрылись твои черные глаза? Жив ли ты, Ахмат? (Приблизившись к портрету.) Что же ты не отвечаешь? Не слышишь меня? (Опускает глаза.) Ох, я, кажется, с ума схожу. Голова кругом идет, сердце болит. (Портрету.) Что мне делать, Ахмат? Помутнели очи мои, поседелі волосы мои... А тебя все нет... нет тебя, Ахмат, родной мой...

Гаснет свет. Диктор читает стихотворение:

«Давно отшумела война,
И сироты взрослыми стали...»

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Западная Германия. Однокомнатная квартира Ахмата. В углу диван, посредине стол, несколько стульев. Радиоприемник. Все выглядит очень бедно. Эльза прибирает в комнате.

Эльза (вытирая стол). Ну что это за жизнь? На курорт не поедешь, в ресторане не посидишь, не оденешься как следует. Разве это жизнь? Эх, неужели вся жизнь так и пройдет? Нет, это не жизнь... Научиться бы делать деньги — есть ведь и такие, что умеют... Дура я, связалась с нищим. Знала бы, кто он, ни за что бы не влюбилась... Хотя нет, все равно влюбилась бы. Эх, молодость, молодость...

Входит Ахмат. У него усталый, грустный вид.

Эльза. Что так поздно?

Ахмат. Работал лишних два часа. Долгов много, Эльза. Три месяца за квартиру не плачено.

Эльза. Думаешь, поработал лишних два часа — больше денег получишь? Держи карман.

Ахмат. Да знаю. А что делать? У нас говорят — утопающий и за соломинку хватается.

Эльза. «У нас в горах», «у нас в Балкарии»... Подумал бы лучше, где денег взять. Надоела такая собачья жизнь.

Ахмат (*садится к приемнику*). У меня своих заводов, как тебе известно, нет.

Эльза. Ну вот, опять: «нет» да «нет».

Ахмат. Короче, что ты мне предлагаешь?

Эльза. Да что тебе предлагать... Пустое дело...

Ахмат. Ну?

Эльза. Лентяй ты, вот что. Слава богу, детей нет.

Ахмат. Очень ты изменилась в последнее время. Я тебя не понимаю.

Эльза. Вот именно. Ты вообще ничего не понимаешь.

Ахмат. Эльза...

Эльза. Что «Эльза»? Только и знаешь свою Балкарию!

Ахмат (*сердито*). Прекрати!

Эльза. Не кричи на меня! Нет у тебя такого права. Я немка.

Ахмат. Ты моя жена.

Эльза. У тебя еще одна есть.

Ахмат. Ох и злой язык! (*Встает, сильно обижен.*) И так сердце болит, а ты его еще сильнее ранншь...

Эльза. Найди такую, которая не будет ранить.

Стук в дверь. Эльза открывает. Входит Ганс.

Ганс (*здоровается за руку с Ахматом*). Как дела, Ахмат? Чего ты такой бледный? (*Эльзе.*) А ты чего хмурая такая?

Эльза. Зубы болят. (*Уходит на кухню.*)

Ахмат. Садись, дружище. А ты как?

Ганс (*садится*). Да средне.

Ахмат. Что случилось?

Ганс. Завтра вызывают в полицию.

Ахмат. За что?

Ганс. Возможно, за позавчерашнее собрание.

Ахмат. А что ты там говорил?

Ганс. Говорил, что на войну кое-кому надеяться не стоит.

Ахмат. А еще?

Ганс. Еще — что в ГДР рабочие и служащие борются за мир во всем мире. Что там строится социализм и каждый получает по труду.

Ахмат. Ну разве можно так? И так на тебя полиция давно уже глаз положила.

Ганс. Но что мне делать...

Ахмат. Конечно, ты прав! Но знаешь поговорку: нетерпеливая речка до моря не дойдет. (*Крутит ручку приемника.*) Послушай, Ганс, мы с тобой давние друзья. Я должен тебе сказать одну вещь. Я ведь на родину...

Входит Эльза.

Эльза. Ну, Ганс, как вы поживаете, расскажите! Как дела у Эрны?

Ганс. Нормально.

Эльза. А ребяташки?

Ганс. Спасибо, все в порядке.

Эльза. Ну что ж, все живы-здоровы, — значит, все хорошо. Я там чай готовлю, сейчас приду. (*Уходит.*)

Голос диктора: «...Мы передавали последние известия. Через минуту слушайте очерк «Судьба Ивана».

Тревожная музыка.

Ахмат. Это еще, интересно, что такое?

Ганс. Послушаем, что они там еще сочинили.

Голос диктора: «Говорит радиостанция Мюнхена. Слушайте очерк «Судьба Ивана». Буран... Мороз шиплет уши, режет глаза. Плевком замерзает, не долетев до земли. Арестанты идут цепочкой, съжившись, кутаясь в лохмотья. Иван глубоко задумался — так задумался, что не замечает идущих рядом и часто спотыкается. Брови его занивели. Бела и отросшая борода. В 1943 году Иван Романов попал в плен. До 1946 года он жил в Бонне, потом решил возвратиться на родину. Не думал Иван, что, едва перейдя границу, он будет арестован...»

Стук в дверь. Ахмат выключает приемник, идет к дверям. Возвращается с газетами.

Ахмат (*опять настраивая приемник*). Так и не дослушали... «Судьба Ивана»... Неужели все это правда? И невинных сажают в колонии?

Ганс. Что-то не вернется. В Советском Союзе...

Эльза принесит чай.

Эльза. Пейте, а я пока в магазин схожу. (*Уходит.*)

Ганс. Что же, Ахмат, так и не поедешь на родину?

Ахмат. Конечно, поеду. Я начал говорить, но Эльза помешала. Я бы очень хотел поехать. Вот только...

Ганс. Что?

Ахмат. Боюсь, не поверят, что я певинновен. Еще попадут в беду из-за меня... Двадцать пять лет не писал домой. Эх, Ганс! У меня ведь и сын был. Магомет. Какой он сейчас? Посмотреть бы — большего счастья и не надо... Жива ли моя бедная мать? А Айшат?.. А село? Родные, друзья? Так все и стоит перед глазами. Так и кажется, что зовут к себе родные горы... Ганс, друг мой, ты не испытал такого... Потерять родину — хуже, чем мать потерять. Ты был моим лучшим другом все это время. И даже тебе я не говорил, что удерживало меня от того, чтобы уехать на родину. И сегодня мне трудно об этом говорить...

Ганс. Я думал, между нами нет секретов.

Ахмат. Есть. И, кроме тебя, мне некому об этом рассказать. Слушай. В первые дни войны я был ранен и попал в плен. Это ты знаешь...

Ганс. Да.

Ахмат. Слушай дальше. Эсэсовцы бросили меня, раненого, в концлагерь. Там заключенные умирают от голода. Вдруг появился один человек по фамилии Анданов...

Ганс. Он тоже был пленный?

Ахмат. Я и сам сначала так думал...

Ганс. Как — сначала?

Ахмат. Сейчас все поймешь. Через несколько дней, когда я уже совсем обессилел от голода, этот Анданов принес буханку хлеба и две банки консервов...

Ганс. Откуда?

Ахмат. Нам не до того было. Конечно, все набросились на еду. С тех пор он часто приносил нам пищу...

Ганс. И вы не спрашивали, откуда у него продукты?

Ахмат. Спрашивали. Он говорил: потом узнаете. Мы думали, он член какой-то подпольной организации...

Ганс. А на самом деле?

Ахмат. Однажды мы целый день таскали камни, а когда вернулись в бараки, узнали страшную весть. Оказывается, фашисты раскрыли лагерную подпольную организацию. Я всю ночь не спал, думал — неужели и Анданов попался? На рассвете нас всех выгнали из барачных и четыре часа держали под дождем и снегом. Тех, кто падал, травили собаками. Наконец гестаповцы пригнали четырнадцать человек. Они были все в ссадинах и кровоподтеках, многие плевались кровью. Но не теряли муже-

ства и умирали героями. Тут подкатила легковая машина. Из нее вышли трое гестаповцев. Один из них был Анданов — тот самый, что таскал нам продукты...

Ганс. Как так?!

Ахмат. Я чуть не захлебнулся от злости и ненависти. Он начал искать кого-то среди пленных, и я, конечно, подумал, что он ищет меня...

Ганс. Он был русский?

Ахмат. Нет. Немец. И настоящая фамилия его была Шуберт. Он подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал, указывая на виселицы: «Молодец, Ахмат! Фюрер не забывает хорошую работу». Я не мог понять, зачем он это говорил... После этого можешь не спрашивать, как относились ко мне пленные...

Ганс. Вот сволочь!

Ахмат. Знал бы я раньше, кто он есть, — горло бы перегрыз.

Ганс. Но как же свои тебя не прикончили?

Ахмат. В тот же день меня перевели в другой лагерь.

Ганс. А потом?

Ахмат. В том лагере они поступили со мной так, как им было нужно. Офицер велел изменить фамилию: мол, пленные и сюда могут сообщить о моих делах. Был Уланов — стал Бахсанов. Мне уже было все равно, пусть Бахсанов, хоть Адовым называйте...

Ганс. И больше ты не видел этого Анданова?

Ахмат. Вскоре нас перевели в Западную Германию. Я подумал, что им уже не до меня, стал искать возможности перебраться на родину. Но вдруг заявляется Анданов и еще двое и находят меня в лагере. На этот раз, без долгих церемоний, они предложили мне отправиться в СССР по заданию разведки.

Ганс. То есть на родину шпионом...

Ахмат. Да. Но я, конечно, не согласился. Уж лучше было умереть. Тогда они избили меня до потери сознания и бросили в барак. Я очнулся от прикосновения рук. Незнакомый человек сказал мне, что он член тельмановской партии. Я рассказал ему все. В ту же ночь я убежал с его помощью и долго прятался в каком-то доме. Но на этом еще не кончилось...

Входит Эльза.

Эльза. Ну и накурили, хоть топор вешай!

Ганс. Извини, Эльза...

Эльза (*улыбается*). На этот раз прощаю. В следующий раз обоим поставлю в угол. Пойду кофе сварю — это полезнее, чем сигареты. (*Уходит.*)

Ганс. Теперь я все понял...

Ахмат. Я столько лет живу здесь не только потому, что боюсь за свою шкуру. Но если там не поверят мне — как народ будет смотреть на старушку мать, на взрослого уже сына, на жену... И вот живу здесь. Но как я тоскую, Ганс, как я тоскую по нашим горам! Убегу я отсюда...

Ганс. Ты верный сын своей родины, Ахмат. Я верю, что и она тебя встретит как своего достойного сына... Теперь мы должны действовать разумно. Я пошел.

Ахмат. Куда?

Ганс. В советское посольство. (*Собирается уходить.*)

Входит Эльза с кофе.

Эльза. Куда ты? А кофе?

Ганс. Нет, спасибо. Я спешу. (*Уходит.*)

Эльза обнимает Ахмата.

Эльза. Сколько я знакомых встретила! Особенно один, такой интересный...

Ахмат. Кто?

Эльза. Говори, что подаришь, — скажу.

Ахмат (*печально*). У меня тут нет знакомых.

Эльза. А вот и есть! Он так о тебе расспрашивал! Как поживаешь, как здоровье, каков заработок; спрашивал — может, помощь нужна...

Ахмат. Странно. Не знаю я такого человека. Хватит мучить, скажи, кто он.

Эльза. Он адрес взял, придет — увидишь.

Ахмат (*сбрасывает ее руку со своего плеча*). Слушай, зачем ты даешь адрес каждому прохожему?

Эльза. Каждый прохожий не станет так подробно расспрашивать. Было бы у тебя побольше таких друзей, мы бы не были такими нищими. Ах, какой приятный человек! Он, наверное, все может сделать. В момент подыскал и для меня работу. Что ж ты не радуешься? (*Закуривает.*) Теперь я начальница! Тебе что, не нравится, что у тебя жена начальник?

Ахмат. Ничего не понимаю.

Эльза (*обнимает его за шею*). Улыбнись — скажу.

Ахмат. Задушишь.

Эльза. Ты меня не любишь. Ты бессердечный.

Ахмат. Глупости.

Эльза. Какой-то ты мрачный стал. Ты что-то скрываешь. *(Примирительно.)* Ну давай не будем ссориться... *(Пытается приласкаться.)* Он такой хороший человек! Не сердись, Ахматик, мало ли что женщина наговорит... *(Собирается уходить.)*

Ахмат. Эльза, не ходи никуда!

Эльза. Ты что, он сейчас придет! Надо его принять получше. Он же твой друг!

Ахмат. Не нужен он мне, и дружба его не нужна! Что-то тут нечисто.

Эльза *(вспыхивает)*. Заткнись, кретин! Раз в жизни счастье привалило — и то отказываешься!

Ахмат. Дура!

Эльза. Нищий кретин!

Эльза уходит, хлопнув дверью. Ахмат сидит, закрыв лицо руками.

Ахмат. Жизнь собачья... Айшат, Магомет, где вы... Мама...

Стук в дверь. Входит Шуберт.

Шуберт *(весело)*. О-о-о! Здорово, Ахмат! А Эльза где?

Ахмат *(изменившись в лице)*. Садитесь. Она вернется.

Шуберт *(брезгливо оглядывается, садится на стул)*. Как дела, Ахмат? Грустишь? Зверь и тот в неволе чахнет, а человек и подавно. Но с такими друзьями, как у тебя, не пропадешь! *(Достаёт платок, сморкается.)* Из какого ты, говорил, селения в Балкарни?

Ахмат. Из Лесистого Агачла.

Шуберт. Не знаю такого. В сорок втором году был в Генделене, — кажется, тоже балкарское село...

Ахмат. Да.

Шуберт. И в Нальчике был. И в Приэльбрусье...

Пауза.

Послушай, приятель...

Ахмат. Волк свиные не приятель.

Шуберт *(притворно обидевшись)*. И это ты говоришь тому, кто спас тебя от голодной смерти? Хорошо, что я не обидчив.

Пауза.

Ахмат, хочешь вернуться на родину?

Ахмат. Это мое дело.

Шуберт. Bravo, bravo! Все верно. Любишь свой народ?

Ахмат. А кто не любит свой народ?

Шуберт. Bravo!

Ахмат. Говорите, зачем пришли.

Шуберт. Зря сердишься. Я с добром пришел. Ты нужен нам, Ахмат.

Входит Эльза с сумкой. Оттуда торчат горлышки бутылок.

Эльза (*при виде Шуберта кокетничает*). Ах, вот и вы! Какая радость!

Шуберт. Спасибо, Эльза. Ахмат тоже ужасно рад.

Эльза. Сейчас быстренько накрою на стол. (*Уходит.*)

Шуберт. Попавший в наш капкан живым не выводится...

Ахмат. Говори прямо, что тебе надо!

Шуберт. Мы предлагаем тебе работать на нас.

Ахмат. И, конечно, уверены, что я сразу соглашусь.

Шуберт. Это деньги, Ахмат. А в этой паршивой комнатухе...

Входит Эльза, накрывает на стол, ставит рюмки, бутылки.

Побываешь в Советском Союзе... туристом. С этим ты справишься.

Ахмат. Не понимаю.

Шуберт. Все очень просто. И большие деньги. Очень большие.

Эльза. Деньги... Деньги... Ахматик, ну что же ты молчишь? Ведь твой друг хочет тебе помочь!

Шуберт. Ну конечно!

Ахмат. То есть я должен поехать как шпион...

Шуберт. Дадим новый паспорт, новую фамилию. Не волнуйся, никто тебя не узнает.

Эльза. Да тебя и так уже родная мать не узнает. Двадцать пять лет — не двадцать пять дней. Тебя уже и не помнит никто.

Шуберт. И будешь работать там с нашими людьми. Выполнять задание.

Ахмат. Не выйдет.

Эльза. Как не выйдет?

Ахмат. Не вернусь я на родину шпионом.

Шуберт. Ты хорошо подумал?

Ахмат. Я кровь проливал за родину! Я рос под знаменем Ленина!..

Шуберт (*насмешливо*). Брось красивые слова!
Был бы патриотом — не сдался бы в плен.

Ахмат. Я в плен попал не по своей воле.

Шуберт. Поезжай, поезжай в СССР с такими объяснениями!

Ахмат. Ты насмеяться надо мной пришел?

Шуберт. Никто над тобой не смеется. Дело в том, что Советский Союз не только твой враг...

Ахмат. Советский Союз мне не враг! Это моя родина!

Шуберт. Что же ты тогда туда не едешь?!

Ахмат. Это мое дело.

Шуберт. Хорошо. Во время войны тысячи людей, как и ты, попали в плен. Вернувшись на родину, все они умерли в колониях.

Ахмат. Мой народ вернулся на свою землю и живет счастливо!

Шуберт. Ты действительно в это веришь?

Ахмат. Так оно и есть!

Шуберт. Что же ты не сдешь домой?

Ахмат. Это мое дело!!!

Шуберт (*примирительно*). Видишь — боишься. И есть чего. Лучше будем бороться вместе за наше будущее. Война еще не кончилась. Победим мы — будешь счастлив и ты.

Ахмат. У человека есть одна родина! Только одна! И дороже нее ничего на свете нет.

Шуберт. Хватит, Ахмат. Не набивай цену.

Ахмат. Я повторяю: отчизну не предаю! Все!

Эльза (*ставит на стол угощение*). Ахмат, одумайся!

Ахмат. Не вмешивайся! Тебя это не касается!

Шуберт. Я не верю, что это твое последнее слово.

Ахмат. Очень ошибаешься.

Шуберт. Вспомни концлагерь. Виселицу.

Ахмат. Пугаешь?

Шуберт. Я и не знал, что ты такой трус.

Ахмат. Интересно, кто из нас больший трус...

Эльза. Послушай умного человека, Ахмат. Он же от души, он помочь хочет...

Шуберт (*встает, Ахмату*). Значит, это последнее слово?

Ахмат. Да.

Эльза. Ахмат, милый, ну послушай этого господина...

А х м а т. Тебе нужны деньги. А мне мои убеждения дороже денег.

Э л ь з а. Ах!.. *(Делает вид, что ей плохо, и падает ему на грудь.)*

А х м а т *(отталкивает Эльзу)*. Господни Шуберт, больше у вас нет ко мне вопросов?

Ш у б е р т. Нет.

А х м а т. Тогда не трогай меня больше! Не то...

Ш у б е р т. Не трогать? Это мы еще посмотрим! Подумай до завтра, и если...

А х м а т. Ни минуты не собираюсь думать.

Ш у б е р т. Посмотрим.

А х м а т. Это мое дело.

Ш у б е р т. Ну что ж, поговорим в более подходящем месте.

А х м а т. Хоть огнем жгите.

Ш у б е р т. Молчи, нищий! Сам приползешь, да поздно будет!

А х м а т. Рано, поздно — шпиона из меня не сделаете.

Э л ь з а. Не упускай свое счастье, Ахмат!

А х м а т. Не жена ты мне с сегодняшнего дня!

Э л ь з а. Да кому ты нужен, пес бродячий!

А х м а т. Заткнись, шлюха!

Ш у б е р т. Брось ее! Итак, твое последнее слово.

А х м а т. Я все сказал.

Ш у б е р т. В таком случае подумай о судьбе своего сына, жены и старушки матери. Если советские чекисты узнают о твоих делах в концлагере, не только семью твою — весь род уничтожат.

А х м а т. Это не мои, а твои дела!

Ш у б е р т. Все узники об этом знают. Лучше послушайся меня. Спаси свою семью. А то ведь и жене твоей, и сыну...

А х м а т *(побелев от злости)*. Не трожь их, подлая собака! Это ты меня погубил, возвел напраслину, а я чист перед моей страной! Тронешь их теперь — горло перегрызу!

Ш у б е р т. Чист, говоришь? А кто же предал подпольную организацию в лагере? Всех повесили!

А х м а т *(хватает стул и изо всех сил бьет Шуберта по спине)*. Ох и много ж ты мне крови попортил, сволочь!

Э л ь з а *(разнимая)*. Господа... господа...

Ш у б е р т *(бьет Ахмата по затылку рукояткой револьвера.)*

Ахмат падает, теряя сознание.

Я тебе покажу, негодяй!

Эльза (*приложив ухо к груди Ахмата*). Кажется, ты убил его.

Шуберт. Нет, он без сознания. (*Понизив голос*.)
Надо убрать надежно.

Эльза (*тихо*). А как?

Шуберт (*что-то достает из кармана, дает Эльзе*).
Бросишь ему в кофе вот это, и все будет кончено. Постарайся поскорее.

Эльза. Но как же я... я не могу...

Шуберт. Ш-ш-ш... (*Достает пачку денег, дает Эльзе*.)

Эльза. О-о, сколько денег...

Шуберт. Сделаешь — получишь завтра столько же.

Эльза. О-о-о... (*Оглядываясь на Ахмата, жадно считает деньги*.) Деньги... вот счастье... Курорты на побережье...

Шуберт. Ну ладно. Я ухожу. Учти, если он останется жив, нам завтра несдобровать.

Эльза. Такая работа...

Шуберт. До свидания. (*Уходит*.)

Эльза быстро пересчитывает деньги и прячет на груди.

Эльза (*рассматривает порошок, который дал ей Шуберт*). В кофе? Нет, лучше в вино. (*Наливает две рюмки вина, в одну сыплет порошок*.) Ахмат, Ахматик мой!

Ахмат (*приходит в себя*). Где эта сволочь?

Эльза пытается обнять его, но тот отбрасывает ее руку.

Где эта сволочь, я спрашиваю?

Эльза. Он ушел... Если бы не я, он бы тебя убил...

Ахмат. Что белая свинья, что черная — одно. Ты не лучше его. Фашистское отродье.

Эльза. Ахматик, дорогой, прости меня... Я такая дура... Садись, выпьем немного, успокойся.

Ахмат. Всем вам давно на тот свет пора...

Эльза (*притворно плача*). Я без тебя, Ахмат, жить не могу... солнышко мое... прости меня... Садись, выпьем вина... Забудем...

Ахмат (*достает деньги, протягивает ей*). Мне чего-нибудь покрепче надо. Сходи купи коньяку.

Эльза. Давай только по бокальчику выпьем, и пойду.

Поднимают бокалы. Стук в дверь. Ахмат ставит бокал, идет открывать. Входит Ганс. Эльза растерянна.

Н-ну, вы пейте, а я в магазин. *(Уходит.)*

Ганс *(достает бумагу, подает Ахмату)*. За тобой прислали машину из советского посольства. Идем скорей.

Ахмат *(читает. Обнимает Ганса)*. Спасибо, друг! Спасибо тебе! Идем!

Выходят. Слышен шум отъезжающей машины. Входит Эльза с коньяком.

Эльза. Ахмат! Ахмат! Где ты, Ахмат?

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

Декорация та же, что в первой картине. Действие опять происходит в доме Налжан. Налжан стоит посреди комнаты, вынимает из чемодана вещи Ахмата и письма, которые он прислал с фронта, и разговаривает с ними, словно со своим сыном. Между первым и третьим актами прошел год.

Налжан *(достает из чемодана белый башлык)*. Помнишь, сынок, когда ты привел мне невестку, я дала тебе этот башлык. Ты обещал беречь его как память обо мне. Кто мог тогда подумать, что этот башлык, сделанный руками матери, будет валяться в чемодане? А я все храню его, берегу от моли, все жду, что вернешься... *(Достает черный костюм, гладит ладонями, прикладывает к лицу.)* Этот костюм я купила, когда ты, бедный мой, окончил учение. Какой ты был красивый в этом костюме, в белой рубашке... *(Достает небольшой портфель, откуда — треугольнички фронтовых писем.)* Ты писал нам каждую неделю... *(Плачет.)* Писал жене, чтобы хорошо ухаживала за мной... Довольна я невесткой, сынок, она была для меня хорошей невесткой. Столько лет прошло, а она все ждет и ждет тебя... *(Целует письма, складывает обратно. С одеждой Ахмата в руке ищет дверь.)* Пойду вывешу на солнце, как бы моль не завелась... *(Уходит.)*

Входит Магомет в форме лейтенанта, с чемоданом.

Магомет (*оглядываясь*). Где же они? Мама на работе, наверное... А бабушка? (*Замечает чемодан Ахмата.*) Эх, бедная! Опять пошла черным костюм проветривать. (*Подходит к окну.*) Так и есть. Бедная бабушка. Все бы отдал, только бы утешить ее хоть на минутку. А сколько еще матерей точно так же ждут...

Входит Налжан.

Налжан. Кто это к нам пришел?

Магомет (*бросается ей навстречу, обнимает*). Это я, бабушка!

Налжан. Чужая сердце, что приедешь.

Магомет. Отпуск дали, вот и приехал. (*Смеется.*) А что, плохо?

Налжан. Хорошо, радость моя, хорошо! Сразу на сердце полегчало... (*Гладит его по голове.*) А невестка, невестка-то где?

Магомет. В институте — экзамены сдает.

Налжан. Хватит ей уже учиться! Пока я жива, хотела на правнучков порадоваться...

Магомет (*смущенно перебивает*). А мама где?

Налжан. В колхозе, сыночек, работает...

Магомет. Скоро придет?

Налжан. Время горячее. Возвращается вечером. Ну да пошлю кого-нибудь из ребятишек, пусть скажут, что ты приехал.

Магомет. Ой, не надо! Я лучше сам схожу... потом.

Пауза.

Как изменилось наше село за то время, пока я здесь не был! (*Укладывает в чемоданчик полотенце и мыло.*) Бабушка, придет мама — не говори, что я приехал, ладно?

Налжан. Как же я удержусь?

Магомет. Ну потерпи на этот раз! Я схожу к каменному мосту, где мы все играли в детстве.

Налжан (*беспокойно*). Только с моста не прыгай, как раньше, а то, не дай бог...

Магомет. Все будет нормально! (*Целует ее в лоб.*) Смотри не забудь, о чем я тебя просил.

Налжан. Не забуду, сыночек, не забуду...

Магомет уходит с чемоданчиком.

(Вслед ему.) Видел бы тебя твой бедный отец, как бы обрадовался!

Через некоторое время входит Айшат.

Айшат. Мама...

Налжан. Что так рано?

Айшат. Завтра едем в соседний колхоз. Десять человек наших.

Налжан. Зачем, дочь моя?

Айшат. Соревнование. Надо узнать, как у них там дела.

Налжан. Когда же дома наконец будете?

Айшат. Время такое. Мать, я тебе бумаги давала на хранение, где они?

Налжан. Посмотри в сундуке:

Айшат (входит в дом, возвращается с бумагами). Мать, я в правление. (Уходит.)

Налжан сидит одна. Вскоре входит Маржан с почтальонской сумкой.

Маржан. Здравствуй, Налжан!

Налжан. Будь счастлива, дочь моя! Для нас ничего нет?

Маржан. Есть и для вас. Айшат дома?

Налжан. В правление пошла.

Маржан (вытаскивает два конверта, несколько газет, подает Налжан). Одно письмо — на имя Ахмата...

Налжан. Как?!

Маржан. Ахмата, сына твоего.

Налжан (растерянно). Не пойму, дочь моя, что ты говоришь... Как это на имя Ахмата? И где же оно?

Маржан. Вот это.

Налжан. Кто же ему пишет?

Маржан. Не знаю. Из Германии.

Налжан. Из Германии?

Маржан. Может, кто из фронтовых друзей... Думают, живой...

Налжан (со слезами на глазах). Наверное... наверное... думают, жив... думают, жив...

Маржан. Ну-ка давай сюда, прочитаем, что за письмо.

Налжан (протягивает было конверт, но сразу отдергивает руку). Нет... не надо... не читай...

Маржан. Почему?

Налжан (прячет конверт на груди). Не говори никому об этом, хорошо? Прошу тебя...

Маржан (*понимает*). Ну что ж, хорошо... не скажу...

Пауза.

Слушай, Налжан, так пить хочется.

Налжан. Зайди на кухню, там айран есть.

Маржан уходит на кухню.

(*Прижимает к груди конверт.*) Что же это, господи? Вдруг похоронная? Нет, о нет, лучше пусть мать твоя умрет... (*Вытирает слезы.*) Что же делать-то... Нет, пока не умру, пусть никто не видит этого конверта. (*Прячет на груди.*) Бедное дитя, бедное дитя мое... И сны мне часто снились нехорошие... Что же делать... (*Садится на тахту.*)

Вскоре входит Магомет. Выходит Маржан, замечает Магомета.

Маржан (*отдает честь*). О-о-о! Лейтенанту авиации горячий колхозный привет! (*Обнимает Магомета.*)

Магомет (*увидев сумку*). А ты все ходишь с сумкой, полной писем влюбленных!

Маржан. А как же! Что бы вы с Фатимой без этой сумки делали?

Магомет. Но есть у тебя там, наверное, и радости, и горести...

Налжан заметно вздрагивает.

Маржан. Нет числа тем и другим. А обо мне-то никто и не позаботится.

Магомет. А чего бы тебе хотелось?

Маржан. Ну вот ты, к примеру, подумал бы обо мне — привел бы какого-нибудь седого майора. (*Смеются.*) А Фатимат как поживает?

Магомет. Все в порядке. Только по дому скучает.

Налжан (*тяжело вздыхает*). О-ох! Аллах!

Магомет. Что с тобой, бабушка? Болит что-нибудь?

Налжан. Сердце... Опять сердце...

Магомет. Сейчас врача позову.

Налжан. Не надо, само пройдет. Дочь моя, пайди там мое лекарство.

Маржан спешит в дом, возвращается с валидолом.

(*Кладет таблетку под язык.*) Сейчас пройдет...

Магомет. Идемте, тебе надо лечь...

Все трое уходят.

Через некоторое время выходит Магомет.

Магомет. Схожу в аптеку за лекарством. (*Быстро уходит.*)

Появляется Айшат. У нее тоже тревожный вид. Садится на стул, смотрит на портрет Ахмата на стене. Потом смотрит в зеркало, поправляет волосы.

Айшат. Сорок один год. Господи, мне сорок один год...

Входит Маржан.

Маржан. Что-то Налжан худо.

Айшат. Ой, что с ней?

Маржан. Говорит — сердце.

Айшат. Все о сыне тоскует. В последнее время ей все хуже. Она дома?

Маржан. Да.

Айшат уходит в дом.

Как бы эта болезнь не помешала нашему делу.

Входит Азрет.

Как ты быстро вернулся!

Азрет. Только что приехал. Услышал, что Магомет дома, решил заглянуть. Где он?

Маржан. Налжан себя плохо чувствует, пошел в аптеку.

Азрет. Айшат не вернулась?

Маржан. Вернулась. К Налжан зашла.

Азрет. А что с ней?

Маржан. Сердце вроде.

Азрет. Совсем постарела.

Маржан. И горе на сердце...

Азрет. Да, горе подкосило ее.

Маржан. Еще Айшат уйдет, совсем тяжело ей будет.

Азрет. А что делать бедной Айшат? Столько лет ждала, надеялась — так и молодость прошла.

Маржан. Жизнь без надежды — что еда без соли.

Азрет. И то верно. Скоро уедет Магомет?

Маржан. Говорит, в отпуск приехал. С месяц проживет, наверное.

Азрет. Надо спешить, а то он уедет, и все.

Маржан. Да, и старушка одна не останется.

Азрет. Да, время не ждет. Иди прибери в доме.

Маржан уходит. Входит Айшат.

Азрет (*Айшат*). Как там Налжан?
Айшат. Ничего страшного, вроде обошлось.
Азрет. Слава богу, а то я боялся — сляжет.

Пауза.

(*Улыбаясь.*) Почему не поздравляешь?
Айшат. За какое такое геройство?
Азрет. Только не будь такой грустной.

Айшат улыбается.

Вот так ты сразу стала вдвое красивей.
Айшат. Что-то ты сегодня в ударе.
Азрет. Еще бы! Ведь сегодня нам вручили Красное
знамя района.
Айшат (*жмет ему руку*). Поздравляю!
Азрет. Спасибо.

Пауза.

А у нас уже все готово.

Айшат (*задумчиво*). Эх, аллах... от людей мне со-
вестно, Азрет. Скажут — на старости лет...

Азрет. Зачем ты так говоришь? Никогда в жизни я
еще не слышал, чтобы корили кого-нибудь за замужест-
во. Ты не захотела свадьбу — что ж, я согласился. Эх,
Айшат!..

Айшат. Какая свадьба, когда сердце не радуется...

Азрет. Так когда?

Айшат. Сегодня ночью, когда все уснут. Чтоб не
увидели.

Азрет. Пусть будет по-твоему. Меня в правлении
ждут, я пойду. Зайду позже. А ты не думай так много,
не мучай себя!

Айшат. Постараюсь...

Азрет уходит. Айшат спмает со стены портрет Ахмата, смотрит на
него, плачет, прижимает к груди.

Прости, Ахмат, дорогой. Я не виновата. Вся жизнь ухо-
дит в тоске по тебе. Я не виновата. Словно орел со сло-
манным крылом, ты так и не вернулся домой. Без тебя и
дом родной не мил. Огонь в очаге разводить не хочется.
Ни дня, ни ночи не прошло за все эти годы, чтобы я не
вспомнила тебя. (*Целует портрет.*) Я все твои ласковые
слова помню, никогда не забуду. Прости, милый, прости
меня. Я так долго тебя ждала. (*Ставит портрет на стол.*)
Прощай, радость моя. (*Обводит взглядом комнату.*)
Прощай, молодость... (*Утирает слезы.*)

Стук в дверь.

(Идет открывать.) Оставайся с добром, дом мой, разрушенный войной... (Открывает.)

Входит Магомет.

Магомет. Мама! (Бросается обнимать Айшат.)

Айшат целует его глаза и лоб.

Айшат. Откуда ты, сыночек мой милый? Ах, как же ты похож на отца!

Магомет. Как это плохо — не знать родного отца. (Достает из кармана лекарство.) Как там бабушка?

Айшат. Ей лучше.

Магомет. Я ей дам лекарство. (Уходит.)

Айшат задумывается, закрыв лицо ладонями, Через некоторое время входит Маржан.

Маржан. Вот мы и пришли.

Айшат (не в силах сдержать слезы). О, как трудно! Как трудно расстаться с домом, где знала счастье...

Маржан. Не терзай себя понапрасну.

Айшат (вздыхает). А где Азрет?

Маржан. Сейчас придет с друзьями. Ну что же ты такая грустная?

Айшат. С тех пор как я переступила порог этого дома, мы с Налжан всегда жили душа в душу. Как ей будет больно, когда она узнает, что я оставляю ее одну! Кого я найду, чтобы утешил ее горе?

Маржан. Айшат, Айшат, они вот-вот придут, а ты даже не одета.

Айшат. Ничего такого мне не надо.

Стук в дверь.

Маржан. Они!

Айшат. Оставайся с добром, мой дом...

Стук.

Маржан идет открывать.

Айшат. Господи, как стыдно, куда бы провалиться...

Стук.

Маржан. Кто там?

Ахмат (с той стороны). Неужели я перепутал... Это дом Налжан?

Маржан. Да, дом Налжан... Кто ты?

А х м а т. Я иду издалека. Можно видеть кого-нибудь из хозяев?

М а р ж а н. Кого тебе надо?

А х м а т. Налжан жива?

Айшат бежит к дверям.

А й ш а т. Господи, чей это голос?

Маржан уходит. Айшат открывает двери. На пороге А х м а т.

В темноте трудно узнать его лицо.

М а р ж а н возвращается.

М а р ж а н. Он одевается.

А й ш а т (Ахмату). Кто ты? Не стой на пороге, входи!

Ахмат осматривается, входит в дом. Айшат и Маржан смотрят на него с удивлением. Ахмат медленно подходит к столу, потом быстро оборачивается и пристально смотрит на Айшат. Она зажмуривается, медленно открывает глаза.

Господи, что это... мне чудится?

А х м а т. Айшат... ты?..

А й ш а т. Маржан, поддержи меня, со мной что-то происходит. (Закрывает лицо руками.) Маржан, кто это пришел? Или мне кажется? Мне привиделась тень Ахмата.

М а р ж а н. Что с тобой, Айшат, это какой-то путник зашел в дом.

Ахмат подходит к Айшат.

А х м а т. Айшат, открой глаза. Это я.

Маржан в растерянности отходит в сторону. Айшат открывает лицо, смотрит на Ахмата.

А й ш а т. Господи, это сон?

А х м а т. Ты не узнаешь меня? Я так изменился?

А й ш а т. Ахмат!.. (Теряет сознание, падает на руки Ахмата.)

А х м а т. Я, Айшат... Я, дорогая... (Обнимает ее.) Это я, Айшат, открой глаза.

Айшат постепенно приходит в себя.

А й ш а т. Сон ли это? Сон?

Маржан вытирает платком слезы. Ахмат и Айшат любуются друг другом.

О потерянный свет очей моих... О потерянное мое счастье, откуда ты... как гром с ясного неба!

Из комнаты выбегает Магомед.

Магомед. Добрый вечер, гость!

Ахмат. Добрый вечер. Извините, я так поздно...

Магомед. Ничего, ничего...

Ахмат. Очень поздно...

Айшат, отвернувшись, утирает слезы.

Магомед. Ничего. Дом горца всегда открыт для гостя.

Ахмат (*показывая на свой портрет*). Кто это?

Магомед. Мой отец...

Ахмат. А где он сейчас?

Магомед. Он погиб на войне.

Ахмат. Ты, Магометик, это ты?

Магомед (*удивленно*). Да...

Ахмат (*взволнованно*). Магомед... (*Обнимая его.*) Магомед, сынок!

Магомед (*освободившись из объятий*). Что ты сказал? Ты сказал «сын»?

Ахмат. Да, я твой отец. Я Ахмат...

Магомед (*растерянно*). Отец!.. (*Бросается опять в объятия Ахмата.*) Отец! Откуда ты, отец?

Ахмат (*целует Магомета*). А где моя мать? Жива ли она?

Из комнаты выходят Айшат и Налжан.

Налжан. Какой гость? (*Смотрит на Ахмата, часто моргая.*) Гость — посланник аллаха... Садись, сын мой... Мы всегда рады гостю... Не вижу я. (*Айшат.*) Угощайте гостя, уложите отдыхать.

Ахмат смотрит на мать со слезами на глазах.

Ахмат. Мама... мама...

Налжан. Как? Что ты сказал?

Ахмат (*на коленях перед матерью*). О-о, мама, я не верил, что настанет этот день в моей жизни.

Налжан. О господи, давший миру свет, кто ты, что называл меня матерью?

Ахмат. Я твой сын. Мама, я Ахмат.

Налжан. Ахмат. (*Тихо гладит его по щеке.*) Ахмат... мой сын... Что?! (*Резко оглядывается.*) Дочь моя, что ты молчишь?

Ахмат. Мама, родная моя...

Налжан (*голос дрожит, часто дышит*). Сын мой... Ахмат, это ты... ну, ладно... иди... Ахмат? (*Дрожит.*) Ахмат! Сын мой! (*Теряет сознание.*)

Ахмат берет ее на руки, Айшат быстро приносит воду.

Ахмат (*брызгает в лицо Налжан*). Бедная мама... старенькая мама... (*Целует ее в лоб.*) Мама...

Налжан (*очнувшись*). Ахмат, сыночек мой...

Ахмат. Я, мама, я...

Налжан (*плачет, прижимая его голову к груди*). Бедное, потерянное дитя мое, как же ты отыскался?

Ахмат. Я вернулся, мама. Вернулся. Даже до утра не мог дожидаться от нетерпения.

Налжан (*гладит его по лицу*). Плохо я вижу, сынок, и твое лицо не могла рассмотреть. (*Трогает большой шрам на виске.*) А это что?

Ахмат. Это фашисты след оставили, мама. (*Маржан.*) Если не ошибаюсь, ты сестра моего друга Азрета...

Маржан. Да... (*Обнимает Ахмата.*)

Ахмат. Азрет жив?

Маржан. Жив.

Входит Азрет.

Азрет (*обнимает Ахмата*). Ахмат!

Ахмат. Азрет!..

Налжан (*Айшат*). Не стесняйся, дочь моя, никого не стесняйся...

Айшат (*плача, обнимает Ахмата*). О боже, сделай, чтобы это не было сном!

Ахмат (*гладит Айшат по голове, вглядывается в лицо*). Ты тоже постарела... как и я...

Налжан (*достает конверт, подает Ахмату*). Сынок, вот это принес сегодня почтальон. Я думала, плохая весть, и спрятала.

Ахмат (*смотрит письмо*). У меня есть друг. Немец. По имени Ганс. Это он пишет. Он пишет, что перебежал из Западной Германии в ГДР. Поздравляет меня с возвращением на родину.

Магомед. Отец... какое прекрасное слово «отец»...

Ахмат. Я видел тебя во сне именно таким. Не удалось мне растить тебя в годы твоего детства...

Пауза.

Преклоняюсь перед жизнью, судьбой, перед ленинской правдой, которая вырастила тебя таким, каким я мечтал тебя видеть.

Занавес

ОРАЫ ЛЮБЯТ ВЫСОТУ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА В 3-х АКТАХ, 7-ми КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бетал Калмыков
Виктор — 25 лет (в первом акте)
Вера — 21 год
Чомай — 50 лет
Махай, младший сын Чома — 22 года
Муса, старший сын Чома — 27 лет
Измаил — 25 лет
Майя — 20 лет
Тимоша — 23 года
Аминат — 40 лет
Шахадат, дочь Аминат — 18 лет
Сенд, сын Аминат — 21 год
Федор — 23 года
Вера, внучка Чома — 22 года (в седьмой картине)
Гарун — 40 лет (во втором акте)
Мария Петровна — 36 лет
Ведущий.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На склоне горы, будто ласточкины гнезда, сгрудились балкарские сакли с земляными крышами. Возле каменистого утеса бивак геолого-разведчиков.

На авансцене ведущий читает стихи от автора.

Ведущий.

Когда страна в оковах тьмы лежала
Под тяжким гнетом баев и господ,
Богатство гор не нам принадлежало,
И не был счастлив мой родной народ.

Но вздрогнули задумчивые горы
И солнце озарило всю страну,
Когда пронесся мощный залп «Авроры»,
Спугнув в ущельях сонных тишину.

Да, это время помнишь ты едва ли,
Мой юный друг, товарищ мой и брат.
Но мы тогда мечтали.
Мы мечтали
У древних гор богатство отобрать.

За бурями, за ветром, за снегами,
За толстою броней изо льда —
Оно лежало за семью замками —
Богатство гор — бесценная руда.

Мы шли сюда — и бури нас слепили,
И сек нас град по спинам, как свинец,
Но мы снега и льдины растопили
Горячим жаром молодых сердец.

Мы к тайнам гор дорогу проложили,
Нашли ключи от кладовых земли.
Ну что ж, взгляни, товарищ, как мы жили
И как в труде мужали и росли.

При открытии занавеса Махай, Тимоша, Федор, Мусса, Майя спят, а Виктор сидит у костра. Вера, слегка покашливая, складывает вещи в рюкзак.

Виктор. А ты все кашляешь, Вера. Простуда никак не проходит. Присядь у костра, согрейся. *(Снимает свой пиджак и набрасывает Вере на плечи.)*

Вера. Спасибо, Витя. Только ты не беспокойся.

Виктор. Тебе лучше вернуться в лагерь.

Вера. Нет, что ты! Не думай, что я так уж больна. Я иду с вами.

Виктор *(пытаясь говорить строгим голосом)*. Я как начальник экспедиции не могу рисковать твоим здоровьем. Ты вернешься в лагерь.

Вера. Подожди, подожди, Витенька! Ты, конечно, шутишь? Ты не понимаешь, что я не могу, я просто не могу вернуться! Смешно даже.

Виктор. Смешного мало. Ты нездорова и в горах намучаешься так, что...

Вера. Не бойся, не измучаюсь.

Виктор. Нет, я должен бояться. В конце концов... я начальник экспедиции или нет?! Мне своих людей беречь надо. И... кроме того... я... Я тебя...

Вера *(оживляясь)*. Что кроме того ты меня?

Виктор. Я... я не хотел брать в экспедицию девочек. А тебе вот, когда ты пришла, не мог отказать. *(Встает, ходит взад-вперед.)* В общем, как бы это сказать... Ну, одним словом, ты плохо себя чувствуешь и должна вернуться в лагерь. Иначе и ты, и я просто измучаемся.

Вера. А ты почему? Ты же здоров. Чего тебе волноваться?

Виктор. Как это не волноваться! В конце концов, люблю я тебя или нет?!

Вера *(после паузы)*. Витя...

Виктор. Да?

Вера. Ух как жизнь хороша! Витя!

Пауза.

Витя, повтори еще разочек...

Виктор. Вера, Верочка, я очень, я очень сильно тебя...

Вера (*перебивая*). Нет, нет, не надо. Я и так верю. И потому не хочу возвращаться в лагерь, я хочу идти вместе с тобой. Я всегда и везде хочу быть рядом с тобой, Витенька.

Виктор (*кричит*). Горы! Го-о-оры! Вы слышите, что она сказала?!

Вера. Вот сумасшедший. Не кричи так, ребят разбудишь!

Участники экспедиции просыпаются.

Виктор. Уже разбудил. Вера, а когда у нас свадьба?

Вера. Когда спустимся с гор с рюкзаками, полными образцов руды.

Виктор. Ну, теперь я быстро найду эту руду. Обязательно найду. Джигиты, подъем!

Собираются в путь, перебирают мешки, ледорубы, веревки.

Мусса. Начальник, погода хочет портиться...

Федор. Вон тучи черные собираются, как корабли в порту. Мусса прав. Лучше отдохнуть сегодня.

Виктор. Ну нет, Федя. Плохая погода в этих горах не редкость. Если каждый раз из-за нее отлеживаться, то не много открытий сделаешь. А руда сама не приплывет по Баксану к нам в руки.

Федор (*швыряя вещи в рюкзак*). Уж лучше в ясный день сделать двадцать километров, чем в непогоду — два. Правильно я говорю, Мусса?

Мусса. Очень правильно.

Федор. С самой весны прыгаем, как дикие козы, с камня на камень, а пока еще ничего не нашли.

Виктор. А ты хочешь предложить другой план поиска?

Мусса. Когда пещера обваливается, только глупые люди остаются в ней...

Федор. А умные спешат из нее уйти.

Виктор. Ах, вот оно что! Вы предлагаете вернуться с полпути?

Федор. Скоро начнутся осенние дожди.

Виктор. Вот нам и надо до осени как можно быстрее обследовать эти места. Иначе — ждать до следующей весны.

Федор. Ха-ха-ха! За месяц собирается найти здесь полезные ископаемые. Ох уж эти мне романтики!

Виктор. Знаю, что их не месяцы, а годы ищут, но...

Федор (*перебивая*). Ты хочешь сказать, что мы должны ни днем ни ночью не знать покоя. Что руда нужна стране и тэдэ и тэпэ. Все это мы знаем. Не маленькое. Но мы в течение двух лет тратим народные деньги, а все без толку. Я получил письмо от Оксаны. Она пишет, что Александр Сергеевич на ученом совете добивался посылки сюда комиссии, чтобы отозвать экспедицию. А ты знаешь Александра Сергеевича. Если он уперся, так его уже не сдвинешь с места. Короче, напрасно мы мучаемся.

Виктор. Откровенно говоря, Федор, знал бы я, что ты такой хлюпик, не брал бы тебя в экспедицию. Желавших было много.

Федор. Каешься?

Виктор. Каюсь.

Федор. А зря. Сам ведь знаешь, что геолог я неплохой, хотя еще и студент. Думаешь, мне не хочется, чтобы эта проклятая руда была найдена? Но если приедет комиссия...

Виктор. Да пусть хоть сотни комиссий едут, а все равно обследуем Коргашиили снизу доверху.

Федор (*дружелюбно*). Глубокоуважаемый Виктор Данилович! За дела экспедиции отвечаете вы, а не я. Но мне как другу хочется дать вам добрый совет. Послушай. Напиши в ученый совет докладную: мол, в этих горах нет полезных ископаемых. Вот и все. И обвинять тебя будет не в чем.

Виктор. Нет, я не буду ничего писать. Они здесь есть. И я уверен, что мы их найдем.

Федор. Ну, как знаешь. Я тебя предупредил.

Махай. Виктор Данилович! Какая комиссия?

Виктор. Эх, дорогой Махай... Не многие нам помогают, зато многие мешают. Но они как петухи, которые думают, что утро наступит раньше, если они прокукарекают в полночь. Вот они и кукарекают.

Махай. И только людям спать не дают. А утро все раньше времени не наступает.

Тимоша. Ну и пусть кукарекают. А мы должны делать свое дело. Не пора ли идти, Виктор Данилович?

Виктор. Все готовы? Пошли!

Мусса (*не двигаясь с места, говорит, будто сам с собой*). Зачем, начальник, так спешить? Сегодня — день, завтра — день. Мало разве дней у аллаха? А ноги так устали, что дрожат, как хвост старого козла.

В е р а. Мусса, а почему у тебя ноги дрожат? Ты не заболел случайно?

М у с с а. Устал я очень.

В е р а. Да ты шутишь, Мусса! Такие джигиты, как ты, не должны знать усталости. Виктор, ты слышишь, какой у нас шутник Мусса?

Ф е д о р. А что? Мусса говорит правильно. Всем нам нужен отдых. Ведь два года шуру о скалы рвем, а что толку?

В е р а. Вот найдем полезные ископаемые, увидишь, сколько будет толку, увидишь, что здесь тогда будет. Чудный город вырастет!

Ф е д о р. Ты что, меня агитируешь? Ты что, будущий секретарь будущего горкома?

В е р а. Я геолог. Но когда мы найдем руду, то построим прямо тут, в ущелье, отличный город. На улицах будут расти каштаны, на клумбах цвести розы. Это будет город горняков. И я, пожалуй, не отказалась бы поработать здесь секретарем горкома.

Ф е д о р. Ого! Какая мечтательница!

В е р а. Мечтать так мечтать! В центре города будет кинотеатр, стадион, школа, больница, ресторан...

Ф е д о р. Ну, хватит, хватит! Надо же было тебе о ресторане напомнить! Теперь все время слюнки будут течь. Фантазировать вы мастера! А на самом деле... ни ресторана здесь не постронте, ни города.

В е р а. Федя! Я в последнее время тебя не понимаю...

Ф е д о р. Кого хочешь понимать, того понимаешь...

В и к т о р. Ну! Пошли!

Уходят. Ветер, молния, дождь.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Скалистая громада Коргашили. При поднятии занавеса члены экспедиции цепочкой поднимаются на крутой склон утеса. В связке М у с с а, В е р а, В и к т о р, Т и м о ш а, Ф е д о р. Путь очень труден. Небо мрачное и грозное, иногда видны всполохи молний, свистит ветер.

Вдруг послышался грохот обвала.

Т и м о ш а. Мусса! Не эту ли тропинку ты назвал безопасной?

В и к т о р. Мне кажется, должен быть путь полегче.

М у с с а. Начальник, ты знаешь, что такое тропинка в горах? Вчера была тропинка, сегодня нету тропинки.

Снова грохот обвала.

Федор. Слышите эту музыку? Обвал!

Вера. Мусса, а ты вчера говорил, что знаешь безопасную дорогу. Может, пошутил?

Мусса (*грубовато*). Всякое может быть. А другой дороги я не знаю. И по этой идти боюсь. Надо вернуться.

Федор. По-моему, Мусса прав. Ну залезем мы на эту проклятую Коргашили, а там ничего нет. Тогда что?

Тимоша. Федя, что это вы с Муссой хвостами вилать начали?

Федор. Мне, Тимоша, жить хочется.

Вера. И я хочу жить. И Виктор. И все хотят жить. А те, которые погибли в гражданскую, разве не хотели жить? Не думай, что полезные ископаемые только мне и Виктору нужны. Они всем нужны, всей стране. Чтобы все хорошо и весело жили. А ты...

Мусса (*перебивая*). Вера, если ты так очень хочешь жить, зачем лезть к шайтану в пасть? Назад надо идти.

Виктор. Что вы заладили «назад», «назад»! В опасных местах не бывали? Немного отдохнем и двинем дальше. Все!

Федор (*снимает рюкзак и со злостью швыряет его на землю*). Пусть на эту гору лезет тот, у кого кости железные. А я не полезу. С меня хватит! Я не альпинист, а геолог!

Виктор. Какой из тебя геолог? И геологом ты никогда не станешь. Напрасно государство деньги на тебя тратит.

Федор. Ах так? Вот как заговорил? А не напрасно ты тратишь, тратишь вот уже два года, государственные деньги? Нашел ты что-нибудь в этих горах? Нет! И не найдешь. И рисковать без толку своей башкой я тут не собираюсь! Сеид уже сорвался — теперь он в больнице.

Вера. Федя, Федя, неужели ты так боишься?

Мусса. А ты, Вера, разве не боишься? Видишь, дождь льет. А к вечеру еще сильнее припустит.

Федор. Ты слушай, Вера, что Мусса говорит. Он вырос в горах и лучше нас эти горы знает.

Виктор. Что бы ты ни говорил, а я уверен — полезные ископаемые здесь есть. А что касается Муссы, которого ты с пути сбиваешь, то есть люди, которые знают эти горы не хуже, чем он.

Тимоша. Правильно, Виктор Данилович! Мы с Махаем тоже не в пустыне родились! А те, у кого ноги дрожат, пусть возвращаются. И без них обойдемся.

Виктор. Ладно, хватит спорить с Федором. Пошли, Махай, на разведку. Может быть, найдем удобные подступы к вершине.

Махай. Пошли.

Виктор и Махай уходят.

Тимоша. Нехорошо ты говорил, Федор. Товарищ начальник прав — полезные ископаемые здесь есть. В наших горах о них знают давно.

Федор. «В наших горах, в наших горах, в наших горах» — только это от вас и слышишь! А найти ничего не можем.

Вера (*очень сухо*). Федор, ты всегда любил говорить о горах, о горцах... А что ты в них понимаешь? Понимаешь ли ты широту души горцев? Способен ли полюбить... Эх ты!..

Федор (*принужденно смеется*). Ха-ха-ха! Слышишь, Мусса? Слышишь, о чем воркует эта голубка? Говорят, что, когда быку хочется полизать соль, он лижет землю. Так вот она хочет, чтобы и я лизал эти скалы. А я не бык! Нет. Кому без гор не живется, пусть себе тут обдирает брюхо о камни. Может, за это Верочке и Витеньке Бетал Калмыков ордена на грудь повесит. А я дурачить себя не позволю. Ухожу!

Вера (*гневно*). Ну и скатертью дорога! Здесь хлопика не нужны! (*Кашляет.*)

Тимоша. Послушай, ты... ты, вот этого не видел! (*Показывает Федору кулак.*) Веру и Виктора не трогай! Они здесь не ищут протоптанных дорог. Они сами дорогу прокладывают! Они хотят, чтобы в наших горах новая жизнь была!

Федор. Ох боже мой! Опять «горы», «наши горы»! Каждое второе слово — «горы».

Тимоша (*уже выведен из терпения*). Да, наши горы! В наших горах не место людям, у которых душа заячья!

Мусса (*вскакивает с камня, на котором сидел*). Это у кого заячья душа?!

Тимоша. Посмотри в зеркало!

Мусса (*кидается на Тимошу*). Я тебе покажу, у кого душа заячья, а у кого орлиная!

Вера пытается их разнять.

Тимоша. Жалкие труссы!

Федор (*бросается на помощь Муссе*). А мы сейчас посмотрим, какой ты храбрец!

Тимоша (*хватает палку*). А ну! Что ж вы остановились?

Вера. Да вы что! Двое на одного? Да что это такое? Как вам не стыдно?

Мусса. Пусть замолчит!

Тимоша. Успокойся, успокойся. Не топай ногами, как драчливый баран.

Возвращаются Махай и Виктор.

Виктор. Что случилось? Кто тут шумит?

Мусса (*Тимоше*). Мы с тобой еще встретимся. Тогда увидим, кто барс, а кто баран.

Тимоша. Встретимся, встретимся...

Федор (*вытаскивает часть снаряжения из рюкзака и бросает под ноги Виктору*). Натя возьмите, счастливого пути!

Вера. Мусса, возьми эти вещи и положи в свой рюкзак.

Мусса. Нет, товарищ Вера, я с вами не иду. (*Махайю.*) А ты чего стоишь? Пошли вниз. (*Показывает рукой вниз.*)

Махай. Мне не по дороге. Я иду вверх. (*Показывает вверх, копируя жест Муссы.*)

Мусса. Ты что, сумасшедший, да? Старшего брата не слушаешь? Иди за мной и помалкивай!

Махай. Нет, Мусса, у меня другой путь. Я иду с нашими гостями и товарищами.

Мусса (*после долгой паузы*). Ну и пропадай вместе с ними!

Федор. Пошли, Мусса.

Уходят. Пауза.

Вера. Ну как, Витя, нашли безопасную тропинку?

Виктор. Нет, Верочка, подниматься будем здесь. А ты нездорова, и тебе надо вернуться в лагерь. Возвращайся, очень тебя прошу!

Вера. Ну уж нет! Так высоко подняться, а потом — вниз? Да и к тому же я себя отлично чувствую. Наверное, высота повлияла. Нет, я не вернусь. Я с вами, ребята. Вперед и вверх!

Занавес

Декорация первой картины. У очага М а й я варит обед.

М а й я. Четвертый день как ушли в горы, а ничего не слышать о них, никаких вестей не подают о себе. Продуктов-то у них мало, всего лишь на один день. Что могло случиться? А тишина-то какая! Гнетущая.

С е и д выходит из-за палатки.

С е и д. Майя, не переживай так. Бог даст, ничего с ними не случится.

М а й я. Сеид!.. Откуда ты взялся, как твои раны?

С е и д. Раны — ерунда, я сбежал из больницы. До этого раза всегда находился вместе с ними, трудно ли, легко ли, были вместе. А на этот раз, как нарочно, заболел.

М а й я. Сеид, ты ведь тоже волнуешься?

С е и д. Я бы жизни своей не пожалел, если бы помог их благополучному возвращению.

М а й я. Что ты говоришь, Сеид? Разве может что-нибудь с ними случиться? «Жизни не пожалел бы»...

С е и д. Думаю, плохого не должно случиться. Но я смотрю на тебя и вижу по твоим глазам, как ты переживаешь, и душа моя кровью обливается. Вот я и готов отдать свою жизнь за их счастливое возвращение. И на твоём сердце бы стало светло и радостно.

М а й я. Чудной ты, Сеид...

С е и д. Возможно. В последнее время что-то непонятное происходит со мной. Ни есть, ни спать не могу.

М а й я. Боже мой! Сеид, не заболел ли ты?

С е и д. Да нет. Вот тут, на сердце, у меня происходит что-то неладное. Гарцует, словно конь перед скачкой. Понимаешь, Майя, в последние дни из души моей стихи выходят, как цыплята из-под наседки.

М а й я. А что здесь плохого. И хорошо. Наверно, певцом будешь.

С е и д. Куда там. Дедушка Чомай говорит, что стихи рождает любовь. У любви большая сила. Если она возьмется, что только человек не сделает. (Поет.)

Если б морем чернил сам себя я снабдил
И бумагой — огромнее облаков,
Мне и этот запас ненадолго б хватил,
Чтобы высказать все, что диктует любовь.

Чернобровая, знай, мне подашь только знак,
Только бровь приподнимешь — душа зазвенит.
Полюби меня так, полюби меня так,
Как тебя полюбил я, табунщик-горец, горняк-джигит.

Не уйду от любви, от тоски по тебе,
Глаз твоих не забыть ни в горах, ни в лесу.
Мои песни летят через горный хребет,
Когда стадо на сладком подножье пасу.

Ты — мой свет в темноте, ты — ночная звезда,
Ты — рассвет на вершине, ты — капля зари.
Пусть гряда за грядой, за годами года,
Свою жизнь навсегда я тебе подарил.

Открывая окошко сиянию дня
И лучи золотые сплетая с косой,
Посмотри ты на горы и вспомни меня,
Помоги мне расстаться с моею тоской.

Из-за камня выходит Измаил.

Измаил. А, вот где ты, Сеид! А рисуешься таким робким! А тут рядом стоишь с голубкой, да еще с кем... с Майей... Предупреждаю, Сеид, с сегодняшнего дня буду носить кинжал. (Майе.) Что это ты, голубка, намазала на свою щечку? (Подходит.) Дай-ка вытру. (Целует ее.)

Майя из кипящего котла выхватывает половник и бьет по щеке Измаила.

Сеид. Молодчина Майя! Так тебе и надо. (Смеется.) Может, и мне прибавить?!

Измаил. Нет, достаточно... (Держится за щеку.) Наверно, о таком говорят, что искры из глаз летят... Вот чертова дочка, выбила зуб. (Майе.) Я шутя, а она с половником...

Майя. Оставь при себе такие шутки.

Сеид наступает.

Измаил. Эй, эй, не подходи ко мне, с меня и этого достаточно! (Уходит.)

Майя. Какую хорошую песню ты спел.

Сеид. Понравилась?

Майя. Да. Очень...

Сеид. Майя, пойдем вместе поищем их. Мы бы шли

по горам рука об руку... Я бы рвал для тебя цветы, где человеческая нога еще не ступала. Мы увидели бы там тура. Мы слышали бы там пение птиц и шум водопада... Как они сливаются в один мотив и звучат как симфония.

М а й я. Я боюсь.

С е и д. Там, где опасно, я тебя на руках перепесу. Да ты только скажи «да».

М а й я. Сеид, какой ты хороший...

С е и д *(поет)*.

Если б морем чернил сам себя я снабдил

И бумагой — огромное облаков,

Мне и этот запас ненадолго б хватил,

Чтобы высказать все, что диктует любовь...

Ч о м а й *(кричит)*. Измаил! Ребята с гор вернулись?!
И з м а и л *(отмахивается)*. А... а... мне сейчас не до ребят... Спроси у беззубого Сеида!..

С е и д. Нет, еще не вернулись. *(Идет к Чомаю)*.

М а й я. Измаил, с каких пор Сеид беззубый стал? Он, как некоторые, свои зубы где попало не теряет...

И з м а и л. Чтобы твоим красивым зубкам такой же конец, как моему левому зубу.

Входит Ч о м а й, за ним С е и д тащит тура.

Ч о м а й. Как говорят: вороны своим криком выдают свое местонахождение... Если бы не пение Сеида, в такой туманный день мог бы и заблудиться.

Сеид вешает тушу.

И з м а и л. О! Друзья, из этого тура получится чудесный шашлык. Сеид!..

Ч о м а й. Как на таких дровах изжарить шашлык? Из них вода течет, как из твоего носа.

С е и д. Измаил, ты забыл, что дедушка Чомай говорил: если заготовщик дров не умеет заготовить хороших дров, то у него хорошей жены не будет...

Ч о м а й. А разве у кривой палки будет прямая тень? *(Майе)*. Дочка, а из аула никто не приезжал?

М а й я. Нет, никого не было. Дедушка Чомай, может, ваши в горах заблудились?

Ч о м а й. Нет, дочка. Когда человек собирается в путь, горцы не спрашивают, трудный ли будет путь, а спрашивают, кто твой попутчик... Мусса родные горы знает, как ты знаешь свои пять пальцев. Какая-то другая причина их задерживает.

Сеид. Я за них беспокоюсь как никогда...

Измаил. Слушайте, может, они попали в ловушку, откуда не могут вырваться...

Чомай (*шутя*). Типун на твой болтливый язык!

Измаил. Деда Чомай, ты почтеннейший старик нашего аула, дай аллах тебе еще столько прожить, по такого красавчика, как я, безжалостно проклинать... И притом у меня больше всего язык работает, а что я без него буду делать?

Чомай (*улыбнулся*). Ладно, Измаил, не переживай. Если бы от проклятий умирали, в оружии не было бы нужды.

Майя (*подает обед Чомаю*). Дедушка Чомай, покупайте, а то проголодались, наверно.

Входят Мусса и Федор.

Измаил (*радостно*). Вот наши прибыли!..

Чомай (*обеспокоенно*). А где остальные?

Мусса. Разве до сих пор не пришли они?

Сеид. Как видите. Вы с ними давно расстались?

Федор. Еще позавчера.

Чомай (*перестал кушать*). Как позавчера? Где вы их оставили?

Мусса. Мы с ними поднялись до самой крутой горы. Они стали настаивать подняться выше. Мы с Федей уговаривали их, просили, что не нужно рисковать, место опасное, мол, может случиться беда... А они ни в какую. Пойдем — и все. А нам что оставалось делать... Они пошли, а мы вернулись обратно, вот и все.

Чомай (*сердито*). Жалкие трусы! (*Муссе*.) Такого труса еще не было в нашем роду.

Мусса (*хочет оправдаться*). Отец...

Чомай (*перебивая*). Бросить друзей на поле боя... Так поступают жалкие трусы. Горцы таких презирают.

Федор (*бросает свой рюкзак в сторону*). В другом месте хлеба себе не найдем, что ли?

Чомай. Речь не о хлебе идет... а о мужестве.

Сеид. Знаете, если мы здесь обнаружим залежи...

Федор (*перебивая*). Слышал... и от Веры, и от Виктора, надоело! А если и найдете? Шире раскрывайте грудь... Вам ордена повесят! Или до появления нашей экспедиции ее здесь не искали?

Чомай. Ты прав, когда еще наши отцы не родились, сюда приезжали бельгийские геологоразведчики, они хотели хищнически увезти богатство наших гор. Но наши

горы — не как распущенные женщины, не могут всем открываться. Если чужие не нашли, то мы — хозяева — обязательно найдем.

Федор. Если ископаемые нужны так, то почему же из нашего руководства никто не приезжает?

Чомай. Как ты можешь так говорить... Сам легендарный Бетал пять-шесть раз приезжал сюда, а сколько раз он вместе с нами поднимался на горы! Это разве не внимание? Или ты думаешь, хорошее дело легко дается? Нет, сын мой, в большое дело надо вложить большой труд.

Федор. В течение двух лет я дважды застревал в пропасти.

Чомай. Сын мой, дважды в опасный момент ты струсил: бросил товарищей, хотел обратно вернуться и при возвращении застрял и сидел в каменном мешке, пока те же товарищи тебя не выручили...

Федор. Вера и Виктор стараются найти залежи полезных ископаемых и прославиться на весь мир, а нам что из этого?..

Чомай (*вскипев*). Ты, щенок, Веру и Виктора не тронь, они для народа счастья ищут. А вот кто дает другим счастье, счастлив сам. (*Сеиду*.) Так долго они не без причины задерживаются. Собирайся, пойдем их искать.

Сеид. Хорошо. (*Собирается*.) Я готов.

Мусса. Отец, ты оставайся, я пойду с Сеидом.

Чомай (*зло*). Нет. Ты вышел из моего доверия. А человеку нет большего несчастья, если он теряет доверие людей... (*Вешает ружье на плечо*.)

Измаил (*тоже собирается в путь*). Чомай, оставайся, с Сеидом пойду я...

Чомай. Нет, сын мой, искать я сам пойду их.

Майя (*закутывается в платок*). Дедушка Чомай, вы только вернулись с охоты, отдохните, а с Сеидом я пойду.

Чомай. Нет, дочь моя, это не женское дело. Ты лучше приготовь им вкусный обед. (*Муссе и Федору*.) Шапки, которые вы носите, должна носить она, а вы — юбки... Пошли, Сеид.

Майя. Измаил, сходи, пожалуйста, принеси сухие щепки, а то дрова не горят.

Измаил. Сейчас... Майя, почему ты не пошла с Сеидом? Я бы на твоём месте обязательно пошел...

Майя. Измаил, почему ты стараешься всегда посмеяться над нами? Может, твоя любимая девушка обманула тебя, обидела?

Измаил. Нет, Майя. Я еще и любви-то не испытал. Но слышал, что нет человека, который бы не испытал в своей жизни такого. Наверняка рано или поздно я попаду в этот капкан. Но я не сдамся, как некоторые... вырвусь из этого капкана.

Майя. Нет, Измаил, ты не старайся вырваться из этого капкана. Настоящая любовь даст человеку счастье, радость, силу и вдохновляет на самый тяжелый труд.

Измаил. Эта любовь, какая она там ни есть, хоть бы скорее заглянула в мою сторону... *(Уходит с песней.)*

Майя уходит.

Федор *(тихо)*. Как ты думаешь, Мусса, найдут?

Мусса. Думаю, нет. По той тропинке они подняться не могут. По ней еще никогда человек не поднимался. А тропинку в обход черной скалы они не знают. Ее знает тот старик, о котором я тебе говорил...

Федор. Как бы старик им не проболтал...

Мусса. Нет. Старик еще на той неделе ушел туда, откуда не возвращаются...

Федор. Тогда они и на этот раз не обнаружат ее. А мы с тобой рано утром встанем и поднимемся туда, возьмем несколько кусков и поедем прямо в Нальчик, зайдем к Беталу и положим их на стол. Представляешь, Мусса, тогда газеты будут писать о нас целые страницы. Ордена, слава, деньги, девушки — все наше будет.

Уходят.

Входит тетушка Аминат, у нее в руке хурджин.

Аминат. Ребята, где вы?

Входит Измаил и слышит крик Аминат.

Измаил. Это тетушка Аминат идет. Я ее сейчас напугаю. *(Надевает бурку и берет ружье.)*

Аминат. Ребята, куда вы делись?

Измаил *(направляет ружье на Аминат)*. Руки вверх!

Аминат *(испуганно)*. О мать моя! Умоляю, не стреляй, я не знала, что сюда нельзя ходить.

Измаил. Ни с места! Зачем сюда пришла?!

Аминат. Прошу, не стреляй. Я сделаю все, что ты скажешь. Ей-богу, и не думала пойти сюда, дочка говорила, что почтальон Осман заболел и геологам некому

отнести письма. Вот, думаю, письма отнесу и сына проведу.

Входит М а й я.

М а й я. О, тетушка Аминат к нам пришла! Здравствуйте. *(Обнимаются.)* Как там подружка поживает?

А м и н а т. Ничего, доченька.

И з м а и л *(снимает бурку)*. Смотрите, товарищи, не наша ли тетушка Аминат к нам пожаловала?!

А м и н а т. Ой хорошо, что вы пришли! Если бы не успели, ваша почтенная Аминат уже не была бы в живых.

И з м а и л. Почему так говоришь, что с тобою случилось?

А м и н а т. Вы не видели человека, который только что здесь прошел?

М а й я. Нет. Что за человек?

А м и н а т. О, беда со мной, разыскивала вас, вдруг в черной бурке и башлыке с пятизарядной винтовкою в руках преградил мне путь человек и говорит, что ищет меня уже год, и велел последовать за ним, иначе, сказал, убьет меня. Я страшно испугалась, но потом пришла в себя. И как дам ему кулаком, что искры из глаз его полетели.

И з м а и л. Куда он ушел, говоришь? Я сейчас его уничтожу! *(Опять незаметно надевает бурку.)* Руки вверх!

А м и н а т *(сильно испугана)*. Вот он... опять...

И з м а и л *(открыл лицо)*. Кто это?

А м и н а т. Ах ты, негодник, ты смотри, я этого тебе не прощу, длинноносый. *(Увидев обмотанную щеку.)* Бог мой, что, сынок, с тобой случилось?

И з м а и л. Ерунда, тетушка Аминат, ерунда. Хотел погладить телку вашего Сеида, а она, чтоб ее волки разодрали, как даст ногой, так Измаильчик недосчитался одного из зубов...

А м и н а т. Ай, ай, ай, какая злая телка, а? Клянусь своими мертвыми родственниками, я такую злую телку даже в свой двор не пушу...

И з м а и л *(подмигнув Майе)*. Злая-то злая, но очень красивая...

А м и н а т. Зачем мне ее красота, если она такая злая... *(Майе.)* Дочка, а где остальные?

М а й я. Ребята в горах задержались, а дедушка Чомай и Сеид пошли их искать.

Измаил. Тетушка Аминат, а какие новости в нашем величайшем ауле?

Аминат. А какие могут быть новости, сынок, в такую горячую пору? Все на колхозной работе. Никто не разошелся, никто ни у кого не украл...

Измаил. А сплетницы нашего аула во главе с тетушкой Аминат чем же занимаются?

Аминат. Опять со мной шутишь? Смотри, Измаил (*показывает кулак*), все девушки нашего аула вот здесь. Со мной не порть отношений, а то век холостяком ходить будешь...

Измаил. Ладно, тетушка Аминат, клянусь бородой нашего старого козла, больше не буду.

Аминат (*вспомнив*). Я вам привет от Бетала принесла. Только я направилась сюда, чтоб его век был долгий, Бетал едет с одним товарищем. Как увидел меня, слез с коня, поздоровался, спросил о здоровье всех аульчан. Передал вам привет, они заехали в правление колхоза, а я пошла к вам. Измаил, душенька моя, возьми в моем хурджуне фрукты, раздай ребятам, пусть покушают.

Измаил (*ищет в хурджуне*). А где фрукты? Нет здесь.

Аминат. Как нет? Я положила в хурджун штук двадцать яблок. Сумка дырявая, — наверно, упали. (*Вытаскивает из-за пазухи конверты*.) Тогда раздай вот эти...

Измаил (*читает*). «Флеровой Вере от Флеровой М. С.».

Майя. Дай сюда. Это от матери, она так ждала от нее письма.

Измаил. Пока не запляшет, не отдам. (*Читает*.) «Ивановой Майе от Ивановой Ольги».

Майя. Это от сестренки.

Федор. Измаил, а мне?

Измаил. А вам пока пишут...

Федор. Вот чертова дочь...

Измаил (*читает*). «Лично Уважжкову Тимеше от Таулуевой Шахадат».

Аминат. Что, что? Дай-ка сюда это письмо. Дай сюда, говорю!

Измаил. Нет, тетушка Аминат, письмо адресовано не вам. А потом, какое вам дело до чужих писем?

Аминат (*сердито*). Как это — чужое письмо? С каких пор родная дочь стала мне чужой?..

Измаил. О том, что Шахадат ваша дочь, я не спорю. А письмо адресовано Тимоше.

Аминат. Ну подожди, Тимоша, я тебе покажу, как молоденькой девушке голову кружить! Клянусь своими мертвыми родственниками, прямо к Беталу поеду, пожалуюсь.

Измаил. Э-э-э, тетушка Аминат, напрасно. Бетал здесь не поможет...

Аминат. Почему не поможет? Он всем помогает.

Измаил. Бетал на пути влюбленных не станет. Ты лучше иди к мулле Кудору-хаджи.

Аминат. И к Кудору-хаджи пойду, и к Чеплейу-хаджи пойду. А этот Тимоша пусть мне на глаза не попадается.

Измаил. Какая сила, товарищи! Тетушка Аминат! Во-первых, остуди свою кровь, а во-вторых, свой доклад продолжишь перед вашим домом на земляной крыше гыжиковского дома. Там желающих выслушать твой доклад будет гораздо больше, чем здесь.

Аминат. Сама я знаю, где мне говорить. (*Хочет уйти.*)

Входит Сеид и останавливается, опускает голову и руки в знак траура. Траурная музыка.

Измаил. Какое горе нас постигло, Сеид?

Сеид. Большое горе...

Аминат. Говори, сын, что случилось?

Сеид. На вершине они нашли то, что мы так долго искали, и стали спускаться обратно. Неожиданно Вера поскользнулась, потеряла равновесие, стала падать вниз, но схватилась за ветку и повисла над пропастью. Махай кинулся ей на помощь, и ветка обломилась. Вера упала в пропасть, а за ней и Махай.

Аминат. Ой аллах! Они живы?

Сеид. Вера погибла, а Махай в тяжелом состоянии.

Измаил. В аул надо сообщить.

Сеид. Я уже послал Тимошу.

Труп Веры и тяжело раненного Махая товарищи вносят на сцену.

Чомай (*у Вериного трупа*). Твое сердце для нас было чисто, как снега Эльбруса. Как родную дочь похороню я тебя. Я завещаю, что мои внуки и правнуки будут знать о тебе как о родной сестре. (*Подходит к Махаю.*) Сын мой, ты повторил сегодня поступок Солтанхамида. Спа-

сать человека, рискуя жизнью,— это великая честь для смелых горцев. И другого поступка я от тебя не ожидал.

Входят Бетал и Тимоша. Чомай их не замечает.

Я горжусь, сынок, тем, что в твоих жилах течет моя кровь. Отцовское спасибо, сын мой. (*Муссе.*) Вот это горе постигло нас по твоей вине, щенок! Если в тебе осталась хоть капля человечности, ты должен своей кровью смыть свой позор. В нашем роду не было такого жалкого труса, как ты.

Мусса. Отец...

Махай приподнимается.

Махай. Отец... (*Умирает.*)

Мусса. Брат мой, Махай...

Чомай (*Муссе*). Я проклинаяю тебя. Прочь с моих глаз!

Мусса с опущенной головой уходит. Бетал подходит к Чомаю, здорывается.

Бетал. У тебя большое горе сегодня. Это наше общее горе. Твой сын погиб как герой, выполняя свой долг. (*Подходит к Вере.*) Дорогая дочка! Ты пришла издалека, чтобы открыть богатства наших гор и этим улучшить жизнь и культуру нашего народа. Благодарные горцы никогда не забудут этого. Твои замечательные мечты мы осуществим.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Город Кисловодск. Сад санатория ЦК. Большое дерево, под ним круглый стол и плетеные кресла. При поднятии занавеса на сцене возбужденные Виктор, Чомай, Сенд и Мария Петровна в белом халате.

Мария Петровна. Вы откуда, товарищи?

Чомай. Мы приехали с гор, дочка!

Мария Петровна. Ну и что же вы хотите?

Чомай. Мы трое суток спускались с гор, уважаемая. Очень прошу, пропусти нас к Беталу Калмыкову!

Мария Петровна. Да хоть бы вы не с гор, а с неба спустились, все равно: посторонним вход запрещен.

Чомай. Мы не посторонние! У нас дело очень важное! И пусть мы тут двое суток простои́м, но не уйдем.

Мария Петровна. Да хоть бы вы десять суток простояли — не пушу, и точка!

Чомай. Тогда позови Бетала...

Мария Петровна. Товарищ Калмыков приехал сюда поправлять свое здоровье, а не дела ваши делать. И нечего ему мешать, а то милицию вызову. И точка!

Сеид. Что ж делать? Возвращаться обратно?

Чомай. Не болтай глупости, Сеид! В гражданскую и не такие преграды приходилось преодолевать, когда мне надо было встретиться с Беталом...

Сеид. Нашего дедушку Чомае даже банды серебряковцев не могли задержать, когда он шел к своим!

Мария Петровна. Ну и что же? Чомай, Чомай! Да пусть хоть сам Чапай сюда придет, и его не пушу без разрешения.

Чомай. Ну, ладно! Джигиты, вперед!

Ринулись к ступенькам корпуса.

Мария Петровна. Куда! Ни с места! Милиция! Виктор. Бетал Эдыкович идет!

Появляется Бетал.

Бетал (*издали*). Что за шум? (*Подходит*.)

Мария Петровна. Да тут горцы! Порядка не признают!

Бетал (*радуясь встрече, восклицает шутливо*). Так вот эти горцы порядка не признают!

Мария Петровна. Ими вот этот усатый, по имени Чапай, командует.

Бетал (*обнимаясь с Чомаем*). Не Чапай, а Чомай. Вы его остерегайтесь, Мария Петровна. Это потомок Крымгирея. Он спустился с гор, чтобы похищать городских дам. (*Подходит к Сеиду и Виктору, тепло здоровается с ними*.)

Чомай. Валлаги, Бетал! Мария Петровна тебя охраняет, как нарты свои крепости охраняли. (*Смеется*.) Сокол и тот не пролетит!

Бетал (*шутит*). Правильно. Сюда тебе не пробраться незаметно, как прежде в штаб белогвардейского гене-

рала. Мария Петровна бдительна. Ну, садитесь, дорогие гости!

Садятся в кресла.

Чомай (*смеется*). А Мария Петровна нас в милицию не отправит?

Бетал. Ничего, уговорим как-нибудь. Мария Петровна, скажите там, что сегодня я пообедаю пораньше и буду не один. (*Жест в сторону гостей.*)

Чомай. Нет, Бетал! Сегодня мы тебя приглашаем на обед. Ну-ка, Сеид, раскрывай хурджины.

Сеид. Я сейчас. (*Выкладывает из двух хурджинов целиком зажаренного ягненка, сыр, горские пироги — хитчины.*)

Бетал. А Чомай все такой же. Только постарел немного.

Чомай. Это верно. Старею. Но ведь жизнь — как соленая вода: чем больше пьешь, тем больше пить хочется.

Бетал. Мудрые слова. (*Встает.*) Мария Петровна, помогите мне стол накрыть.

Виктор (*встает*). Нет, Бетал Эдыкович, мы с Сеидом сами накроем.

Бетал садится, Виктор и Сеид накрывают на стол. Мария Петровна уходит.

Сеид. Готово. Можно начинать.

Все придвигают кресла к столу. Сеид наливает в рог какой-то напиток и дает его Чомаю.

Чомай. Дорогой, Бетал. Мать моего сына помнит, что тебе нравился наш горский сира, и прислала его для тебя. (*Передает рог Беталу.*)

Бетал. Спасибо тетушке Нафисат! Выпьем за ее здоровье.

Чомай. Наше уважение к тебе, дорогой Бетал, велико. Долгой тебе жизни. Долгой, как жизнь наших гор. За твоё здоровье и за твои успехи в работе!

Бетал. Спасибо, спасибо, милый Чомай. (*Пьет.*) Отличный сира! Не хуже иных вин.

Все пьют.

Ну, а теперь, друзья, расскажите о своих делах.

Чомай. Валлаги, дела наши идут неплохо. Могли

бы идти намного лучше, если бы нам не мешали... Поэтому мы к тебе и приехали...

Бетал. Я тебя слушаю, Чомай.

Чомай. Залежи мы нашли. Это ты знаешь. А вот что было дальше. Ребята взяли несколько кусков полезных ископаемых и поехали в Новочеркасск на один очень ученый совет. Мы ждали, что скоро начнем строить рудник, а потом и город. Но очень ученый совет решил, что залежей полезных ископаемых у нас в горах очень мало. А мы с Виктором можем поклясться, что весь Коргашилин состоит из них.

Бетал. Виктор Данилович! Расскажите подробнее о заседании этого «очень ученого совета».

Виктор. По нашему вопросу выступил профессор Михайлов. Он сказал, что еще двадцать лет назад побывал с экспедицией в тех местах, где мы нашли залежи полезных ископаемых. Они тут ничего не обнаружили. Михайлов утверждает, что если залежи и есть, то в очень ограниченном количестве. Вот почему он считает нецелесообразным открытие рудника... Я, Бетал Эдыкович, еще новичок в науке, но готов головой ручаться, что запасов хватит на сотни лет.

Чомай. Еще наши предки о том говорили. Разве это случайно?

Бетал. Вот такие равнодушные и недоверчивые люди, как этот профессор, и тормозят большое нужное дело... Но мы никому не позволим путаться у нас в ногах. Сюда должен скоро приехать Серго Орджоникидзе. Вот только когда — точно еще неизвестно. Надо будет позвонить Серго по телефону...

Входит Мария Петровна.

Мария Петровна. Товарищ Калмыков, вы сюда приехали не работать, а лечиться и отдыхать. А что касается товарища Орджоникидзе, то он уже выехал. И тоже — не работать, а отдыхать.

Бетал. Уже выехал?! Ну и отлично! Думаю, друзья, с его помощью мы и решим нашу проблему.

Мария Петровна уходит обиженная.

Чомай. Спасибо, Бетал!

Бетал. Друзья вы мои дорогие! Когда построят шахты и обогатительную фабрику, спасибо вам, вот такое громадное спасибо, скажет партия, весь народ скажет!

Ч о м а й. Нам бы только начать. А лентями горцев еще никто не называл.

Б е т а л. А на каком месте удобнее строить рудник?

В и к т о р. Удобнее всего прямо на склоне горы, у самой вершины.

Б е т а л. Выходит, нашли залежи на большой высоте и на большой высоте хотите остаться?

Ч о м а й. Ты же сам, Бетал, называл нас обитателями орлиных высот.

Б е т а л. Да, орлы любят высоту.

С е и д (*наливая напиток*). По закону гор, младшие преподносят бокал старшим. В знак уважения. (*Протягивает рог Беталу и стакан Чомаю.*)

Б е г а л. Придется выпить. Нарушать законы нехорошо... Пью за вас, молодых орлов, стремящихся ввысь. Вам принадлежит будущее. А заодно и основная тяжесть новой стройки. (*Пьет.*) Кстати, Виктор Данилович, планы строительства и протокол заседания ученого совета у вас?

В и к т о р (*вынимает из кармана бумаги*). Вот, Бетал Эдыкович. (*Протягивает Беталу.*)

Ч о м а й. Валлаги, пока Серго не приедет, мы назад не вернемся.

Б е т а л. Ну вот и хорошо. Все вместе и побеседуем.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

В горах под скалами палатка начальника шахты. Стенки палатки обшиты фанерой. Стол, скамейки. На столе книги, газеты, чернильный прибор. В центре — железная печурка. По обе стороны печки пары. При входе висят бурка, башлык и ружье. Свистит ветер. Идет снег. При открытии занавеса В и к т о р держит в руках фотографию Веры. Долго смотрит на снимок.

В и к т о р. Слышишь, Верочка, как ветер свищет? Метель в горах... Обвалы гремят, как раскаты грома... Снег залепляет глаза. А ты любила бушующую стихию... Видела бы ты сейчас нашу шахту! Только дороги туда

еще нет. Горцы-рабочие на своих плечах поднимают на вершину горы тяжелую технику. Иногда мы ночуем в снегу. Но мне бывает тепло вместе с Тимошей, Ссидом, Чомаем. Сейчас они взрывают недра гор. Твоя мечта сбывается. Мы все дальше проникаем в глубь земли. А тебя нет с нами. Тебя нет со мной... А помнишь, как мы чуть не погибли под камнепадом, а после этого поклялись никогда не расставаться, как бы трудно нам ни было? Мне сегодня очень трудно... Только ты не думай, я не сдамся... Я теперь горный инженер и с гор не спущусь...

Голос Веры. Я знала, Витя, что ты такой. Поэтому и полюбила тебя. Оставайся всегда таким. Пусть никогда тебе не изменяет мужество. Я верю, тебе не преградят путь ни ледяные перевалы, ни снежная метель, ни горные лавины! Я всегда буду в твоих мыслях и делах, мой родной! Мой сильный и добрый...

Виктор. Вера! Где ты, Верочка?! Жизнь моя!

Входит Гарун.

Гарун (*видит, что Виктор разговаривает с фотографией*). Ха-ха-ха! Ученый человек, а разговаривает с тенью, как с живым человеком. Брось, Виктор Данилович! Сколько ни носи траур, а она уже не вернется. Не придет к тебе, не приласкает. Брось страдать-переживать! Ты еще найдешь себе. И не такую.

Виктор (*стукнув кулаком о стол*). Замолчите! Ни слова о ней, а то из вас дух вышибу!

Гарун. Сам замолчи! Ты еще цыпленок перед Гаруном Назировичем! А о том, что ты угрожаешь начальству, я доложу куда следует. И точка!

Виктор. Вы бы лучше о горняках подумали! Они от зари до зари на морозе работают. Ночью им поспать по-человечески негде. Портянки у них просохнуть и то не успевают. Если еще несколько дней рабочие проживут в холодных палатках, половина из них заболеет... А вы... вы с экспедитором пьянствуете!

Гарун. Инженер Оленин! Здесь я, Гарун Назирович, начальник шахты. А чем занимается начальство, тебя не касается! И точка!

Виктор. Так вот. Я не знаю, чем занимается начальство, и потому сам снял с объекта одну строительную бригаду и послал ее строить землянки.

Гарун. Кто позволил?! Я спрашиваю, как ты посмел не выполнить моего приказа? Стране не землянки нуж-

ны, а полезные ископаемые. А интересы государства для меня превыше всего. Я страдаю-переживаю только за государство. За все государство. И точка!

Виктор. А горняки — это не государство? Их положение вас не волнует?

Гарун. Я начальник, но, как и все, живу в палатке.

Виктор. Если бы у всех были такие палатки, как ваша, и так же отапливались...

Гарун. Инженер Оленин! Брось са-бо-таж-ничать! Вернуть бригаду на объект! И точка!

Выходят из палатки на авансцену.

Виктор. Не забывайте, товарищ начальник, что шахты строят горняки и продукцию стране давать будут тоже горняки. А чтобы они могли давать се больше, им надо жить по-человечески. Кстати, и полезные ископаемые нужны в конечном счете для людей. Понимаете, лю-ю-дей! И прежде всего за людей нам надо, как вы очень часто выражаетесь, «страдать-переживать».

Гарун. Прежде всего план выполнять надо! А кто будет этому мешать, железной метлой вымету! Бригаду я сам верну обратно. *(Уходя, выразительно грозит пальцем Виктору.)*

Виктор отмахивается рукой.

Виктор *(вслед)*. А землянки все равно будем строить.

Входит Сеид.

Сеид, как хорошо, что ты пришел! Спускайся в аул, разыщи Зейтуна Хамидовича, скажи — пусть немедленно отправляет сюда продукты. Потом беги в сельсовет и звони прямо Беталу. Скажи ему, что уже целую неделю... В общем, сам знаешь, как сказать! Добавь еще, что начальник шахты бездельничает и пьянствует. И скажи, что мы работу продолжаем.

Сеид *(набрасывает бурку)*. Хорошо. Хорошо.

Виктор. Да, Сеид, возьми ружье. Волки сейчас рыскают близко. Зимой они особенно злые...

Сеид *(смеется)*. Да я, Виктор Данилович, такой голодный, что сам волка съем, если встречу. *(Берет ружье.)*

Виктор *(смеется)*. Тогда не забудь и мне оставить кусочек. Я тебя провожу немного.

Уходят.
Входит Измаил.

Измаил. И здесь его нет, и на работе его нет. (*Не снимая стеганки, садится за стол.*)

Входит Тимоша.

Тимоша. Измаил! Измаил! Оглох, что ли?!

Измаил. Не трогай меня!

Тимоша. Ты что такой хмурый? Может, влюбился?

Измаил (*подражая голосу Майи*). Любовь — это счастье великое! Она дает человеку большую силу! Вот что мне дала любовь! (*Протягивает трясущиеся руки и втягивает щеки.*) Вот какую силу!

Тимоша. Что-то я ничего не слышал о твоей любви...

Измаил (*сердито*). А ты хотел, чтобы о ней в газетах напечатали? Или чтобы Гарун в своей пламенной речи сказал о несчастной любви Измаила?! О аллах! Или я не такой джигит, как все? Посылал к ней всех, кто умеет сватать. И даже родственников тех, кто умеет сватать. Но даже тетушка Аминат не помогла...

Тимоша. Чем же все-таки твое сватовство кончилось?

Измаил. Ты лучше спроси, во что обошлось это сватовство! В пятьсот рублей! Понятно?

Тимоша. Зачем же ты счастье свое доверяешь сватам? А вдруг они нашли бы тебе какую-нибудь уродину? В таких делах надо только на себя рассчитывать. Ну, ладно. Ты давай мне лопаты, товарищ завхоз.

Измаил. На ключи. Бери сам лопаты. Мне сейчас не до них. Я жду начальника.

Тимоша уходит. Входит Майя.

Майя. Посмотрите на этого голубчика! Греется тут... в теплой палатке! А я бегаю по морозу, ищу его! Измаил, на кухне ни крошки съестного. Пойдем, продукты мне отпустишь.

Измаил сидит и не шевелится.

Измаил, я к тебе, кажется, обращаюсь. Что ты сидишь как индюк надутый!

Измаил. Сама ты индюк! Зачем меня ищешь? Ищи Сенда!

Майя. Что ты кричишь? Что я тебе плохого сделала?

Измаил (*вытаскивает из кармана бумажку*). На, читай. Смотри, в какой я капкан попался. Из него уже

не вырвешься. А ты говорила, любовь, любовь — это такое, это такое...

М а й я (*читает*). «Список подарков свахам из Нижнего Баксана. Тетушке Аминат: кашемира на платье — три метра, чулки — одна пара, конфет — одно кило. Дашевской Ханифе: ботинки — одна пара, халвы — два килограмма. Старухе Бислимат: платок ситцевый — один, мыло туалетное — два куска...» Что, Измаил? Я ничего не понимаю...

И з м а и л. Не из твоего кармана, вот и не понимаешь... А Измаил очень даже понимает. И спрашивает — где?!

М а й я. Что «где»?

И з м а и л. Мои деньги!

М а й я. Ну это тебе лучше знать. Сам давал взятки свахам, сам их теперь и возвращай, а мне давай продукты. Идем на склад.

И з м а и л. Сегодняшнюю норму еще вчера отпустил.

М а й я. Но этого даже на вчерашний день не хватило.

И з м а и л. Ничего не поделаешь. Норма есть норма. Боюсь, что на ближайшие несколько дней и эту норму придется урезать...

М а й я. Бюрократ!

Измаил, махнув рукой, уходит.

Чем же мне людей кормить? (*Плачет.*)

Входит Ш а х а д а т.

Ш а х а д а т. Майя! Ты чего? Ну, что с тобой?

М а й я. На ужин все, что есть, — это два ведра картошки. А Измаил, бюрократ несчастный, говорит, что сегодняшнюю норму еще вчера съели... Чем же я буду горячков сегодня кормить?

Ш а х а д а т. Не плачь, Майя... Знаешь что? Давай сварим картофельный суп. Ну, луку в него побольше накрошим. А?

М а й я. В такой холодный день оставлять ребят без мяса, без жиров...

Ш а х а д а т. Но ведь они знают, что на складе уже ничего нет...

М а й я. Занес же меня черт в эти горы! Хорошую работу в городе бросила... А что я здесь нашла?

Ш а х а д а т. Как что? Сеида! Плохой парень разве?

Бедный Тимоша, как он хочет сплясать на вашей свадьбе!

М а й я (*оживляется*). Знаю, о каком танце вы с Тимошей мечтаете! (*Смеется*.)

Входит Тимоша.

Тимоша. Добрый день, сизые голубки, украшение наших гор!

Шахадат. Добрый день, могучий орел!

М а й я. Здравствуй, сказочный джигит!

Тимоша. Ну как, вы румяные щечки не обморозили?

М а й я. Ничего, терпим.

Тимоша. Ну, смотрите. А то белый свет померкнет без ваших щечек. (*Смотрит на Шахадат, та, смущаясь, кокетливо опускает голову.*) Начальника не видели?

М а й я. Нет. Нам он самим нужен. Ну, я пойду. А ты, Шахадат, дождись тут Гаруна. (*Уходит.*)

Тимоша. Шахадат! Дедушка Чомай говорит: «Хорошее дело не откладывай, а плохое не начинай». Давай и мы не будем откладывать нашу свадьбу...

Шахадат (*кокетничая*). Нет, хозяин моего сердца, я ведь еще совсем ребенок. И о замужестве не думаю.

Тимоша (*испуганно*). Не шути таким делом, Шахадат! Мать моя все приготовила для свадьбы, друзей пригласила. Сестры мои столы накрыли. Ждут, когда брат приведет свою невесту.

Шахадат. А разве мало невест в нашем ауле?

Тимоша. Ой, что ты говоришь! Каждый вечер, когда солнце садится, я говорю ему: «Спокойной ночи, душа моя Шахадат!» А на заре, когда появляется первый солнечный луч, я говорю: «Доброе утро, солнышко мое Шахадат!» И неужели я все время обманывался в своей любви?

Шахадат. Тимоша, разве можно обмануть свое сердце?

Тимоша. Шахадат! Радость моя!

Шахадат. Подожди, Тимоша. Еще брат мой Сеид должен обзавестись семьей.

Тимоша. Майя и Сеид стали нам поперек дороги, как... Ну ладно, Шахадат. Я это беру на себя. На этой же неделе сыграем их свадьбу, а нашу — на следующей. Хорошо?

Шахадат бежит, Тимоша — за ней. Убегают.

Входят Гарун и Виктор. Гарун слегка пьян. Идут в палатку.

Виктор. Знаете, как говорит старый Чомай? «Посади зазнайку на коня — он родного отца не узнает».

Гарун. На кого намекаешь?

Виктор. На вас, товарищ начальник. На кого же еще? Как вы к подчиненным относитесь?

Гарун. Ты мне брось эти про-во-кации! Сегодня ты отказался выполнить мой приказ. Затеял с горняками строительство этих землянок, сорвал государственный план. А для меня государственные интересы превыше всего! Твой поступок, Оленин,— подсудное дело. И точка!

Виктор. Да не пугайте вы меня судом! Подсудное дело — это ваши неумные распоряжения.

Гарун. Инженер Оленин! Ты больше не инженер! Я тебя снимаю с занимаемой должности. Для меня государство... *(Икает.)* И точка!

Виктор. Когда вы, Гарун Назирович, захотите плюнуть, то голову слишком высоко не задирайте, а то в свои же глаза попадете.

Вбегает Тимоша.

Тимоша *(возбужденно)*. Снежный обвал наверху! Выход из шахты засыпало!

Виктор *(вскакивает)*. Жертвы есть?

Тимоша. Пока не знаем...

Виктор. Немедленно всех до единого на расчистку снега. Людям в шахте может не хватить воздуха, и тогда...

Гарун. Я здесь начальник или не я? *(Виктору.)* Чего ты лезешь со своими указаниями. *(Тимоше.)* Слушай меня! Сейчас же иди к строителям и скажи, что я приказываю отставить строительство землянок и идти расчищать выход из шахты. И точка!

Тимоша. Товарищ начальник, а вы разве не с нами?

Гарун. Еще чего захотели! Чтобы начальник лопатой махал?! Не выйдет!

Тимоша и Виктор быстро уходят.

Ишь чего надумал! Этот Оленин строит из себя хорошего, заботливого! На мое место хочет сесть. Меня хочет скон... скром... скромпре-ти... ровать... *(Достает флягу, отвинчивает крышку, делает несколько глотков.)* Нет, Гаруна Назировича не так просто выбить из седла! Гарун Назирович ломал шеи и потолще! *(Берет лист бумаги.)*

Ничего, уважаемый товарищ инженер. Мы отправим вас туда, где люди без зарплаты работают... (Пишет.)

Вбегает М а й я.

М а й я. Товарищ начальник!

Г а р у н. Я не принимаю. Занят!

М а й я. Ну, послушайте! Продуктов на завтра нет.

Г а р у н. Не мешай, говорю! Иди, иди...

М а й я, всхлипнув, убегает.

(Пишет.) Государственные интересы...

Входят Б е т а л, Ч о м а й, Виктор, Сеид, Тимоша, М а й я.
У всех, кроме Майи, в руках лопаты.

Ч о м а й. Салам, Гарун!

Г а р у н (не поднимая головы). Не мешайте работать! (Бьет ладонью по столу и видит Бетала.) И-и-и точка...

Б е т а л. Нет, еще не точка! И в такой момент, когда на шахте несчастный случай, вы спокойно сидите здесь... Хорошо еще, что завал был не очень большой и горняки там работают! Когда мы туда успели, почти все уже было сделано. Иначе люди могли задохнуться. А вы сидите и пишете. А что вы, собственно, пишете? Ну-ка, читайте вслух! (Видит замешательство Гаруна.) Не стесняйтесь, тут все свои...

Г а р у н (медленно встает, берет в руки бумагу). «Первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) товарищу Калмыкову. Об... об... об...» (Остановился.)

Б е т а л. Дальше!

Г а р у н. «Об антисоветских действиях горного инженера Оленкина Виктора Даниловича. Так как для меня государственные интересы превы...» (Икает.)

Б е т а л. Для тебя карьера превыше всего. И собственная персона!

Ч о м а й. Гарун! Вот ты какой, оказывается. Хочешь, как паршивый осел, переложить свою ношу на доброго коня? Но ничего, дорога у лжи на полшага. (Вскипев.) Сам ты паршивая овца, а Виктор — большой человек!

Б е т а л. Виктор Данилович, примите у... у этого дела. (Гаруну.) А о тебе будет идти речь на бюро обкома. Но

только сдашь дела Оленину, возьмешь лопату и пойдешь копать землянки. Пошли, Чомай. Посмотрим, как дела в строительной бригаде.

Чомай. Вот теперь, Гарун Назирович, и точка!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тырныауз, ноябрь, 1942 год. Проходная обогатительной фабрики. Издалека слышна капотада. Тревожная мелодия «Идет война народная...». При открытии занавеса Чомай стоит у маленького оконца проходной. Шахадат вглядывается в окно. Оба одеты в полувойсковую форму. У Чомайа пистолет и граната. У Шахадата винтовка.

Шахадат. Ушли. Все ушли. Последние группы тырныаузцев уже за перевалом. Молодцы! Как они могли так много тащить на себе?..

Чомай. Много-то много, а все оборудование эвакуировать не удалось. Жалко.

Шахадат. Хорошо еще, все успели уйти... Дедушка Чомай, а что слышно о Муссе?

Чомай. Почти ничего, кроме того, что нам всем уже известно. Ты ведь знаешь — газету мы вместе читали — на фронте он с первых дней. Отличился под Моздоком, награжден орденом Красного Знамени... А уже после я узнал, что он делал до войны. Когда уехал отсюда, работал недалеко от Нальчика. Стахановцем был... Последнее известие я недавно получил. Воевал парень после ранения рядом с нашими краями, потом снова был ранен и попал в госпиталь. Где он теперь, не знаю. А немцы уже близко...

Шахадат. Немцы уже близко... Неужели все пропало?

Чомай. Ну нет, доченька! На Россию враги напали не раз. Да только всегда зубы себе ломали. И добивали их на их же земле. Мы не пропадем. Это Гитлер пропадет!

Шахадат. А что будет с нашей фабрикой? Так много работали, строили... Теперь фрицы будут ее грабить, пока их отсюда не погонят.

Чомай. Нет, дочка, не видать им наших богатств. И фабрики не видать. Что же это Сеид не идет? Может, еще из райнсполкома не вернулся? Пойди, Шахадат, узнай.

Шахадат. Сейчас. Я быстро. *(Уходит.)*

Чомай. Нет, не видать им фабрики, не знают, видно, они нашей пословицы: «Торопливая река до моря не доходит». Не знают фрицы, и как мы их тут встретим! Ведь какие орлы в нашем отряде!

Входит Сеид в гимнастерке и сапогах. В руках палка. Сильно хромает. На груди две медали, на поясе пистолет.

Сеид. Новости, Чомай, невеселые... Нальчик взят. Час назад взят и райцентр Гунделен. Наша последняя войсковая часть заняла оборону на перевале. Нам приказано хотя бы на полчаса задержать немцев, пока не будет переправлен в Сванетню полевой госпиталь.

Чомай. Хорошо. Сделаем все. А дальше...

Сеид. А дальше, как ты знаешь, — в горы! Соседями будем с непрошеными гостями. Только не очень для них приятное это будет соседство. Диверсионные группы будут землю жечь под ногами у гитлеровцев!

Чомай. Узнают, проклятые, что такое наши горы!

Сеид. Сначала я очень переживал, что так рано отвоевался. Виктор Данилович, Изманл, Тимоша воюют, а я прогуливаюсь по Тырныаузу с палочкой! Но теперь вижу, и здесь работы хватит. Ну что ж, товарищ командир партизанского отряда, пойди сказать ребятам — пусть взрывают фабрику?

Чомай. Подожди, комиссар! На глазах у фашистских гадов нужно это сделать. Риск, конечно, есть, но небольшой. И пусть у них от злости глаза кровью зальются.

Сеид *(восхищаясь)*. Настоящий ты командир, дед Чомай.

Слышатся пулеметные очереди. Чомай берет бинокль, смотрит в окно.

Чомай. Ага, вот и появились! К гирхожанскому посту на мотоциклах подъезжают. Строчат из пулемета прямо в чистое небо. Наверное, пугают кого-то. Сейчас им...

Взрывы гранат, стрельба.

Сеид. Точно по приказу наши ребята работают.

Ч о м а й. Ага, трупы оставили и повернули! Бегут!
С е н д. Скоро вернутся. Только уже не будут ехать
как на свадьбу!

Ч о м а й. Слушай, Сенд, а кто вел стрельбу с правой
стороны? Ведь там мы ничего не ставили!

С е н д. Сейчас узнаю.

Хочет выйти, но вбегает возбужденная М а й я с санитарной сумкой.
Сенд задерживается.

М а й я. Товарищ командир! Среди партизан убитых
и раненых нет.

Ч о м а й. Спасибо, дочка! А кто стрелял справа?

М а й я. Там несколько красноармейцев из полевого
госпиталя. Им как выздоравливающим приказали идти
своим ходом, а они остались нам помогать.

Входит Ш а х а д а т.

Ш а х а д а т. Дедушка Чомай! С вас причитается!

Ч о м а й. Все, что угодно, получишь от меня за хоро-
шую весть. Только после войны!

Ш а х а д а т. Сейчас вы увидите... Никогда не отга-
даете — кого! Муссу!

Ч о м а й. Ох! Парень мой!

Входит М у с с а. У него перевязана голова. На груди орден Крас-
ного Знамени и медаль.

М у с с а. Отец... (*Стоит опустив голову.*)

Ч о м а й (*тихо*). Подойди сюда, сын...

М у с с а (*подходит*). Отец, я старался жизни своей
не жалеть, чтобы... чтобы...

Ч о м а й (*внимательно вглядывается в лицо Муссы,
трогает бинты на его голове*). Как ты сюда попал?

М у с с а. У нас было много раненых. Ну, и мы вызва-
лись идти пешком, говорили, что сами догоним наших.
Немцы, правда, нас догнали раньше, чем мы своих. При-
шлось принять бой. Вместе с вами...

С е н д (*обнимает Муссу*). Молодцы, ребята! Теперь
пока будете в нашем отряде. (*Чомаю.*) Правильно я го-
ворю, товарищ командир?

Ч о м а й (*Муссе*). Сколько вас?

М у с с а. Четырнадцать. Есть семь винтовок, пять ав-
томатов и один пулемет. Патронов только мало, и гранат
нет.

С е н д. Ничего, гранат и патронов зато у нас хватает.

Ч о м а й. Пора уходить. Фашисты с минуту на мину-

ту будут здесь. Сеид, уводи людей, куда условились. Остаются пока взрывники и мы с Муссой. Мы вас скоро догоним.

Сеид. Может, лучше я останусь, а ты, Чомай, пойдешь?

Чомай. Куда тебе! Твоя нога еще не зажила. А мои ноги пока еще крепкие. Иди! Побыстрой!

Майя, Сеид, Шахадат уходят.

Мусса (*держится скованно*). Отец...

Чомай. Не надо, сын. Не время сейчас говорить о прошлом. Враг стоит у порога. Уничтожить его надо. И только об этом сейчас разговор.

Снова слышны выстрелы и треск мотоциклов.

(*Прислушивается.*) Ага, вот они! Пошли к взрывникам.
Выходят.

Нарастает гул мотоциклетных моторов. Тревожная музыка. Сильный взрыв — фабрика разрушена. Сразу становится очень тихо. Затем громкий голос Чомаи из-за сцены: «Пора, джигиты! За мной!» Пауза. Голос Чомаи потише: «Ох и большая работа предстоит нам, когда вернемся!»

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

На том месте, где когда-то стоял лагерь геологов, веранда красивого дома. Сам дом только угадывается. Веселая музыка. Если герои драмы в первой, шестой картинах были молоды, за исключением Чомаи и Аминат, то теперь это люди среднего возраста. При открытии занавеса Шахадат, Майя, Тимоша, Вера накрывают стол для гостей.

Шахадат (*Вере*). Так, значит, диплом геолога у тебя в кармане?

Вера. Аж самой не верится! Как быстро эти пять лет пролетели!

Шахадат. Ты знаешь, когда дедушка Чомай от тебя получил телеграмму после защиты, он даже прослезился.

Вера. Да, дедушка меня любит... И часто мне про ту вашу Веру рассказывает...

Шахадат. Он говорил тебе, что тебя называли в ее честь? Ты родилась через три месяца после смерти своего отца. А Чомай еще до твоего рождения сказал: «Будет мальчик — назовем его, как отца, Махаем, а если девочка — Верой!» Вот теперь снова у нас есть геолог Вера. И тебя любит не только дедушка. Ты нам всем как родная. *(Обнимает Веру.)*

Вера растрогана.

Тимоша *(вносит поднос с фруктами)*. Шахадат! Куда это поставить?

Шахадат. Вот сюда. И тащи вино.

Тимоша. Сейчас. Ну-ка, Вера, отвернись! *(Целует Шахадат и убегает.)*

Шахадат *(ему вслед)*. Мальчишка!

Входит Измаил и бросается к столу.

Измаил. Ай-ай-ай! Кто же приготовил такие вкусные вещи? *(Делает вид, что не замечает Шахадат.)* Наверное, Майя, жена Сеида, приготовила! А то разве Шахадат, жена Тимоши, сумеет так приготовить!

Шахадат. Ох! Пусть твоя мать родит еще одного такого обжору, как ты! И как только у вас на фабрике держат тебя начальником смены!

Майя. Пойду пластинку сменю. Хочется чего-то задушевного.

Уходит. Затем слышится вальс.

Тимоша. Измаил, потерпи немного. Потанцуй пока вальс с Шахадат и с Верой.

Измаил. Нет! Мне по душе танец смелых джиггитов. *(Кричит в дом.)* Эй, капельмейстер, сюда!

Входят Аминат с гармошкой и Майя.

Ну-ка, маэстро, сыграйте мне лезгинку, которую так любила моя покойная бабушка!

Аминат. Измаильчик, лезгинку, говоришь, сыграть?

Измаил. Эй, Шахадат, Майя, Верочка, Тимоша, внимание! Что вы занимаетесь пустяками? А ну бейте в ладоши! Измаильчик плясать будет.

Все хлопают, Аминат играет, Измаил делает вид, что вот-вот пустится в стремительный пляс.

Стоп, маэстро! Кончай эту музыку! Не выйдет, дорогие!

Хотели бесплатно на мой великолепный танец посмотреть? Нет! Натощак не танцую. Пойду посмотрю, как Чомай во главе своего отряда разделяется с барашком.

Все смеются, выражая шутливое возмущение. Измаил выходит. Шахадат и Тимоша продолжают хлопотать у стола.

В е р а (*Майе*). Как хорошо все это у вас!

М а й я. Что хорошо?

В е р а. Ну, вот ваша... дружба. Ведь еще с тех пор как здесь, на этом месте, стоял лагерь, сколько лет прошло, а вы все вместе.

М а й я. Да, много лет прошло, и многое переменилось... А теперь вот Ссид и Тимоша — горные инженеры, твой дядя Мусса — прораб, Измаил — начальник смены. Только учиться пришлось поздно... И мы с Шахадат тоже... Ну... в общем, тоже не последние люди в Тырнаузе... Двадцать пять лет... Время-то как летит! Вот у Тимоши и Шахадат какой парень вырос! Зовут его Махаем, и возраст у него такой же, как у твоего отца, которого ты не успела увидеть...

В е р а. А где сейчас Виктор Данилович?

М а й я. После войны Оленина послали на геолого-разведку в Среднюю Азию. Потом он искал нефть в Сибири. И нашел. Ты читала, наверное, в центральных газетах об открытии месторождений сибирской нефти?

В е р а. Конечно, читала. А Виктор Данилович так и не женился?

М а й я. Ну, об этом ты сегодня можешь сама у него спросить.

В е р а. Он должен приехать?

М а й я. Ждем.

В е р а. Спрашивать, конечно, неудобно. А все-таки интересно, женился Оленин или нет?

Входит Виктор:

Виктор. Нет, не женился...

М а й я, Тимоша, Шахадат. Виктор! Виктор Данилович! Прилетел наш орел! Все такой же молодец!

Все обнимаются.

Виктор. Да, такой же. Вот только перья побелели и... поределли. (*Проводит ладонью по волосам.*)

Шахадат (*Вере*). Беги скорей к бабушке! Скажи, Виктор приехал!

Вера уходит.

Виктор. Ну как Чомай? Как все остальные?

Тимоша. Сейчас сам увидишь. Всех увидишь.

Входят Чомай, Сенд, Измаил, Аминат, Вера.

Чомай. Виктор, сынок! Приехал! Вот спасибо тебе! Какую радость ты нам доставил! *(Обнимаются.)* Два праздника у нас сегодня. Двадцатипятилетие комбината и... и... Виктор приехал! *(Снова обнимает Виктора.)*

Тимоша. И по этому случаю брызги шампанского до самой вершины Коргашили будут лететь!

Виктор. Смотрю я на эти горы — они не изменились. А вот люди другими стали — еще более сильными, могучими, целеустремленными! А Чомай, наверное, и сейчас может тура подстрелить и принести его с гор на своих плечах? А?

Чомай. С такими, как вы, меня старость не берет.

Майя. Дедушка Чомай только недавно стал персональным пенсионером. А то все работал. Он орденом награжден!

Чомай. Майя, доченька! Я, кажется, никогда не любил хвастаться и тебя не учил! *(Виктору.)* А ты, Виктор, лучше познакомься вот с этой девушкой. *(Подталкивает к Виктору Веру.)*

Вера. Вера Махаевна, геолог.

Виктор *(взволнованный, берет Веру за руку, внимательно смотрит ей в глаза)*. Чомай, это внучка?

Чомай. Внучка... Я надеюсь, она будет достойна памяти Веры Флеровой...

Виктор *(обнимая Чомай)*. Дорогой мой Чомай...

Чомай *(преодолевая смущение)*. Ну ладно, дети мои! Садитесь все за стол. Пировать так пировать!

Все садятся.

Сенд *(встает)*. Дорогие друзья! Сейчас к нам приехал человек, вместе с которым мы начинали строить в диком ущелье наш замечательный город. Он сидит с нами, этот человек, который сделал очень много для того, чтобы сегодняшний праздник состоялся. Я хочу пожелать здоровья и счастья ему — нашему дорогому Виктору Ленину!

Все аплодируют.

Виктор. Сенд, так ты меня совсем разволнуешь! Давайте лучше выпьем за самого первого горца-горняка, за нашего дедушку Чомай!

Все аплодируют.

Чомай (*шутливо*). Если мы так и дальше будем перечислять заслуги друг друга, то надо будет не меньше трех раз выпить за здоровье каждого... Уж лучше выпить тогда за всех сразу! Наш комбинат — это большое дело. А сколько еще больших дел на счету у наших людей! И все это благодаря Коммунистической партии, благодаря Советской власти, благодаря крепкой дружбе всех народов Советской страны! Впереди у советского народа еще много великих дел, и будущее народа будет великим. И да здравствует это будущее, имя которому — коммунизм!

Все встают, аплодируют. Звучит торжественная музыка. Сцена медленно вращается. Стол с гостями уплывает. Свет, освещающий задник сцены, гаснет. На авансцену выходит ведущий и читает стихи от автора.

Ведущий.

Над вершинами гор
Журавли пролетели.
Высоко в небесах
Промелькнули стрелой.
И на крыльях несли
Эту песнь о Бегале
Над родной
Кабардино-Балкарской землей.
Пусть летят на землей
Они с доброю вестью,
Пусть расскажут всем людям
Вблизи и вдали,
Что горят на горах
Золотые созвездья —
Это звезды труда,
Это звезды земли.
Молодой комбинат
С каждым днем расцветает,
Четверть века промчалось,
Как волны реки.
Это юность походкою Веры шагает,
Зажигая на склонах
Свои маяки.
Самосвалы гудят,
И грохочут карьеры,
И плоды наливаются

В наших садах.
Стали былью мечты
Бетала и Веры:
Белокаменный город
Мы строим в горах.

Задник сцены постепенно освещается, там уже другая декорация —
виден силуэт памятника Беталу Қалмыкову и бегущие над ним
облака.

И глядят журавли,
Высоко пролетая,
Как дорогой канатной
Туда и сюда
Вагонетки плывут
Журавлиною стайей,
В них богатство земли —
Голубая руда.
Нам дороже мечты
И прекраснее нету,
Чтоб народ наш счастливее стал
И сильней.
Поднимают страну
Ближе к солнцу и свету
Молодые ладони
Ее сыновей.

Занавес

ПОХИЩЕННЫЙ ДЖИГИТ

КОМЕДИЯ В 2-х ДЕЙСТВИЯХ, С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Багид — районный ветеринар.

Зумрут — его тетя.

Гёзел — невеста Багида, врач «Скорой помощи».

Масар — друг Багида, лейтенант милиции.

Ариужан — заведующая птицефермой.

Токолай — сторож.

Гудура — фотограф.

*Действие происходит в Дагестане
и Кабардино-Балкарии в наши дни*

ПРОЛОГ

Интермедийный занавес представляет собой картину свадебного застолья, выполненную в красочном и темного наивном стиле кавказских народных художников. В центре композиции — величественный седобородый старец в черкеске, поднявший рог с вином. Перед занавесом замерли участники спектакля. Звучит последний аккорд увертюры. И тут из зрительного зала раздается крик: «Подождите! Одну минутку!» Вслед за этим появляется запыхавшийся Гудура со старым фотоаппаратом на треноге.

Гудура. Фотографию на память! (*Пригибается к аппарату.*) Попрошу молодых поближе друг к другу! Приготовились! Счастливую улыбочку, пожалуйста!..

Зумрут. Что это ты раскомандовался на чужой свадьбе?

Гудура. Да если бы не я, не сидеть вам за свадебным столом! Вы вспомните, как все началось!

Токолай. Все началось с того, что я нашел под забором бурку.

Ариужан. Нет, все началось, когда я развязала ее!

Масар. Все началось, когда мне позвонили по телефону ноль-два!

Гёзел. Да нет же, когда мне позвонили по телефону ноль-три!

Зумрут. Если на то пошло, то все началось с моего приезда.

Багид. Ничего подобного. Я вам сейчас напомню, как все началось...

Все уходят. Интермедийный занавес поднимается, оставляя в декорации первого действия только портрет седобородого старца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зеленый дворик перед домом Багида. Вдалеке — панорама гор. Звучит «Мелодия утра». Из дома появляется заспанный Багид в майке и спортивных брюках. Он зевает, потягивается.

Багид. Всего-то пять лет живешь в городе, а на кого ты стал похож, Багид? *(Смотрится в зеркало.)* Какой был джигит! А теперь не только с коня, с самого смиренного ишака свалишься, как мешок с зерном! И ба-рашка тебе не зарезать, с котлетой в столовой едва справляешься! Что сказал бы дедушка? *(С уважением смотрит на портрет седобородого старца.)* А ну, Багид! Ну-ка!.. *(Включает магнитофон и под музыку пытается делать зарядку.)* Вот, кажется, уже и сердце пошаливает. *(Выключает магнитофон.)* Сердце... Сердце джигита...

Сердце джигита отваги полно,
Дружбе и правде сердце открыто,
Но отчего ж пустоту все равно
Чувствует часто сердце джигита?
Сердце без любви — как очаг без огня,
Сердце без любви — будто ножны без кинжала.
Дайте только сесть на лихого коня,
Я найду любовь за далеким перевалом!
Сердце джигита надежно хранит
Вечную верность отчему дому,
Но отчего же рукою джигит
Тянется часто к сердцу пустому?
Сердце без любви — это рог без вина,
Сердце без любви — словно трубка без кресала.
Оседлайте мне поскорей скакуна,
Я найду любовь за далеким перевалом!¹

Входит Зумрут, нагруженная двумя полными мешками.

¹ В пьесе использованы стихи Дм. Иванова и Вл. Трифонова.

Зумрут. Золотые слова! Но зачем седлать скакуна, Багид? Твоя любовь совсем близко.

Багид. Вах! Кого видят мои глаза?! Тетушка Зумрут!

Зумрут. Она самая!

Они обнимаются.

Багид. Верно говорят у нас в ауле: даже арбуз разрежь осторожно, как бы оттуда не выскочил твой земляк!

Зумрут. Не волнуйся, племянник, я не из арбуза. Я из автобуса. Но, скажу тебе, там еще теснее, чем семечкам в арбузе.

Багид. Как там дома? Как мать, отец?

Зумрут. Все живы-здоровы.

Багид. А дедушка? Лячин-бек?

Оба с уважением смотрят на портрет.

Зумруд. Что тебе сказать...

Багид. Что? Неужели заболел?

Зумрут. С ним тяжелый случай, Багид.

Багид. Да что такое?

Зумрут. С того дня как ему стукнуло сто тридцать, с ним стало твориться что-то странное. Знаешь, чего он хочет, Багид? Он опять хочет жениться!

Багид. Ого! Вторая молодость?

Зумрут. Вторая? Скажи — четвертая, если не пятая!

Багид. Пусть женится. Разве в ауле не найдется одинокой старушки?

Зумрут. Старушки? Да ему даже о сорокалетней не заикайся!

Багид. Что же он будет делать с молодой женой?

Зумрут. Мы тоже спрашивали. У него один ответ: «Я знаю что!»

Багид. Может, и так. Не зря же он прожил на свете сто тридцать лет.

Зумрут. Представляешь, лежит дома под буркой, вроде бы болен. Отец твой возьмет и пошутит: «Ах, какой ангелочек мимо идет!» Дедушка — бурку в сторону, пулей к окну и кричит: «Где, где?»

Багид (смеется). Молодец Лячин-бек! Просто молодец!

Зумрут. Он-то молодец, а вот некоторые... Кстати, как поживает Гёзел?

Багид. Не знаю. Мы редко видимся. Она теперь в «Скорой помощи» работает. А мне пока, слава богу, не приходилось ее вызывать.

Зумрут. По всему видно, что в твой дом не ступала нога женщины. *(Принимается за уборку дворика.)* Слаб мужчина без женского присмотра. Любая ворона его склюет.

Багид. Верно, тетя верно...
Гордо носит папаху джигит
И усами своими гордится.

Зумрут.
Но без женщин джигитам не жить,
Вам без нас и на свет не родиться.

Багид.
Да, без женщины каши не сварить,
Нам об этом известно давно.
То, что женщина друг и товарищ,
Безусловная истина...

Зумрут.
Но...

Багид.
Не хвали холостое житье,
Как бы ты ни держался за это.

Зумрут.
Ты однажды встречаешь ее,
И тогда твоя песенка спета.

Вместе.
Да, без женщины каши не сварить.
Нам об этом известно давно.
То, что женщина друг и товарищ,
Безусловная истина, но...
У мужчины в почете работа,
Но, конечно, в сердечных делах,
Если женщина хочет чего-то,
Значит, этого хочет аллах!

Зумрут. Значит, ты согласен? Тогда беги на работу и срочно проси отпуск.

Багид. Кто мне его даст второй раз в году?

Зумрут. Закон. По закону на свадьбу дают три дня.

Багид. Подожди... Значит, дедушка решил отпраздновать свадьбу здесь?

Зумрут. А иначе зачем я тащила на себе эти полные хурджины?

Багид. Вот здорово! Только на дедушкину свадьбу мне три дня не дадут.

Зумрут. Слушай, ты среди людей рос или тебя в лесу поймали, а? При чем тут дедушка? Ты женишься, ты!

Багид. Я? На ком?

Зумрут. Нет, кто-то из нас сумасшедший! Скажи, разве ты и Гёзел родились не в один день? Разве вы не были с детства неразлучны, как два глаза у человека? Разве ваши деды не поклялись, что вы будете мужем и женой? Может быть, Гёзел окривела, охромела или стала горбатой?

Багид. Я этого не говорил.

Зумрут. А разве не почетно привести в дом женщину-врача?

Багид. Я сам врач.

Зумрут. Сравнил! Ты кого лечишь? Баранов, кур, ишаков!

Багид. Это, может, еще труднее. У барана не спросишь, где болит. Ишак тебе не скажет, что он вчера кушал.

Зумрут. Нет, клянусь матерью, он тут со своими пациентами разучился понимать человеческий язык! Ему подают невесту на подносе, а он нос воротит! Чего тебе не хватает?

Багид. Любви, тетя... Понимаешь, любви!..

Есть в горечи сладость, а в счастье — беда.

Как все это просто, как все это сложно.

За что ты не любишь — понятно всегда,

А любишь за что — объяснить невозможно.

И что тут поделать, и как же тут быть?

А сердцу спокойно, а сердцу тревожно.

Мы можем как будто бы все объяснить,

И только любовь объяснить невозможно.

Зумрут. Мы ждали, пока ты кончишь институт. Теперь что?

Багид (*смеясь*). Теперь пишу диссертацию.

Зумрут. Вах!.. И когда же ты защитишь ее?

Багид. Ну... лет через пять...

Зумрут. О, горе мне! Клянусь, мне придется только через пять лет вернуться в родной аул!

Багид. Почему?

Зумрут. Да потому что я получила приказ: не возвращаться, пока ты не женишься!

Багид. Интересно, кто тебе дал такой приказ?

Зумрут. Ты тоже. По-прежнему бежишь на несколько лет впереди моды. Откуда ты взялся?

Гудура. Проходил мимо — и вдруг слышу знакомый ангельский голосок. Сердце так и рванулось к тебе!

Зумрут. Сердце? По-моему, у тебя вместо сердца старое решето, в котором ничего не держится.

Гудура. А все-таки это судьба, что мы снова встретились. Надеюсь, ты помнишь, что я первый сфотографировал тебя для газеты...

Зумрут. Когда это было! Сто лет назад!

Гудура. Зато с тех пор весь Дагестан знает тебя как лучшую заведующую сельским клубом. За эти годы ты стала еще красивей.

Зумрут. Очень жаль, Гудура, но про тебя я не могу сказать того же.

Гудура. Я себе цену знаю. Клянусь своим фотоаппаратом, такого джигита не заметит разве только слепой, и то темной ночью!

Зумрут. Горе мне! Значит, я ослепла!

Гудура. Все смеешься. А ничего смешного тут нет.

Если ты станешь розой цветущей,
Стану садовником я.
Ах, дорогая моя!

Зумрут. Клянусь, я и огурцом не хочу быть в твоём огороде!

Гудура.

Разве нам плохо вдвоем?
Верь, дорогая, это не шутка,
Если ты станешь белой голубкой,
Стану я горным орлом.
Разве нам плохо вдвоем?

Зумрут. Клянусь, такие орлы водятся в моём курятнике!

Гудура.

Будь понежнее со мной!
Я загораюсь страстью безумной,
Если ты станешь ночью безлунной,
Стану я полной луной.
Будь понежнее со мной!

Гудура пытается обнять Зумрут.

Зумрут. Эй, полная луна! На тебя, видно, нашло затмение! А ну скажи от меня подальше! (Отталкивает его.)

Гудура (пяясь). Тпру, тпру!.. Стой!.. (Падает на стул.)

Зумрут. С приездом!

Гудура. Что такого случилось бы, если бы я тебя поцеловал? Солнце бы не взошло, что ли? Уж возьми тогда да повесь на себя табличку: «Руками не трогать!»

Зумрут. Я и без таблички неплохо справляюсь, как видишь.

Гудура. Клянусь своим аппаратом, ты недостойна моей великой любви!

Зумрут. Ничего. Не я первая, не я последняя.

Гудура. Многие так говорили. Теперь локти до крови кусают. И я их понимаю. Гудура не кто-нибудь! Он для любимой и звезду с неба достанет.

Зумрут. Слушай, если бы ты действительно доставал звезды всем, кому обещал, их давно на небе не осталось бы! Ты который раз женат?

Гудура. Седьмой. Кажется... Что поделать, не везет! Каждый раз целишься в куропатку, а попадаешь в ворону. Но, клянусь аппаратом, сейчас я прицелился точно.

Зумрут. Уж не в меня ли? Побереги порох, стрелок!

Эй, люди, посмотрите на него!
И он мужчиной смеет называться.
Он даже брюки носит, а чего
Хорошего в нем, если разобраться?

Гудура.

Денежки, денежки, денежки
У меня в кармане шелестят.
Ну, куда ты денешься, денешься?
Денежки измены не простят.
Денежки, вах, мои денежки!
С денежками горы сворочу.
Денежки вы, мои денежки,
Все куплю, что только захочу!

Зумрут.

Жену себе за денежки купить!
Чего он захотел, смотрите, люди!
Да только нынче этому не быть,
Да весь Кавказ над ним смеяться будет!

Слушай, ты среди людей рос или тебя в лесу поймали, а?

Гудура. Одно твое слово, и я сегодня же разведусь с женой!

Зумрут. И это все, на что ты способен ради меня?

Гудура. Я все сделаю, чтобы мы были вместе. Говори!

Зумрут. Возникла у меня одна мысль... Но ты в самом деле для меня готов на все?

Гудура. Клянусь.

Зумрут. Значит, ты мог бы для меня даже... украсть?

Гудура. Украсть?.. Эй, женщина, кому ты это говоришь? Да скажи любой курице: Гудура взял твои яйца, и она плюнет тебе в глаза! Надо же такое предложить джигиту! Украсть!.. *(Помолчав.)* Смотря что.

Зумрут. Так ты согласи?

Гудура. Я сказал — смотря что.

Зумрут. Человека.

Гудура. Вах!.. Какого человека? Невесту, что ли?

Зумрут. Хуже. Жениха.

Гудура. Жениха?.. Клянусь, ты сошла с ума! Где это видано, чтобы крали мужчину?

Зумрут. Нигде не видано. Ну и что? Разве теперь мужчины и женщины не равны?

Гудура. Конечно, но... А кого тебе надо украсть?

Зумрут. Моего племянника Багида. Украсть и увезти в дом его невесты Гёзел. Если он проведет ночь в ее доме... Ну, ты сам понимаешь... Мне необходимо их поженить!

Гудура. И тогда?..

Зумрут. Что ты торгуешься, как на базаре? Сделай сначала одно дело!

Гудура. Твой племянник — крепкий джигит. Он может и стукнуть.

Зумрут. Этого не бойся. Я все устрою. *(Достает из окна телефон на длинном шнуре, набирает «03».)* Это кто говорит? Это «Скорая помощь»? Ох, скорее пришлите доктора!.. Умираю!.. Дом районного ветеринара знаете? Скорее, умоляю!.. *(Кладет трубку, смеется.)*

Гудура. Ох, Зумрут, какая из нас получилась бы хорошая пара!..

Зумрут. Спрячься поблизости и жди моего сигнала.

Слышна сирена приближающейся «скорой помощи».

Гудура убегает. Зумрут поспешно ложится и начинает громко стонать.

Входит Гёзел в белом халате, с чемоданчиком в руке.

Гёзел. Где больной?

Зумрут. Тут больной, тут!

Гёзел (*бросаясь к ней*). Тетушка Зумрут!

Зумрут. Гёзел!.. (*Хитрит.*) А я и не знала, что ты работаешь в «Скорой».

Гёзел. Уже год. Что с вами, тетушка Зумрут?

Зумрут. Ой, доченька, спаси! Как меня ударит в поясницу! Словно козел боднул! Вот лежу. Видно, смерть моя пришла, никак не разогнуться!

Гёзел. Сейчас попробуем вас вылечить. Тут больно? А тут?

Зумрут. Ой, не могу! (*Смеется.*)

Гёзел. Вы смеетесь?

Зумрут. Что ты за доктор? Ой, умираю!..

Гёзел. Странно... Скорее всего — обыкновенный радикулит. Сейчас мы его укольчиком. (*Готовит шприц.*)

Зумрут. Нет, ни за что!

Гёзел. Тут я командую!

Зумрут. Гёзел, деточка!

Гёзел. А ну без разговоров! На живот быстро! Спокойно! (*Делает укол.*)

Зумрут. Ай! Ай! Ох, смерть моя!..

Гёзел. Не станет легче, я второй сделаю.

Зумрут. Что?.. (*Миглом вскакивает и отбегает в сторону.*) Еще чего придумала! Не подходи!

Гёзел (*смеется*). Уже лучше стало? Чудеса! Ну как, больше ничего не беспокоит?

Зумрут. Беспокоит... Только тут лекарствами не помочь. Очень меня беспокоят, Гёзел, два человека. Ты и Багд.

Гёзел (*опустив голову*). Не стоит об этом беспокоиться. По-моему, и так все ясно.

Солона вода в Каспийском море,
Знает тот, кому попробовать пришлось.
Солона вода его от горя,
От девичьих слез.

Холодны снега на горных склонах,
Там тепла и жарким летом даже нет,
Холодны от горестей влюбленных,
От сердечных бед.

Как грозны ветра на перевале,
Словно злой они мне посланы судьбой.
Как грозны от девичьей печали,
От разлук с тобой.

Я порой хочу, как будто в сказке,
У тебя спросить, морской девятый вал:
Разве мало слез девичьих, Каспий,
Ты уже собрал?

Зумрут. Почему твоя песня грустна, как осенний дождь?

Гёзел. Потому что весна ушла из моего сердца.

Зумрут. И в этом виноват Багид?

Гёзел. Я никого не виню. Сердцу не прикажешь.

Зумрут. Но ты хотела бы стать его женой?

Гёзел. Спросите птицу: любит ли она летать? Что толку мечтать о том, чего быть не может.

Зумрут. Ну, я еще не сказала своего последнего слова.

Гёзел. Что?

Зумрут. Я говорю, из-за вас меня бессонница замучила. Нет ли у тебя снотворного, доченька?

Гёзел. Возьмите в чемоданчике, тетушка Зумрут. Только на почь не больше одной таблетки. Лекарство очень сильное.

Зумрут (*пряча таблетки в карман*). Как раз то, что надо!

Гёзел. Мне пора. До свидания!

Зумрут. До скорого, Гёзел! До очень скорого!

Гёзел направляется к выходу и встречается с вошедшим Багидом. Оба смущенно останавливаются.

Багид. Гёзел, ты?

Гёзел. Здравствуй, Багид... Не пугайся, я не в гости. У твоей тети случился приступ радикулита, и вот...

Багид. Радикулит? У моей тети?

Зумрут (*поспешно*). Уже прошло, уже прошло! Никогда себя так хорошо не чувствовала! Поговорите, дети, а я быстренько чай приготовлю. (*Прихрамывая, уходит в дом.*)

Багид. Ну что ж, давай поговорим, Гёзел?

Гёзел. Попробуем, Багид.

Садятся. Пауза.

Багид. Хорошая сегодня погода, правда, Гёзел?
Гёзел. Замечательная, Багид.

Пауза.

Багид. А вчера была не очень хорошая. Да, Гёзел?
Гёзел. Да, вчера была похуже, Багид.

Пауза.

Багид. Интересно, какая будет завтра, Гёзел?
Гёзел. Действительно интересно, Багид.

Пауза.

Багид. А сегодня просто исключительная погода.

Гёзел. Ты это уже говорил.

Багид. Да?

Гёзел. Да. *(Встает.)* Ну что же, приятно было с тобой поболтать, Багид.

Багид. Мне тоже, Гёзел. Заходи еще как-нибудь.

Гёзел. Обязательно.

Из дома выходит Зумрут, неся на подносе чайник и чашки.

Зумрут. А вот и чай! Я не помешала? За стол, дети, за стол! *(Тайком достает из кармана снотворное и высыпает горсть таблеток в одну чашку.)* Угощайтесь! Багид, Багид, это не твоя чашка! Твоя вот эта!

Багид. Какая разница, тетя!

Зумрут. Огромная! Да, да, я знаю, что говорю.

Багид *(пьет)*. Что-то горько.

Зумрут. Это я по своему рецепту приготовила. Ты сахару побольше клади. Да пей же, Багид, пей! Не обижай тетю! Вот так, молодец! Извините, я на минуточку. *(Уходит в дом и подглядывает из окна за происходящим.)*

Гёзел. Может быть, нам в самом деле стоит поговорить, Багид?

Багид. Пожалуйста... *(Помолчав.)* Хорошая сегодня погода, правда?

Гёзел. Можно подумать, что ты работаешь в бюро прогнозов! Ладно, пусть девушке неловко заводить об этом разговор, но кто-то должен начать...

Любовь — одно мое крыло,
Крыло другое — верность.
Тебе обрезать, как назло,

Мне крылья захотелось.
Ты все забыл, ты все забыл,
Ты все забыл, что было.
Ты, верно, вовсе не любил,
А только я любила...

Багид!.. Ты меня слышишь, Багид?.. (*Замечает, что он спит мертвым сном, сладко похрапывая.*) Багид!.. Ну, спасибо тебе! Поговорили... Прощай!..

Закрыв лицо руками, Гёзел убегает. Зумруд выскакивает из дома.

Зумрут. Стой! Стой, глупая!.. Ну да ладно. Посмотрим, что она запоет, когда утром обнаружит в собственном доме жениха! (*Тормозит неподвижного Багида.*) Готов голубчик! Так, а где же Гудура? (*Кричит.*) Эй, горный орел! Ты в какую щель забился?

Крадучись входит Гудура с буркой в руках.

Гудура. Тсс!.. Зачем столько шума?

Зумрут. Слушай, ты дело делай. Критиковать все умеют.

Гудура. Ладно, ладно. Где он?

Зумрут. Вот, не видишь, что ли?

Гудура. Он спит или задумался?

Зумрут. Спит. Хоть стреляй над ухом.

Гудура (*подходит к Багиду*). Ну что, джигит, будем собираться в дорогу?

Гудура расстилает на земле бурку и с помощью Зумрут укладывает на нее Багида.

Зумрут. А как ты его повезешь, подумал? У тебя конь есть?

Гудура. Конь? У меня «Запорожец»!

Зумрут. А если кто спросит: что везешь?

Гудура. А так и скажу — жениха! Кто поверит? Подумают, шутит Гудура.

Зумрут. Ладно, берись! Время дорого!

Гудура с трудом взваливает на себя завернутого в бурку Багида, шатается под тяжестью.

Гудура. Джигит! Килограммов восемьдесят весит, не меньше!..

Зумрут. Станешь выносить его, будь осторожней.

Гудура. Ничего, если и упадем, невеста полечит. Она же врач. (*Уходит, унося Багида.*)

Зумрут. Ну, все! Теперь отступать поздно. (*Сни-*

мает телефонную трубку, набирает номер.) Это милиция? Ой, приезжайте скорей! Обокрали! Стала бы я звонить из-за ерунды! Что? Хозяина!.. Кто шутит? Да поскорее приезжайте! Дом районного ветеринара знаете? Жду, жду!.. (Кладет трубку, смеется.)

Появляется Гудура.

Гудура. Зумрут!

Зумрут. Как? Еще здесь? Ты что, в колонию захотел?

Гудура. Какая колония, слушай? При чем тут колония?

Зумрут. При том, что я уже милицию вызвала! Сейчас приедут!

Гудура. Как милицию? Слушай, зачем милицию?

Зумрут. Да чтобы все было правдоподобно!

Гудура. А меня спросила? Я не хочу ничего. Слушай, давай забирай своего племянника, ради аллаха, и мы друг друга не знаем.

Зумрут. Еще чего! Пусть приедут и увидят его у тебя в машине.

Гудура. Я скажу, что это ты меня подговорила!

Зумрут. Кто этому поверит?

Гудура. Зумрут! Меня же правда посадят!

Зумрут. Твое дело.

Гудура. Зумрут!

Зумрут. Уходи с моих глаз, вор несчастный!

Гудура. Зумрут!.. Ну хоть пойди подтолкни машину,— может, она заведется!

Зумрут. Так что ж ты стоишь? Шевелись. (Направляется к выходу.)

Гудура (танцует вокруг Зумрут).

Если ты станешь
Розой цветущей,
Стану садовником я.
Ах, дорогая моя!..

Уходят вдвоём. С противоположной стороны раздаётся трель милицейского свистка. Вбегает Масар, держа в руке пистолет.

Масар. Всем оставаться на местах! Стрелять буду! (Осматривает двор и, ничего не обнаружив, застывает в недоумении.)

Входит Зумрут.

Зумрут. Масар!

Масар (вздрагнул). Руки вверх!

Зумрут. Масар, это же я!

Масар. Тетушка Зумрут!.. *(Прячет оружие.)*

Зумрут. Я опущу руки, ладно?

Масар. Конечно, конечно...

Зумрут. Ай, какой красивый стал! Прямо генерал!

Масар. Пока лейтенант.

Зумрут. Ничего, скоро будешь генералом.

Масар. Надеюсь. Что тут у вас стряслось? Где Багид?

Зумрут *(всхлипывая)*. О, горе мне, горе!.. Солнце для меня погасло, Масар! Нет больше моего Багида! Его украли!..

Масар. Почему обязательно украли? Может, он в кино пошел...

Зумрут. Я знаю, что говорю! Украли, клянусь аллахом! О, горе мне!..

Масар. Страшно... Кому и зачем нужно красть ветеринара? Пусть даже районного.

Зумрут. Откуда мне знать? Ты у вора спроси.

Масар. Обязательно спрошу. Только его сначала поймать надо.

Зумрут. А вы — милиция — для чего? В свисток свистеть, если кто-то дорогу не там перешел? Ну что ты стоишь?

Масар *(садится за стол, достает блокнот)*. Давайте по порядку. Имя, фамилия, год рождения?

Зумрут. Так я тебе и сказала год рождения! А имя тебе зачем? Забыл, как меня зовут? Ты вора ищи, вора!

Масар. Найти — это пустяки. Мне важно установить круг подозреваемых.

Зумрут. Какой круг, ты сказал?

Масар. Меня интересует, с кем Багид сегодня встречался.

Зумрут. Со мной.

Масар. С кем еще?

Зумрут. С Гёзел.

Масар. Гёзел?.. Минутку. *(Снимает трубку, набирает номер.)* Доктора Гёзел попрошу. Это из милиции... Здравствуй, Гёзел. Это Масар. Вот что, Гёзел, срочно приезжай к Багиду. Возможно, понадобится медицинская помощь. Нет, не ей, а Багиду. Дело в том, что его... украли. Только никому ни слова. Да ты что? Я не пью. Приезжай немедленно! *(Кладет трубку.)* Сейчас разберемся.

Зумрут. Надеюсь на тебя, Масар. Ведь ты лучший друг Багида.

Масар. Дружба тут ни при чем! Я не позволю безнаказанно похищать людей! Прошли те времена!

Зумрут. Думаешь, прошли, Масар?

Масар. Прежде всего составим протокол осмотра места происшествия. (*Пишет.*) Число, месяц, год. Мной, лейтенантом Масаром Батыровым, на месте происшествия... Дайте же дописать, тетя! Без протокола не будет розыска.

Входит Гёзел.

Гёзел. Что тут у вас? Что за глупые шутки?

Зумрут. Иди-ка сюда, Гёзел. Я тебе все объясню.

Масар. Нет, нет! Нельзя! Никаких контактов! Это помешает следствию! Отойдите, пожалуйста, в сторонку, гражданка!

Зумрут. Слушай, ты среди людей рос или тебя в лесу поймали, а?

Масар. Гёзел, подойди ко мне.

Гёзел. Ничего не понимаю...

Масар (*смущенно*). Гёзел, ты знаешь, что Багид мне как брат. А ты как сестра...

Гёзел. Знаю.

Масар. Я люблю... Люблю вас обоих...

Гёзел. И мы... То есть я тоже тебя люблю.

Масар. Как брата?

Гёзел. Как брата.

Масар. Что ж, спасибо на добром слове... (*Вздыхает.*) Если бы ты и Багид...

Гёзел. Что же ты замолчал?

Масар. Извини...

Гёзел. Неужели ты сам не видишь, как это глупо?

Масар. Что глупо?

Гёзел. Думаешь, я не понимаю, зачем ты сочинил эту нелепую историю? Опять пытаешься как верный друг свести нас с Багидом?

Зумрут. Эй, люди, вы посмотрите, что делается! Просто пара голубков! Как бы они мне все не испортили!

Масар. Ты ошибаешься, Гёзел, Багида в самом деле похитили.

Гёзел. Кто это сказал?

Зумрут. Я сказала! Завернули в бурку и увезли!

Гёзел. Подождите!.. Мне сейчас навстречу попался синий «Запорожец»! А в нем что-то завернутое в бурку!

Масар. Мы напали на след! Какая машина? Синяя?

Зумрут. Синяя, зеленая — какая разница!..

Сойду с ума, пока
Его не отыскали.
Куда пропал любимый мой Багид?
Ведь все ж не ишака —
Племянника украли,
Куда у нас милиция глядит?

Масар.

Какой скандал!
Вот дожили, смотри ты!
Кавказ, как говорится, есть Кавказ.
Я всякое видал,
Но чтоб украсть джигита,
Еще такого не было у нас!

Гёзел.

У нас давным-давно
Людей не умыкают,
Как это было в прежние лета.
Мне это все смешно,
И я подозреваю,
Что тут на самом деле все не так.

Масар.

Какой скандал!
Вот дожили, смотри ты!
Кавказ, как говорится, есть Кавказ.
Я всякое видал,
Но чтоб украсть джигита,
Еще такого не было у нас!

Вместе.

Мы вора пристыдим,
Когда его догоним.
Пощады нет тому, кто украдет!
Так что же мы стоим?
Скорей бежим в погоню,
Преступник от ответа не уйдет!

Масар оглушительно свистит в свисток, и все трое убегают.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Утро следующего дня. Птицеферма на окраине кабардино-балкарского села. Вдали, как и в первом действии, величественная панорама гор. С ружьем в руках появляется Токолай.

Токолай. Стой! Кто идет? *(Осматривается. Никто не идет. Так я и думал. *(Самодовольно крутит ус.)* Еще бы, кто суется на птицеферму, когда на посту Токолай? За сто шагов в муху попадаю с первого выстрела!*

Когда-то я был тут начальником,
Мне все подчинялись, дрожа.
Но вышла ошибка случайная,
И я перешел в сторожа.
Чем выше по службе поднимешься,
Тем падать оттуда больней.
И я своей должностью нынешней,
Представьте, доволен вполне.

(Натыкается на завязанную в узел бурку, лежащую возле забора.) Это что такое? Неужели кто-то ночью забрался на ферму? *(Пробует поднять.)* Вот это тяжесть! Да тут кур сорок, клянусь аллахом!.. Вот жадность человеческая! Подожди, Токолай, подожди! Ведь если про это узнают, сразу спросят: а куда сторож смотрел? Что делать?.. *(Прислушивается.)* Идет кто-то, вот беда! А может, это вор за своей добычей возвращается? Арестую! Тогда все в порядке. Тогда даже благодарность получу!.. *(Прячется.)*

Входит Ариужан. Токолай выскакивает сзади с ружьем наперевес.

Токолай. Стой! Кто идет?

Ариужан. Ты что людей пугаешь? Это же я. Салам алейкум!

Токолай. Ваалейкум салам! Стой, говорю!

Ариужан. Да что с тобой, Токолай? Меня не узнаешь?

Токолай. Я тебя узнал, товарищ заведующая. Но порядок есть порядок! Эх, Ариужан, ты еще молодая заведующая! Слушай меня, я не один год руководил этой птицефермой. Каким почетом пользовался. На собраниях в президиуме — Токолай! В газетах — Токолай! Ходил — под ноги не смотрел. Пока не споткнулся и пос себе не расквасил. Да если бы только нос!

Ариужан. Ничего, настоящий джигит в любом деле себя покажет.

Токолай. Это верно.

Ариужан. А это что за бурдюк?

Токолай. Где?

Ариужан. Вон же!

Токолай. Вах!.. Это тебе подарок, не иначе.

Ариужан. Подарок? От кого же?

Токолай. Мало джигитов по тебе вздыхает?

Ариужан. Посмотрим. (*Развязывает бурку.*) Туг, наверное, целый баран!

Токолай (*негромко*). Аллах, умоляю, сделай так, чтобы там оказались не куры!

Ариужан. Ой!.. Ты посмотри, Токолай!

Токолай. Что?

Ариужан. Посмотри!

Токолай нехотя приближается и с изумлением видит спящего Багида.

Это джигит, не видишь разве?!

Токолай (*негромко*). Благодарю тебя, аллах! (*Ариужан.*) Джигит. Твоя правда.

Ариужан. Жив ли он?

Токолай. Дышит. Спит, наверное.

Ариужан. Так крепко?

Токолай. Значит, совесть чистая.

Ариужан. Принеси воды! Скорей! Я что-то волнуясь.

Токолай. Еще бы! Не каждый день таких джигитов подбрасывают! (*Уходит.*)

Ариужан (*разглядывает Багида*). С ума сойти!.. А вдруг он серьезно болен? (*Прикасается губами к его лбу.*)

Багид открывает глаза, приподнимается. Молодые люди смотрят друг на друга, не в силах оторвать взгляд.

Кто ты?

Багид. Багид. А ты?

Ариужан. Ариужан.

Багид. Ариужан... Это сон?..

Ариужан. Кажется... Только кто кому снится?

Багид. Ты мне.

Ариужан. А может быть, ты мне?

Багид. Все равно... (*Встает.*) Только пусть этот сон не кончается.

А р и у ж а н. Я сама боюсь проснуться...

Ба г и д.

Хранят покой вершины снеговые,
Лежит ледник в тысячелетнем сне.
Но кто-то вдруг встречается впервые,
И все у них случается впервые,
И кажется — сейчас растает снег.

В м е с т е.

Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Непредугаданный людьми.
Вечная, как мир,
Вечная, как мир,
Вечная история любви!

А р и у ж а н.

И снова чудо первого признанья
И первое трепещущее «да».
Как будто бы ни слез, ни расстояний,
Ни горечи, ни лжи, ни расставаний
Любовь не знала в мире никогда.

В м е с т е.

Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Непредугаданный людьми.
Вечная, как мир,
Вечная, как мир,
Вечная история любви!

Входит То ко л а й с кувшином.

То ко л а й. Лучше, наверное, было вина принести, а?
Наш джигит уже на ногах! Салам алейкум!

Ба г и д. Ваалейкум салам!

То ко л а й. Проснулся наконец?

Ба г и д. Теперь да. Где я?

То ко л а й. Вах!.. Видно, вчера у тебя было неплохое застолье?

Ба г и д. Какое застолье? Так, задремал нечаянно... Подождите! Ничего не понимаю. Почему говорят по-кумыкски?

То ко л а й. А на каком языке ты хотел бы говорить в Кабардино-Балкарии?

Ба г и д. При чем тут Кабардино-Балкария, если мы в Дагестане?

Токолай. Проснись, джигит! Может, вчера ты и был у себя в Дагестане, а сегодня ты у нас.

Багид. Невероятно... Я что же, летаю во сне?

Токолай. А грустить нечего. Ты попал в гости к добрым соседям, к друзьям. Разве не так?

Багид. Так, конечно...

Токолай. Разве не дружба помогла тебе понять наш язык?

Багид. Конечно, дружба... И любовь тоже. *(Подходит к Ариужан.)* Неважно, как я оказался здесь, важно, что я нашел тебя!

Ариужан. Это я тебя нашла, Багид. *(Улыбается.)* Ты лежал вои там под забором.

Багид. Под забором?

Ариужан. Да, завернутый в бурку. И крепко спал.

Багид. Как такое могло случиться...

Ариужан. А может быть, тебя украли?

Багид. Украли? Кто?

Ариужан. Не знаю. Твои поклонницы.

Багид. Я не кинозвезда, я ветеринар!

Ариужан. В самом деле? Это правда?

Багид. Конечно.

Ариужан. Какое счастье! Да я за одного ветеринара всех кинозвезд отдам!

Багид. От первой женщины такое слышу.

Ариужан. У нас что-то несуськи погрустнели, а мой ветеринар в отпуске.

Токолай. Она ведь у нас заведующая птицефермой.

Багид *(Ариужан)*. Счастлив помочь тебе!.. *(Шутливо.)* Ведите меня к ним, товарищ заведующая!

Багид и Ариужан уходят. Токолай смотрит им вслед.

Токолай. У нас, кажется, будет свадьба!

Он поднимает бурку и хочет ее унести. Но тут ему преграждает дорогу Масар, перепрыгнувший через забор.

Масар. Стой!

Токолай. Стою.

Масар. Не двигаться!

Токолай. Не двигаюсь.

Масар. Не разговаривать! *(Приближается.)* Попался!.. А ну отвечай: что у тебя в руках? Предупреждаю, станешь молчать — хуже будет!

Токолай. Как я могу говорить, если ты сам запретил?

Масар. Ты не выкручивайся, не поможет! Спрашиваю еще раз: что у тебя в руках?

Токолай. Не видишь?

Масар. Вижу. Я вижу у тебя в руках вещественное доказательство!

Токолай. Вах!.. А я думал, это бурка!

Масар. Теперь уже это не бурка. Теперь это улика!

Токолай. Да возьми ее, ради аллаха! У меня дома висит в сто раз лучше!

Масар. А ты, я смотрю, шутник. (*Грозно.*) Имя, фамилия?

Токолай. Сразу видно приезжего человека! Токолай меня зовут. Меня все знают!

Масар. Где то, что был в бурке?

Токолай. Уф!.. Так бы сразу и сказал. Отвечаю: в курятнике.

Масар. С ним ничего не случилось?

Токолай. Слушай, я его пальцем не тронул! Его нам ночью подкинули! Тут разобраться надо!

Масар. Разберусь! А ты оставайся тут.

Токолай. Не волнуйся, не убегу.

Масар (*кричит*). Тетя Зумрут! Гёзел!

Входят Зумрут и Гёзел.

Женщины, мы почти у цели! Попрошу не спускать глаз с этого человека! (*Дает Зумрут ружье Токолая.*) Первый выстрел в воздух, второй...

Токолай. Не старайся, начальник. У меня в ружье всего один заряд.

Масар. Я сейчас вернусь! (*Уходит.*)

Токолай. Я что, сумасшедший — бежать от такой стражи? Да я, может, всю жизнь мечтал сидеть под прицелом таких прекрасных глазок!

Гёзел. Тетя Зумрут, вы обещали мне что-то объяснить, когда мы останемся вдвоем.

Зумрут. Ах, девочка, не спрашивай меня ни о чем! Все так хорошо началось... А теперь я погибла!

Гёзел. Почему?

Зумрут. Потому что это не человек, а баран бестолковый!

Гёзел. Кто?

Зумрут. Тот, кто похитил нашего Багида.

Токолай (*подходит*). Кажется, разговор обо мне?

Зумрут. А ты тут при чем?

Токолай. Ты говорила про похитителя. Значит, про меня.

Гёзел. Это вы похитили Багида?

Токолай. Так говорит ваш лейтенант.

Зумрут. А ты и обрадовался? Так вот, тебя арестовали по ошибке. Ты свободен, уходи!

Токолай. Как — уходи? Как это — свободен? Нет, ты глаз с меня не спускай, тебе так было приказано!

Зумрут. Что ты ко мне привязался?

Токолай (*вздыхает*). Я всю жизнь думал: вот встречу однажды свою судьбу, и нужные слова сами придут. А теперь вот они не приходят... Извини... Я, знаешь, не умею говорить красиво.

Зумрут. Не умешь? А ты пробовал?

Токолай. Да в том-то и дело, что нет.

Зумрут. Так попробуй!

Токолай. А, что толку...

Зумрут (*смеясь*). Значит, тебе просто еще не пришло время жениться.

Токолай. Как это не пришло? Боюсь, что уже проходит!..

Зумрут. Подожди, подожди! Как тебя прорвало! Не так быстро! Как говорится, пересядем со скакуна на ишака.

Токолай. Нет. Я совсем голову потерял от радости! А ведь прежде всего, как водится у нас в горах, надо накормить и напоить дорогих гостей. Идемте!

Токолай уводит обеих женщин. Входят Багид и Масар.

Багид. Куда ты меня тащишь?

Масар. Ты что, не понимаешь? Я веду расследование. Не могу же я тебя допрашивать при посторонних.

Багид. Ну и веди. При чем тут я?

Масар. Совсем голову потерял! А кого украли? Не тебя разве?

Багид. Подумаешь, кража вска! Одним ветеринаром больше, одним меньше. А потом, я ведь уже нашлся.

Масар. Ты хочешь сказать, чтобы я не искал вора?

Багид. Найди, Масар! Найди обязательно! Знаешь, что я с ним сделаю? Я его обниму как брата и расцелую!

Масар. Вот этого я боялся больше всего.

Багид. Чего?

Масар. Я боялся за твое здоровье. Хорошо, что я прихватил с собой Гёзел. Она окажет тебе первую помощь.

Багид. Поздно, Масар. Медицина тут бессильна.

Масар. Какой злодей это сделал? Кто? Назови имя!

Багид. Ариужан!

Масар. Ариужан? Кто это?

Багид. Тсс! Смотри!..

Входит Ариужан.

Ариужан.

Сердце горянки надежды полно,

Сердце горянки чаще забилося.

Это любовь постучалась в окно,

Я полюбила, я полюбила!

Сердце без любви — как очаг без огня,

Сердце без любви — будто пожны без кинжала.

Расседлай, джигит, вороного коня,

Ты нашел любовь за далеким перевалом...

Масар. Это она?

Багид. Она... Теперь понимаешь, Масар?

Масар. Кажется, понимаю... А как же Гёзел?

Багид. Не знаю... Это камень на моем сердце...

Масар. Чем я могу тебе помочь? Ведь я твой друг, Багид! Твоя радость — моя радость, твоя грусть — моя грусть. Но... правильно ли я понял: ты не любишь ее?

Багид. Кого? Ариужан?

Масар. Я говорю о Гёзел!

Багид. Да... не люблю...

Масар. Ох!.. Дай я тебя обниму, Багид!

Багид. Задушишь, сумасшедший! Что с тобой?

Масар. Я сейчас родился во второй раз, Багид!

Багид. Подожди! Я, кажется, понял. Ты... любишь Гёзел?

Масар. Да, Багид! Люблю!

Багид. Ох!.. Дай теперь я обниму тебя!

Друзья со смехом обнимаются. Входит Гёзел.

Гёзел. Я вижу, украденный нашелся. И, кажется, моя помощь не пужна.

Багид. Нужна, очень пужна! Только не мне, а Масару. Что-то у него с сердцем неладно. Посмотри, Гёзел. Смелей, Масар! *(Подталкивает друга, а сам отходит к Ариужан.)*

Масар. Он пошутил.

Гёзел. С сердцем шутки плохи. Дай-ка я послушаю. (*Прикладывает ухо к его груди.*) Дыши. Не дыши. Еще дыши.

Масар. Да, Гёзел, дело серьезное.

Гёзел. Давно это ты так считаешь?

Масар. Давно, Гёзел. С первой встречи с тобой. Сколько лет прошло...

Гёзел. И все эти годы ты молчал?

Масар. И ты не смеешься мне в лицо, не уходишь?

Гёзел. Нет, как видишь.

Масар. Поверь, я всегда любил Багида и тебя!

Гёзел. Я тебя тоже.

Масар. Да, да. Как брата...

Гёзел. Я сама не знала своего сердца, Масар. Я запрещала себе даже думать о тебе. Ведь мы с Багидом с детства считались женихом и невестой. Мне и в голову не приходило, что может быть иначе.

Масар. А может быть?

Гёзел. Может...

Грешно, а может быть, смешно

Твердить об этом снова,

Что сердце девичье давно

Ждало совсем другого.

Наивна детская любовь,

И с ней пора прощаться.

Жалеть нам нечего с тобой

И нечего бояться.

Масар.

А бояться не нужно

Самых нежных и ласковых слов.

Настоящая дружба

Понимает большую любовь!

Входит Зумрут, преследуемая Токолаем.

Зумрут. Слушай, что ты ходишь за мной, как привязанный?

Токолай. Тебе поручили меня сторожить! Я не хочу, чтобы у тебя были из-за меня неприятности!

Зумрут. Масар, ты когда-нибудь видал, чтобы арестованный был таким сознательным?

Масар. Да, это очень подозрительно.

Токолай. Конечно, подозрительно! А она от меня все время убегает! Разве так можно?

Масар. Токолай ни при чем в этом деле.

Зумрут. Я же говорила, что он может быть свободен!

Токолай. Зачем мне свобода без тебя? Дайте мое ружье!

Зумрут. У тебя же ружье солью заряжено.

Токолай. Женщина! Если джигит решил умереть, он умрет.

Масар. Еще слово — и я тебя арестую за попытку самоубийства! Что за глупые разговоры? Ведь только сейчас начинается настоящая счастливая жизнь!

Зумрут. Да? Интересно, у кого?

Багид. У нас, тетя!

Зумрут. Вах!.. Багид! Мальчик мой дорогой! Ты пашелся!.. *(Бросается к нему, обнимает.)* Что ты тут болтаешь про счастливую жизнь? У кого это она начинается?

Багид. У меня и Арнужан. Познакомься, тетя.

Зумрут. Нет! Нет! Только не это!..

Масар. И у меня с Гёзел!

Зумрут. Что?.. У тебя с Гёзел?.. Вы решили меня с ума свести?

Токолай. Почему бы и нам с тобой, Зумрут, не порадовать друг друга?

Зумрут. Нам с тобой?.. *(Машет рукой.)* А, мне теперь все равно.

Токолай. Слушай, выходи за меня, а?

Багид. Он прав, тетя.

Арнужан. Что вас смущает? И в прежние времена дагестанки выходили замуж за балкарцев.

Масар. И дагестанцы брали невест из Кабардино-Балкарии.

Зумрут. Что вы меня агитируете?

Токолай. Так в чем же дело?

Зумрут. Подождите! Вы не знаете, что я пережила за эти сутки. У меня в голове все спуталось. Подумать надо, сообразить. Пусть все будет, как полагается у нас на Кавказе. Поедем домой. А завтра пусть джигиты присылают сватов. Или вы совсем забыли наши обычаи? Иначе я не согласна! Слышите?

Арнужан. Завтра... Как дожить до завтра?..

Зачем у людей,
Зачем у любви
Бывают разлуки?
На это ответа

Никто не нашел.
Все это как сон,
Ускачет твой конь
За реки, за горы,
А с ним улетит
И топот копыт,
И песня твоя.

Багид.

Я жизнью клянусь,
Что скоро вернусь,
Мы встретимся скоро.
Еще не любили
Сильнее, чем я.

Вместе.

Нет разлук, нет разлук
Прошлых и будущих!
Нет разлук, нет разлук,
Нет их для любящих!
Кто верит надежде,
Тому удастся
Любовь сохранить.
И между сердцами
Вовеки не рвется
Незримая нить!..

Масар. Всё это очень хорошо. Одного только я не понимаю: как быть с воров? Что там ни говори, а Багида все-таки похитили!

Зумрут. Масар, поручи это дело мне. Я сама рассчитаюсь с этим бандитом. Никакая милиция так не накажет, как может наказать женщина!

Масар. Это верно. Но все знают, что расследование вел я. И если я не закопчу его успешно, мне прежде всего перед Гёзел будет стыдно.

Багид. Тетя, а может быть, тебе срочно поступить в милицию?

Токолай. Ты что? Хочешь, чтобы я женился на милиционере? Хорошенькая жизнь будет дома!

Масар. Тихо!.. Слышите? Машина едет! (*Бросается к забору.*) Так я и думал! Синий «Запорожец»! Вот что значит с умом вести расследование! Преступник сам идет в руки!

Зумрут. Дай мне его, Масар! Дай мне!

Масар. Нет! Всем удалиться!

Зумрут. Дайте мне его!..

Масар (*преграждая дорогу*). Нет! Его будут судить!

Гудура. Судить? Меня судить? Тогда уж вместе с ней! Говори! Говори, женщина!..

Все смотрят на Зумрут.

Зумрут. Эх ты, горный орел!.. Гудура прав. Я во всем виновата. Я так хотела, чтобы Багид и Гёзел пожелались... Для этого все и придумала. А он просто исполнитель...

Гудура. Слышали? Я — слепое орудие.

Зумрут. Не кричи, это и так видно. Слушай, Гудура, ты среди людей рос или тебя в лесу поймали, а?

Масар. Прошу сохранять спокойствие!

Зумрут. Я только спрошу у него. Гудура, тебе же нужно было отвезти Багида в дом Гёзел, всего-то три квартала. А тебя куда унесло? За сотни километров! В другую республику!

Гудура. Когда подумаешь о милиции, со страху...

Зумрут. С тобой все ясно!.. А теперь, Масар, можешь арестовать меня.

Токолай. Теперь я ее посторожу!

Масар. Не надо никого сторожить. Зачем, когда все кончилось хорошо? Ведь у нас скоро свадьба!

Багид. Две свадьбы!

Зумрут. А не три? Или моя свадьба уже не в счет?

Гудура. Не твоя, Зумрут, а наша.

Зумрут. Наша?

Гудура. Конечно. Я сделал все, что мог. А какое у нас было условие?

Токолай. Что-то он много болтает. Дайте-ка мне мое ружье!

Зумрут. Не надо, Токолай. На такого и соли жалко. А потом, у него уже есть жена.

Гудура. Все! Нет никакой жены! Разошелся!

Токолай. Нет, все-таки немного соли ему не повредит. (*Поднимает ружье.*)

Зумрут. Не надо, Токолай. Ему и так будет солоно, когда он придет на нашу с тобой свадьбу.

Гудура. Так... Значит, вы тут все решили пережениться? А как же я?.. (*Уходит, опустив голову.*)

Масар. Вот теперь на самом деле все. Мы только не решили, где будем справлять наши свадьбы.

Ариужан. Как это где? Сначала в Кабардино-Балкарии, потом в Дагестане.

Гёзел. Или наоборот. Лишь бы было весело!

В оркестре грозно гремят литавры, и сверху спускается портрет дедушки. Все замирают, глядя на него.

Зумрут. Вах!.. А про дедушку мы забыли!

Гёзел. Что же теперь делать?

Ариужан. Надо и дедушку женить!

Масар. Правильно! Где три свадьбы, там и четвертая!

Токолай. Так ведь придется целый месяц на свадьбах гулять, а?

Зумрут. Для хорошего дела времени не жалко!..

Звучит музыка. Закрывается интермедийный занавес.

ЭПИЛОГ

Перед интермедийным занавесом, изображающим свадебное кавказское застолье, как и в прологе, стоят все участники спектакля, кроме Гудуры. Раздастся крик: «Подождите! Одну минутку!» Появляется запыхавшийся Гудура со своим фотоаппаратом.

Гудура. Фотографирую на память! Приготовились!..

Ариужан и Багид.

Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Встреча — это миг,
Непредугаданный людьми.
Вечная, как мир,
Вечная, как мир,
Вечная история любви!

Масар.

Какой скандал!
Вот дожили, смотри ты!
Кавказ, как говорится, ссть Кавказ.
Я всякое видал,
Но чтоб украсть джиггита,
Еще такого не было у нас!

Гёзел.

А бояться не нужно
Самых нежных и ласковых слов.
Настоящая дружба
Понимает большую любовь.

Токолай.

Одиночество,
Одиночество,
Как приятно с ним проститься.
Я скажу вам,
Очень хочется
Поскорее и мне жепиться!

Зумрут.

Мне и верится,
И не верится
В то, что свадьба состоится.
Перетерпится,
Перетерпится,
Перехочется жениться!

Токолай.

Нет, не пойдет
Давать обратный ход!
Мое ружье осечки не дает!

Гудура.

Денежки, денежки, денежки
У меня в кармане шелестят.
Ну, куда ты денешься, денешься?
Денежки измены не простят.
Денежки, вах, мои денежки!
Можешь миллионы накопить,
Но куда ты денешься, денешься?
Ведь любовь за деньги не купить!

Мужчины.

Всякое разное в жизни случается,
Но обязательно помни, дружок...

Женщины.

Если история свадьбой кончается,
Значит, кончается все хорошо!

Вместе.

Хорошо! Хорошо!
Свадьба — это хорошо!
Если история свадьбой кончается,
Значит, кончается все хорошо!
Хорошо!
Хорошо!
Все хорошо!

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

Абрек (героическая драма в 2-х действиях, 8-ми картинах) (Перевод Н. Смирновой)	5
Рассвет в горах (героическая драма в 3-х действиях, 5-ти картинах) (Перевод Р. Казаковой)	71
На рассвете (героическая драма в 3-х действиях) (Перевод Р. Казаковой)	119
Подвиг горянки (героическая драма в 3-х действиях, 6-ти картинах) (Перевод Ю. Шарова)	175
Встретимся ли? (героическая драма в 3-х актах) (Перевод Ю. Шарова)	229
Я верю — он жив (драма в 3-х актах) (Перевод Р. Каза- ковой)	275
Орлы любят высоту (романтическая драма в 3-х актах, 7-ми картинах) (Перевод Э. Мальбахова)	307
Похищенный джигит (комедия в 2-х действиях, с прологом и эпилогом) (Перевод Дм. Иванова и Вл. Трифонова)	347

Иса Жарахматович Боташев
ОРЛЫ ЛЮБЯТ ВЫСОТУ

М., «Советский писатель», 1985, 384 стр.
План выпуска 1984 г. № 405

Редактор *Л. М. Анисов*
Худож. редактор *А. С. Томилин*
Техн. редактор *Г. В. Белькова*
Корректор *И. Г. Клейнер*

ИБ № 4039

Сдано в набор 19.03.84. Подписано к печати 23.01.85. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,47. Уч.-изд. л. 20,47. Тираж 10 000 экз. Заказ № 225. Цена 1 руб. 10 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3 с матриц Тульской типографии Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109